

СМЕНА

апрель 2003

молодой Бульвар

Стивен Кинг
**Четвертак,
приносящий
удачу**

Галина
Калинина
**Эмоции
там правят
бал!**

Иосиф
Гольман
**Похищение
Европы**

Признание и доверие сделали масло ЛУКОЙЛ
народной маркой

ЛУКОЙЛ Супер

ЛУКОЙЛ Супер

ЛУКОЙЛ Люкс

ЛУКОЙЛ Синтетик

ЛУКОЙЛ Авиасинт

По вопросам приобретения фасованных масел "ЛУКОЙЛ" обращаться
по многоканальному телефону: (095) 973-7063 www.lukoil-masla.ru

ЛУКОЙЛ
ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

главный редактор

Михаил Кизилев

редколлегия

Борис Данюшевский

зам. главного редактора

Николай Левичев

Сергей Попов

зам. главного редактора

Виталий Федоров

главный художник

Тамара Чичина

зам. главного редактора

4 **2003**
апрель (1662)

Сдано в набор 22.02.2003.
Подписано к печати 19.03.2003.
Печать офсетная.
Заказ № 5641
Тираж 50 000 экз.
Цена свободная

Адрес редакции:

Бумажный проезд, 14,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994.
212-15-07 — для справок.
257-31-37 — отдел реализации.
Факс (095) 250-59-28.

E-mail: smena@garnet.ru

www.smena-id.ru

Проект разработан и поддерживается
студией веб-дизайна "Крон"
www.cron.ru (<http://studio.cron.ru>)
Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Per. № 014832

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Набор, верстка и цветоделение
ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в ФГУП "Смоленский
полиграфический комбинат"
по адресу: 214020, Смоленск,
ул. Смольянинова, д. 1.

**Журнал выходит
12 раз в год.**

© "Смена", 2003.

Круги жизни

Сергей Смородкин

4 Сон о Гагарине

Галина Калинина

9 Эмоции там правят бал!

Игорь Гамаюнов

214 Сколько стоит свобода

Алла Люден

88 Факир был трезв и фокус... удался

Василий Ильин

191 Протестантизм

наследие веков

Ирина Опимах

68 Дель Сарто

Игорь Опарин

226 Запретный город

Женщина и мужчина

Виктория Мурашова

222 Эротический скандал

Лидия Григорьева

86 Стихи

издалека

Любовь Русева

18 Путешествие в Крым

дизайн-салон

Алла Пустынова

239 От Элисты до Москвы... а впереди Париж

▼ стр. 66

стр. 68 ▼

остросюжетный роман молодой бульвар

Иосиф Гольман

94 Похищение Европы

зарубежный рассказ

Стивен Кинг

28 Четвертак,
приносящий удачу

рассказ

Екатерина Постникова

198 Облако

стр. 226

стр. 18

стр. 9

Александр Лебовски

38 Виртуальность в...
сервисной упаковке

Елена Захарова

43 "Секрет фирмы":
девушки в мужских
профессиях

Алексей Ключников

48 Защити себя сам

Бертран Вьедливый

51 Заметки пижона
и экстремала

Елена Прокофьева

53 Энья из Средиземья

Виктория Скорнякова

56 Я куплю тебе дом

Рассказ

Маша Александрова

61 Стихи

Полина Теслер

63 "А мы потуже
зашнуруем гриндара..."

66 Ой, как вкусно!

Крэйг Райс

РОЗЫ МИССИС ЧЕРРИНГТОН

Популярная американская писательница Крэйг Райс очень любит детей, поэтому часто выводит их героями своих книг, которые посвящает собственным детям. В предлагаемом вашему вниманию романе присутствует троица Карстейрсов, детей писательницы Мэриан Карстейрс. Они так любят мать, так мечтают облегчить ей жизнь и создать для нее дополнительную рекламу, что берутся, казалось бы, совсем не за детское дело. Им удастся разгадать тайну гибели Флоры Сэнфорд, жившей с ними по соседству.

май '2003

АНОНС: 5

■ Незадолго до полета первого в мире человека в космос редакция газеты "Правда" заказала московскому художнику Николаю Гришину композицию на тему "Возвращение на Землю". Художника попросили изобразить звездолетчика (слово "космонавт" тогда еще было не в ходу), только что вернувшегося из путешествия во Вселенную. Под большим секретом сказали: "Не тяните! Событие вот-вот случится!"

Обычно Гришин — мастер акварели — отказывался от газетных заказов, но на этот раз предложение его заинтере-

совало. Быстро сделал несколько вариантов композиции и передал в редакцию. 12 апреля 1961 года, как известно, Юрий Гагарин первым в мире успешно обогнул Землю на корабле-спутнике "Восток" (кстати, название кораблю придумал Королев) и приземлился в заволжской степи. В редакции сразу же достали из папки композицию Гришина. Рядом лежали фотографии Юрия Гагарина. Журналисты были ошеломлены: звездолетчик, рожденный фантазией художника, и реальный Гагарин оказались необычайно похожи. Фактически это было изображение

Сергей СМОРОДКИН

О Гагарине

одного и того же человека. (Наш читатель может в этом убедиться сам.)

Понятно, правдисты стали выпытывать у художника, как удалось ему "вставить фитиль" коллегам, где и когда он успел встретиться с Гагариным и от кого узнал, что в первый полет отправится именно он?

"Ребята, о чем вы?! Какой "фитиль"? — уверял художник. — Этот человек просто пришел ко мне во сне".

Художнику верили и не верили. Случайное совпадение? Шутка? Мистификация? Это не было ни тем, ни другим, ни третьим. Поистине, сон правду скажет, да не всякому. В случае с "гага-

ринским" листом — сон оказался не просто правдивым — провидческим...

Но об этом чуть позже. А сначала немного об авторе листа, художнике Николае Ильиче Гришине (1921-1985). При жизни у него не было ни одной выставки. Не хотел? Не сложилось? Опасался непонимания или холодности зрителей? Кто знает? "Душа художника не подлежит огласке" — полагали еще древние греки.

Известен был Гришин прежде всего как блестящий книжный график, мастер журнального рисунка. Общительный, остроумный, обаятельный человек. Иллюстрировал писателей, которых любил: Льва Толстого, Флобера, Киплинга, Дюма. Но наибольшую известность получили издания популярных фантастов — Ивана Ефремова, Станислава Лема, братьев Стругацких, оформленные художником. Ни в полете фантазии, ни в качестве или технике исполнения у Гришина в 50-60-е годы прошлого века, кажется, не было равных среди графиков.

Гришин не писал ни пышных особняков, ни пестрых декоративных тканей или дорогих изысканных вещей, что нередко привлекают внимание живописцев. На полке у рабочего стола мастера в пробирке хранился "песок Сахары", в фарфоровой баночке — осколок мрамора с надписью "Коринф", рядом — коралл, привезенный с Красного моря.

Свои акварельные элгии художник создавал не сюжетным, логическим ходом, а так называемым "вторым смыслом". В глубь его работ можно идти и идти, ибо живописное решение достигается всей музыкой, организацией произведения и еще тем таинственным, из чего, в конечном счете, в нас, зрителях, рождается образ автора. Вот, наверное, почему за акварелями Гришина, такими ясными по форме, почти всегда ощущается нечто большее. Во всех этих дворах, тупиках, окнах, стогах, "зеленых пейзажах", натюрмортах

с любимыми художником рыбами видится начало КОСМОСА, бесконечность, загадочность, неисчерпаемость мира. Бедное наше земное время как бы приостанавливает свой бег и начинается иное, некое высшее время, то, которое отсчитывает Вселенная.

Вероятно, именно так ощущал время и Гришин, когда создавал свои космические акварели, где небосвод выглядит пустым, высоким, чистым. Космос ведь во времена мастера еще был областью фантастики. Но для художника этот далекий таинственный мир был и оставался близким, миром его детства. Еще до школы мальчик выучился читать по журналу "Всемирный следопыт", популярному в то время изданию, рассказывающему о приключениях и путешествиях. Планеты, звезды, туманности, изображенные на журнальных страницах, открывались перед ним в родной тульской "мироколице", как называл небосвод и землю художник, выросший в деревне.

"В детстве у меня было много неба", — вспоминал впоследствии мастер.

К весне и осени, летнему солнцевороту, звездной августовской ночи, грозе или снегопаду художник относился как к великим космическим явлениям. По свидетельству близких, часами разглядывал небосвод в старинные подзорные суставчатые трубы, которые одно время собирал. Бесшумно вставал ночью, уходил бродить по городу. Возвращался на рассвете, объяснял: "Не мог спать. Не хватало неба".

Космос жил, рос, захватывая душу художника. Проникновение мастера в миры странные, ни на что не похожие, привлекло внимание не только читателей — любителей фантастики. "Феноменом Гришина" заинтересовались сотрудники ведомства, расположенного на Лубянской площади — тогда оно еще носило имя Дзержинского. Художника пригласили на Лубянку и спросили, от кого он получает сведения о се-

фото Евгения Рубчинова

кретных разработках в области ракетной техники. Гришин пожал плечами: подобные разработки его никогда не интересовали, знакомых в засекреченных организациях у него нет. Да, иллюстрации, что лежат на столе, сделаны им, но все это лишь плод фантазии. Не поверили. Посоветовали подумать, вспомнить. Подозрительные же иллюстрации, лежавшие на столе как вещественное доказательство, предложили "исправить".

Рисунки Гришин переделал, но и во время следующих визитов на Лубянку объяснить, как из-под его руки появлялось то, о чем не знал и знать не мог,

не получилось. Знание, похожее на озарение, приходило из другого мира. Да, это происходило с ним, художником, но как бы помимо него. Кто говорил с ним? Чей ум изобрел то, что мастер запечатлел на бумаге?

Талант попадает в цель, которую дюжинный человек просто не видит. Вероятно, так и случилось с художником перед 12 апреля 1961 года, когда родился "гагаринский" лист. Все, кто близко общался с Гришиным, подтверждают: иррациональное для него было реальнее всего. Он, как писатель Андрей Платонов (художник часто перечитывал его произведения), полагал: все

люди связаны между собой невидимыми нитями или волнами. Продвигаясь по этим нитям-волнам, можно многое узнать о людях совершенно неизвестных, а художник может запечатлеть на холсте, бумаге или картоне образ человека, которого никогда не встречал, не видел его изображения.

Одним словом, Гришин принадлежал к тому редкому типу людей, которых в старину называли "небевидцами" или "ясновидцами". Словарь Даля определяет такой феномен как одаренность человека особым духовным зрением; оно помогает получить знание о других людях, созерцать небесные тайны.

Кстати, "сон", подобный тому, что увидел Гришин перед полетом Гагарина, не такая уж редкость. Художник Петров-Водкин на берегу Волги в своем родном Хвалынске в полусне-полуяви увидел Землю как ПЛАНЕТУ, где великая река держалась на отвесной стене, не разливаясь. А сам живописец висел над космической бездной, прилепившись к некоей тверди.

Во время единственной моей встречи с Юрием Гагариным рассказал космонавту о "видении" Петрова-Водкина. "Надо же, как верно! — сказал Гагарин. — Земля, река Волга из космоса примерно так и выглядят"...

Вглядитесь еще раз в "гагаринскую" композицию, провидчески созданную Гришиным.

Молодость, ясность, доброта — вот первое, что приходит в голову, когда смотришь на лицо космонавта. Спокойный пристальный взгляд. Полуулыбка. Видна цельность незаурядной натуры. Внутренняя сила. На звездолетчика можно положиться. Он не подведет. Это космический рыцарь.

За спиной космонавта скромная, как и он сам, неброская российская весна. Потеплевшая земля. Именно такой и была пашня, на которой приземлился Гагарин. День легкий, чуть ту-

манный. Чувствуешь ветер, он стирает грани, сглаживает очертания. Все вокруг воздушное. Колеблущееся, мерцающее.

Сам Юрий Гагарин так рассказывал о приземлении на волжской земле: "Хлопок — крышка люка ушла... Вылетел я с креслом. Сразу увидел большую реку и подумал, что это Волга. Проходя парашютную подготовку, мы прыгали много раз над этим местом. Ветерок, как определил, был метров пять-семь. Только успел я это подумать, смотрю — земля. Ногами "тук". Приземление было очень мягким, земля еще не высохла. Я даже не почувствовал приземления".

Провидение художника и рассказ космонавта совпадают вплоть до мельчайших подробностей.

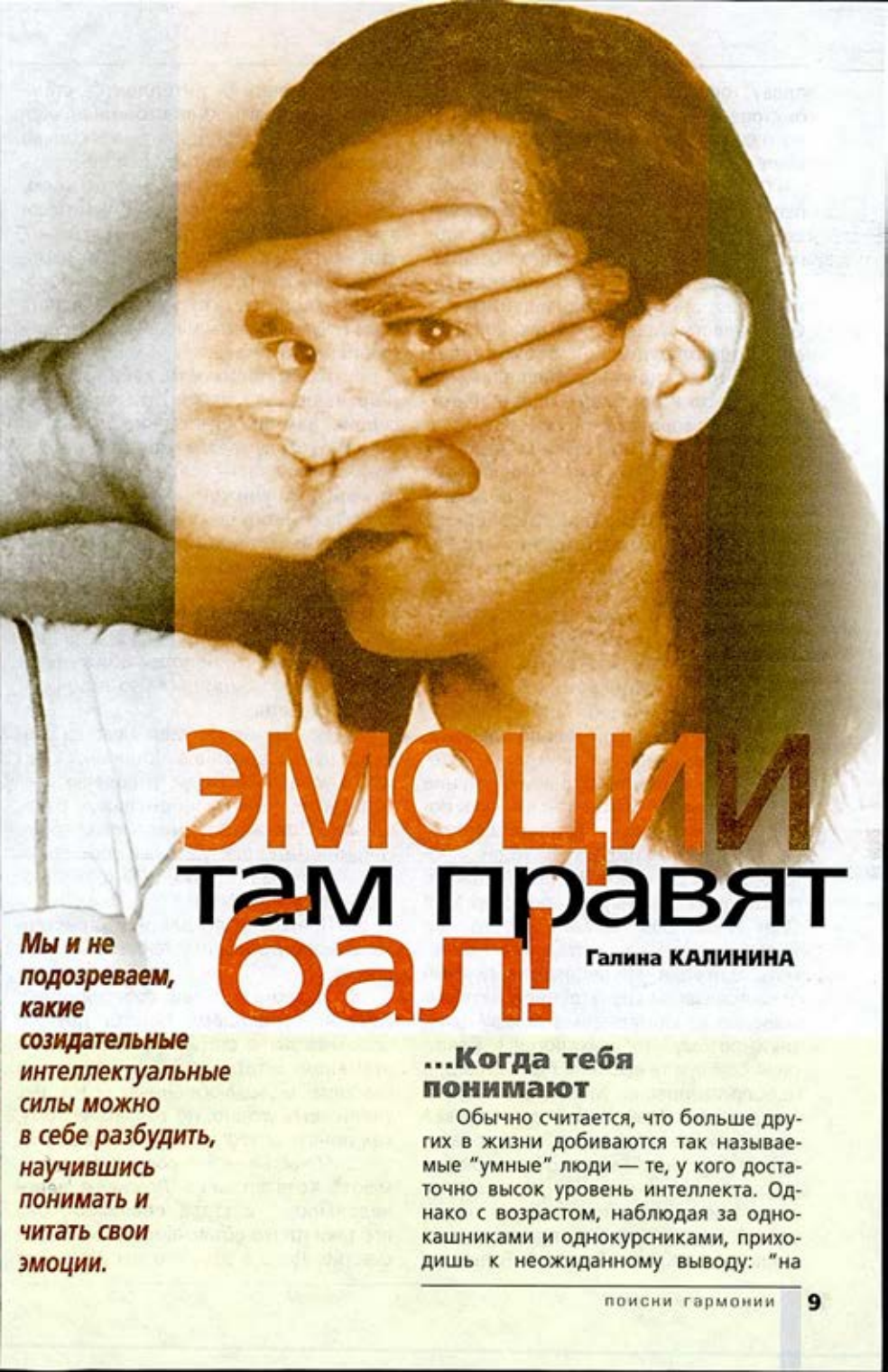
И еще одно. Правая рука звездолетчика поднята в приветствии. Обычный жест? А если это вовсе не приветствие, а предостережение? Или предупреждение, напоминание о чем-то, пока нам недоступном?

Посланник Земли вернулся домой из звездного путешествия. Он уже не тот, каким садился в свой космический снаряд, улетающий к звездам. Возможно, знает самое важное: что такое Вечность?

А с Николаем Гришиным после "гагаринской" композиции случилось вот что: он почти перестал иллюстрировать научно-фантастические произведения. Похоже, художник заплатил за свой провидческий дар некую цену...

Продолжал писать стога, старые дома, сараи, а незадолго до кончины — поразительные по красоте "зеленые пейзажи". В лучших его работах последней поры все также ощущается "чувство Космоса"; переживание себя и своей судьбы как частицы Вселенной.

Да, есть тайное, чего не знает никто... ■

ЭМОЦИИ там правят бал!

Галина КАЛИНИНА

Мы и не подозреваем, какие созидательные интеллектуальные силы можно в себе разбудить, научившись понимать и читать свои эмоции.

...Когда тебя понимают

Обычно считается, что больше других в жизни добиваются так называемые "умные" люди — те, у кого достаточно высок уровень интеллекта. Однако с возрастом, наблюдая за однокурсниками и однокурсниками, приходишь к неожиданному выводу: "на

плаву" оказываются совсем не те, кто быстрее всех решал в школе задачи по математике или лучше других усваивал физические законы. А кто же?

Об этом мы беседуем с доктором психологических наук, профессором Евгенией Яковлевой, которая за программу развития творческого потенциала личности получила Государственную премию из рук Владимира Путина. Специалисты говорят, что так, как Яковлева, проблему еще не рассматривал никто, что это новое направление, новый подход к проблеме одаренности. Яковлева теоретически обосновала и разработала способы именно развития (а не диагностики уже имеющегося) творческого качества человека") творческого потенциала. Подчеркну, что речь идет о развитии не каких-то конкретных способностей, например, к рисованию или литературе, к математике или химии, к пению или игре на фортепиано, а именно о творческом потенциале человека — независимо от рода деятельности, которой он занимается или собирается заняться.

— Многие действительно уверены, что главное в момент принятия решений — это интеллект, знания, умение анализировать, обобщать. Ничего подобного! — говорит Евгения Яковлева. — Еще в семидесятых годах прошлого века российский ученый, доктор психологических наук, профессор МГУ Олег Тихомиров показал, что то или иное решение нас заставляют принимать... эмоции. Исследования Тихомирова произвели впечатление в научном мире, но не могли лечь в основу практики, потому что психология в Советском Союзе в те времена была страшно идеологизирована. Между тем американцы Джон Майер и Питер Сэловей сформулировали теорию "эмоционального интеллекта", мировой наукой было доказано, что именно чувства имеют решающее значение для принятия решений, что эмоции берут верх над интеллектом. Книга Даниэля Гольмана

"Эмоциональный интеллект" стала бестселлером. Именно эмоциональная "развитость" определяет, насколько хорошо человек сможет использовать все остальные свои способности, включая собственно интеллект. Иными словами, успеха в жизни добивается не тот, кто "умнее", а тот, у кого выше... эмоциональный интеллект — кто эмоционально развитее, кто умеет различать свои и чужие чувства, чья эмоциональная палитра богаче.

Когда вы понимаете, какие эмоции по отношению к вам испытывает собеседник, вам не обязательно знать, что он при этом думает, — продолжает Евгения Яковлева. — Если вы понимаете, что он вами унижен и обижен, то можете прогнозировать его дальнейшее поведение. Например, интеллигентный человек со слабой нервной системой в этой ситуации замкнется и не захочет с вами больше иметь дел...

— Евгения Леонидовна, а разве мы не понимаем, что человек обижен? "Я знаю, что ты обидишься, но я должен прямо сказать..."

— Но мы не считаем чувства людей... решающими в отношениях с ними. А успешные люди, в первую очередь, успешны в эмоциональном отношении. При этом у них может быть средний интеллектуальный уровень.

— Что значит "успешны в эмоциональном отношении"?

— Прежде всего для них характерны самоконтроль и умение понимать других.

Я согласна с моей собеседницей: конечно, умеющему понять другого человека легче стать и успешным бизнесменом, и талантливым артистом, и счастливым возлюбленным... Но нас учили чему угодно, но только не тому, как понять другого (или самого себя!).

... "Счастье — это когда тебя понимают". Хотя фраза из "Доживем до понедельника" и стала классикой, она все-таки плохо объясняет, что же такое счастье. Дело в том, что мы довольно

смутно представляем себе, что значит действительно понимать другого человека.

“Перестань переживать из-за этого идиота — он тебя не стоит! Успокойся сейчас же”.

“Прекрати орать и послушай, что я тебе скажу”...

“Не плачь, сынок, ты же будущий мужчина!”

“Если получишь пятерку по математике за четверть, куплю тебе в подарок велосипед (мороженое, компьютер...) ко дню рождения”.

“Если не перестанешь ревновать, я тебя брошу (побью, изменю, убью, повешусь...)”.

Вот так, пытаюсь наладить контакт с близкими людьми, мы используем лесть и подкуп, угрозы и запреты, просьбы и мольбы... А в ответ получаем неизменное: ты меня не понимаешь! В самом деле, как можно перестать реветь (орать на всю школу, драться, капризничать...), если я унижен, раздавлен, оскорблен? Неужели так трудно понять, что я люблю (ненавижу, готова задушить...) его, сволочь этакую! Ах, приличная девушка не должна так себя вести? Ну вот, я же говорила, что никто меня не понимает...

Любопытно посмотреть, как в конфликтных ситуациях ведет себя сама Евгения Яковлева... Могу рассказать короткую историю.

“Не злость, а обида душит!”

В очень дорогую школу отец одного из учеников — руководитель крупной коммерческой фирмы — пришел со своим юристом. Он был просто взбешен. Готовый разорвать всех на куски, коммерсант кричал на всю школу, потому что директор отказалась его принять. Она уже имела с ним дело раньше и больше не могла его видеть. Его и его сына, который все проблемы со сверстниками решал исклю-

чительно кулаками. Юрист, сопровождавший взбешенного родителя, был призван вразумить директора — “эту дуру неблагодарную”. “Вы, как паразиты, живете на мои деньги и даже не хотите со мной разговаривать!” — эхом раздавалось по этажам. В этот момент в школе оказалась психолог Евгения Яковлева. Директор взмолилась: “Евгения Леонидовна, помогите, я уже не знаю, что с ним делать!” Психолог согласилась поговорить с разбушевавшимся родителем.

— Я вижу, как вы расстроены, как рассержены и обижены, — произнесла Евгения Леонидовна.

После сочувствующего молчания она продолжила:

— Я вас уважаю за то, чего вы добились в жизни. Вы сильный и целеустремленный человек. Мне неприятно видеть, как вас душат гнев и возмущение, еще и потому, что эта школа действительно существует благодаря таким людям, как вы.

Видя, что его понимают, не отрицают его заслуг, родитель перестал кричать и перешел к сути дела:

— Меня обвиняют в том, что мой сын дерется в школе, бьет одноклассников. И правильно делает! Потому что он должен уметь отстаивать себя в жизни, должен стать настоящим мужчиной.

— Конечно, человек, который много добился в жизни, хочет, чтобы и его сын тоже стал сильным человеком и умел отстаивать свои интересы, — согласилась Евгения Леонидовна.

В этот момент оставшимся в коридоре школы учителям и юристу показалось, что в кабинете, где психолог беседовала с родителем, выключили громкоговоритель. Стало непривычно тихо.

Что же произошло? Конечно, с коммерсантом неоднократно “проводили воспитательные беседы” директор школы, учителя, друзья, жена и даже сослуживцы. Нетрудно догадать-

ся, что они вели себя так же, как и большинство из нас в подобных ситуациях: убеждали отца драчуна, что он не прав, бранили его, пытались угрожать отчислением мальчишки из престижной школы, умоляли вразумить сынишку. Несговорчивого родителя пытались даже подкупить, обещая какие-то дополнительные блага его ребенку в случае изменения его поведения. А коммерсанту нужно было только одно — чтобы его поняли. Когда это случилось, к нему вернулась способность слышать собеседника, и Евгения Яковлева получила возможность общаться дальше с человеком, который еще несколько минут назад не хотел ничего слушать.

— Правильно, — продолжила Евгения Леонидовна. — Мальчика надо научить отстаивать свои интересы. Но почему в данной ситуации это может пустить насмарку все воспитание? Потому что мальчик не получит того образования, на которое вы рассчитываете, отдав его в дорогую школу. Подравшись, он, вместо того, чтобы слушать учителя, прокручивает в голове драку, думает, что об этом скажут классный руководитель, директор, мама одноклассника, которого он обидел... Так вместо усвоения урока ребенок, сидя за партой, переживает. Ему трудно справиться с эмоциями, как, впрочем, и вам. Поэтому я не знаю, что вы посоветовали бы своему сыну...

— Пожалуй, я поговорю с ним. Может, не стоит драться в школе, да еще на уроках...

Меня в этой коротенькой истории поразило то, что Евгения Леонидовна, взявшись уладить конфликт, понятия не имела о его сути. Она не знала "фактуры" — кто с кем и почему скандалит, кто прав, а кто виноват. Как же ей удалось понять скандалиста и можно ли этому научиться? Оказывается — можно. Если усвоить главное: по мнению психолога, понять человека — оз-

начает понять, какие эмоции владеют им в это мгновение.

В самом деле, почему возмущенный родитель сразу почувствовал, что психолог его понимает? Что такого особенного она ему сказала? Да она просто очень точно назвала чувства, во власти которых он находился в тот момент. И попала в точку. Ведь человек кричал не потому, что он — скандалист, а потому, что его душили гнев и возмущение, потому что его обидело поведение директора. Психолог отделила события от эмоций, которые испытывал родитель. Она поняла, что это за эмоции, назвала их и поддержала: "Конечно, обидно, когда с тобой не хочет разговаривать директор школы, которую ты спонсируешь. Конечно, это возмущает и расстраивает".

Именно так, как повела себя в этой ситуации профессиональный психолог, и ведет себя успешный человек с развитым эмоциональным интеллектом.

— Меня не интересует, почему директор конфликтовала с родителем одного из школьников, — комментирует ситуацию Евгения Яковлева. — Я вижу, что в человеке бушуют гнев, ярость, ненависть, что он ведет себя агрессивно. Когда возникают такие чувства? Когда он унижен, оскорблен, обижен. Это в том случае, когда речь идет о сильной нервной личности. Человек с более слабой нервной системой, более интеллигентный, ведет себя иначе. Вот вы же себе не позволили бы так орать? Кстати говоря, поэтому вы и не предприниматель. Человек с иным складом нервной системы в случае подобного скандала, наоборот, будет избегать школы, не захочет лишнего раз общаться с ее директором. Когда я увижу, что он, опустив глаза, стараясь, чтобы его не заметили, стороной обходит школу, я тоже скажу именно о его чувствах: "Я вижу, как вам тревожно, как нехорошо от того, что надо напрягаться, опять объясняться с директором, делать что-то. Вы

чувствуете себя настолько обиженным, что у вас просто нет сил сопротивляться этому". Словом, я постараюсь понять и обозначить именно эмоциональное состояние человека. А когда понимаешь, что он чувствует, сразу же сообразишь и то, как действовать, что говорить, как общаться с ним.

Вот, оказывается, почему успеха в жизни добиваются не столько те, кто "умнее", сколько те, кто эмоционально развитее.

Не так давно мы с приятельницами пытались успокоить коллегу, которую оставил возлюбленный. Долго судили-рядили о том, кто прав, кто виноват, что он ей сказал, и правильно ли она ответила... Каждый пытался что-то присоветовать подруге. В результате все разругались вдрызг, коллега заявила, что даже мы ее не понимаем. Дело кончилось валерьянкой. А, оказываясь, вместо бодрых уверений, что "и без мужика можно прожить", "все мужики сволочи и тебя не стоят", нужно было всего лишь понять ее чувства и назвать их: "Конечно, когда тебя предают, очень больно и хочется плакать...", "Действительно, перспектива одиночества пугает".

Хорошо, "обозначили" бы мы чувства приятельницы, а дальше-то что?

— Когда я называю чувства другого человека, я тем самым принимаю их, потому что не говорю, что в этот момент надо испытывать что-то иное. Конечно, говорю я девушке, когда тебя дергают за косичку, когда Васька бьет, это обидно. "Я его догоню, я ему потом дам", — отвечает она. "Конечно, когда тебя обижают, то хочется отомстить", — поддерживаю я ее эмоции. Но дело в том, что чувство — это процесс, — рассуждает Евгения Яковлева. — И как у любого процесса, у эмоции есть начало, пик и окончание. И пока мы говорили, пока я поддерживала это чувство, оно стало затухать. Если же сильную эмоцию прервать "на полпути" ("прекрати из-за этого пла-

кать, возьми себя в руки!"), то она не только не исчезает, но может даже превратиться в комплекс. Пока же вы называете эмоцию ("вербализуете" ее, как говорят психологи), вы как бы позволяете ей "изливаться", поддерживаете течение этого "процесса". А поддержанная и продлившаяся какое-то время эмоция начинает естественным образом затухать, и через десять минут думаешь: "Господи, какими глупостями я занимаюсь? Из-за чего переживаю-то, из-за чего раскричалась?"

Вот почему, оказывается, гнев и возмущение коммерсанта, сын которого дрался на уроках, так быстро сошли на нет, стоило психологу назвать и поддержать их.

Попробуйте... станцевать эмоцию

— Успешный человек — это тот, кто знает, где, с кем и в какой мере проявлять свои эмоции, — рассуждает психолог. — Тот, у кого на лице написаны все чувства, которые он испытывает в это мгновение, предстает перед вами как будто голышом.

— Получается, эмоционально грамотный человек умеет распознавать эмоции собеседников, а сам при этом остается закрытым?

— Или его "прочитывают" настолько, насколько он хочет, чтобы его "прочитали".

Можно ли научить распознавать эмоции — свои и чужие? Профессор Яковлева создала "технология" обучения этому детей. Ее программа называется "Развитие творческого потенциала личности". Но при чем здесь, собственно говоря, развитие одаренности детей?

— Потому что мы на занятиях учимся выражать свои эмоции, — объясняет психолог, — а именно ими насыщено все творчество. Скажем, когда художник рисует, он прислушивается не к своим мыслям, а к своим ощущениям

ям, к своим чувствам. Он комментирует свою работу: "Я так вижу. Я так чувствую". То же самое происходит и в литературе, и в музыке, и в танцах. Любое творчество — это прежде всего эмоциональная наполненность творца. Но, обратите внимание, что я говорю не о художественном творчестве, а о потенциале личности — это то творчество, с помощью которого человек становится успешным в жизни. Это то творчество, при помощи которого можно стать успешной мамой или учительницей, хорошей любовницей или банкиром, в конце концов, — просто человеком, получающим от жизни удовольствие. Согласитесь, успех — это понятие личное, интимное, для каждого оно означает что-то свое. Поэтому творческий потенциал я понимаю как возможность овладеть теми средствами, которые помогут вам двигаться в выбранном направлении, то есть в достижении той цели, которую считаете своей.

Итак, чтобы научиться различать эмоции — свои или чужие, — для начала Евгения Леонидовна советует вербализовать их, то есть назвать, озвучить.

— Если хочешь воспитать ребенка эмоционально грамотным, надо пытаться понять то, что он чувствует в данный момент и назвать это словами. Попадаешь в точку — он начинает кивать головой, у него как-то по-особенному расправляется лицо. Он смотрит на тебя с удовольствием и удивлением и может даже начать поправлять: "Да нет, я не столько расстроен, сколько злюсь на Пашку..." И это позволяет ему самому учиться распознавать свои чувства. Если же вы правильно распознали его эмоции, для ребенка это означает, что вы его приняли таким, какой он есть. В этом случае мы принимаем не его установки или взгляды на жизнь, а его Личность. Если таким образом регулярно уделять внимание эмоциональной сфере

ребенка или уже взрослого человека, то через некоторое время у него начинает развиваться или накапливаться... творческий потенциал, которым он может распоряжаться по своему усмотрению.

Оказывается, "озвучивать" эмоции не так просто, как может показаться на первый взгляд. Психолог обратила внимание на то, что часто родители, которые хотят научить детей распознавать собственные эмоции, сталкиваются с нехваткой... слов. Немногие идут дальше трех глаголов — "злюсь", "радуюсь", "боюсь". А ведь палитра наших чувств значительно богаче! Например, в чувстве страха вдруг может промелькнуть искра... удовольствия, потому что страх мобилизует, а бурлящий в крови адреналин приятно возбуждает. И может оказаться, например, что вы любите... бояться, а потому сами напрашиваетесь на неприятности.

Оказывается, бывают патологические случаи, когда люди вообще не умеют находить слов для выражения своих чувств, это заболевание называется "алекситимия" ("лексос" — слово, "тимос" — эмоция).

— Людям, которые страдают алекситимией, — рассказывает психолог, — очень трудно описывать чувства. Свои или чужие — неважно. Им трудно различать эмоции и телесные ощущения. Например, такой человек может сказать, что его "прошиб пот", но при этом не знает, что это означает — какое чувство он испытывает. У него дрожат колени, но он не знает, что это — страх, что он боится. "Обычный" же человек поймет: раз его "прошиб пот" — значит, он ощущает тревогу или страх. Понимаете, дело не в том, что алекситимики ничего не чувствуют, а в том, что они не могут выразить свои чувства словами. У них отсутствует фундаментальная способность интеллекта, самоосознание — знание того, что мы чувствуем.

— Ну и почему, собственно говоря, такой человек не может стать успешным?

— Мы учим детей называть — то есть понимать! — свои чувства, потому что чем лучше человек понимает собственные эмоции, тем лучше он может понимать эмоции других людей. Страдающий алекситимией человек ничего не понимает в чувствах окружающих его людей, он словно страдает “эмоциональной” глухотой. Он совершенно глух к вашим чувствам — “не слышит”, не видит ни вашей печали, ни вашей радости, ни страха, ни отчаянной решимости. Он не придает никакого значения тем “знакам”, которыми вы демонстрируете свои эмоции: изменению вашей позы, тона и высоты голоса, выражения лица... То есть он понимает, что у кого-то губы “растянулись” к ушам, но не знает, что это означает. А мы с вами сразу поймем, что это — улыбка, что человек радуется.

Как же Евгения Леонидовна учит детей распознавать свои и чужие эмоции, чтобы обогатить “репертуар межличностных отношений”? В лаборатории одаренности дети, с которыми она работает, свои эмоции не только называют, но еще и рисуют, танцуют, изображают... Евгения Яковлева и мне предложила нарисовать то, что я испытывала, беседуя с ней. Признаюсь, поначалу мне мешало опасение, что нарисую что-то “неправильно”. Но в итоге и суть, что ошибочными могут быть только наши рассуждения, выводы, мнения или оценки, но никак не эмоции! Какими бы они ни были, они — “правильные”, потому что это физиология, в конце концов!

— Эмоции многим представляются чем-то вроде сквозняка. Прохватило, мол, гневом, как простудой, а закрыл окно или дверь — и все прошло: “Возьми себя в руки — и все будет нормально”. Ничего подобного. Дело в том, что происходят химические изменения в организме. Если вам в кровь

впрыснуть адреналин, а потом потребовать “успокоиться”, сказав, что “неправильно” так волноваться в этот момент, у вас ничего не получится. Когда в крови играет адреналин, волноваться — “правильно”. И так же “правильно” испытывать любые иные чувства, когда в крови играют иные гормоны, — делает вывод психолог.

Получается, обвинять человека в том, что он испытывает “не те” эмоции, которые “надо”, — все равно, что обвинять его в “неправильном” химическом составе крови. И когда ребенок рисует (танцует, изображает...) какую-то свою эмоцию, он делает это, безусловно... правильно. И те эмоции, которые он испытывает, тоже... правильные. Невозможно “по заказу” чувствовать что-то, “подобающее ситуации”. Например, как “взорваться”, если адреналин на нуле? Понимаете логику? Как говорят на востоке, можно привести лошадь к водою, но невозможно заставить ее пить.

Как же заставить ее пить? Есть только один способ — она должна захотеть этого сама. Мы можем заставить себя (или кого-то другого) сделать что-либо только одним способом — человек сам должен захотеть это. На языке психологов это называется “мотивировать” себя (или другого). Евгения Яковлева поясняет, что мотивировать — это значит вызвать в человеке определенное чувство. Иными словами, искусство отношений — это искусство управлять эмоциями другого человека. Эмоционально развитые люди великолепно умеют это делать. Евгения Леонидовна утверждает, что тому, кто умеет распознавать эмоции, легче и управлять ими, то есть мотивировать себя или других. Как это выглядит на практике? Вот, например, как это получилось у одной знакомой Яковлевой, которая, не прибегая к просьбам (“посмотри, как я устала, пожалей меня”, “почему ты не любишь бабушку?”), добилась того, что

внук пожалел ее, продемонстрировал ей свою любовь.

— Сын попросил меня забрать внука из детского сада, — рассказывает Наталья Ивановна. — Я зашла туда после работы. Смотрю, мальчишка балуется — извивается, как макаронина: нога в колготки не залазит, рука мимо рукава шубки прошмыгивает... "Саня, не безобразничай, перестань баловаться... Санечка, ну что же ты так долго возишься? Да будешь ты одеваться, в конце концов, или нет?" Ничего не помогает. Пытаюсь пустить в ход подкуп: "Сашенька, если быстренько оденешься, я тебе мороженое куплю". Бесполезно. И тут я вспомнила, чему меня учила Евгения Леонидовна. Интересно, что же сейчас испытывает ребенок, какие эмоции? Почему он так извертелся весь? Наверное, думаю, просто устал мальчонка за день. "Санечка, ты, наверное, устал?" И тут у него вдруг распахиваются глазенки, он подбирается весь, быстро одевается.

Молча дошли до дома. "Саня, поиграй в комнате, а я пойду на кухню готовить, скоро папа с мамой придут". Готовлю ужин. Вдруг внук зовет меня. Да некогда мне, отмахиваюсь я. Он заходит на кухню, берет меня за руку, ведет в комнату и говорит: "Бабушка, ты устала. Ложись — отдохни". Саня достал мое любимое верблюжье одеяло и положил его на диван.

Как здорово быть первым!

Тысячи родителей в стране конфликтуют с учителями школ, в которых учатся их дети. И на это есть миллионы причин. И, что удивительно, ключ к решению многих и самых разнообразных проблем один и тот же — умение распознавать эмоции, проявлять или скрывать их, умение выражать свои чувства и управлять чувствами других. Понимаю, что не у всех есть возможность убедиться в этом, во-

очию увидев работу психолога высокого класса. Я расскажу, как повела себя в трудной ситуации — тоже драка в школе! — Евгения Яковлева. Посмотрите, как этот случай открывается тем же ключом — психологом распознается, поддерживается и принимается эмоция, которая движет поведением. Но это уже совсем иная эмоция и иная проблема.

Итак, восьмилетний Колька, отличник. Каждый день беспощадно дерется в школе, и никто не может даже понять — почему? Мама наказывает его за это, лишая лакомств, папа попросту порет сына ремнем, но ничего не помогает. И вот с Колькой общается Яковлева. На вопрос, почему он побил одноклассника, Колька вызывающе отвечает:

— А у него пятерка по математике. А пятерки только я получаю в классе.

— А тебе досадно, что у него пятерки и что он такой же умный, как ты? — Яковлева пробует нащупать эмоцию, которую испытывает мальчонка.

— Да. И пусть он не получает пятерки, потому что только мне ставят пятерки. Я в классе первый, я на олимпиаде победил, и если он будет получать пятерки, я его буду бить — пусть враг плачет! — восклицает Колька.

Сколько раз учителя и родители "воспитывали" мальчишку — стыдили его за такие слова! И никто не понимал, как приятно видеть поверженно врага. Евгения Леонидовна впервые сказала вслух о том, что он испытывает:

— Это действительно очень здорово, когда враг плачет, а ты чувствуешь себя победителем.

— Да. Я — первый.

— Как это приятно — быть первым, как это здорово, — искренне согласилась Яковлева. — Невероятно приятно чувствовать себя победителем. Я знаю, как здорово быть лидером.

"Я назвала и поддержала его эмоцию, — комментирует эту беседу пси-

холог. — Его все стыдят, а чего ему стыдиться-то, если он — победитель? Я поддержала его чувство — это правильно, нормально, что человек радуется, побеждая врага”.

Пожалуй, на этом можно было бы и закончить историю про Кольку, но для тех, кому интересно ее окончание, перескажу вкратце дальнейший разговор. После того, как речь заходит о папе Кольки, которого мальчишка, конечно же, тоже считает “самым умным” (и психолог осторожно подводит его к этой мысли), Яковлева спрашивает:

— Когда к вам приходят гости, как себя ведет твой папа?

— Он их встречает, хлопает по плечу, приглашает за стол, они разговаривают, смеются. Папа хвалит гостей — тосты всякие про них произносит.

— А он кому-нибудь “дает пендেলা”? Кого-нибудь бьет?

— Ну, он же большой, — смеется Колька.

— Но он же — победитель? Ведь на работе все ему подчиняются? Он никого не бьет, мирно приглашает к столу, по плечу хлопает, а тем не менее люди его уважают, да? Лидер умеет поддерживать, похвалить другого, ведь он же все равно — первый, да? Если ты скажешь Димке: “Надо же, ты решаешь задачки так же хорошо, как я. Слушай, это здорово!”, ты же все равно останешься первым? Ведь он решает, как ты.

Словом, сегодня бывший драчун Колька учится уже в шестом классе, и он — первый помощник классного руководителя. Учительница запросто может оставить его в классе вместо себя. Просто Колька понял, что управлять другими можно и без кулаков, что есть ум более высокого порядка, что можно иначе влиять на людей.

...По словам психолога, умение взвешивать свои эмоции лежит в основе способности делать выбор — чего

мне хочется больше? Это же умение — и в основе способности прогнозировать. (Если я понимаю, что чувствует другой человек, и к чему эти чувства могут привести, то я могу предсказать, как будут развиваться наши отношения.) И все это — основа творческого потенциала личности.

Эмоциональное богатство... Понимаем ли мы его истинную цену? Пользуемся ли им, этим поистине бесценным даром?

Попробуйте описать эмоциональное состояние вашего ребенка и скажите ему, что он, по вашему мнению, чувствует. Если вы попадете в точку и воздержитесь от желания провести “воспитательную работу” по поводу неуместности злости, например, а просто примете и поддержите его эмоции, то очень скоро они сойдут на нет. И тогда у вашего близкого появится еще один шанс почувствовать себя счастливым. Ведь “счастье — это когда тебя понимают”.

путешествие

Любовь РУСЕВА

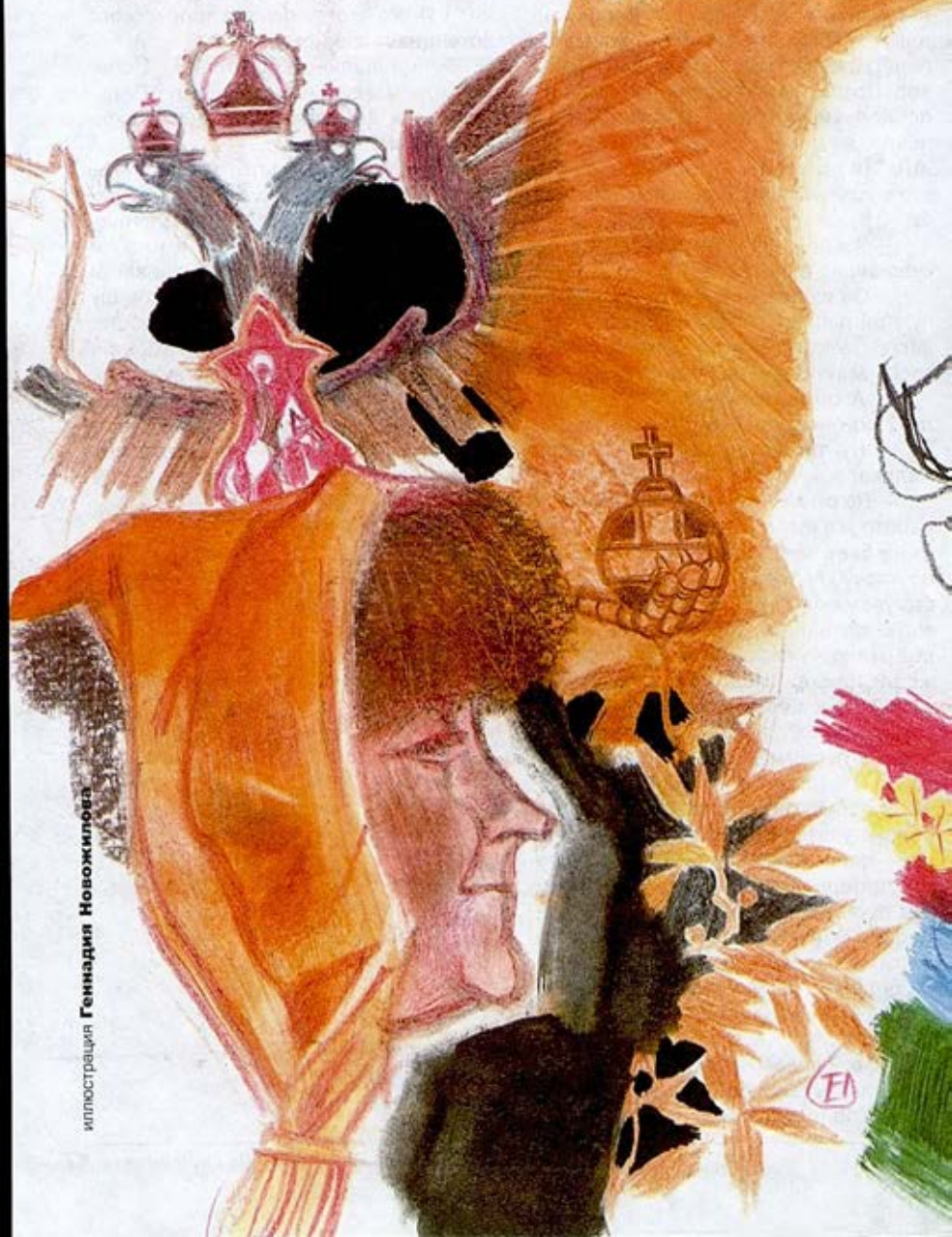
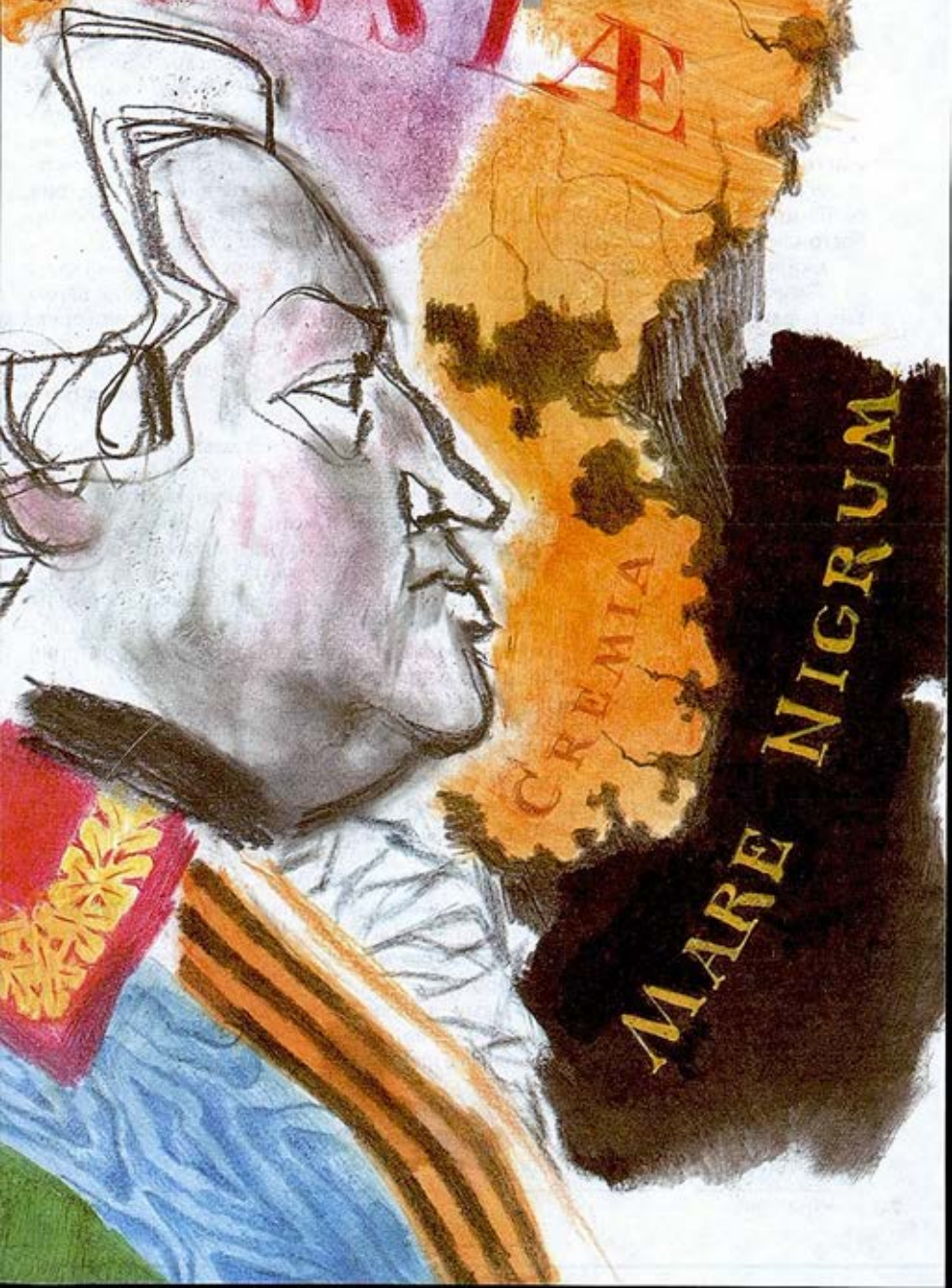

иллюстрация Геннадия Новожилова

МЕ В КРЫМ

“Уже успели сплести басню, что нам по дороге выставляли картонные домики, пушки и корабли, разрисованные на бумаге, а конницу без лошадей и тому подобный вздор”.

Принц К. де Линь

7 января 1787 года в 9 часов утра под канонаду пушек Царское Село торжественно покинул поезд императрицы Екатерины II, состоявший из 14 карет, 124 саней с кибитками и 40 саней запасных. Государыня в сопровождении правительства, кавалергардов, послов ведущих европейских держав и многочисленной свиты (всего около 3 000 человек) отправлялась в далекое и длительное путешествие в Крым. На юге к императрице должен был присоединиться австрийский император Иосиф II. Только до Киева было устроено 76 станций, строились постоялые дворы и триумфальные арки. В городах давались балы.

Уже начало этого долгого вояжа предвещало необычность на грани сказки из “Тысячи и одной ночи”. Впереди и около возка императрицы скакали верховые с факелами, а по обеим сторонам дороги через каждые 30 сажен горели смоляные бочки и костры из елей. Вечерние переезды через заснеженные поля и леса по освещенному пути поражали воображение иностранцев. “Мы ехали по огненному пути, которого свет был ярче солнечного света”, — писал в своих записках французский посланник граф Сегюр.

Путешествие походило на прогулку, время летело незаметно и весело. Но это была не только развлекательная поездка: “странствующий кабинет” во главе с Екатериной продолжал вести государственные дела. Покинуть столицу в канун войны с Турцией императрицу заставила не прихоть, а серьезные причины. Напряжение при дворе вокруг соправителя и тайного супруга императрицы требовало разрешения. Нагнетаемая воронцовским кланом обстановка достигла апогея. Упорно распространялись слухи о планах Григория Потемкина стать независимым владельцем, о его казнокрадстве, о развале армии, о массовой гибели иностранцев, выписанных князем для заселения пустопорожных территорий, из-за отсутствия жилищ и “каких-либо удобств”.

Три месяца двор находился в Киеве в ожидании начала навигации. Накануне отъезда торжественно отметили день рождения императрицы: был дан блестящий бал, в этот же день Екатерина подписала свой знаменитый указ о дуэлях и щедро раздала награды, ленты, бриллианты и жемчуг.

22 апреля императорская флотилия из 80 судов под звуки военного оркестра и гром пушек отчалала. Вокруг эскадры носились многочисленные лодки и шлюпки. Одинаково одетые моряки мерно ударяли по волнам Днепра расписными блестящими веслами. Впереди шли семь огромных, искусно расписанных галер. За ними — императорская “Десна”. Торжественная флотилия продвигалась довольно медленно и часто останавливалась. “По берегам появлялись толпы любопытных, которые беспрестанно менялись и стекались со всех сторон... — писал принц де Линь. — Города, деревни, усадьбы, а иногда простые хижины так были украшены цветами, расписанными декорациями и триумфальными воротами, что вид их обманывал взор, и они представлялись какими-то дивными городами, волшебными созданными замками, великолепными садами”...

30 апреля флотилия прибыла в Кременчуг. Здесь путешественникам представилось грандиозное зрелище: около 50 эскадронов мчались навстречу своей повелительнице. Начались большие маневры, в которых, кроме конницы, уча-

ствовала многочисленная пехота. Эскадроны выстроились в четыре колонны, перед ними — цепь стрелков, предшествуемая казачьим отрядом.

— Государыня, — крикнул в окошко кучер, — впереди пыль столбом. Никак император, то ись, граф скачет. Летим нос к носу.

— Гляди, Степан, чтоб только без столкновений. Нам давить его не с руки.

“По крайней мере, пока”, — мысленно добавил де Линь и улыбнулся двум-трём приказу императрицы.

— Не волнуйся, Катерина Ляксевна, — важно заявил кучер, — я знаю свое дело.

Встреча двух императоров произошла 7 мая. Австрийский император, путешествующий под именем графа Фалькенштейна, прибыл раньше, потому-то Екатерина встретила высокого гостя не в Херсоне, а в чистом поле. Обменявшись любезностями, Екатерина II и Иосиф II отправились в Кайдаки к Потемкину.

Только 12 мая путешественники прибыли в Херсон, который строил сын знаменитого арапа царя Петра Великого Иван Абрамович Ганнибал. “После поездки по 400-верстному степному пространству нас неожиданно и приятно поразил вид Херсона... — писал граф Сегюр, — мы не могли не удивиться при виде стольких новых величественных зданий. Мы увидели почти уже оконченную крепость, казармы на 80 000 человек, адмиралтейство со всеми принадлежностями, арсенал, заключающий в себе до 600 орудий, два военных корабля и фрегат, снаряженные к спуску, публичные здания, воздвигаемые в разных местах, несколько церквей прекрасной архитектуры, наконец, целый город, уже торговый, с 2 000 домов и лавками, полными греческих, константинопольских и французских товаров; в гавани его заходили и стояли до 200 купеческих судов. Если присоединить к этому 18 000 рабочих, блестящее войско... в стране... которую... только три года пред тем освободили от татарских набегов, то можно себе представить, в какой степени зрелище это льстило самолюбию императрицы, и понятно удивление присутствующих и восторг, с каким они превозносили дарование и подвиги Потемкина...”.

Императрица писала из этого города барону Гримму: “В Херсоне по меньшей мере от десяти до двенадцати тысяч жителей всяких наций. В нем можно достать все что угодно, не хуже Петербурга ... одним словом, благодаря попечениям князя Потемкина, этот город и этот край, в котором при заключении мира не было ни одной хижины, теперь сделался цветущим городом и краем, которые будут процветать из года в год”.

Как-то остановившись на ночлег в голой степи, Иосиф II решил перед сном прогуляться вместе с французским посланником графом Сегюром.

— Какое странное путешествие! Кто бы мог подумать, что я вместе с Екатериной II, французским и английским посланниками будем бродить по татарским степям! Это совершенно новая страница в истории, — восклицал австрийский император.

— Мне скорее кажется, что это страница из “Тысячи и одной ночи”, что меня зовут Джафаром и что я прогуливаюсь с халифом Гаруном Аль-Рашидом, по обыкновению своему, переодетым... — Сегюр прервал свою восторженную речь и с удивлением уставился на Иосифа, который усиленно тер глаза кулаками.

— Право, граф, я не знаю, наяву ли это, или ваши слова о “Тысяче и одной ночи” подействовали на мое воображение... Посмотрите в ту сторону.

Сегюр оглянулся и замер: на них двигалась огромной величины палатка. Придя в себя, император и посол, несмотря на высокую траву, побежали навстречу самодвижущейся палатке, чтобы поближе рассмотреть это диво. Вдруг палатка остановилась, и из нее вышли тридцать калмыков.

— Граф, будьте любезны, войдите в палатку.

Француз исполнил просьбу, а император тем временем жестом объяснил калмыкам, чтобы они тоже вошли в шатер. Степняки приподняли свое жилище и понесли его.

— Ну, как вам в плену у калмыков? — поинтересовался император у посла, когда тот вышел из палатки.

— Любопытно, по крайней мере, теперь я имею представление об устройстве их жилища и знаю, как они его перемещают по степи.

Иосиф II тоже вошел в шатер и походил по степи вместе с ним.

— Надо признаться, граф, что это жилище довольно уютно для тех, кто пришел к нему.

20 июня путешественники переехали через Селгир, оставив позади степи. Крымские горы встретили их тенистой зеленью, живописными полями и красивыми домишками. Шестиместная карета императрицы, разукрашенная вензелями и разноцветными камнями, напоминала триумфальную колесницу. В Бахчисарае одноэтажный дворец стоял в окружении сада. Напротив находилась мечеть, рядом с которой располагалось кладбище, где хоронили ханов, вельмож, духовенство. Как и все восточные кладбища, оно было очень живописно: разнообразные гробницы осеялись красивыми деревьями.

Императоры заняли большие ханские покои. Иностранцы посла — Сегюр, Кобенцель, Фитц-Герберт и князь де Линь поместились в комнатах, к которым примыкал красивый сад. Расписанные стекла плохо пропускали свет, из-за чего в комнатах стоял полумрак. Даже если окна отворялись, то и тогда лучи солнца едва пробивались через густые ветки розовых кустов, померанцевых, лавровых, жасминовых и гранатовых деревьев. Вдоль стен стояли широкие диваны, посредине комнат — бассейны из белого мрамора с фонтанами, непрерывно бившие серебряными струями свежей воды.

В полдень следующего дня окрестности Бахчисарая огласились литаврами и фанфарами. К дворцу съезжались всадники на знаменитых турецких скакунах, покрытых богатыми попонами и серебряными сбруями, украшенными драгоценными камнями. Местные князья и знать в красивых одеждах, шитых золотом, напоминали сказочных заморских витязей. Они собрались, чтобы присягнуть своей новой повелительнице.

Двери в зал распахнулись, и в сопровождении придворных вошла русская императрица. На ней было красное бархатное платье с длинными узкими рукавами, густые и красивые волосы убраны с античной простотой и особенным вкусом, голову украшала небольшая изящная корона.

— Никогда корона лучше не венчала головы, — восхитился австрийский император. — Это и впрямь Семирамида Севера!..

После торжественного обеда Екатерина Алексеевна вместе со свитой отправилась осматривать окрестности. Недалеко от Бахчисарая, на горе, находилось поселение евреев-караимов, в пяти верстах от него возвышалась высокая, одиноко стоящая гора Тиап-Каирмен, в которой в три ряда были вырыты пещеры.

Уставшие от насыщенной программы и чрезвычайной жары, путешественники вернулись во дворец. Граф Сегюр с наслаждением растянулся на диване, упиваясь прохладой тени, журчанием фонтана и благоуханием цветов. Он предла-

ся восточной неге и замечтался, как истый паша. Граф перевернулся на бок, подпер голову правой рукой и вскоре во сне вообразил себя мусульманским владыкой, которого окружили томные восточные красавицы, безмолвные слуги, готовые немедленно исполнить любое его желание.

Но долго отдохнуть ему не довелось.

— Граф, сколько можно нежиться?! — В комнату французского посланника вошел сияющий князь де Линь. — Скажите, вам удалось увидеть лицо хоть одной татарки?

— Увы, это невозможно. Вы же знаете, что для мусульманина знакомство с его женой — злейшая обида. В этом отношении всякое сообщение даже взглядами запрещено всем, кроме мужа.

Но 50-летнего де Линя, который душой был моложе 30-летнего Сегюра, это запрещение только подстрекало и разжигало любопытство.

— Какая польза нам гулять по огромному саду, если нам запрещено любоваться цветами? По крайней мере до отъезда из Крыма я непременно должен увидеть хоть какую-нибудь татарку без покрывала. Хотите составить мне компанию?

Сегюр, как истинный парижанин, не устоял против искушения. Долго друзья бродили по окрестностям, но все безрезультатно.

— Думаю, мы напрасно отбили себе ноги, — прихрамывая и обливаясь потом, произнес Сегюр. — Бесполезное дело искать в этой стране женщину без паранджи. Вернемся в сераль.

— Мне неловко за вас! Если бы я не жил среди французов, то решил бы, что слухи о их дон-жуанстве сильно преувеличены.

— Но скоро сядет солнце. Мы так далеко удалились от сераля, что в темноте навряд ли найдем дорогу обратно.

— Стыдитесь, граф, неужели огненный взгляд восточной красавицы не стоит ночи под открытым небом!

Пререкаясь, искатели приключений поднялись на пригорок, откуда увидели уединенный домик на опушке маленького леса.

— Граф! Небо сжалилось над нами! Взгляните, три нимфы сидят у ручья и без покрывал!

— Из того леса, князь, мы сможем их разглядеть.

Сегюр и де Линь осторожно пробрались сквозь деревья и спрятались за кустом напротив женщин, которые мыли ноги в ручье. Покрывала их лежали на земле. Наконец-то друзьям удалось их рассмотреть: три божественные нимфы оказались дряхлыми старухами.

— Признаюсь, Магомет недурно сделал, что велел им закрываться! — разочарованно воскликнул князь.

Услышав мужской голос, мусульманки, пронзительно визжа, побежали к дому. Граф с князем, желая успокоить старух и объяснить им свои благие намерения, бросились за ними. Вдруг окрестности огласились свирепыми криками — с гор бежали татары, в руках которых блестели кинжалы. В дерзких гостей полетели камни.

— Князь, мне кажется, они не намерены вызывать нас на дуэль. — От быстрого бега дыхание посла прерывалось.

— Вы правы, граф, изящная смерть нам не улыбается, нас просто зарежут, словно баранов. — Де Линь энергично работал конечностями.

— Одно утешение — у них это хорошо получится — вон какие стада пасутся кругом. Может, пока еще есть возможность, оставим поле боя?

— Придется, уж коль мы легкомысленно не приготовились к битве. Тем более, что мы с вами уже бежим и, как мне кажется, не за старухами, а в противоположном направлении.

Друзья что было мочи неслись к лесу, где и укрылись от преследователей. З кромешной тьме добрались они до Бахчисарая.

— Князь, премного вам благодарен за сегодняшний вояж. — Сегюр, спотыкаясь о камни, еле плелся. — Но прошу вас в следующий раз послать кого-нибудь разведать, прежде чем меня подбивать на подобные авантюры.

— Узнаю дипломатов! Так и норовят чужими руками жар загрести! Но на войне как на войне!

— Я преклоняюсь, фельдмаршал, перед вашим военным искусством, но согласитесь, что сегодня вы не можете, подобно Цезарю, воскликнуть: "Пришел, увидел, победил!"

— Искусство военачальника не только в том, чтобы нападать, но и в том, чтобы вовремя отступить, дабы не потерпеть поражение.

— Ну, поражение вам не грозит: чтобы вас разбить, надобно еще догнать, а, судя по сегодняшнему марафону, этого не сможет никто.

— Вы мне льстите. По сравнению с вами, граф, я просто черепаха. Глядя на вас, летящего впереди меня, я подумал: уж не побочный ли вы сын Гермеса.

Наконец поклонники женской красоты доплелись до дворца. Не притрагиваясь к оставленному ужину, завалились на диваны и проспали до обеда.

— Господа, где вы пропадали? — встретила Екатерина II Сегюра и де Линя. — Я думала, что вы заболели, и после ужина послала доктора к вам, но вас не нашли. На завтрак вы опять не явились, и мне сообщили, что нет никакой надежды вас добудиться.

— Государыня, мы с графом любовались окрестностями.

— До глубокой ночи?

— Да, местные красоты настолько нас увлекли, что мы забрели слишком далеко и не успели к ужину, — поддержал князя граф Сегюр.

Разговор на этом прекратился. Обед проходил необычно грустно. Императрица была печальна и молчалива; Потемкин — пасмурен и рассеян, а император Иосиф погрузился в свои думы. Разговор не клеился, что не устраивало князя де Линя, лютого врага скуки. Стараясь всех развеселить, он красочно, со свойственным ему юмором, расписал вчерашнее приключение. Сегюр, не желая огласки, слегка подталкивал принца, но тот не обращал внимания. Де Линь добился своего: слушатели хохотали до слез, но, увлеченный рассказом, он не заметил, что лицо императрицы постепенно каменело. Зато это заметил дипломат Сегюр, внимательно наблюдавший за Екатериной, и еще раз попытался остановить друга.

— Граф, пощадите мои ноги, им и так досталось вчера во время нашего славного отступления, — возмутился принц.

— Господа, — ледяным голосом произнесла Екатерина, — эта шутка весьма неуместна и может послужить дурным примером. Вы посреди народа, покоренного моим оружием. Я хочу, чтобы уважали его законы, его веру, его обычаи и предрассудки. Если бы мне рассказали эту историю и не назвали бы действующих лиц, то я бы никак не подумала на вас, а стала бы подозревать моих пажей, и они были бы строго наказаны.

Искатели приключений приуныли, их удрученный вид несколько смягчил императрицу, и видя, что они почти перестали есть и, как провинившиеся школьники, не отрывают взора от своих тарелок, она улыбнулась и больше не напомина-

ла им о шалости. Более того, Екатерина Алексеевна удовлетворила любопытство ценителей женской красоты: во время приема жен татарских вельмож де Линь и Сегюр пряталась за шторами, откуда могли рассмотреть лица татарок.

Екатерина Алексеевна провела в Бахчисарае всего два дня и отправилась в Севастополь. Еще за пять лет до этого императрица, желая иметь порт на Черном море, приказала осмотреть на южном берегу Крыма Ахтиарскую бухту и, если окажется удобна, занять ее, устроив порт, перевести туда часть азовского и днепровского флота и назвать его черноморским. Григорий Александрович до присоединения полуострова тайно побывал на нем. Бухта произвела на него неизгладимое впечатление: "одна из лучших в мире", — восторженно писал о ней императрице супруг. В августе 1783 года Потемкин был назначен командующим Черноморским флотом, в штат которого назначено было два корабля. (Сейчас ее там ожидало 40 военных судов). Словно предвидя будущее, императрица в 1784 году переименовала татарскую деревню Ахтиар в Севастополь, что с греческого значит "знаменитый город".

Путешественники остановились на Инкерманских высотах. Во время обеда в путевом дворце Потемкин подошел к завешенным окнам и резко отдернул шторы. Гостям во всей красе предстала бухта. А дальше — слово иностранцам.

Посол недружественной Франции граф Сегюр: "между тем, как их величества сидели за столом, при звуках прекрасной музыки внезапно отворились двери большого балкона, и взорам нашим представилось величественное зрелище: позади расступившихся рядов татарских всадников мы увидели залив верст на 12 в длину и на 4 в ширину; посреди этого залива виднелось море, а из столовой, где мы обедали, мы увидели в гавани в боевом порядке грозной флот, построенный, вооруженный и совершенно снаряженный в два года. Государыню приветствовали залпом из пушек, и грохот их, казалось, возвещал Понту Эвксинскому, что есть у него повелительница, и что не более, как через 30 часов корабли Ея могут стать перед Константинополем, а знамена ея армии — развеваться на стенах его... проехав залив, мы пристали к подножию горы, на которой полукружием возвышался Севастополь, построенный Екатериною. Несколько зданий для складки товаров, адмиралтейство, городские укрепления, 400 домов, толпы рабочих, сильный гарнизон, два госпиталя, верфи, пристани, торговая и карантинная — все придавало Севастополю вид довольно значительного города. Нам казалось непостижимым, каким образом в 2 000 верст от столицы, в недавно приобретенном крае, Потемкин нашел возможность построить такой город, создать флот, укрепить гавань и поселить столько жителей: это действительно был подвиг необыкновенной деятельности..."

Но самое любопытное — письмо австрийского императора Иосифа II его маршалу. Этот монарх подробно описывал путешествие. И все ему не нравилось: и стены херсонской крепости слишком высоки, и канаты слишком толсты, и корабли не те, и матросы одеты не так, и пыли в степи много... Но и этот брызг не устоял перед Севастополем.

"...Севастополь — красивейший порт, какой я когда-либо видел. В нем могут очень удобно поместиться полтора кораблей в совершенной безопасности от всяких случайностей со стороны моря и от неприятеля, который никогда не отважится проникнуть в бухту, защищаемую тремя батареями. Выходить из бухты в море можно при трех ветрах. Есть отдельная гавань для торговых судов, другая для карантина и третья для починки и килования судов.

Настроено уже много домов, магазинов, казарм, и если будут продолжать таким образом в следующие три года, то, конечно, этот город делается очень

цветущим. Все это очень не по шерсти французскому посланнику, и он смотрит страшно озадаченным.

Обыкновенный переезд отсюда до Константинополя совершается в двое суток; а иногда даже только за полтора суток. Судите же, мой любезный маршал, на какие неприятные размышления все это должно наводить моего собрата повелителя правоверных, который никогда не может быть уверен, что эти молодцы не явятся, не ныне завтра, разгромить у него окна пушечными выстрелами.

... Будь у меня возможность так близко придвинуться к Берлину, да будь пруссаки такие же олухи, как турки, я бы не устоял против желания отделаться от таких соседей".

За обедом Потемкин (как и в каждом городе, который он основал) подал Екатерине II записку о числе всех казенных и партикулярных зданий.

— Порт сей никогда не был обитаем; все, что видите, ваше величество, и что показано в записке, стоят все построения, казне принадлежащие, не более как до 20 000 рублей.

— Это невероятно! — воскликнула императрица. — Добавить из моих средств каждому по 5 рублей.

Путешествие закончилось грандиозными маневрами на Полтавском поле. Здесь все воочию увидели Полтавскую битву, которую продемонстрировали войска, созданные Потемкиным, якобы только на бумаге. Григорий Александрович, получивший почетную приставку к своему имени, отныне стал именоваться "светлейшим князем Потемкиным-Таврическим".

"Екатерина Алексеевна безгранично верила в организаторский талант Григория Александровича, — пишет наш современник Вячеслав Сергеевич Лопатин. — Он честно продемонстрировал своей повелительнице и Европе достижения России: она прочно встала на берегах Черного моря, ей есть что защищать и чем защищаться".

А спустя 10 лет на страницах гамбургского журнала "Минерва" стали появляться статьи анонимного автора, писавшего о том, что все увиденное путешественниками — не что иное, как мистификация. Вместо селений якобы стояли наскоро сколоченные декорации. Толпы народа и стада ночами перегонялись на новые места по пути движения императрицы, и тем самым создавалось впечатление о богатстве и процветании южных провинций.

Историкам удалось установить имя человека, печатно обвинившего уже покойного князя Потемкина в устройстве фиктивных деревень. Им оказался саксонский дипломат Георг Адольф Вильгельм фон Гельбиг. Он служил в Петербурге в самом конце царствования Екатерины II. Сам Гельбиг не участвовал в путешествии, но с его легкой руки версия о "потемкинских деревнях" сделалась визитной карточкой России.

Возвращаясь из Крыма, по пути в столицу, Екатерина II получила известие о начале войны с турками; спустя полгода войну объявила и Швеция. Эти события прервали грандиозные планы Потемкина. Война на два фронта должна была, по мнению западных идеологов, не только остановить продвижение России на юг, но ослабить настолько, что станет возможным ее раздел. Уже готовился атаковать Кронштадт английский военный флот, подтягивалась к границам России прусская армия совместно с польской...

"И все это провалилось, — пишет Лопатин. — Колоссальные успехи России, выдержавшей двойной удар, чрезвычайно обеспокоили Европу. В очередной раз она пыталась подтолкнуть Оттоманскую Порту к новой войне. А для этого необходимо было доказать, что все успехи России несерьезны, достижения ее в

Северном Причерноморье — не более чем блеф, что она является всего лишь Колоссом на глиняных ногах. Саксонский дипломат уловил политический заказ. Гельбиг литературно оформил старые сплетни и слухи, уже опровергнутые путешественниками.

Потемкин не гнался за мнимой славой. "Я христианин, то и слава моя в служении, — писал он императрице в 1789 г. — Сколько наших братии, любящих хвастовство и наполняющих донесения личностью, затевая на себя, что все предвидят, и выводят нечаянные события последствием своих планов, которых никогда не бывало... Спесь личную я оставляю тем подлецам, которые наполнены ко мне завистью и за добро платят пакостями, а буду всегда в моих правилах, то есть: превосходить всех в усердии к Вам, служить потом и кровию... беречь вверенных мне людей паче себя, посвящать успехи Богу и ожидать одобрений от неприятелей".

13 апреля 1791 года в половине третьего ночи, опухшая от слез, сидела за бюро Екатерина II и писала своему другу барону Гримму, делясь своим горем: "Страшный удар разразился над моей головою. После обеда, часов в шесть, курьер привез горестное известие, что мой ученик, мой друг, можно сказать, мой идол, князь Потемкин-Таврический, умер в Молдавии <...> Это был человек высокого ума, редкого разума и превосходного сердца; цели его всегда были направлены к великому. <...> Но в нем были качества, встречающиеся крайне редко и отличавшие его между всеми другими: у него был смелый ум, смелая душа, смелое сердце. Благодаря этому мы всегда понимали друг друга и не обращали внимания на толки тех, кто меньше нас смыслит. По моему мнению, князь Потемкин был великий человек, который не выполнил и половину того, что был в состоянии сделать".

Спустя 5 лет не стало и Екатерины Великой. Император Павел при встрече с бывшим правителем канцелярии князя Григория Александровича Потемкина-Таврического Поповым трижды с раздражением задал один и тот же вопрос:

- Как поправить все зло, которое Потемкин причинил России?!
- Отдайте туркам южный берег, ваше величество!

Потемкин умер, но остались города и села, которые он построил, осталась благодатная земля, которую он завоевал для России и обустроил. А мы все твердим: "Потемкинские деревни"! "Потемкинские деревни"! ■

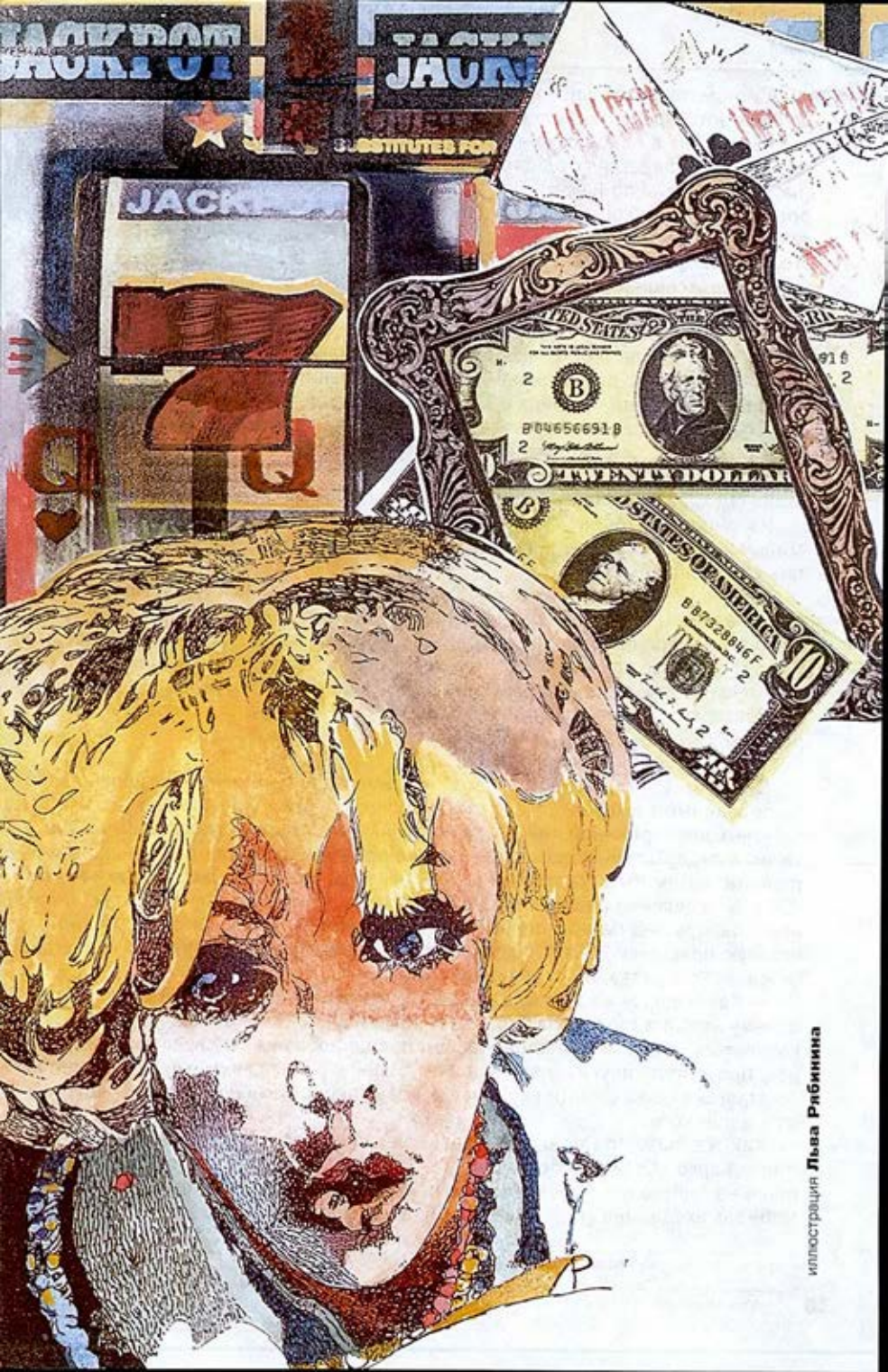
ЧЕТВЕРТАК, приносящий УДАЧУ

Стивен КИНГ

■ Осенью 1996 года я пересекал Соединенные Штаты от Мэна до Калифорнии на своем "харлей-давидсоне", проводя в различных книжных магазинах встречи с читателями в рамках рекламной кампании романа "Бессонница". А наибольшее впечатление произвел на меня тот вечер, когда в Канзасе я сидел на ступеньках брошенного магазина и наблюдал, как солнце садится на западе, а полная луна восходит на востоке. Я подумал о сцене из "Повелителя приливов" Пэта Конроя¹, когда происходит то же самое, и ребенок, потрясенный этим зрелищем, кричит: "О, мама, пожалуйста, повтори!" Позже, в Неваде, я остановился в ветхом отеле, где горничные, застилая кровать, оставляли на подушках жетоны для игровых автоматов на сумму в два доллара. И прямоугольник плотной мелованной бумаги с надписью типа: "Привет, я — Мэри, удачи вам!" Там мне и пришла в голову эта история. Я ее сразу написал, на почтовой бумаге с шапкой отеля.

— Ах ты паршивый сукин сын! — воскликнула она в пустом гостиничном номере, скорее, удивленно, чем со злостью.

¹ Конрой, Пэт (р. 1945) — современный американский писатель. Наибольшую известность принес ему роман "Повелитель приливов" (1986), переведенный на многие языки, в том числе и на русский. (Здесь и далее прим. переводчика.)

А потом, такой уж у нее характер, ничего не попишешь, Дарлин Пуллен начала смеяться. Сидела на стуле рядом с разобранной кроватью со смятыми простынями, держала в одной руке четвертак, во второй — конверт, из которого он выпал, переводила взгляд с одного на другое и смеялась, пока слезы не брызнули из глаз и не потекли по щекам. Пэтси, ее старшему ребенку, требовалось поставить ортодонтические скобы, нынче без голливудской улыбки никуда, но Дарлин понятия не имела, как и чем она за них заплатит, тревожилась целую неделю, и если это не последняя соломинка, то что?

Разные женщины в разных местах оставляли этот весьма важный конверт, который называли "горшочек с медом". Герда, шведка, занимавшаяся проституцией в центре города до того, как прошлым летом, поехав на озеро Тахо, не обратилась к Богу, приставляла свой конверт к одному из стаканчиков на полочке в ванной. Мелисса клала под дистанционный пульт управления телевизора. Дарлин — у телефонного аппарата, и, войдя в 322-й номер и увидев конверт на подушке, поняла, что постоялец ей что-то оставил.

Да, конечно, оставил, маленькую такую монетку, аккурат в четверть доллара, с надписью: "In God We Trust"².

Ее смех, разорвавшийся на отдельные смешки, вновь набрал силу.

На лицевой стороне "горшочка с медом", под логотипом отеля, силуэты всадника и лошади на вершине холма, забранные в ромб. Постоялец мог прочитать следующее:

"Добро пожаловать в Карсон-Сити, самый дружелюбный город Невады. Добро пожаловать в отель "У ранчера", самый дружелюбный отель в Карсон-Сити! В вашем номере прибиралась Дарлин. Если что-то не так, пожалуйста, наберите 0, и мы сразу все исправим. Этот конверт оставлен для того, чтобы вы, если вам все понравилось, могли при желании отблагодарить горничную.

Повторюсь, добро пожаловать в Карсон-Сити и добро пожаловать в отель "У ранчера".

Уилльям Эвери, менеджер".

Очень часто "горшочек с медом" оказывался пустым. Она находила конверты порванными в корзинке для мусора или смятыми в углу (слово сама мысль о чаевых для горничной повергала постояльцев в ярость), плавающими в унитазе, но иногда Дарлин ждал маленький, но приятный сюрприз, особенно, если игральные автоматы и карточные столы вечером благоволили к гостю отеля. И 322-й определенно решил отблагодарить горничную: оставил четвертак, это же надо! Теперь она сможет оплатить ортодонтические скобы Пэтси и купить Полу игровую приставку "Sega", о которой он так давно мечтал. Ему даже не придется ждать Рождества, он получит ее, как...

— Как подарок ко Дню благодарения, — воскликнула она. — Действительно, почему нет? И я заплачу за кабельное телевидение, так что нам не придется отказываться от многих каналов, наоборот, еще добавим "Диснеевский". И, наконец, проконсультируюсь у врача насчет болей в спине... черт, какая же я теперь богатая! Если смогу найти вас, мистер, упаду перед вами на колени и буду целовать ваши ноги.

Как же, размечталась: 322-й давно уехал. "У ранчера", возможно, лучший отель Карсон-Сити, но большинство постояльцев все равно останавливались лишь на одну ночь, проездом. В семь утра, когда Дарлин входила в дверь служебного входа, они поднимались, брились, принимали душ, иной раз глотали

² In God We Trust — Мы верим в Бога (англ.).

таблетки от похмелья. А пока она пила кофе с Гердой, Мелиссой и Джейн (старшей горничной, с огромным бюстом и суровым, ярко накрашенным ртом) и собирала тележку, готовясь к трудовому дню, ковбой, дальнбойщики и коммивояжеры выписывались из отеля и отправлялись по своим делам, или наполнив "горшочек меда", или оставив пустым.

322-й — джентльмен, бросил в него четвертак. И, возможно, добавил к этому что-нибудь на простынях, не говоря уже о сувенире, а то и двух, в унитазе. Потому что есть люди, которые только дают и дают. Просто не могут без этого.

Дарлин вздохнула, вытерла мокрые щеки подолом фартука и окончательно вскрыла конверт: 322-й не поленился заклеить его, и она, в спешке, оторвала уголок, из которого и вывалился четвертак. Она уже хотела бросить четвертак обратно, но увидела в конверте сложенный листок бумаги с логотипом отеля. Вытащила его. Под силуэтом всадника и лошади и словами "ВЕСТОЧКА С РАНЧО" 322-й большими буквами написал карандашом:

"Это четвертак, приносящий удачу! Правда! Ты счастливая!"

— Здорово! — фыркнула Дарлин. — У меня двое детей и муж, который уж пять лет, как забыл вернуться домой с работы, так что кусочек удачи мне, конечно, не помешает. — Тут она снова рассмеялась и бросила четвертак в конверт. Пошла в ванную, заглянула в унитаз. Ничего, кроме чистой воды. Пустячок, но приятно.

Дарлин принялась за уборку, которая не заняла много времени. Четвертак, конечно, издевка, думала она, но в остальном 322-й вел себя достойно. Никаких пятен на простынях, никаких неприятных сюрпризов, никаких пропаж. Так что ей осталось только перестелить постель, вымыть раковину и унитаз и сменить полотенца. За этими занятиями она не переставала размышлять, а как выглядел 322-й, что он за мужчина, если оставляет женщине, в одиночку воспитывающей двоих детей, двадцать пять центов. Должно быть, из тех, кто может одновременно смеяться и оставаться злобным, предположила она, с татуировками на руках, похожий на персонажа, которого сыграл Вуди Харрелсон в фильме "Прирожденные убийцы".

"Он же ничего обо мне не знает, — мелькнула мысль, когда она выходила в коридор. — Возможно, он — пьяница, и решил, что это забавно. И действительно забавно, иначе чего ты так смеялась?"

Точно. Иначе чего она смеялась?

Толкая тележку к номеру 323, она решила, что отдаст четвертак Полу. Из ее двоих детей, так уж получилось, Полу, в сравнении с Пэтси, она уделяла меньше внимания. Семилетний, он по большей части молчал и хлюпал носом. Дарлин иной раз думала, что Пол, должно быть, единственный малолетний астматик в городе, расположенном в пустыне и славящемся чистым сухим воздухом.

Она вздохнула и открыла 323-й, в надежде, что найдет в "горшочке с медом" пятьдесят баксов, а то и сотку. Конверт она увидела сразу, прислоненный к телефонному аппарату, как она его и оставляла. Заглянула в него, хотя и заранее знала, что он пуст. Не ошиблась.

Однорукий бандит, один единственный, стоял в вестибюле отеля "У ранчера", и хотя за пять лет работы Дарлин ни разу не подходила к нему, в тот день, направляясь на ланч, она сунула руку в карман, обнаружила порванный конверт и решительно шагнула к поблескивающей хромом приманке для дураков. Она не забыла о намерении отдать четвертак Полу, но что такое четвертак в наши дни для ребенка? На него даже не купишь паршивую бутылочку "колы". Внезап-

но ей захотелось избавиться от этой чертовой монетки. Болела спина, после кофе вдруг разыгралась изжога, настроение резко упало. Мир потускнел перед глазами, и вину она возлагала на этот чертов четвертак... словно он генерировал импульсы, портящие ей здоровье и настроение.

Герда вышла из лифта аккуратно в тот момент, когда Дарлин встала перед игральным автоматом и вытасила четвертак из конверта.

— И ты туда же? — удивилась Герда. — Ты? Нет, никогда... не могу поверить своим глазам.

— Тогда смотри в оба, — ответила Дарлин и бросила монету в щель, над которой значилось: "БРОСЬТЕ 1, 2 ИЛИ 3 МОНЕТЫ". — Начало положено.

И уже отвернулась, чтобы уйти, но в последний момент словно вспомнила о том, что "бандита" надо дернуть за ручку. Вновь отвернулась, даже не стала смотреть, как с калейдоскопической скоростью меняются изображения в трех окошечках, поэтому и не увидела, как во всех, одном за другим, высветились колокола. Остановилась она, лишь услышав, как на поддон в нижней части автомата посыпались четвертаки. Ее глаза широко раскрылись, потом она подозрительно сощурилась, словно это была еще одна шутка... или продолжение первой.

— Ты фыиграла! — воскликнула Герда, от волнения заговорив со шведским акцентом. — Дарлин, ты фыиграла!

Она проскочила мимо Дарлин, которая стояла, как вкопанная, слушая звон монет, падающих на поддон. Долгий, нескончаемый звон. "Я счастливая, — думала она. — Я счастливая".

Наконец высыпались все монетки.

— Боже! — кричала Герда. — Боже! Подумать только, мне эта чертофа машина не фыдала ни цента, хотя я скормила ей уйму четфертаков! Как тебе пофезло! Здесь никак не меньше пятнадцати доллароф, Дарл! А что бы было, если бы ты бросила три четфертака!

— Такого счастья я бы не пережила, — ответила Дарлин.

Ей хотелось плакать. Она не знала почему, но хотелось. Чувствовала, как слезы собираются под веками и жгут уголки глаз. Герда помогла ей собрать все четвертаки с поддона, и, ссыпанные в карман, они заметно перекосили униформу Дарлин. Она подумала о том, что должна купить Полу какую-нибудь игрушку. Игровая приставка "Сегга" стоила, конечно, гораздо дороже пятнадцати долларов, но их хватило бы на одну из электронных игрушек в витрине "Радио-Шэк" в торговом центре, на которые он всегда смотрел, но не просил купить, знал, что бесполезно, ума у него хватало, как и соплей, но смотрел, буквально пожирая глазами.

"Не купишь ты игрушку, — сказала она себе. — Деньги уйдут на пару туфель... или на чертовы ортодонтические скобы Пэтси. Пол возражать не будет, и ты это знаешь".

"Нет, Пол не стал бы возражать, да и вообще, кто стал бы его спрашивать. — Дарлин перебирала пальцами четвертаки и прислушиваясь к их позвякиванию. — На что тратить деньги, решаешь ты. Пол знает, что радиоуправляемые яхты, автомобили и самолеты так же недостижимы, как и приставка "Сегга" и все игры, в которые можно на ней играть. Ими можно только любоваться, как картинами в музее. А вот для тебя..."

Что ж, может, она и купит ему какую-нибудь ерунду на нежданно свалившиеся деньги. Какой-нибудь милый пустячок. Чтобы удивить его.

И себя.

Себя она удивила, это точно. Более чем.

В тот вечер решила идти домой пешком, не села в автобус. И, миновав половину Северной улицы, свернула в казино "Серебряный город", где ранее не бывала ни разу. Четвертаки она обменяла на бумажные купюры, их набралось на восемнадцать долларов, еще в отеле, и теперь, чувствуя, что в ее тело вселилась посторонняя душа, направилась к рулетке и онемевшей рукой протянула купюры крупье. Собственно, и рука уже не принадлежала ей, команды отдавал кто другой.

"Это неважно, — говорила она себе, кладя все восемнадцать розовых долларовых фишек в сектор, маркированный словом "НЕЧЕТ". — Ты ставишь четвертак, и не важно, что теперь он превратился в восемнадцать розовых фишек. Это попытка человека подшутить над горничной, которую он никогда не видел. Все-го лишь четвертак, и ты хочешь от него избавиться, потому что он, пусть умножил и изменил форму, все равно посылает плохие импульсы".

— Ставок больше нет, ставок больше нет, — проворковал крупье и запустил шарик в противоход вращающемуся колесу. Шарик прыгал, прыгал, попал в гнездо, и Дарлин на мгновение закрыла глаза. Когда открыла, увидела, что шарик крутится вместе с колесом в гнезде с числом "15".

Крупье пододвинул к Дарлин еще восемнадцать фишек, они напоминали ей раздавленные леденцы "Канада минт". Дарлин взяла их и передвинула все фишки на красное. Крупье посмотрел на нее, удивленно изогнул бровь, как бы молчаливо спрашивая, уверена ли она в принятом решении. Она кивнула, и он крутанул колесо. Шарик остановился на красном. Увеличившуюся горку фишек Дарлин поставила на черное.

Потом на нечетное число.

Потом на четное.

В итоге перед ней лежали пятьсот семьдесят шесть долларов, и ей казалось, что она перенеслась на другую планету. Видела она перед собой не черные, зеленые и розовые фишки, а ортодонтические скобы и радиоуправляемую подлодку.

"Я счастливая, — думала Дарлин Пуллен. — Я счастливая, счастливая".

Она вновь поставила фишки, все фишки, и толпа, которая всегда собирается вокруг победителя в игорных городах даже в пять часов дня, застонала.

— Мэм, я не могу разрешить такую ставку без одобрения питбосса. — В голосе крупье слышались извиняющиеся нотки. И выглядел он куда более взъерошенным, чем в тот момент, когда Дарлин, в сине-белой полосатой униформе горничной, подошла к его столу. Она поставила деньги на второй из трех секторов, на номера с "13" по "24".

— Так позови его сюда, сладенький, — проворковала Дарлин и ждала, спокойная, ногами здесь, на Матери-Земле, в Карсон-Сити, штат Невада, в семи милях от первого большого месторождения серебра, открытого в 1878 году, а головой на планете Шампаньола, пока питбосс и крупье совещались, а собравшаяся толпа перешептывалась. Наконец, питбосс подошел к ней и попросил написать на розовом листке, который вырвал из блокнота, ее имя, фамилию, адрес и телефонный номер. Дарлин написала, с интересом отметив, что почерк совершенно не похож на ее собственный. Она держалась спокойно, абсолютно спокойно, только руки очень уж сильно дрожали.

Питбосс повернулся к крупье, и его палец описал в воздухе круг: мол, верти.

На этот раз стук прыгающего белого шарика разнесся далеко: толпа затаила дыхание, ставку сделала одна Дарлин. Происходило сие в Карсон-Сити — не в

Монте-Карло, а для Карсон-Сити это была невероятно крупная ставка. Шарик прыгал и прыгал, упал в гнездо, подскочил, упал в другое, подскочил. Дарлин закрыла глаза.

“Счастливая, — думала она, молясь. — Счастливая, счастливая мать, счастливая женщина”.

Толпа застонала, то ли от ужаса, то ли от восторга. Она поняла, что колесо замедлилось, и уже видны числа. Дарлин открыла глаза, точно зная, что лишилась четвертака.

Но не лишилась.

Маленький белый шарик лежал в гнезде с цифрой 13.

— Господи, дорогуша, — прошептала женщина, стоящая у нее за спиной, — дайте мне вашу руку, я хочу потереться об вашу руку. — Дарлин протянула руку, и женщина коснулась ее, очень нежно, почти с обожанием. Голова Дарлин по-прежнему находилась на Шампаньоле, поэтому она словно издавала видела и чувствовала, как об ее руку потерлись двое, еще четверо, потом шестеро, всем хотелось поймать ее удачу, словно удача распространялась, как инфекция.

А “мистер Рулетка” пододвигал к ней горы и горы фишек.

— Сколько? — едва слышно выдохнула она. — Сколько здесь всего?

— Тысяча семьсот двадцать восемь долларов, — ответил он. — Поздравляю вас, мэм. На вашем месте я бы...

— Но вы на своем, — оборвала его Дарлин. — Я хочу поставить все на одно число. Вот это, — она указала на “25”. — За ее спиной кто-то вскрикнул. — До последнего цента.

— Нет, — отрезал питбосс.

— Но...

— Нет, — повторил он, и она, проработавшая на мужчин большую часть жизни, поняла, что это тот самый случай, когда слова не расходятся с их значением. — Таковы правила заведения, миссис Пуллен.

— Хорошо, — кивнула она. — Хорошо, трусовость, — и вновь пододвинула к себе фишки. — Сколько я могу поставить на одно число?

— Одну минутку, — ответил питбосс.

Отсутствовал он почти пять минут. Все это время колесо простаивало. Никто не разговаривал с Дарлин, но к ее рукам то и дело прикасались или поглаживали их, словно она плюхнулась в обморок. Вернулся питбосс с высоким лысым мужчиной в смокинге и очках в золотой оправе.

— Восемьсот долларов, — вынес он вердикт. — Но я бы на вашем месте этого не делал. — Его взгляд упал на ее грудь, обтянутую униформой, вернулся к глазам. — Советую вам обналечить ваш выигрыш, мадам.

— Я не думаю, что от ваших советов может быть какая-то польза. Со знанием жизни у вас не очень. Наверное, не сможете отличить собачье дерьмо от шального. — Рот высокого и лысого закаменел, а она повернулась к “мистеру Рулетке”: — Приступай.

“Мистер Рулетка” написал на табличке \$800 и накрыл ею поле с числом “25”. Затем крутанул колесо и бросил шарик. Теперь замерло уже все казино, не трещали даже игральные автоматы. Дарлин подняла голову и не удивилась, увидев на экранах телевизоров, ранее показывавших скачки и бокс, вращающееся колесо рулетки и... себя.

“Теперь я еще и телезвезда. Я счастливая. Счастливая. Я такая счастливая”.

Шарик подпрыгивал. Шарик скакал. Залетел в гнездо, выбрался оттуда, маленький белый дервиш, танцующий на полированном дереве рулеточного колеса.

— Соотношение! — воскликнула она. — Какое соотношение?

— Тридцать к одному, — ответил высокий и лысый. — Ваш выигрыш может составить двадцать четыре тысячи долларов, мадам.

Дарлин закрыла глаза...

...и открыла их в номере 322. Она все сидела на стуле, с конвертом в одной руке, а четвертак вывалился из пальцев второй на пол. На щеках еще не просохли слезы смеха.

— Я счастливая, — повторила она себе и заглянула в конверт.

Никакой записки. Очередная фантазия, от которых только расстраиваешься. Вздохнув, Дарлин сунула четвертак в карман униформы и принялась за уборку 322-го.

Вместо того, чтобы, как обычно, отвести Пола после школы домой, Пэтси пришла с ним в отель.

— Он забросал всю школу соплями, — объяснила она матери, голос переполнял отвращение к младшему брату. — Из носа просто течет. Я подумала, может, ты захочешь показать его врачу.

Пол молча смотрел на нее слезящимися глазами. Кончик носа у него раздулся и покраснел. Они стояли в вестибюле отеля. Номер в этот момент никто снять не желал, так что мистер Эвери (все горничные ненавидели этого самодовольного коротышку) покинул регистрационную стойку. Должно быть, сидел у себя в кабинете, лакомился курицей.

Дарлин пощупала Полу горячий лоб и вздохнула.

— Пожалуй, ты права. Как себя чувствуешь, Пол?

— Нормально, — пробубнил мальчик.

Даже Пэтси опечалилась.

— Наверное, он умрет до того, как доживет до шестнадцати. Единственный случай, скажем, мгновенной смерти от СПИДа, в истории человечества.

— Заткни свой маленький грязный рот, — прикрикнула на нее Дарлин, куда резче, чем собиралась. Но больше обиделся Пол. Он весь сжался и отвел от нее глаза.

— Прямо-таки младенец, — не унималась Пэтси. — Любая зараза к нему так и липнет.

— Нет, не младенец. Чувствительный, да. И сопротивляемость организма у него ослабленная. — Дарлин порылась в кармане униформы. — Пол? Дать тебе?

Он посмотрел на мать, увидел четвертак и улыбнулся.

— Что ты собираешься с ним делать? — спросила Пэтси, когда мальчик взял четвертак. — Пригласишь на свидание Дейдру Маккаусленд?

— Я что-нибудь придумаю, — ответил Пол.

— Оставь его в покое, — бросила Дарлин. — Хоть какое-то время не доставай, тебе это по силам?

— Да, но что я за это получу? — спросила Пэтси. — Я привела его сюда в целости и сохранности, я всегда привожу его в целости и сохранности. Так что я за это получу?

“Ортодонтические скобы, — подумала Дарлин, — если я сумею заплатить за них”. И на нее вдруг навалилась тоска, ощущение, что жизнь темна и беспросветна, что над головой постоянно висит мусорный контейнер, который в любой момент может свалиться на тебя и превратиться в лепешку. А счастья, так его просто нет. Об удаче лучше и не мечтать.

— Мама? Мамик? — обеспокоилась Пэтси. — Мне ничего не надо. Я шучу, ты же знаешь.

— У меня есть для тебя "Сасси"¹, если хочешь, — попыталась улыбнуться Дарлин. — Нашла в одном из номеров, где прибираюсь, и положила в свой шкафчик.

— Этого месяца? — спросила Пэтси.

— Между прочим, этого. Пойдем.

Они уже пересекли половину вестибюля, когда услышали характерный звук падения монеты в щель игровального автомата, скрип ручки и шебуршание трех барабанов: Пол нашел применение четвертаку.

— Ах ты тупоголовый козел, теперь уж тебе достанется! — закричала Пэтси. Но особой злости в ее голосе не слышалось. — Сколько раз мамик говорила тебе не транжирить деньги. Игральные автоматы для туристов!

Но Дарлин даже не повернулась. Она стояла и смотрела на дверь, которая вела в страну горничных, где рядом висели дешевые платья из "Амеса" и "Уол-Марта", похожие на несбывшиеся и забытые мечты, где тикали часы, где воздух всегда пах духами Мелиссы и туалетной водой Джейн. Она стояла, прислушиваясь к шебуршанию вращающихся барабанов, стояла в ожидании звона монет, падающих на поддон, и к тому времени, когда они начали падать, уже думала о том, что попросит Мелиссу приглядеть за детьми, пока она сходит в казино. Много времени на это не уйдет.

"Я счастливая", — подумала она и закрыла глаза. В темноте под веками падающие монеты звенели особенно громко. Словно шлак сыпался на крышку гроба.

И все будет так, как она себе это представляла, Дарлин в этом нисколько не сомневалась, но, тем не менее, продолжала видеть жизнь в образе огромной кучи шлака. И видение это никуда не уходило, как пятно, которое не удается свести с любимой блузки.

Однако Пэтси нужны ортодонтические скобы, Полу — хороший врач, чтобы избавиться его от вечных соплей и постоянно слезящихся глаз, ему нужна игровая приставка "Сига", а Пэтси — цветное нижнее белье, в котором она будет казаться себе красивой и сексуальной, и ей нужно... что? Что ей нужно? Чтобы вернуться Дек?

"Конечно, только возвращения Дека мне и не хватает, — подумала она, чуть не рассмеявшись. — Он нужен мне, как пубертатный период, или боль в спине. Мне нужно... ну... (ничего)".

Да, именно так. Совсем ничего, нуль. Черные дни, пустые ночи и смех круглые сутки.

"Мне ничего не нужно, потому что я счастливая", — думала она, стоя с закрытыми глазами. Слезы сочились из-под опущенных век, пока за ее спиной Пэтси кричала, что есть мочи: "О, дерьмо! О, это же чудо, у тебя джекпот, Поли! У тебя чертов джекпот!"

"Счастливая, — думала Дарлин. — Такая счастливая, о, какая же я счастливая!"

Перевод с английского Виктора ВЕБЕРА.

¹ "Сасси" — ежемесячный глянцевый иллюстрированный журнал с новостями моды и светской жизни.

ПОЛИТИОН

БУМБАРА

Виртуала

В...сервисно

Александр ЛЕБОВСКИ

■ Как развлекается сегодняшняя молодежь? Как проводит свой досуг? Чем заполняет свободное время? Вопросы, конечно, незатейливые, а вот ответить на них не так-то просто. Молодежь расслоилась, так же как и наше общество. Потому влечения и пристрастия у них резко разнятся, как разнится и благосостояние (родителей, разумеется). Студенты, к примеру, уже не живут на одну только стипендию и не питают надежды, что по окончании учебы их ждет "теплое местечко" на каком-нибудь секретном заводе со стабильной зарплатой. А мобилизовав все силы, высунув язык, носятся в поисках заработка, понимая, что будущее может быть далеко не таким светлым, как казалось на выпускном балу в

школе. И все же, каким бы деловым ни был студент, как бы ни пекся о своем будущем, в развлечениях себе никогда не откажет. Пирушки в общежитии, по случаю удачно (или неудачно) прошедшей сессии стали уже классикой, никого не миновало время веселых застолий, организованных частенько на последние копейки. Но есть еще один классический вариант — дискотеки, громкая музыка и стакан пива — который тоже, наверное, не умрет никогда. Благо, ночная Москва, да и любой другой город, крупный и не очень, может предложить множество клубов на любой вкус. Особенно привлекают клубы, "приправленные" танцующими полуобнаженными фигурами на отдельной сцене,

Интернет-бульвар

упаковке

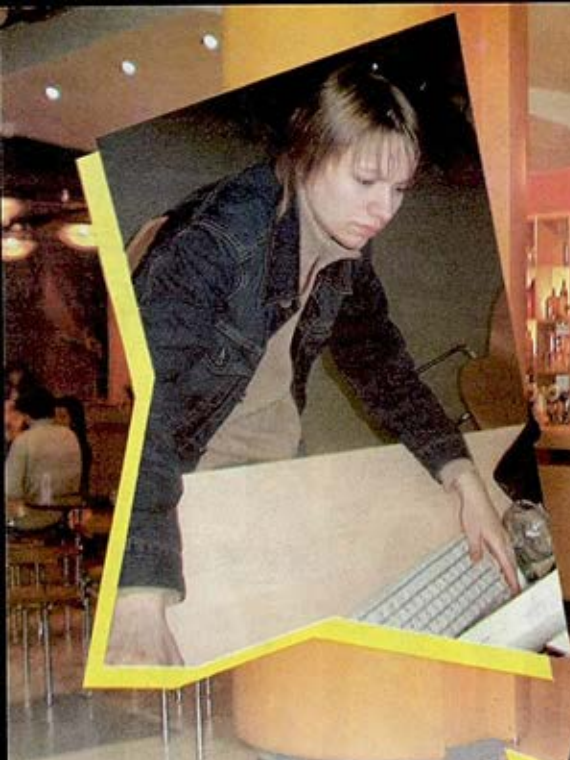
стриптизом, светомузыкой и много еще чем. Сюда приходят с друзьями — потанцевать и пообщаться. Хотя как можно общаться в обстановке ревущей музыки, полутьмы, разрывающей слепящими разноцветными бликами? Впрочем, любители находятся.

Но в последнее время у сумасшедших ночных клубов появились конкуренты — интернет-кафе. Музыка здесь если и звучит, то приглушенно, мелодии спокойные, умиротворяющие, и главное — очень светло. Вот именно тут ничего не мешает общению с приятелями, провести время вполне интеллектуально. Крупные интернет-центры, помимо выхода в глобальную сеть, оказывают помощь в поиске различной инфор-

мации, покажут, как работать с документами, фотографиями. Все оборудование в интернет-кафе отличного качества, так сказать, по последнему слову техники. Некоторые рабочие места оснащены цифровыми видеокамерами для фотографий или видеопочты. Сидя в Интернете и общаясь в чате, например, с Северной Ирландией, можно, подключив видеокамеру, показать себя "собеседнику".

Огромный зал одного из столичных интернет-кафе, где я побывал, разделен на несколько секторов. Наибольшую площадь занимают столы с компьютерами. Этот зал предназначен для выхода в Интернет и использования электронной почты.

Фото автора и Елены Захаровой

Рядом находится барная стойка со столиками и диванами. Кстати, напитки и закуски не возбраняется уносить на рабочий стол. К зоне кафе примыкают компьютерные столы, за которыми разрешается курить. Таким образом у вас появляется выбор, чтобы чувствовать себя вполне комфортно. Этажом ниже находится игровая зона, причем компьютеры расставлены по кругу так, чтобы игроки видели друг друга, с кем виртуально играют. Здесь всегда компанейская, веселая атмосфера — ребята приходят только отдохнуть, но никак не работать или учиться.

Персонал всегда готов оказать любую помощь — найти интересующую информацию, дать совет или консультацию, принести чашку кофе. Люди приходят сюда абсолютно разные: в одном ряду за компьюте-

рами я увидел журналиста, редактирующего свою статью, школьника, увлеченно рассматривающего что-то на мониторе, и пожилого господина, играющего в шахматы со своим приятелем по глобальной сети. Как мне рассказали сами посетители, мно-

гих своих друзей они нашли в "паути-не". Однажды даже произошла забавная история: познакомившись в Интернете, Костя рассказал, что учится на втором курсе лингвистического вуза, его хобби — спорт и молодежные журналы, а Катя представилась как семнадцатилетняя школьница, заканчивающая одиннадцатый класс, ее увлечения — книги современных российских писателей, а также живопись и скульптура. Долго общаясь через компьютеры, Катя и Костя много узнали друг о друге и захотели познакомиться вживую... Когда решили обменяться фотографиями, развитие событий зашло в тупик. В итоге "Костей" оказался 56-ти летний Сергей, а "Катя", как выяснилось, была на десять лет его старше и звалась... дядей Мишей. Вспомнили молодость! Жалко, что безрезультатно.

Вход в кафе бесплатный, большинство интернет-кафе работают круглосуточно и без выходных.

В европейских странах, а также в США и Японии, интернет-кафе стали появляться одновременно с развитием глобальной сети. Обычные бары и рестораны установили в своем заведении один-два компьютера с выходом в Интернет, и европейцы, привыкшие завтракать вне дома, работают и проверяют электронную почту, "не отходя от барной стойки". Это удобно, да и время экономит.

В России интернет-кафе появились, скорее всего, по нескольким причинам. Во-первых, не у всех есть компьютеры. А во-вторых, плохое качество телефонных линий, с помощью которых чаще всего осуществляется доступ в мировую сеть. Правда, в последнее время происходит постепенный переход на связь через отдельный кабель без использования АТС. Однако качество выхода в Интернет через домашний компьютер оставляет желать лучшего, и преимущества интернет-кафе неоспоримы. Ведь техника у них, в большинстве своем, безупречна.

Владимир, работающий менеджером в одном крупнейшем интернет-кафе Москвы, рассказал мне о своей работе. Устроившись два года назад в только что открытый компьютерный центр, он начал с должности навигатора. Навигаторы помогают выбраться запутавшимся в мировой сети, консультируют по поводу поиска различной информации и программ. Так как Владимир проявил себя с самой лучшей стороны — коммуникабельный, обучаемый, — его быстро повысили в должности. Теперь он — старший менеджер и весьма этим доволен. А вообще, сюда берут ребят барменами, кассирами, охранниками. График работы посменный, что очень удобно для студентов. Зарплата около 200-250 долларов. А вот сколько платят старшему менеджеру, осталось тайной.

Интернет-кафе, в котором я беседовал с Владимиром, в сутки посещают более тысячи человек. Особенно

много приходят во второй половине дня. Чаще всего студенты, которые днем учатся, и деловые люди, которые, естественно, днем работают. А по утрам только те посетители, чья работа непосредственно связана с Интернетом.

Постоянные маркетинговые программы привлекают новых и сохраняют старых, если можно так выразиться, "членов" кафе. Данный бизнес настолько прибыльный, что сеть интернет-кафе, в которой работает Володя, планирует открыть уже в этом году шесть(!) больших интернет-центров в Москве и Санкт-Петербурге.

Узнав о том, каким хорошим работодателем является сеть интернет-кафе и выведав бизнес-план на ближайшее будущее, мне стало интересно, что думаю о подобных заведениях сами посетители.

Аня учится в одном из экономических вузов столицы, а Интернет использует для написания рефератов и общения с друзьями. На вопрос, есть ли у нее дома компьютер, Аня ответила: "Да, есть, но, к сожалению, нет выхода в Интернет, иначе я сидела бы дома, а не здесь". Тут Аня задумалась. "Здесь интересные люди собираются — новые лица, знакомые — все это очень здорово, дома так не посидишь", — призналась собеседница. Кстати, многие друзья Ани изначально были "виртуальными". Обменявшись фотографиями и хорошо узнав друг друга в переписке или чате, они встретились и стали "реальными".

Света — финансист в крупной столичной компании. Но на рабочем месте времени не хватает, даже чтобы проверить электронную почту. Поэтому после работы заходит в интернет-кафе, где пользуется компьютером в своих личных интересах. А еще оформление этого московского кафе напоминает Свете интернет-кафе в Амстердаме, где она прожила два года. Она сказала, что российские владельцы полностью скопировали имидж и оформление, кстати, очень хорошо.

Михаил приходит в интернет-кафе — ради игр с друзьями, реальными и виртуальными. Он говорит, что у него дома есть компьютер с выходом в Интернет, но скорость через телефонную линию так мала, что с до-

машнего компьютера он только проверяет почтовый ящик. Считает себя ярким игроком и, если даже дома появится хороший Интернет, Михаил все равно будет каждый вечер приходить в интернет-кафе.

Посещение интернет-кафе — явление далеко не массовое в нашей стране. Думаю, проблема заключается, как обычно, в доступности. Не каждый житель столицы может позволить себе подобный вид отдыха (один час работы в Интернете в среднем по Москве стоит 50-70 руб.). Крупные центры предоставляют возможность снижения стоимости часа работы за счет покупки абонемента на целый месяц. В итоге цена падает до 12-15 руб. в час, но общая стоимость остается внушительной. Возможно, постоянный рост числа интернет-кафе приведет к снижению стоимости услуг, и они станут доступны абсолютно всем. И тогда у бедных студентов, которым не интересны пирушки и не по карману ночные заведения, появится возможность проводить свободное время и свой досуг с пользой и для ума, и для души.

Без малого столетие назад люди опасались, что кино заменит книги. Появление домашнего видео нанесло удар по кинотеатрам, но и они не исчезли. Телефон сначала воспринимался как враг живого, активного разговора. Но и здесь консервативно настроенная публика не увидела врага в техническом прогрессе. Сегодня наши родители опасаются, что мы "прирастем" к компьютерам и покинем пределы реальности. Порой они обвиняют нас в том, что мы отдаем предпочтение "железяке", чем книгам и природе. Но, думаю, что причин для беспокойства мало. Безусловно, не стоит проводить в виртуальности наибольшую часть своей жизни. Возможно, в этом нам и помогут интернет-кафе, где друзья просто не дадут "застрять" в мировой паутине. Дома можно запереться в комнате, включить компьютер, и тогда тебе уже "никто не поможет". Всегда лучше общаться с живыми реальными людьми, и пусть виртуальные собеседники все чаще становятся реальными друзьями. ■

"Секрет фирмы": девушки в мужских профессиях

Елена ЗАХАРОВА

■ Давно-давно, где-то в середине эпохи Возрождения, женскую половину человечества стала навязчиво преследовать мысль, что не так уж хорошо и безоблачно устроен мир, в котором испокон веков правят мужчины. Образование, работа, социальная активность? Все и везде! Сначала эпизодически, а потом все быстрее и активнее набирала обороты так называемая "эмансипация" — появление женщины нового типа, как теперь принято называть "business women": умеющая доказать себе и миру, что она независима, умна, успешна и будет достойной соперницей любому мужчине в любой профессии.

Однако, несмотря на такую "расстановку сил", есть некоторые сферы деятельности, которые так и не перестали даже сегодня нести в себе понятие — "мужская профессия". Как правило, это некая работа, требующая либо физической нагрузки, либо навыков обращения с техникой, либо в принципе нечто, куда мужчины не в силах допустить женщину, как в святая святых. Девочкам — куклы, мальчикам — машинки, и комментарии тут излишни.

Но — даже в непреложных истинах бывают бреши: даже не женщина, а хрупкая девушка переступила границы обозначенной территории и... работает навигатором в компьютерном центре, помогая подчас мужчинам подобрать необходимую им технику.

Навигатор — это тот, кто умело определяет курс и ориентируется в мире компьютерного оборудования как в собственном холодильнике. Для Маши Торточаковой нет понятия "техника — это мужское", на вопрос "как ей это удалось?" лишь с улыбкой

пожимает плечами. Все начиналось с компьютерного обеспечения — диски, программы, продажа дискет и прочие незамысловатые вещи. Постепенно втягиваясь и начиная разбираться во внутреннем устройстве, набирала обороты, пока техник-администратор с центрального офиса не протестировал ее. И чуть не упал — худенькая девушка без специального образования "уделала" его ассистента по всем вопросам. Пока мы разговаривали, Маша, не отвлекаясь, собирала компьютер: поступил частный заказ, который надо выполнить в течение двух часов. Слоты, матрицы, платы, проводки — все с уверенностью параллельно с разговором быстро мелькало в ее руках. И это при том, что Маше еще только семнадцать. И учится она в совершенно обыкновенной средней школе. Единственное отличие от одноклассников — она не посещает уроки информатики, потому как учитель ее освободил. Друзья шутят — он ее боится, она спросит чего, а ему остается только хлопать глазами. Есть конечно и свои минусы, о которых говорит с легкой обидой — на работе иногда случается, что клиент просит позвать более профессионального консультанта или техника, впрочем, продолжает снисходительно улыбаться он недолго — ровно до прихода главного менеджера офиса. Который убедительно и с уверенностью профессионала объясняет, что Маша у них и есть главный навигатор, а выше только Бил Гейтс, создатель Microsoft, которым вы, уважаемый, с помощью нашей Маши и будете иметь счастье пользоваться.

Уверенно маневрируя среди коробок с оборудованием и разными компьютерными "ингредиентами", он рассказывает профессиональный анекдот из жизни. Есть такая составляющая компьютера — материнская плата, как самая важная часть волшебного ящичка, который работает и гудит под столом. Так вот в мире компьютерщиков ее ласково называют "мамой". Ситуация такая — стоит Маша-навигатор со своим ассистентом в общем зале, где ходят посетители. И приходит ее сменщик — молодой человек по имени Анатолий. Разговор простой: Анатолий — "У меня мама умерла!

Отключилась и все...", Маша — "И что ты сделал?", Анатолий — "Я ее с собой принес". Мужчина лет сорока, стоящий рядом и рассматривавший витрину, в полуобморочном состоянии с воплем выбегает из зала... Маша смеется, бодро откидывая челку с лица, и извиняется, что не может мне уделить больше времени — клиенты хотят внимания и информации по сборке и составлению, надо протестировать уже собранные машины, а еще одной даме захотелось сделать для своего "компа" upgrade (улучшить на базе старого) и теперь ее надо убедить в обратном...

Как правило, для того, чтобы достичь определенных высот в профессиональном продвижении, необходимо к этому времени уже обладать достаточным количеством личного опыта, а потому уже и возраст на этот момент должен быть соответствующий — не меньше тридцати. Однако современный мир подкидывает порой удивительные вещи и преворачивает шаблоны — возраст уже давно не показатель и ничего не определяет. Кате Земцовой де-

вятнадцать лет, невысокая, немного стеснительная, а работает выпускающим оператором на кабельном телевидении. Вот такая простая история. Три эфира в день — утром до девяти, днем в обед и вечерний, прямой, с гостями в студии. Серое кресло с высокой спинкой и много-много пультов, микшеров, видеоманитофонов — вот ее рабочее место. В промежутках между эфирами

ездит учиться, а приезжает потом сразу на работу. В студии сидит одна — начальству удобно доверять работу профессионалу и не нервничать за ее качество, оно пока занимается финансами, рекламой и прочим. Как утверждает Катя, на подобной работе важна хорошая память и быстрота реакции — все материалы идут в прямом эфире, чуть замешкаешься, не успеешь сменить кассеты — и все, эфир рваный, с разностями вроде черных полос и прочих несурзных прелестей. А хорошая память — для массы тумблеров, кнопок и ключевых проводов. На студию ее порекомендовали, а поэтому никто не стал утверждать испытательный срок или ставить для начала в помощники — просто быстренько показали что да как и — вперед, на амбразуры прямоэфирного выпуска. Конечно, бывали и казусы, вроде сбоев во время вечерней беседы с гостями — ошиблась в переключении камеры и даму, пришедшую из управы, показали на весь округ, пока она строила рожи своему помощнику, чтобы тот дал ей сумочку. Кассеты с такими записями даже хранятся отдельно — уверяется, что в назидание, но на самом деле просто в личный архив юмора студии. Такое своеобразное профессиональное развлечение — во время корпоративного праздника, например, похвастаться собственной ошибкой и дружно над ней посмеяться.

Казалось бы, все просто — сиди, нажимай, меняй кассеты — тепло, не пыльно, удобно. Однако на практике все это перегружено — кассет много, а на пульте еще надо следить за звуком, светом, камерами, за качеством и равномерностью перехода. А еще успевать размещать рекламные материалы и отвечать на телефонные звонки зрителей, которые на удивление живо интересуются происходящим на экране. Сидеть не приходится. Зато, как утверждает Катя, — это достойная «визитная карточка» для дальнейшего развития. Однажды ее уже приглашали перейти на центральное ТВ, но тогда еще не было достаточно профессионального опыта, да и бросать эту студию не хотелось. А теперь появилась уверенность, что все возможно: не только гладкие эфиры без сбоев и

разрывов, но и гораздо более ответственная работа, потому как технология уже полностью освоена.

Типология профессий, в которых заняты молодые девушки, обычно довольно проста: если дело касается техники, то это то, в чем требуется точность, аккуратность, внимание и знание своего дела. И нет причин, по которым что-то может не получиться. Главное — призвание. Или скажем так — дар. Или целительство — как будет угодно. Лене Рудневой восемнадцать, учится на медицинском, и обязательно, по учебе, проходит практику в больнице. Только вся группа ее занята в качестве медсестер — носят бумажки на анализ и с анализов, смеются в коридоре и иногда водят пациентов на рентген. Лена же официально работает помощником хирурга в травматологии в отделении нейрохирургии.

Есть такое выражение «золотые руки» — руки, которые могут все, много больше и лучше того, что могут другие. А есть хорошие руки. Неважно, как человек выглядит или сколько ему лет — такое свойство не приобретается даже с многолетним опытом, а оно либо есть, либо нет. Именно по-

этому Лена уже хирург, и в одном из самых сложных, трудоемких отделений. К ним привозят самые страшные случаи — перелом шеи, позвонков, черепно-мозговые травмы и все остальные случаи травматологии, когда задета нервная система. Много текучки — сломана нога, палец, вывих плеча, выбита коленная чашечка: так называемые простые травмы. Но есть и такое, от чего обычный человек содрогается — самая сложная операция, на которой Лене пришлось ассистировать, это замена спинного позвонка. Как сказали пациенту — шансов на паралич семьдесят процентов, на отказ ног еще двадцать, на побочные расстройства в функции спинного мозга еще десять. А остальные проценты приходится на удачный исход. И когда много позже после операции больного снова научили ходить, он сделал первые несколько новых шагов по коридору — аплодировало все отделение. Для Лены это гораздо больше, чем просто работа или получение практики и профессиональных знаний — это нечто вроде отдачи своей душевной энергии, возможность вложить себя в помощь другому. Когда Лена ушла за рентген снимком для своего больного, поскользнувшегося и ударившегося об лед затылком, главный хирург честно сказал, что навряд ли она долго будет работать в их больнице. Такие качества быстро заметят профессионалы на какой-нибудь сложной операции и пригласят куда-нибудь посерьезнее и повыше. Отметим, что существует странная традиция верить в то, что хирург-мужчина много лучше женщины. Или тем более девушки. А пока — халат, скальпель, больничные карты и снимки перемежаются со сложными случаями открытых переломов, нарушениями функций головного мозга и минутными душевными разговорами в послеоперационной.

Что отличает девушку от парня? Широкая мужская спина, за которую всегда можно спрятаться, найти защиту от большого и злого внешнего мира и просто безопасно дойти поздно вечером до дома. Однако женская экспансия в мир мужских профессий про-

должается усиленными темпами — психология такого разграничения все больше уходит в прошлое, и физическое превосходство с не меньшим напором начинает оспариваться. Профессия вышибалы — та грань, за которую в принципе тяжело переступить девушке. Останавливают преимущества мужского телосложения — куда там женской хрупкости. Однако как повторяла Алиса у Льюиса Кэрролла: "Все чудесатей и чудесатей! Нет чудес страньше...", что в привычном варианте можно читать так — земля продолжает вертеться и чего только на ней не происходит.

Маша Иванова работает в ночном клубе, на ее бэйджике на груди написано: "Охрана. Администратор зала". Высокая, крупная и строгая — вот ее имидж для поддержания авторитета среди посетителей. Иначе никак — зазмут, перестанут уважать и воспринимать всерьез, придется звать охрану с первого этажа — мужиков с дубинками. А это уже личный просчет: во-первых, обидно, во-вторых, профессиональная недоработка, неумение решить конфликт любой

сложности своими силами. Впрочем, Маша оптимист: как говорит сама, ее спасает еще женская предрасположенность к миролюбию, еще не было ситуации, которую бы не удалось "разрулить". Поначалу сложно было приучить людей понимать, что администратор-охранник это не обязательно амбал с хмурым взглядом. И те, кто продолжал не понимать это до последнего и с ирриновостью неуважительно воспринимал Машу, получали свои административные штрафы и с извинениями покидали заведение. Как она говорит, чаще просто приходится выводить уже неадекватно воспринимающих окружающую действительность, пока не назрела конфликтная ситуация, а потом доверительно усмехаясь шепчет на ухо: "По субботам особенно много пьяных, отдыхают после трудовой недели...". Под ее присмотром вся территория ночного клуба — зал, танцпол, коридор и, конечно, туалеты, где как раз и случаются "разборки". А еще необходимо контролировать обращения с официантками, к ним-то как раз норовят пристать чаще всего. Сложнее было привыкнуть к ночной жизни — к работе приступать надо в шесть вечера, на ногах, голопом по залам и еще следить за входом. И в таком бешеном темпе с перерывом на перекур раз в два часа продержаться надо до шести утра, проводить последних засидевшихся, проследить за закрытием и только тогда можно ехать отсыпаться. Впрочем, энергия бьет ключом — часто даже нет прежней усталости от непривычного для организма графика. После работы Маша едет завтракать куда-нибудь в кафе, потом на пару часиков пообщаться с друзьями до их работы и только потом спать до вечерней смены. Я считаю часы ее каждодневного бодрствования, округляя от удивления глаза, а она улыбается, утверждая, что на самом деле, просто повезло с метаболизмом, при котором организм успевает отдохнуть и за несколько часов. Однако вид у нее уставший. "Расслаблюсь только тогда, когда закончится рабочий день... хм, ночь в смысле. Вот выйду отсюда, поеду с другом завтракать — тогда и почувствую себя человеком", — говорит она. — А пока еще нель-

зя — в самый последний момент что-нибудь может произойти, и работа продлится еще на час. Вдруг у кого-нибудь что-то пропадет, сумка или сотовый, сразу надо перекрыть вход, сделать досмотр вещей и так далее". Кстати, всю ночь, пока приходят посетители, Маша следит за face control — у нее есть полномочия не пускать в клуб без объяснения причин. Администратор, одним словом. На мое предложение сфотографировать ее на рабочем месте прямо в стенах клуба с сожалением покачала головой: с недавнего времени нельзя, был случай, когда на дне рождения девушки ее весь вечер фотографировали друзья. А потом пленку проявили, а там на заднем фоне, в VIP зале с приглушенным светом известная политическая фигура отдыхает... С тех пор и запретили. Пока я с ней разговариваю, Маша уже раза два на входе отобрала режущие предметы и положила в сейф — отдаст потом, при выходе. Все делается на автомате: казалось бы, небрежным взглядом, но осматривается все — глаза на предмет состояния, карманы, ноги и обувь. Инцидентов не было, но если что-то пропустит... Впрочем, как говорит сама Маша, она же не Цербер, практически никогда не доходит дело до прямого насилия, все удается решить на стадии разумного разговора. Все дело в том, как это преподнести — потому что если передавать позитив, то уменьшается эмоциональная напряженность в любом случае.

Сложно однозначно решить, какие неведомые силы толкают молодых девушек не только рано начать работать, но и выбирать столь непростые профессии. С одной стороны, конечно, желание найти себя, свое призвание и при этом не идти на поводу у толпы: все так, а я иначе, лучше, сложнее, а поэтому интересней. Но как общий знаменатель можно выделить одно — ритм. Ритм современного мира, в котором динамика развития настолько быстра, что если не влиться в процесс прямо сейчас, можно вообще оказаться на обочине. Сложная работа несет в себе психологию независимости и уверенности в своих силах, своеобразной установки на успех. ■

Алексей КЛЮШНИКОВ

■ Как-то один мой знакомый, каратист, многократный чемпион России, призер чемпионата мира Денис Синютин рассказал одну историю. Когда наша сборная по дайдо-джужу каратэ-до приехала в Токио на чемпионат мира, для наших каратистов была организована экскурсия по японской столице. Во время довольно-таки длительной прогулки по городу один наш спортсмен, обратив внимание на исключительную доброжелательность местных жителей, произнес: "Не понимаю, зачем в Японии заниматься каратэ?" Эти слова принадлежали человеку, через несколько дней ставшему чемпионом мира по одному из самых жестких и контактных единоборств. Человеку, умеющему за себя постоять в критической ситуации.

Почему наши каратисты стали побеждать японцев? Ответ напрашивается сам по себе. В Японии говорят, что любое воинское искусство настоящую проверку проходит в реальной уличной ситуации. Вот и выходит, что негде бедным японским каратистам проверять свое искусство. Чего не скажешь о наших соотечественниках. Иногда создается впечатление, что каждый второй в нашей стране — мастер боевых искусств. Особенно популярный среди российских воинов стиль "пьяный кулак". Представителей данной "школы" (особенно подростковой группы) отличает от обычных граждан желание вступать в поединки с наиболее слабыми и беззащитными.

А что же делать обычным, нормальным гражданам, неэкстремалам, более всего в жизни ценящим стабильность, личный покой и тихие семейные радости?

Как сказал один древнекитайский философ, — по совместительству мастер боевых искусств, — настоящий шифу (читай, учитель, мастер) не тот, кто с легкостью выходит из сложных ситуаций, а кто в них не попадает. И то верно. Если ваша жизнь — это не сплошная, целенаправленная гонка за очередной порцией адреналина и всего дороже личная безопасность, самый оптимальный способ существования — предупреждать жизненные неприятности. Для этого нужно: а) передвигаться по городу только в светлое время суток; б) передвигаться по строго определенному, заранее расписанному маршруту (максималь-

Защити

себя

но безопасно); в) на голове носить каску, на лице — маску, на теле — пулеударонепробиваемый, ножом не протыкаемый комбинезон; г) на людей не смотреть, на крики не оборачиваться, в конфликты не вступать и т.д. и т.п. Трудновато, а вы как хотели? Да, еще забыл про противогаз на случай газовой атаки.

Короче говоря, если вы нормальный, адекватный современной реальности человек, не китайский философ, не мастер боевых искусств, а обычный житель обычного русского города, вы должны хорошо понимать — гарантий, что никогда в жизни не попадете в критическую ситуацию в наше время, не может быть никаких. В принципе. Как бы правильно и корректно себя не вели, каким бы хорошим и позитивно настроенным по жизни ни были, никогда не стоит забывать, что вокруг вас полно людей, в любой момент готовых выплеснуть свои комплексы через агрессию и делающих это с величайшей радостью.

Именно поэтому так популярны сейчас секции боевых единоборств. Если раньше при каждой школе существовали кружки бальных танцев, кройки и шитья, преподавали для любителей автодело, то в последнее время растут, как грибы после дождя, секции боевых искусств. Что ж поделаешь, родители хотят, чтобы их дети смогли бы защитить себя сами. А так как видов единоборств существует много, мы предлагаем вам определиться, что наиболее приемлемо для вас (или вашего ребенка, исходя из его индивидуальных качеств).

Итак. Прежде всего — бокс. Даже человеку, весьма далекому от спорта, не нужно объяснять, что боксер за себя постоять сумеет всегда. Что касается недостатков, то тут тоже все понятно. Не будем сейчас пересказывать анекдоты про боксеров, смысл которых сводится к одному — к нелегкой судьбе боксерской головы. Слишком уж много по ней, бедной, бьют, а это, сами понимаете, бесследно пройти не может.

Борьба. Со словом борьба ассоциируется прежде всего четыре вида: греко-римская, вольная, дзю-до и самбо. Первые три — олимпийские виды спорта, четвертый — самбо (самооборона без оружия) — единоборство, созданное в нашей стране в первой половине XX века. По сути, являясь единственным

боевым видом спорта (если не считать славяно-греческой борьбы и рукопашного боя по системе Кадочникова), самбо в действительности — симбиоз все того же дзю-до с различными видами национальной борьбы народов бывшего СССР. Справедливости ради стоит отметить, что самбо и дзю-до у нас понятие неразрывное. Несмотря на некоторые различия в правилах проведения поединков, общего в этих двух видах так много, что случаи, когда самбист выступает на турнире по дзю-до и наоборот, вполне обычное дело. Взять хотя бы известнейшую школу "Самбо-70", ученики которой в разное время завоевывали немало наград на всевозможных соревнованиях, как по самбо, так и по дзю-до. В общем, говорим — дзю-до, подразумеваем самбо, а говорим самбо — подразумеваем дзю-до, вид, в котором голова страдает гораздо меньше.

Каратэ, пожалуй, самое популярное из всех восточных единоборств. Существует немало различных стилей каратэ, как бесконтактных (что делает результат весьма условным), так и жестких контактных, с высоким уровнем эффективности в различных экстремальных ситуациях. Преимущество каратэ над борьбой и боксом прежде всего в более широком арсенале используемых в этих видах приемов. Если в боксе разре-

ны только удары руками, а в борьбе бросковая техника (подсечки, технические действия в партере, то есть уже в лежачем положении) без каких-либо ударов, то в кудо (разновидность каратэ), например, боксерская техника рук сочетается с ударами ног и дополняется возможностью проведения

приемов из борцовского арсенала.

Кикбоксинг и тайский бокс сродни друг другу. Здесь упор делается на сочетание боксерской техники рук с ударами ног. Только в тайском боксе к этому еще добавляются удары коленями и локтями. Результат выше всяких похвал.

Что же касается у-шу и айкидо — эти виды единоборств для тех, кто главным принципом в любой ситуации считает "не навреди". У-шу — самое древнее воинское искусство с двухтысячелетней историей. У-шу — более пятисот различных стилей и направлений, многие из которых не имеют абсолютно

ничего общего между собой. И еще у-шу — искусство, овладеть которым по-настоящему можно только в одном месте — в Китае, и при том не за год, не за два и даже не за десять лет. В этом оно схоже с айкидо, с той лишь разницей, что айкидо овладеть нужно в Японии, и оно много моложе у-шу. Именно в этом причина того, что российские у-шуисты и айкидоисты — наименее защищенная в случае грубого физического конфликта группа лиц.

Тейквондо — олимпийский вид спорта. В тейквондо более 90 процентов ударов наносятся ногами, как, впрочем, и в уличных драках. А в общем, красивый, и главное — малотравматичный по сравнению с более жесткими видами спорта. Еще один вид, где практически все делается ногами, — капоэйра, также известное как бразильское кунг-фу.

Из всего сказанного можно сделать несколько выводов.

Первый. Чем более контактный и жесткий, то есть максимально приближенный к реальным условиям, стиль, тем он более эффективен.

Второй. В гипотетическом поединке примерно равных по физическим параметрам бойцов различных видов единоборств преимуществ у того, чей стиль имеет меньшее количество ограничений в способах ведения боя.

Третий. Лучше нету каратэ, чем в кармане два ТТ. То есть, если вы идете в секцию единоборств исключительно для того, чтобы всех "мочить", то не забывайте о "ломе, против которого нет приема".

И, наконец, пройдя все азы в секции одного из видов единоборств, вы (или ваш ребенок) действительно будете уверены, что в любой экстремальной ситуации сможете защитить себя, а уж при помощи какого искусства вы это сделаете: самбо, каратэ, айкидо, у-шу, кикбоксинга или тейквондо, — не так уж и важно. ■

Заметки Бертрана Вьедливового, и зона ниже стремала О блюзе

■ На самом деле я "чел" (человек). Я узнал об этом в прошлую среду, — сначала на Петровском, а затем и на Рождественском бульварах. На прошлой неделе я "ходил в молодость", словно "неонародоволец" окупился в мозаичный мир московских "кренделей" и "перцев" (юноши), "морковок" и "мурен" (девушки). "На гоголях", это возле памятника Н.В. Гоголю в начале Гоголевского бульвара, я перестал быть "челом" и стал "кексом с крезой", что по хиппански означает "психованный мужик". Московские "цветочные дети", родоначальники русского хиппажа, уже люди пожилые, увенчанные серебряными нитями седины, стянутой "хайратниками" (повязка на голове). Их тусовка возле бронзового писателя возникла не случайно. Николай Васильевич выглядит как настоящий "олдовый хиппан" (приверженец первых хиппи). Ему бы "лабать" (играть), "репы" (репетиции) регулярно посещать, "лопату" (гитару) освоить, а не в "литре" (литературе) сухариться, да в "библе" (библиотеке) пылиться. Он же классический супер, мега и ультра в одном флаконе...

Я хотя и "чел под саван", но любознательный как "вундерс", и поэтому "подкатил без траблов" (подошел без проблем) к двум "кренделям" и запирсингованной "мурене" на Петровском бульваре:

— Здравствуй, можно задать несколько вопросов?

— Можно. — Это говорит Димка, студент главного "универа" России. — У вас блюзовый тембр голоса (я охрип), мы на такие голоса откликаемся.

Само собой после такого конкретного, словно вручение Нобелевской премии, комплимента я стал воспринимать ребят как ринкарнированных блюзменов уровня Чарли Петона, Роберта Джонсона и Эллы Фицджеральд.

Итак, знакомьтесь: Димка, неслабый клавишник. Юрка, студент того же "универа", трубач, готовый "джемовать" (поединок между музыкантами) даже с Диззи Гиллеспи.

— Да он тебя уделает, — не выдерживая у такой самоуверенности, — ты все ноты за будешь.

— Ну и что, — хмыкает Юра, — зато Диззи послушаю.

Миля (на самом деле Галя), инопланетянка, играющая на крохотной флейте. Уши, нос, брови в пирсинге.

— Когда флейта шепчет между акрилово-венозным, под сурдинку, хрипом трубы и угарным саксофонным речитативом экстазной импровизации, то на земном шаре исчезает зло и смерть, остается лишь один блюз, — говорит мне Миля-Галя, словно отвечая на вопрос, который я не задал и уже не задам. К черту вопросы! Какие могут быть вопросы во время блюза?

Ребята играют. Дима, Юра, инопланетная блюз-вумен Миля превращают Москву в город-блюз. Не верите? Приходите на Петровский бульвар, в хорошую погоду, вечером. Если их там не будет, то идите на Рождественский бульвар, а если и там их не встретите, то значит у них сессия или они перебрались на Патриаршие пруды. В любом случае не расстраивайтесь, блюз, впрочем, как и рок-н-ролл, звучит повсюду, от Москвы до Владивостока и дальше... И выше...

Эх, я ведь тоже когда-то лабал на тубе Эс в детском духовом оркестре.

■ Вот такой молодежный сленг. Можно только представить вытянутые от удивления лица наших родителей, их уши, завернутые в трубочки, и руки, тянущиеся к традиционному ремню, дабы с удовольствием протянуть

им по нашему юному задку. При здравом размышлении, сказал бы, — поделом! А неча корезить и уродовать великий и могучий...

О радио

■ Включил утром транзистор и сразу же вспомнил о марихуане. Звучала премьера песни популярной в среде молодежи группы рок-о-попа "Три Д", которую основал некий "Шнур", бывший семинарист, солист не менее, если не более популярной питерской рок-группы "Ленинград". Ди-джей представил песню как "очень хорошую". Вот слова: "Иду по улице с довольной рожей/Полны карманы марихуаны". Это "Наше радио", вещающее на всю Россию...

Споры о легализации легких наркотиков бессмысленны. Они уже легализованы молодежью на нелегальном уровне. В Москве из десяти человек, в возрасте от четырнадцати до двадцати, марихуану пробовали все десять, а семь из десяти ее пробуют регулярно. Марихуана в молодежной среде повсеместна!

Вращаю колесико настройки волны и все больше убеждаюсь в том, что давно знаю. Субкультура молодой России уже окутала себя сладковато завораживающим туманом марихуаны. Вот некоторые, самые популярные среди молодежи хиты, которые можно услышать по радио, купить записанными на компакт-дисках и просто кассетах: группа "Ноль" господина Чистякова, песня "Иду курю" (Возвращаюсь раз под вечер, накурившись гашиша/Жизнь становится прекрасна и безумно хороша). Следующая песня о некоем "русском индейце", который, когда устает, "папироску он закурит" и сразу же впадает в экстаз: "травушка-муравушка, птички, бабочки" и т. д. ...

Особенно меня смешат родители, утверждающие: "Мой ребенок не такой, он хорошо воспитан и учится в университете". Трижды говорю в лицо таким родителям: "Ха-ха-ха". Если за употребление марихуаны станут сажать в тюрьму, то вся продвинутая молодежь (или почти вся!), студенчество, особенно крупных городов, в дальнейшем будут

именоваться "б/з" — бывшие заключенные, судимые одним словом, а при таких прибылях, 1 к 1000 (поинтересуйтесь в МВД), смертная казнь не остановит наркоторговцев!

Слушаю песню на волнах "Русского радио": "Человек и кошка плачут у окошка", ждут некоего доброго доктора, "доктор едет, едет, порошок везет", после которого "и печаль отступит и тоска пройдет". Все это звучит на молодежной волне ежедневно и по несколько раз в день. Высокий рейтинг популярности таких песен говорит о понимании сути у слушателей. Я буквально "тонул" в легких и тяжелых наркотических мелодиях для юношества. Группа "Смысловые галлюцинации" — хит! Розовые очки, моя ракета, где ты...". "Ракета" — это доза героина по вене, то бишь "приход" на молодежном слэнге, а "розовые очки" хороши, прикольные (имеются в продаже) для тех, кто поймал кайф. И вновь "Русское радио", ночной эфир, то есть когда взрослые и мудрые уже спят: "Возьмешь мешочек анаши, глаза горят, душа поет". А вот "Лав-радио": "Твои глаза зовут меня, как будто в них страна марихуаны". Повторять марихуано-героиновые тексты не имеет смысла, вся рок- и поп-культуры пронизаны вдоль и поперек вдохновением от наркотиков с уклоном в милитаристский патриотизм, хотя патриотизм не так уж и плохо. В общем, все как в анекдоте "Рок против наркотиков, это типа пчелы против меда".

■ Тфу-ты, ну-ты, что же происходит? Задумайтесь на минуточку. С одной стороны, СМИ — решительно выступают и ратуют за запрет "дури", а с другой? Что делают? Когда моя любимая девушка, например, очередной раз борется с полнотой (на самом деле такая пышечка, дура, не понимает своего счастья) и вдруг видит по телевизору аппетитно зажаренную лапку курицы или еще какую-нибудь вкуснятину, тут же летит к холодильнику и, о Боже, трескает все кряду. А затем виновато оправдывается, дескать, ее спровоцировали. Вот-вот! Именно поэтому запретили по ТВ рекламу алкоголя, табака... А что же радио?..

Продолжение следует.

Из Среди-земья

Елена ПРОКОФЬЕВА

Когда кинорежиссер Питер Джексон замыслил экранизировать трилогию Толкиена "Властелин Колец", он почти не колебался с выбором исполнительницы песен, которые были уже написаны Ховардом Шором и должны были прозвучать на эльфийском языке... Конечно же, Энья! Она единственная может петь так, чтобы слушатели поверили в ее эльфийское происхождение.

■ Родилась Энья в семье, где все пели, причем предпочтение отдавалось старинным кельтским песнопениям. Семейство Бреннанов — по-ирландски "Браонэйн", но в Ирландии давно уже принято переименовывать имена и фамилии на английский лад — обитало в маленьком городке Гвидор, на северо-западе Ирландии. Отец держал паб, мать преподавала музыку в школе, а многочисленные дяди,

тети, братья и сестры Энии составляли фольклорный ансамбль "Клан" и ездили с концертами по провинции.

Появившись на свет в мае 1960 года, Энья стала пятым ребенком из девяти детей Бреннанов и поначалу никто не уделял ей особого внимания: ну, поет девочка, так ведь все в этом доме поют! Правда, Энья еще и сочиняла музыку, но пока она не обучилась нотной грамоте и не стала записывать свои произведения, об этом знала только она сама. В детстве больше всего на свете Энья любила поездки на природу, на вересковые пустоши меж зелеными холмами, которые, по преданию, были полыми, в них когда-то обитали эльфы... Она просто стояла, глядя в бледное небо, вдыхала медовый запах вереска — и слушала тишину, постепенно наполнявшуюся множеством сплетающихся мелодий и голосов — голосов, которые слышала она одна!

Первый раз на сцену она вышла в четыре года, участвовала в детском музыкальном конкурсе. Правда, получила только поощрительный приз, но ничуть не огорчилась. Она и в будущем останется такой же равнодушной к наградам и титулам. Спокойно воспримет, когда ее назовут "Лучшей ирландской певицей" и "Самой продаваемой певицей" (ужасно звучит, вообще-то!), с полным равнодушием воспримет и то, что "Оскар" за лучшую песню, который ей прочили после выхода "Властилина Колец", отдали в другие руки... Главным для нее всегда был не успех, а сам процесс творчества. А успех она ценит лишь постольку, поскольку он дает ей возможность спокойно творить.

В десять лет Энью отдали в школу при монастыре. Ей там понравилось: она пела в церковном хоре и даже мечтала стать монахи-

ней. Повзрослев, Энья сохранила детскую веру в те постулаты католицизма, которые были внушены ей в школьные годы. В семнадцать лет Энья поступила в колледж, специализировалась в музыке, истории и вокальном мастерстве, изучала мировую классику и просто влюбилась в русские церковные песнопения, а особенно в произведения Сергея Рахманинова. В семейном ансамбле она пела десять лет — с восемнадцати до двадцати восьми. А потом познакомилась с супругами Райан, Ники и Ромой, и это стало началом главной дружбы в ее жизни — и ее собственной сольной карьеры. Разумеется, родственники отговаривали ее от ухода в "одиночное плавание", но Энья решила рискнуть: "Клан" Бреннанов исполнял только ирландские народные песни, а ей хотелось чего-то своего, особенного... Ей хотелось экспериментировать с голосом и звуком.

У Райанов была маленькая звукозаписывающая студия в Белфасте, мятежной столице Ольстера, и вот там-то родилась та Энья, которую с упоением слушают сейчас миллионы. Энья записывала одну и ту же песню "на разные голоса", а потом накладывала одно исполнение на другое, добиваясь сверхъестественного полифонического звучания. Разумеется, из-за столь сложного процесса создания песен она не может давать концерты, ведь добиться желанного для нее результата можно только с помощью звукозаписывающей аппаратуры. Но для нее так даже лучше: выросшая в большой семье, Энья очень ценит уединение и ненавидит толпу, пусть даже дружелюбно настроенную по отношению к ней.

Ее любовь к уединению так велика, что все свои накопления она вложила в покупку собственного замка на побережье. Да, ее ны-

нешний дом — это самый настоящий замок: правда, не очень старинный, всего лишь 1840 года постройки, но очень красивый, с толстыми стенами и узкими бойницами, со рвом и перекидным мостом, с решеткой над воротами. Уж там-то никто не нарушит уединение, столь необходимое для плодотворной работы. Никто, кроме тех двоих, которых она рада видеть всегда и без кого не мыслит теперь жизни — супругов Райан.

В сущности, песни Эньи — результат кропотливой работы трех человек: сама Энья выступает как композитор и вокалистка, а еще играет на синтезаторе и создает аранжировку, в последнем ей помогает Ники Райан, он же — продюсер Эньи, а Рома Райан пишет стихи на уже сочиненную Эньей музыку. Их сотворчество удивительно гармонично и достойно восхищения.

Правда, некоторые бульварные журналисты усмотрели нечто порочное во взаимоотношениях Эньи с супругами Райан... Но вряд ли эти писаки сами верили в пущенную ими сплетню. Энья ведет на удивление целомудренный образ жизни, из которого исключается все, что не имеет отношения к музыке. Сама она говорит: "Музыка — моя первая любовь... и единственная!" Ей уже сорок два, но никто никогда не слышал о бой-френдах Эньи: по-видимому, их у нее просто не было. Впрочем, она и сама говорила в одном телеинтервью: "Когда я выросла, у меня было несколько подружек, но не было бой-френдов. Музыка появилась в моей жизни раньше... А что касается детей? У меня достаточно племянников и племянниц, чтобы заполнить эту нишу".

Ее первая известная работа — саундтрек к многосерийному телевизионному фильму "Кельты". Некоторые песни из саундтрека составили ее первый диск, называвшийся просто "Энья". Уже дебютный альбом в 1986 году восхитил ирландских меломанов, не сходил с первых строчек хит-парада и принес ощутимую прибыль. Следующий альбом — "Watermark", появившийся в продаже в 1988 году, покорила вершины уже мировых чартов. Новые альбомы Энья выпускает каждые два-три года и среди них пока не было ни одного неудачного!

Впрочем, Питер Джексон основывался в своем выборе Эньи в качестве исполнительницы песен во "Властелине Колец" на старом саундтреке к "Кельтам", который он много раз слушал и очень любил. Энья сразу же согласилась — она тоже с детства обожала Толкиена, причем из всех его народов самыми близкими для себя по духу считала эльфов: существ возвышенных, благородных и творческих. Изучить эльфийский для Эньи оказалось более легким делом, чем для актеров Лив Тайлор или Орландо Блума, играющих в фильме эльфов и вынужденных временами переходить на эльфийскую речь. Ведь профессор Толкиен, сочиняя эльфийский, взял за основу газлик — родной язык Эньи, на котором она говорила первые десять лет жизни, до поступления в школу. Нет, конечно, в эльфийском другая лексика и грамматика, но звучание очень похоже и Энье хотя бы не приходилось "ломать язык" в попытке издать необходимые сочетания звуков. Ей было даже приятно петь на этом мелодичном языке. Как и всегда, она добилась полифонического звучания, записав одну и ту же песню на несколько "голосов" и наложив их друг на друга, так что кажется — оплакивая погибшего волшебника Гэндальфа, поет эльфийский хор, из которого выбивается один голос, чистый и скорбный... Голос девушки из сказочной страны Средиземья, каким-то чудом занесенной в наш жестокий мир. ■

Виктория СКОРНЯКОВА

Куплю тебе дом

■ У мыши был розовый нос и хвост. А глаза такие красные, как будто она не спала минимум неделю. Или неделю пила. Впрочем, все это глупости — насчет “не спала” или “пила”. Просто у белых лабораторных мышей всегда красные глаза и розовый нос. И хвост.

Мышь эту Женькин муж притащил из вивария. Так называется лаборатория, где над животными ставят разные медицинские опыты. Разумеется, для того, чтобы потом успешно лечить людей от всяких страшных болезней. И это очень гуманно — лечить. А вот ставить опыты на живых существах — не очень. Так, по крайней мере, думала Женька, разглядывая мышь. Та сидела в трехлитровой стеклянной банке, и вид у нее был какой-то очумелый. Наверное, она радовалась, что избежала опытов. А может, наоборот, переживала, что не удалось послужить человечеству. Кто их, мышей, разберет?

Это был странный подарок. Просто Женька однажды сказала мужу (будущему, потому что тогда он был еще вовсе не муж, а просто один из ее многочисленных ухажеров), что ей очень хотелось бы иметь собаку. Но завести собаку Женьке не разрешали родители. Совсем не из вредности — просто у нее была аллергия на собачью шерсть. И тогда Иван принес ей эту мышь из вивария. Он учился на медицинском факультете и раз в неделю, вместе со своими однокурсниками, ходил туда на занятия. Чем они там занимались, Женька никогда не спрашивала, потому что от жалости к мышам у нее даже в горле першило, хотя Иван много раз объяснял ей, что без возможности ставить опыты на животных медицинская наука стояла бы на месте, а не двигалась вперед семимильными шагами.

Мышь была милая и не очень пушистая, так что аллергии вроде бы можно было не опасаться. Но Женька все равно боялась забирать ее домой. У нее было смутное подозрение, что, увидев подарок, мама оставит их с мышью ночевать на лестничной клетке. И все-таки Ванькин поступок тронул ее до глубины души. Позже она, конечно, поняла, что мыш-

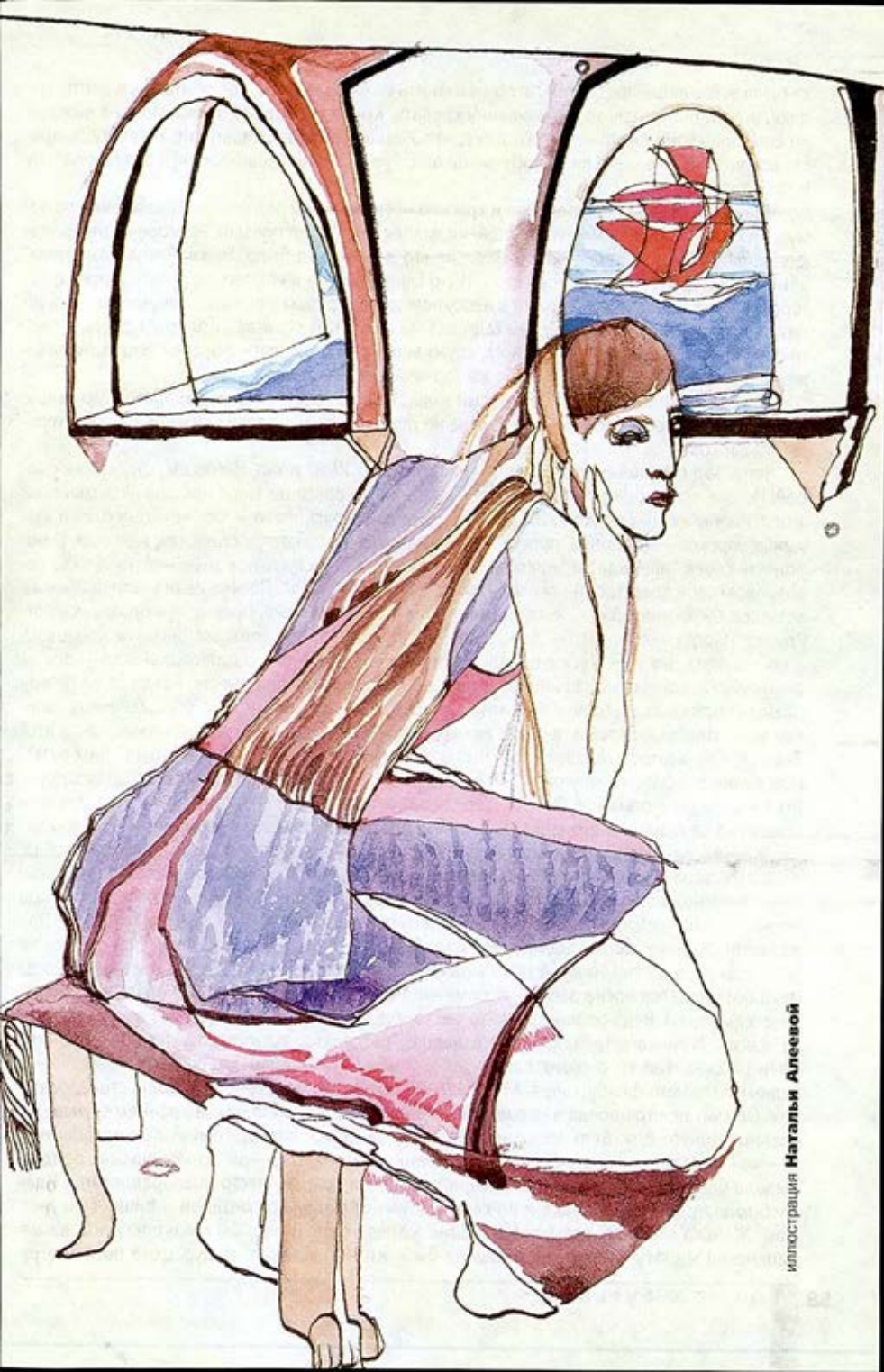

иллюстрация **Натальи Алсевой**

ка была всего лишь предлогом, чтобы заманить ее в общежитие, где обитали студенты-медики, а если получится, то и в Ванькину кровать. Кровати в тот раз не вышло и не выходило еще примерно с год: не оттого даже, что Женьке этого так сильно не хотелось, а просто воспитание — знаете ли, родители, школа, “умри, но не давай поцелуя без любви”, ну и так далее.

Иван ухаживал за ней преданно и красиво — стихи, песни под гитару, провожания до дому... Не было, конечно, ни ресторанов, ни охапок цветов, ни поездок на море — откуда такие деньги у нищих студентов! Но Женьке это и не нужно было. Нужна была романтика: алые паруса, флибустьеры, серенады... И это было, было — в его песнях, стихах, в глазах, которыми он на нее смотрел, и даже в неровном звуке его дыхания, когда, нацеловавшись до одури в полутемном подъезде, они садились на ступеньки, прижавшись друг к другу, и смотрели в окно на крупные хлопья снега, кружившие в тусклом свете фонарей. Это было похоже на вальс из “Щелкунчика” — так же торжественно и красиво.

Женька часто вспоминала этот белый вальс, но еще чаще — белую лабораторную мышь. Может быть, потому, что никто и никогда не делал ей больше таких странных и трогательных подарков.

Через год они поженились. А еще через пять лет Иван уехал. Насовсем. Он звал ее с собой. Но она осталась, понимая, что даже самое синее-пресинее море никогда не заменит ей этого снега и желтых московских фонарей. Они расстались легко — без нелепых сцен и взаимных упреков — наверное, просто не понимая, что расстаются, в сущности, навсегда. В молодости слова “навсегда” и “никогда” имеют весьма относительное значение: их просто невозможно себе представить, так же, как и слово “Вселенная”. Просто Иван уехал, а Женька осталась. Он звонил ей — сначала часто, потом все реже и реже. Присылал к праздникам открытки. Иногда — с оказией — деньги или подарки. Женька радовалась. Даже не подаркам, а просто тому, что у него все в порядке. Жив, здоров, устроился по специальности — доктором в маленькой частной клинике. Те пять лет, что они провели вместе, казались ей теперь самым счастливым временем ее жизни. Она смотрела на своих подруг, обремененных детьми, мужьями, скандалами, вечной нехваткой денег, и удивлялась: как можно так жить? Лгать, выкручиваться, заводить романы на стороне, по очереди ездить в отпуск? В их с Ивановой жизни все было по-другому. Они были молоды и легко приспособивались друг к другу. Им было не скучно вместе. Они не ссорились по пустякам и легко, по-студенчески, тратили деньги: не на диваны и дубленки, а на книги, пластинки, поездки в горы...

Женька любила вспоминать. Накипь обид и раздражения со временем рассасывалась, забывалась, как будто время обладало волшебной способностью выкристаллизовывать из темной породы прошлого крошечные драгоценные камни — осколки счастья. До поры они тихо лежали на дне души, как янтарь или жемчуг — на дне синего моря. При желании Женька могла достать их, рассмотреть, попробовать на вкус, на ощупь, на цвет... Да-да, у воспоминаний тоже есть свой вкус и запах, а вы разве не замечали? Когда Иван возвращался после работы, вспоминала Женька, от него пахло лекарствами и человеческим горем. Ведь больница — это место, где людей всегда лечат, а вот вылечивают — не всегда. Женька встречала мужа в дверях, раздевала, усаживала за стол — ужинать. Иван рассказывал ей о своих пациентах и улыбался: молодой, уверенный в себе врач с черными глазами флибустьера. Муж гнал от себя прочь человеческую боль, страх, смятение. Он считал, что победа над смертью — вопрос завтрашнего или, в крайнем случае, послезавтрашнего дня. Ведь медицинская наука движется вперед семимильными шагами! И — как ни странно! — его беспечная уверенность в собственном всемогуществе поддерживала больных. Они верили ему, верили в него и поэтому часто выздоравливали. Иван рассказывал об этом Женьке и ел свои любимые оладьи со сметаной и вишневым джемом. Женька слушала, вздыхала и тайне жалела себя. Могла бы тоже поступить на медицинский и стать врачом. Возвращала бы к жизни людей, а не дурацкие пыльные ру-

кописи давным-давно умерших поэтов! Женька была переводчиком с древних языков и еще — немножко поэтом. Во всяком случае, иногда, сидя за компьютером и пытаясь найти наиболее точный русский эквивалент только что расшифрованному ею слову, она чувствовала в спине приятный холодок. Многие пытались описать это ощущение, утверждая, что оно предшествует моменту творческого экстаза — вдохновения. Женьке нравилось думать, что и она чуточку причастна к чужому вдохновению, раз испытывает тот же самый холодок. Впрочем, так оно и было: Женька была отличным переводчиком, работу свою любила и называла древние рукописи "дурацкими" только когда у нее не ладился очередной подстрочник...

Еще она часто вспоминала ту прогулку по ночной Москве в шумной компании их студенческих друзей. Было уже за полночь, когда, поплутав в паутине арбатских переулков, они вышли к какой-то чугунной ограде. Шел снег, и в тусклом свете фонарей за его пеленой едва угадывались контуры небольшого особнячка. "Что это? — удивилась Женька. — Ты зачем нас сюда привел?" Николай — один из лучших студентов на их курсе — не по возрасту грузный, с веселым круглым лицом деревенского заводилы, хитро прищурился: "Ты же у нас отличница! Отгадай". Несмотря на свою абсолютно негородскую внешность, Коля был коренным москвичом, город свой любил и знал и иногда устраивал друзьям такие вот импровизированные экскурсии. Сейчас они стояли у ограды и недоуменно разглядывали покосившийся, ничем не примечательный домик в глубине маленького сада. "Эх вы! — покровительственно сказал Николай. — Живете здесь, а ничего не знаете. Это же домик Мастера! Вон его окна — почти на уровне земли, видите?" В голове у Женьки что-то взорвалось и рассыпалось, как искры праздничного фейерверка. Потом чуть слышно заиграла музыка: скрипки, флейты, виолончель... Иван обнял ее за плечи. Николай насмешливо оглядел притихшую компанию, почмокал губами, как будто пробуя на вкус летевшие наискося снежинки. "Ребята, — тихо сказала Саша, его невеста, похожая на молодую Ахматову, — ребята! А ведь этот вечер мы будем вспоминать всю жизнь!" Самое смешное, что тогда эта фраза показалась Женьке какой-то надуманной, нереальной. А в действительности так оно и вышло. Много лет спустя, собираясь вместе, они всегда вспоминали тот вечер, чугунную ограду, снег, два маленьких окна на уровне земли. И то, как потом они шли, взявшись за руки, и громко пели всякие старые песни. Их пьянило не вино, а ощущение приближающегося праздника — запах хвои и мандаринов, заваленные по уши снегом старинные особнячки, а может быть, просто избыток молодости.

Женька знала, что жить прошлым нельзя. "У человека, погруженного в воспоминания, нет будущего", — так написал почти три тысячи лет назад один древнеперсидский поэт. Имя у него было длинное, сложное и какое-то неизящное. А вот стихи — изящные и легкие. Женьке нравилось их переводить. Казалось, что они с поэтом живут в одном времени и знают друг о друге много такого, чего нельзя рассказать другим. А на древнеперсидском он пишет просто так, "для прикола" — как сказали бы Женькины друзья. Это были хорошие стихи. И хороший перевод. Женька даже получила за него какую-то премию. Это было еще до того, как все рухнуло, и единственным человеческим талантом стал считаться талант "делать деньги". Из всего — обмана, политических интриг, человеческого горя, даже из воздуха!

Женька не жила прошлым. И настоящим тоже не жила. Она словно погрузилась в море — вязкое, сонное — и тихо покачивалась в нем, иногда доставая со дна свои драгоценные камешки, застывшие осколки счастья. Смотрела на них, гладила руками. Улыбалась.

Она любила вспоминать лицо мужа, его улыбку и то, как он подтрунивал над ней, когда, стоя на вершине Ай-Петри, она боялась заглянуть вниз, в ущелье, где на рассвете в вершинах сосен застревали клочья тумана. От высоты и разреженного воздуха у Женьки кружилась голова. На Ай-Петри росли совсем особые сосны — корабельные. Раньше из них делали мачты бригантин. А когда вставало солнце и подсвечивало туман, казалось, что на

мачтах подняли паруса — розовые и алые, как в гриновской сказке. Когда Женьке было тяжело, — а тяжело ей было часто, — она забиралась с ногами на диван, укутывалась старым маминым пледом и вспоминала. Утренний ветер с гор. Сосны. Солнце. И в душе что-то оттаивало.

“Что же твой от тебя за границу сбежал?” — ласково интересовались подруги. “Он не сбежал, — терпеливо объясняла Женька, — он уехал. Потому что не мог здесь реализовать свой талант”. “Ишь ты! — удивлялись подруги. — Какой талант-то? Мышей резать?” При упоминании о мышах у Женьки начинало привычно першить в горле. Она поворачивалась и уходила.

Постепенно тесный круг, окружавший ее в юности, разомкнулся. Все, ради чего она отказалась уехать с мужем — друзья, любимая работа, книги, песни, стихи, — потускнело и перестало казаться таким уж важным. Можно было, конечно, позвонить и попроситься туда, к нему. Но Женьке что-то мешало: может быть, гордость, а может просто сознание того, что за десять лет она перестала быть ему необходимой. Хотя обручальное кольцо она все еще носила — по привычке. И чтобы на улице не приставали.

Сегодня Женька пошла на концерт. Просто так, развеяться. Невозможно же каждый вечер сидеть сиднем в четырех стенах! “Я куплю тебе дом... у пруда... в Подмосковье...” — пел сероглазый высокий юноша. У него были пушистые ресницы и лицо строгого ребенка. И Женька вдруг подумала, что ей еще никто и никогда так не говорил. Не спрашивал: “Хочешь, я куплю тебе дом?”, а утверждал: “Я куплю тебе дом... И собаку... И бусы из янтаря...” Никто не говорил, и теперь уже вряд ли когда-нибудь скажет. Впрочем, бусы из янтаря у нее и так были. Она сама их купила, когда ездила в Прибалтику. Старый литовец с белыми — то ли седыми, то ли выгоревшими — волосами сказал ей, что янтарь — это застывший кусочек солнца. “Красиво!” — подумала Женька и купила у него бусы. Она всегда все покупала себе сама — даже цветы по праздникам. А на собак у нее была аллергия.

По дороге домой Женька все время вспоминала эту песню и лицо юноши. Ей казалось, что на концерте он пел для нее. Для нее одной. Хотя умом Женька понимала, что так, должно быть, казалось всем женщинам, сидящим в зале. И еще — что дома его ждет жена или, может быть, просто девушка. И когда он вернется усталый и протянет ей охапки цветов, которыми его завалили поклонницы, она засмеется и прижмет к нему, и они будут целоваться до одури в полутемном коридоре. А потом она расставит цветы в красивые вазы и напоят его чаем с оладьями и вишневым джемом. А он будет сидеть на кухне, под уютным абажуром и рассказывать ей про концерт. И у него будет лицо не строгого, а просто счастливого ребенка.

Ночью Женьку разбудил телефонный звонок. Голос Ивана звучал так близко, как будто он говорил из соседней комнаты. “Женька, — сказал он, — приезжай. У вас там все плохо, а будет еще хуже”. “А у тебя?” — спросила Женька. “У меня хорошо. Я купил дом. Так что поживешь первое время, пока не устроишься. Место есть. Ты хоть представляешь себе, что такое собственный дом?” “Нет, — призналась Женька. — А... дом у пруда?” “Почему у пруда? Прямо на берегу океана. Ты не представляешь, какая здесь красота! Здесь же вообще не бывает зимы! Приезжай, Женька, а?”

Женька посмотрела в окно — на хлопья снега, кружившие в тусклом свете фонарей, и почувствовала, что погибает от одиночества. “Ванька, — сказала она тихо, — а у нас снег идет. Как в вальсе из “Щелкунчика”, помнишь?” “В каком вальсе? — удивился Иван. — Ты вообще понимаешь, что я тебе говорю?” “Понимаю, — сказала Женька. — Ты извини, мне завтра рано на работу”.

Всю ночь Женьке снился океан — синий-пресиний. В нем плавала белая мышь в янтарных бусах, и вид у нее был очумевший. Наверное, она удивлялась тому, что умеет плавать. А может быть, радовалась. Ведь теперь у нее был свой кусочек солнца. Пусть даже застывший.

Маша АЛЕКСАНДРОВА

* * *

*Видишь, увешан златыми лампадами
Белый от снега и слез потолок,
Медленно сталактитами капали
Красные розы на черный порог.*

*Где-то под пылью книги зачитанной
Вытащу перышко тихой мечты,
Брошу в окно. Красотою невиданной
Полетит оно вверх, не боясь высоты.*

*Мертвые двери, канделябры старинные
Молча убьют своей тяжестью лет.
Плачут сгоревшие свечи невинные,
Им не вдохнуть этот сказочный свет.*

*Хочется спрятаться в облако темное
Навечно застывших цветов на столе.
Все это море, пусть не огромное,
С мраморным блеском, дарю я тебе.*

* * *

*Весна замучила снегами,
Ответ не найден на вопрос.
В любви запутаться словами,
Искать ошибки в мире снов —
Твоих, моих, чужих... не важно,
Зимой ломается любовь,
Стреляет в душу, но напрасно...*

*Тебя любить, смотреть в глаза
И ждать банальные признанья.
В любви опасны тормоза,
Опасны даже расставанья.
И ничего не изменилось —
Ты ждешь весну, я жду тебя.
Как будто бы мне все приснилось,
А может, это и не я...*

* * *

*Прости мне мой последний вираж,
Я медленно буду садиться.
Наверно, не станет этот мираж
Реальностью... Так не годится.*

*Пусти меня ненадолго в свой мир,
Мне очень страшно поверить,
Что ты ничего не изменил.
Остатками пульса измерить*

*Попробую я одиночества грусть.
Но, кажется, лучше не станет.
И пусть меня убивают, пусть.
Зато никто не обманет.*

* * *

*Мне, любознательной, так быстро
Открылся толк твоих речей.
Все оказалось очень чисто —
Я поняла, что ты ничей.*

*И мне, мечтательной, не надо
Великих в жертву клятв нести.
Одну тебе даю награду —
Бросаю камень на пути.*

*Твоих пустых видений призрак
Появится лишь ночью той.
И с ним, стремительной и близкой,
Предстану я перед тобой.*

*И мне, упавшей в эту бездну,
Объятий теплых, но чужих,
Доказывать все бесполезно —
Так долго ты любил других...*

* * *

*Хочешь, я напишу тебе стих?
Только не надо бояться.
Жаль, что мой почерк совсем отвык
И перестал наклоняться.*

*Буквы не скажут глупого смысла,
Того, что черчу на бумаге.
В воздухе тень безразличья повисла,
Наверное, ей не хватает влаги.*

*Выкинь из сердца стоптанный мусор,
Отдай предпочтение воле.
Он обещал, но где-то прослушал,
Как я кричала от боли.*

Полина ТЕСЛЕР

"А мы потуже зашнуруем гриндара*, а мы "Динамо" раскидаем на дрова..."

(Из народной фанатской песни)

■ "Фанатизм (от латинского *fanaticus* — иступленный) — доведенная до крайней степени приверженность к кому-либо, к каким-либо верованиям или воззрениям, нетерпимость к любым другим взглядам, страстная преданность чему-либо". Прочитав трактовку слова "фанатизм", у любого человека, наверняка, возникнет ассоциация с чем-то агрессивным, насильственным, разрушительным. К примеру, вспоминаются совсем недавние события, произошедшие на Манежной площади, разбитые витрины Тверской, изуродованные машины и толпы придурков, бесчинствующие в прекрасный летний день на центральных улицах столицы. Конечно, здесь можно говорить и о неподготовленности нашей милиции, и о нашем бескультурье и о чем угодно, но зрелище разгулявшихся фанатов ужаснуло всех. И все поняли, как далеко зашла их болезнь.

Кстати, о слове "болезнь". Именно от него произошло безобидное слово "болельщик". По Ожегову: "любитель спорта, а также человек, болеющий за кого-либо или за что-либо". Помните старые фильмы тридцатых го-

дов прошлого столетия, где все, и болельщики и спортсмены разных команд, любя и уважая друг друга, завоевывают справедливую победу. Вспоминаешь рассказы отца о том, как в детстве он без спросу убежал на стадион "Динамо", где даже однажды добрый конный милиционер пропустил его на футбол без билета. Но все эти времена, к сожалению, ушли в безвозвратное прошлое.

Бытует мнение, что родиной настоящих футбольных хулиганов является Англия.

И, действительно, уже в начале шестидесятых, англичане даже не хотели участвовать в международных футбольных матчах из-за боязни погромов после проигрыша команды. А резню они учинили в Германии. Немцы после этого стали заставлять особо ярых фанатов на время очередного матча являться в полицейский участок, а сами англичане поставили своих болельщиков на учет.

Фаны — явление мировое и носит ярко выраженный националистический характер. Основная масса фанов — люмпен или подростки из крайне неблагополучных семей, из обездоленной части общества.

Во Франции мне довелось видеть английских болельщиков старшего поколения. Наверное, они были более спокойными, чем молодые. Англичане-фанаты приезжают в Париж за несколько часов до начала матча. И начинают с развевающимися флагами своей команды разгуливать группами по улицам

* Гриндара — тяжелые ботинки на толстой подошве.

Парижа с песнями. То же самое делают и французские болельщики, но их возраст значительно моложе англичан. Встретившись случайно друг с другом, они отпускают всякие остроты и грубые шутки, но до рукопашного боя дело не доходит. Это, как я понимаю, легкая разминка перед матчем. Да и шуток много не отпустишь, так как французы считают ниже своего достоинства говорить на английском, а англичане, наверное, из-за исторического пренебрежения к лягушатникам, не учить французского. И с дракой на улицах Парижа дело обстоит сложнее. Я видела, как компания французских фанатов сидела около центра Помпиду, орала песни, размахивая флагом, а потом кто-то взял бутылку и кинул на асфальт. Полицейских вро-

де бы не было видно, так... где-то прогуливались, но стоило этому произойти, они прямо как из-под земли выросли, целой бригадой, и собаки с ними, и наручники и все на свете. Всех как-то спокойно, без применения дубинок, погрузили и увезли. Потому что во Франции считается, если ты хоть как-то помешал своим гуляньем другому человеку, то уже совершил насилие над личностью. Если тебя за это и не посадят, то штраф наложат такой, что год без денег жить будешь. Вечером в метро я встретила английских болельщиков. Матч их команда проиграла, они это дело явно отметили в ресторанчике, ехали на вокзал уже без особого азарта, разглядывали французов, громко что-то говорили друг другу, и явно про присутствующих, а по-

том ржали, как лошади. Иногда кто-то отпускал комплимент, наверное, сомнительного характера какой-либо девушке на ломаном французском. Но надо было видеть то пренебрежение и высокомерие, с которым французы, молча, смотрели на англичан! Конечно, все это происходило в мире, где чтят законы и живут по правилам, существующим веками. Но, повторяю, даже у них происходят и драки, и погромы на стадионе, и даже девушки выбегают на поле в обнаженном виде, чтобы поддержать моральный дух своей команды.

А что же у нас? У нас, как и полагается в нашей стране, все принимает крайние меры. Надо где-то погорланить, похулиганить, напиться, устроить драку, обворовать малолеток, — иди на стадион, на футбольный матч. Там такое поведение, вроде бы, к месту. И выходит, что поход на футбол можно сравнить с экстремальным видом спорта. Даже люди, проживающие рядом со стадионом, стараются не выходить на улицу в часы перед матчем и после него, пораньше вернуться с работы, не выгуливать собак и не высовываться из квартиры.

И невольно задаешься вопросом, почему это происходит, почему наша молодежь так агрессивна? Но куда же ей приложить свои силы? Разве что податься в "Бригаду" к Саше Белову, новому идеалу нашей молодежи? Так неизвестно, что уж тут лучше, похулиганить на стадионе или погибнуть от ножа братьев. Не всем дана возможность учиться в университете, не у всех есть деньги заниматься спортом в "качалке" или в любом другом месте. А как их заработать, никого не прибив и ничего не украв, знают немногие. И они, конечно, не пойдут громить Москву. Наверное, надо вспомнить и о безработице среди молодежи.

И вот на футболе выпускается пар из котлов.

У нас после Манежного погрома много говорили и писали, впрочем, как и всегда это делают после драки, много махали кулаками, пытались искать виновных подросткового беспредела. Конечно, виноватыми оказались "семья и школа", милиция, государство, коммунисты, демократы и прочие.

Но, надобно отметить, что были приняты и серьезные решения. На стадионах усилили меры безопасности. Все болельщики вынуждены пройти через рамку, которая засекает наличие металлических предметов. Нельзя проносить воду в стеклянной таре, категорически запрещено приходиться со спиртным. Нельзя продавать его рядом со стадионом. Теперь фанов различных команд разводят по разным секторам. Например, если Южную трибуну занимают фанатики "Динамо", то на Северную отправляют фанов "Спартака". Для нормальных людей введены VIP-зоны. Билет, конечно, в них стоит намного дороже, зато есть возможность спокойно посмотреть футбольный матч. Но, если не приведи Господи, начнется какая-нибудь потасовка, то сдерживать столь многочисленную компанию фанов, а на современном стадионе их собирается до двадцати тысяч человек, будет очень трудно, даже высокопрофессиональной милиции. Самыми радикальными фанатами являются болельщики ЦСКА — Ультрас. В драке они используют металлические цепи от велосипедов и прочий металл. Не менее агрессивны "Зенитчики" из Петербурга. Все эти болельщики-фанаты страшны еще и тем, что их болезнь крайне заразна и распространяется со страшной силой, поражая в основном подростков.

Сейчас появились фан-клубы, объединяющие любителей той или иной команды. Клубы работают совместно с правоохранительными органами и со спортивными клубами, пытаются структурировать движение фанов. Они предоставляют дешевые билеты на матчи. Выдают бесплатно атрибутику команды, пытаются вырвать подростков из-под влияния неорганизованной массы.

Теперь после окончания матча существует система разводки. Подключается ОМОН. Подростков буквально по живым коридорам, состоящим из работников правоохранительных органов, проводят до метро, где все запружено милицией, а иногда и до электричек, так как многие приезжают на матчи из Подмоскovie. Из Ярославля, например, фанов ОМОН "провожал" с собаками до электрички бегом. И если кто отставал, то собаки делали свое собачье дело — кусали. В результате все друж-

ными рядами, одновременно отбыли на родину, по домам. Кстати, о живых коридорах, пока по ним идешь на матч, тебя могут двадцать раз обыскать, обозвать, используя все многообразие живого русского языка. На стадионе возможно ни за что, ни про что получить дубинкой. Потому что в случае конфликта милиция дубасит всех подряд. (Недаром среди фанов уже появились группировки по борьбе с милицией. Они даже "удачно выступили" в Питере, трижды выгнав защитников порядка из своего сектора. Фаны закидали милиционеров сломанными креслами, бутылками и прочей атрибутикой футбольных матчей.)

Водку из-под полы купить тоже можно. Можно напиться и заранее. К тому же в радиусе километра от стадиона вас поджидают компании, в любой момент готовые вывернуть ваши карманы или за просто так набить морду.

Но представьте ситуацию — вы миролюбивый болельщик-любитель футбола, наконец, добрались до стадиона и уселись на узенький и холодный стул, в окружении матерящихся, непрерывно курящих, пьяных, (а не один уважающий себя фан не придет на матч в трезвом состоянии), наколовшихся и иногда даже, простите, блюющих, подростков. Какой уж тут матч!

Кстати, что же мы все о мужчинах, да о мужчинах! Ведь существуют еще и футбольные фанатки — вечные спутницы фанов, девушки-декабристки. Этих особ называют на английский лад — "челси". Одеты они, как правило, как и их спутники, — тяжелые ботинки, куртка-бомпер, да и внешне мало чем отличаются от них. Голова выбрита, оставлена только длинная челка. Они пьют не меньше своих джентльменов и явно перещеголяют их в матерных выражениях.

Однако выход есть.

Если вы все-таки собрались на футбольный матч, купите бутылочку пива, обязательно в стеклянной таре, оно лучше по вкусу, чем в пластмассовой или металлической банке, приготовьте к пиву что-нибудь вкусненькое, накиньте плед и, поудобнее устроившись на диване, не забудьте включить телевизор. Желаем удачи вашей команде! ■

Не покупайте хлеба больше, чем может понадобиться.

Сохранить хлеб свежим совсем трудно. В металлических и пластмассовых хлебницах свежим хлеб остается 2-3 дня, а чтобы он не плесневел, хлебницу надо мыть через 7-10 дней. Обязательно хранить белый и черный хлеб отдельно — он сохранится лучше.

Мягкий хлеб надо резать ножом, слегка подогретым на огне. Тогда хлеб не мнется. Если же хлеб зачерствел, не выбрасывайте его! Из черствого хлеба можно приготовить много простых и вкусных блюд.

Вот некоторые из них:

■ Запеканка из черного хлеба

Полбуханки черствого черного хлеба, 1/3 стакана сахара, полкило яблок, цедра одного лимона, 2 ст. ложки масла, корытце сметаны.

Черствый хлеб мелко нарезать или натереть на терке (сухой хлеб пропустить через мясорубку), смешать с 2 ст. ложками сахара, добавить тертую цедру. Яблоки нарезать ломтиками, посыпать оставшимся сахаром. В смазанную жиром сковородку слоями выложить хлеб и яблоки, на каждый слой положить кусочки масла и сметану. Запечь в духовке.

■ Хлебный суп по-крестьянски

На 300 г сухих ржаных корок — 1,5 л воды, 2 ст. ложки сливочного масла или маргарина, 3 яйца, 2 головки репчатого лука, пучок петрушки.

Сухие хлебные корки с нарубленной зеленью петрушки и мелко нарезанным репчатым луком поджарить на сливочном масле. Залить водой, посолить и довести до кипения. Непрерывно помешивая, осторожно добавить тщательно растертое яйцо.

Сегодня мы поговорим о хлебе, который "всему голова"

■ Гренки из ржаного хлеба

На 1/3 буханки ржаного хлеба — 2 ст. ложки растительного масла, 2 зубчика чеснока, соль.

Ржаной хлеб нарезать тонкими ломтиками, обжарить на растительном масле и посыпать чесноком, растертым с солью.

■ Бабка с яблоками

На 1/3 батона пшеничного хлеба — 1 яблоко, полстакана молока, 1 яйцо, 1 ложку сахара, 1 ложку маргарина.

Очищенные от кожицы и семян яблоки нарезать мелкими кубиками и пересыпать сахаром. С хлеба срезать корки и нарезать прямоугольными ломтиками толщиной 0,5 см. Оставшиеся обрезки нарезать мелкими кубиками и подсушить. Ломтики хлеба с одной стороны смочить в смеси из яиц, молока и сахара и уложить смоченной стороной вниз на сковороду, покрыв дно и стенки. В середину положить подготовленные яблоки, смешанные с хлебными сухарями. Сверху покрыть ломтиками хлеба, уложив их смоченной стороной вверх, и запечь.

■ Запеканка из пшеничного хлеба

На полбатона пшеничного хлеба — полстакана молока, 1 ложку масла, 1 ложку сахара, 1 яйцо, щепотку изюма.

Черствый пшеничный хлеб нарезать кусочками и залить молоком. Поставить для набухания, затем перемешать и добавить сливочное масло, сахар, растертый с желтками, промытый изюм, хорошо перемешать и ввести взбитые белки. Подготовленную массу выложить на сковороду, смазанную и посыпанную молотыми сухарями, выровнять поверхность и запекать 30 мин.

Можно подавать с киселем или молоком.

■ Шарлотка

1 батон зачерствевшего белого хлеба, 4-5 яблок, стакан сахарного песка, стакан муки и 3-4 яйца.

Батон пропустить через мясорубку или потереть на терке.

Хорошо смазать маслом сковороду и посыпать полученную сухарную смесь, чтобы дно сковороды было полностью закрыто. Затем выложить нарезанные мелкими дольками яблоки.

Отдельно растереть яйца с сахаром и добавить муку (растирайте как можно дольше, не жалейте сил и времени). Полученной смесью залить яблоки и поставить в разогретую духовку. Через 40 минут у вас будет красивый румяный пирог.

Приятного аппетита!

Ваш ПОВАРЕНОК

дель

сарю

Ирина ОПИМАХ

■ Имя флорентийского художника Андреа дель Сарто — блестящего рисовальщика, тонкого колориста, создателя монументальных фресок и глубоких, психологических портретов — неразрывно связано с искусством Высокого Возрождения, с историей Флоренции. "В нем одном, — писал Вазари, — природа и искусство показали, на что способна живопись, когда она в равной степени пользуется и колоритом, и рисунком, и выдумкой".

Андреа Франческо д'Аньело, прозванный Сарто (что в переводе с итальянского значит "портной" — его отец шил одежду) родился во Флоренции, в 1486 году. Здесь, в этом удивительном и прекрасном городе, Сарто получил первые уроки мастерства, познал славу и горечь разочарований, здесь написал свои лучшие произведения, вошедшие в сокровищницу мирового искусства.

Дед Сарто был ткачом, он переехал во Флоренцию из Фьезоле и поселился в квартале Санта Мария Новелла, там же жил и работал отец художника, Аньело. Когда Андреа исполнилось семь лет, его, уже освоившего чтение и письмо в начальной школе, отдали обучаться в мастерскую ювелира — флорентийские дамы, да и сеньоры тоже, очень любили украшения, и ювелирное дело счита-

лось тогда весьма прибыльным занятием. Но мальчику гораздо больше нравилось работать карандашом и кистью, чем тонкими ювелирными инструментами, и Андреа отдал на обучение в мастерскую живописца Джана Бариле. В 1498 году Бариле, заметив увлеченность и явную одаренность Андреа, устроил мальчика в мастерскую Пьеро ди Козимо, считавшегося лучшим мастером Флоренции. Козимо полюбил своего ученика, обращавшегося с красками с небывалой для ребенка легкостью и любовью. В *боттеге* (так в те времена назывались мастерские художников) Козимо юный Сарто провел десять лет — до 1508 года.

Политическая жизнь Флоренции на рубеже XV-XVI веков была необыкновенно насыщенной. В 1492 году умер Лоренцо Великолепный, герцог Медичи — властный, умный, жесткий монарх, известный покровитель художников и поэтов, сумевший не только сохранить власть семейства Медичи во Флоренции и добиться некоторого равновесия во взаимоотношениях между государствами Италии, но и всячески поддержать развитие искусства и ремесел в городе. Его наследник, сын Пьетро, недаром получил в народе прозвище “Неудачник” — он умудрился потерять все, что с таким трудом получил отец. Он позорно капитулировал перед французским королем Карлом VIII, и тогда флорентийцы отстранили его от власти, изгнали Медичи из города и восстановили республиканское правление. Во главе города встал Пьетро Содерини, ставленник аристократии, избранный на должность пожизненного гонфалоньера.

Художественная жизнь Флоренции так же бурлила. Ведь старшими современниками дель Сарто были такие гиганты Возрождения, как Леонардо да Винчи и Микеланджело! И когда в 1501 году Леонардо представил свою картину “Мадонна со святой Анной”, Андреа мог обсуждать ее вместе с другими восхищенными флорентийцами, он мог и наблюдать за соревнованием Микеланджело и Леонардо при работе над картонами для фресок зала Большого Совета и Палаццо Веккьо... Ученики мессера Козимо не только усиленно работали, но и постоянно спорили об искусстве. Надо сказать, что сам Пьеро ди Козимо — весьма колоритная фигура. Кумир молодежи, веселый, остроумный человек, талантливый живописец и прекрасный педагог, он стал учителем многих замечательных художников чинквеченто — XVI века. Еще в юности Козимо, “выдумщик необыкновенный и прихотливый”, был нарасхват во время праздников. Он изобретал маскарады в виде триумфов, устраивал веселые маскарадные шествия. А однажды придумал нечто, поразившее всю Флоренцию и навсегда оставшееся в истории города. Андреа с восторгом принял участие в затее своего учителя. Козимо вместе с учениками соорудил колесницу Смерти — “влекомую буйволами, она была вся черная и расписана костями и белыми крестами. Наверху колесницы возвышалась огромнейшая Смерть с косою в руке, кругом же на колеснице стояло много гробов с крышками, и повсюду, где триумф останавливался для песен, они открывались и из них выходило люди, обряженные в черную холстину, на которой намалеваны белым по черному все кости скелета... и когда издали появлялись факельщики с масками в виде черепов, вид этого наводил страх и ужас, а сами мертвецы при звуке приглушенных труб, звучащих мертвенно и хрипло, приподнимались из гробов и начинали петь псалом Давида”. Мрачное зрелище удивило и восхитило пресыщенных флорентийцев — как оригинально! Вот таким своеобразным чувством юмора обладал Пьеро ди Козимо. Сарто потом говорил Вазари, что все это мрачное действо выдумали неслучайно — оно словно предсказывало возвращение двенадцати членов семейства Медичи, в ту пору мертвых для Флоренции, однако вскоре им предстояло воскреснуть. И предсказание сбылось. Медичи, поддерживаемые

папой и королем Арагонским, с триумфом возвратились во Флоренцию. Да и в Риме их позиции упрочились — на папском престоле оказался Джованни Медичи (папа Лев X), которого сменил Джулиано Медичи (Климент VII).

Да, учитель Андреа мессер Козимо оказался весьма необычным человеком. И в своем искусстве он не походил на итальянских художников своего времени. На его полотнах оживали странные, необычные и прекрасные образы. Преклонение перед красотой мира, страсть к выдумке и мифу сближали Козимо с голландскими и немецкими мастерами, в частности, с Дюрером, любовь к которому он передал и Сарту. Козимо восхищался и своими соотечественниками, и выше всех ценил Леонардо. Однако искусство Козимо принадлежало эпохе quattrocento, XV веку, вот почему учитель оказал небольшое влияние на становление Сартто как художника. Кумирами Сартто стали Леонардо, Микеланджело и Рафаэль, соперничество с которым наложило отпечаток на все его творчество. Но это будет позже. А пока он осваивает азы живописи — копирует фрески Джотто и Мазаччо, картоны Леонардо ("Битва при Ангиари") и Микеланджело ("Битва при Кашине"), стоявших в папском зале монастыря Санта Мария Новелла, и несмотря на юный возраст, как рассказывает Вазари, "превосходит всех других рисовальщиков, которые там толпились". Здесь Андреа познакомился с Франчабиджо, ставшим его близким другом. Франчабиджо немного старше Андреа, но это не мешает им дружить — вместе развлекаться и работать.

Шли годы, у Козимо портился характер; его все раздражало: подмастерья, детский плач, звон колоколов, люди, а старческое дрожание собственных рук приводило в ярость. И вот Андреа решает на первый самостоятельный поступок — в 1508 году он покидает мастерскую Козимо и становится членом цеха врачей и аптекарей (во Флоренции художники входили в этот цех). Вместе с неразлучным другом Франчабиджо, также покинувшего своего мастера и тоже принятого в цех художников, он открывает на Пьяцца дель Грано собственную мастерскую.

Молодым художникам было не просто завоевать положение и утвердиться в художественной среде Флоренции. Ведь рядом с ними работали Фра Бартоломео, Леонардо и Микеланджело, восходила звезда Рафаэля. Тем не менее Сартто и Франчабиджо продемонстрировали, что способны с честью конкурировать с прославленными мастерами. Первый крупный заказ удалось получить благодаря старосте церкви монастыря братьев сервитов Сантиссима Аннунциата, близкому родственнику верного друга Франчабиджо. Здесь Андреа написал пять фресок на темы жития святого Филиппо Беницци, "Шествие волхвов" (1511 год) и "Рождество Девы Марии" (1514 год), в которых выступил как вполне зрелый мастер. В этих работах Сартто приблизился к тому, что делал Рафаэль в своих знаменитых станцах. Его роднят с великим художником и совершенство композиции, и гармоничное расположение фигур в пространстве, и введение изображений реальных людей в религиозные сюжеты. Рафаэль изображает себя в "Афинской школе", и Сартто на фреске "Шествие волхвов" помещает свой портрет, а рядом пишет двух друзей — Сансовино и церковного музыканта Айоле. Как и другие выдающиеся мастера Возрождения, Сартто, рассказывая о событиях библейских, прежде всего говорит о себе и своем времени.

Фреска "Рождение Девы Марии" погружает зрителя в жизнь Флоренции начала XVI века. В дом к знатной флорентийке пришли ее подруги, чтобы поздравить с рождением ребенка. На картине — кровать с высокой деревянной резной спинкой, мраморный камин, украшенный орнаментом и скульптурными фигурами, поддерживающими эмблему ордена сервитов и герб Медичи, скамья с

резным карнизом, здесь присутствуют и такие мелочи, как тапочки у кровати, медный таз, пеленки.

Андреа обретает уверенность в своих силах. Теперь он идет своим путем, становясь независимым даже от друга Франчабиджо. Многое меняется в жизни художника — его теперь хорошо знают в городе, работает он в новой мастерской, которую все называют "Ла Сапиенца" ("Мудрость"), находящуюся около церкви Сантиссима Аннунциата. Здесь же трудится и старый друг Якопо Сансовино, только что вернувшийся из Рима и полный впечатлений от работ тамошних художников. Возможно, и Сарто тоже побывал в Вечном городе, точных сведений о его путешествии нет, но существует версия, что Андреа ездил в Рим — в 1511 и 1514 годах — вместе с Понтормо и Россо. Так или иначе, его работы говорят о том, что он был прекрасно осведомлен о всех новых направлениях в живописи того времени. И его поиски и обретения в искусстве становятся чрезвычайно важны для молодых художников Флоренции. В боттеге Андреа появляются ученики, подмастерья, его картины копируют.

Сарто не испытывает недостатка в заказах — тут и фрески во дворике Братства босоногих кармелитов, и в трапезной монастыря Сан Сальви, и в парадном зале виллы Поджо а'Кайано, алтарные образы для важнейших флорентийских церквей перемежаются с заказами для домашних капелл и росписей в домах самых знатных семейств города.

Сарто занят не только живописью — как и другие флорентийские художники, участвует в украшении города в дни карнавалов, больших праздников и по случаю важных событий в общественной жизни. В 1512 году семейство Медичи после изгнания вернулось во Флоренцию. Дабы утвердить в глазах сограждан авторитет рода Медичи и напомнить строптивым флорентийцам о годах процветания Флоренции во времена правления Лоренцо Великолепного, они решили устроить грандиозные празднества. Сарто создал эскизы колесниц и костюмов для карнавального шествия. И сейчас в галерее Уффици можно увидеть небольшие, вытянутые в длину узкие холсты с изображением аллегорических фигур, имитирующих античный скульптурный рельеф. Поражает мастерство рисунка, пластика фигур — недаром в мастерской Андреа работали замечательные скульпторы Рустичи, Сансовино и Триболо. Вазари пишет, что Сансовино даже изготавливал для Андреа модели фигур, которые тот потом рисовал.

В 1515 году Сарто принял участие в украшении города во время приезда папы Льва X, а потом на протяжении нескольких лет расписывал колесницы для торжественных процессий цехов и торговых корпораций в день Иоанна Крестителя.

Творческая зрелость Андреа дель Сарто — вторая половина 1510-х годов — совпала с высшим пиком развития искусства Высокого Возрождения. К 1520 году, году смерти великого Рафаэля, основные принципы классического стиля Возрождения нашли блестящее воплощение в росписях Сикстинской капеллы, в работах Микеланджело и Леонардо. Копии работ Рафаэля, разошедшиеся по всей Италии, оказали огромное влияние на развитие как итальянского, так и всего западноевропейского искусства.

Во времена правления двух пап из рода Медичи — Льва X и Климента VII — контакты Рима и Флоренции стали особенно тесными. На художественный рынок Флоренции проникают картины Рафаэля и художников его круга. Постепенно формируется новая флорентийская школа художников, вошедшая в историю искусств под названием школы Сантиссима Аннунциата — по названию церкви, в росписи которой, наряду с Сарто, приняли участие его ученики и друзья. Во втором десятилетии XVI века она сначала сравнялась, а потом и пре-

взошла по важности школу Сан Марко, во главе которой стоял Фра Бартоломео. Известный итальянский искусствовед Лучано Берти прекрасно сформулировал основные различия этих двух таких разных по философии и живописи школ: "Там (у художников Сан Марко) все связано с воспоминаниями о Савонароле, с демократическими и республиканскими идеалами; здесь (у мастеров Сантиссима Аннунциата) выставлялись напоказ кажущаяся игрой слов сервильная "сервильность" по отношению к Медичи, вновь ставшими правителями Флоренции. Там — целомудренная, строгая и пуританская живопись, монумент-

тальность которой, кажется, одобряется самим Христом Вседержителем. Здесь, уже в первых работах Андреа дель Сарто, — живопись намного более человеческая и снисходительная к человеческому, нежно-оживленная, не чуждая иронии. ... Там — тяжелое, серо-черное, как монастырский сумрак, сфумато. Здесь — светотень Сарто, с фиолетовой дымкой, как бы пропитанное нежным благовонием...".

После смерти Фра Бартоломео Андреа дель Сарто становится самым главным художником Флоренции. К нему приходят настоящая слава, признание и материальное благополучие. Вдохновленный успехом, он много работает, у него известная на весь город мастерская, его окружают ученики и подмастерья — среди них талантливые молодые Якопо Понтормо и Россо Фьорентино. Сарто все любят — ведь у него замечательный легкий характер, с ним просто и весело. Эти годы — самые счастливые в жизни художника. У него есть все — его искусство, друзья, деньги, успех, и страстный роман — он влюблен в Лукрецию дель Феде, жену весьма состоятельного флорентийца. В 1517 году умирает муж Лукреции, и Сарто женится на сеньоре дель Феде. Всю свою недолгую жизнь Андреа посвятил Лукреции. Светом любви к жене озарены многие произведения художника. В женских образах на его картинах нетрудно узнать очаровательную сеньору Лукрецию — высокий лоб, глубокий взгляд карих глаз, нежная улыбка, мягкий овал лица. Это она — одна из женщин на фреске "Рождение Девы Марии", святая Екатерина в "Мадонне с Младенцем и со святыми Екатериной, Елизаветой и Иоанном Крестителем", мадонна на картине "Мадонна с гарпиями"...

Спустя сто лет Бальдинуччи, рассказывая о жизни Якопо да Эмполи, восхитавшегося живописью дель Сарто и упражнявшегося, копируя его фрески, рас-

сказывает, как однажды молодой Эмполи встретился с уже весьма пожилой Лукрецией во дворике Сантиссима Аннунциата. Вдова Сарто пришла туда помолиться. «Остановилась она и смотрела с огромным удовольствием, как Эмполи работал, и показала она ему все портреты, которые в той фреске были написаны с натуры, с ее лица, рассказывая юноше со слезами о временах и местах, и о том, как она позировала мужу, когда он ее рисовал».

Как и многие флорентийцы, Андреа дель Сарто был членом нескольких полумирских, полурелигиозных братств (Братства босоногих кармелитов и Братства святого Себастьяна) и дружеских, вполне мирских объединений, которые

сейчас бы назвали клубами — «Лопата» и «Котелок». Встречи членов этих сообществ носили самый разный характер — от шумных, театрализованных застолий с обильными возлияниями до экзальтированных религиозных собраний, со страстными проповедями воздержания, покаяния, смирения и послушания в миру.

Братство босоногих кармелитов (Кьюстро делло Скальцо), основанное в XIV веке, посвящалось Иоанну Крестителю. Свое название братство получило из-за того, что его члены ходили босыми в знак смирения и в подражание Христу. В конце XV века босоногие кармелиты купили участок земли недалеко от доминиканского монастыря Сан Марко, построили там капеллу и дом для собраний. Постройки окружал дворик, стены которого попросили расписать Сарто. Андреа работал над росписями несколько лет. Цикл фресок состоял из двенадцати сюжетов из жизни Иоанна Крестителя и изображений четырех аллегорических фигур добродетелей. Андреа принадлежат четырнадцать из шестнадцати композиций, две выполнил в его отсутствие Франчабиджо. Для создания рельефности была выбрана монохромная гамма,

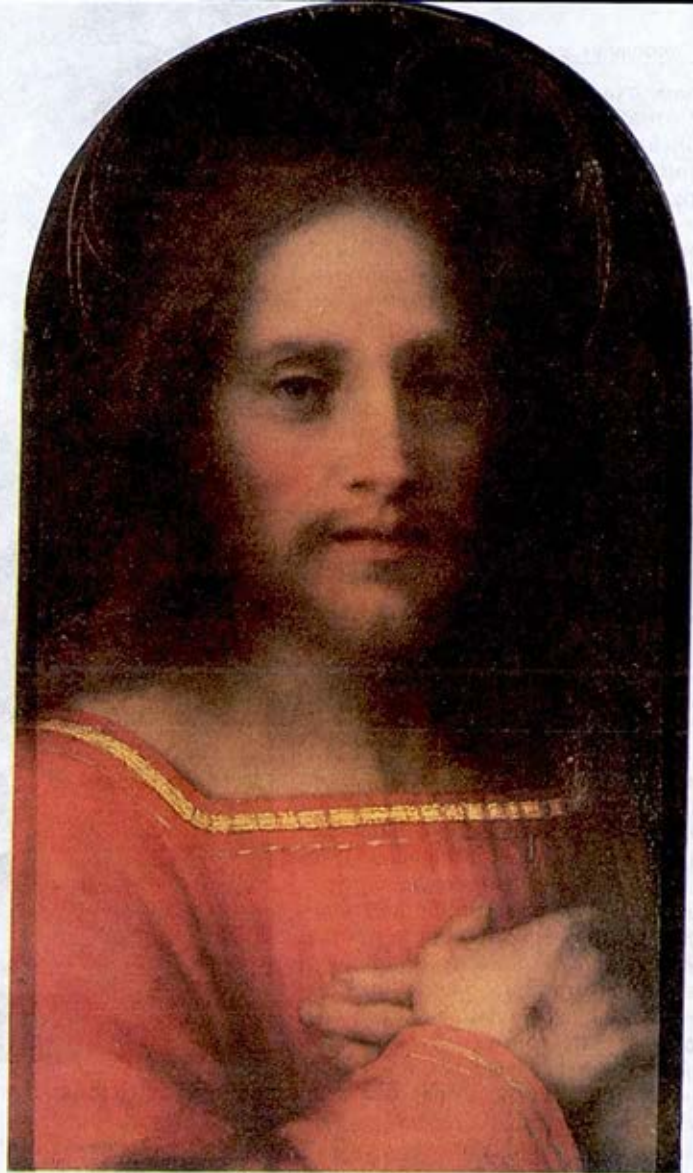

техника гризайли, создающая редкий по красоте и строгости скульптурно-пластический эффект. Скульптурная мощь фигур, напоминающая работы античных мастеров, сближает здесь Андреа дель Сарто с Микеланджело, хотя, конечно же, в его росписях нет того накала страстей, горечи и страданий, которыми насыщены фрески великого Буонаротти.

Вершиной творческой зрелости Сарто считается "Мадонна с гарпиями", написанная для женского монастыря Сан Франческо деи Маччи. На фоне архитектурной ниши поднятая на пьедестал, подобно величественной статуе, спокойно стоит прекрасная Мадонна. Одной рукой она поддерживает улыбающегося Младенца, другой опирается на книгу. Согласно контракту, по бокам Мадонны должны стать святые Иоанн Богослов и Бонавентура, однако, почему-то Сарто захотелось изобразить рядом с Мадонной не святого Бонавентура, а святого Франциска. Вся композиция картины подчеркивает особое положение Марии, а гарпии, символ зла, недаром изображены на пьедестале — стоя над ними, Мария побеждает зло. На боковой стороне подставки для книги можно прочитать написанное золотыми буквами посвящение (на латыни): "Андреа дель Сарто изобразил здесь Тебя такой, какой носит в сердце, для большей Твоей славы, а не для славы своего имени". Эта работа мастера поражает не только тонкой, тщательно продуманной композицией, но и удивительными красками, поразительным богатством оттенков, игрой светотени. Картина вызвала восхищение у современников, но и спустя два века она порождала не менее сильные эмоции. Принц Фердинандо деи Медичи, чтобы заполнить "Мадонну с гарпиями" для своей коллекции, не только отправил монахиням Сан Франческо деи Маччи копию картины кисти Петруччи, но и дал им деньги на новые росписи церкви.

Несомненно, влияние Рафаэля на Сарто было довольно сильно. И в некоторых случаях мастерство Андреа не уступало гениальной кисти мастера из Урбино. Вазари рассказывает такую историю. Однажды мантуанский герцог Федерико увидел в доме Медичи написанный Рафаэлем портрет папы Льва в окружении кардиналов Джулиано Медичи и деи Росси. Портрет понравился Федерико, и герцог возжелал им завладеть. Приехав в Рим, он, увидев подходящий момент, обратился к папе с просьбой получить эту работу Рафаэля в подарок. Папа, по происхождению Медичи, проявил свое благорасположение к герцогу и отправил во Флоренцию приказ упаковать портрет и переправить его в Мантую. Глава флорентийских Медичи Оттавиано удивился такой щедрости папы и ответил, что не возражает — вот только раму поменяет на более богатую, золоченую. На самом деле Оттавиано решил оставить шедевр Рафаэля во Флоренции несмотря на все приказы папы. Он срочно вызвал к себе Сарто и велел сделать точную копию рафаэлевской картины. Скрываясь в его доме, Андреа в тайне от всех приступил к работе. Результат оказался великолепным — копия ничем не отличалась от подлинника, даже сальные пятна, оставленные кем-то, воспроизвел с поразительной точностью. Спрятав оригинал Рафаэля во Флоренцию, Оттавиано отослал в Мантую копию Андреа. Герцог был счастлив, а Джулиано Романо, один из лучших учеников Рафаэля, живший тогда в Мантуе, не заметив подмены, всячески восторгался работой учителя. Романо так и остался бы уверен, что в Мантуе находится полотно Рафаэля, если бы не Вазари, воспитывавшийся в доме Медичи и своими глазами видевший, как Сарто создавал "шедевр Рафаэля", не раскрыл ему глаза. Романо долго не мог поверить, что это работа Сарто, до тех пор пока Вазари не показал ему пометку Андреа, которую тот сделал специально, чтобы суметь отличить подделку от подлинника. И тогда большой знаток и ценитель живописи, сам превосходный художник

Христос-Спаситель.

Джулиано Романо сказал: " Я ценю копию не ниже подлинника, даже значительно выше, ибо это выходит за пределы природы, когда исключительно одаренный человек так хорошо подражает манере другого и добивается такого сходства".

Вскоре после окончания "Мадонны с гарпиями" Сарто создает еще одно замечательное произведение — "Диспут о Троице". Работу заказали для алтаря одной из капелл церкви Сан Галло монастыря августинцев. Сюжет картины — в пору яростных религиозных споров и духовных исканий — отнюдь не редкий.

Августинцам очень хотелось, чтобы в их "Диспуте" отразились воззрения святого Августина. Ф. Бокки писал в конце XVI века: "Есть в той церкви три превосходнейшие картины руки Андреа дель Сарто, но та, что находится по правую руку, где изображены святые, рассуждающие о Троице, прекраснее, чем все существующие в мире картины. ...Яркий колорит, редкостный рисунок, исключительнейшее искусство. Кто видел где-либо настолько достоверно нарисованные одежды, объем, так сильно выделяющий фигуры, телосложение, настолько правильное? Эти фигуры кажутся живыми, а не нарисованными, созданными не силой искусства, а самой природой".

Между тем Андреа становится известным и за пределами Италии. К французскому королю Франциску I попали две работы Сарто, восхитившие монарха, понимавшего толк в искусстве. Франциск, человек весьма незаурядный, умный, властный, образованный, окружал себя учеными, писателями, художниками, архитекторами. При его дворе жили итальянские художники — Приматиччо, Россо. Микеланджело написал по заказу Франциска "Святого Михаила", несколько картин исполнил Рафаэль; по приглашению короля во Францию приехал стареющий Леонардо да Винчи, привезя с собой бесценную "Джоконду"; итальянские архитекторы строили Франциску замки в Блуа, Шамборе и Фонтенбло. Вот как раз в Фонтенбло и пригласил Франциск Сарто — в качестве придворного живописца. Стремясь превратить дворец в роскошный замок, символ своей власти, король не жалел ни сил, ни денег. Он приглашал сюда самых лучших мастеров того времени, которым удалось превратить Фонтенбло в один из очаровательнейших дворцовых ансамблей XVI века.

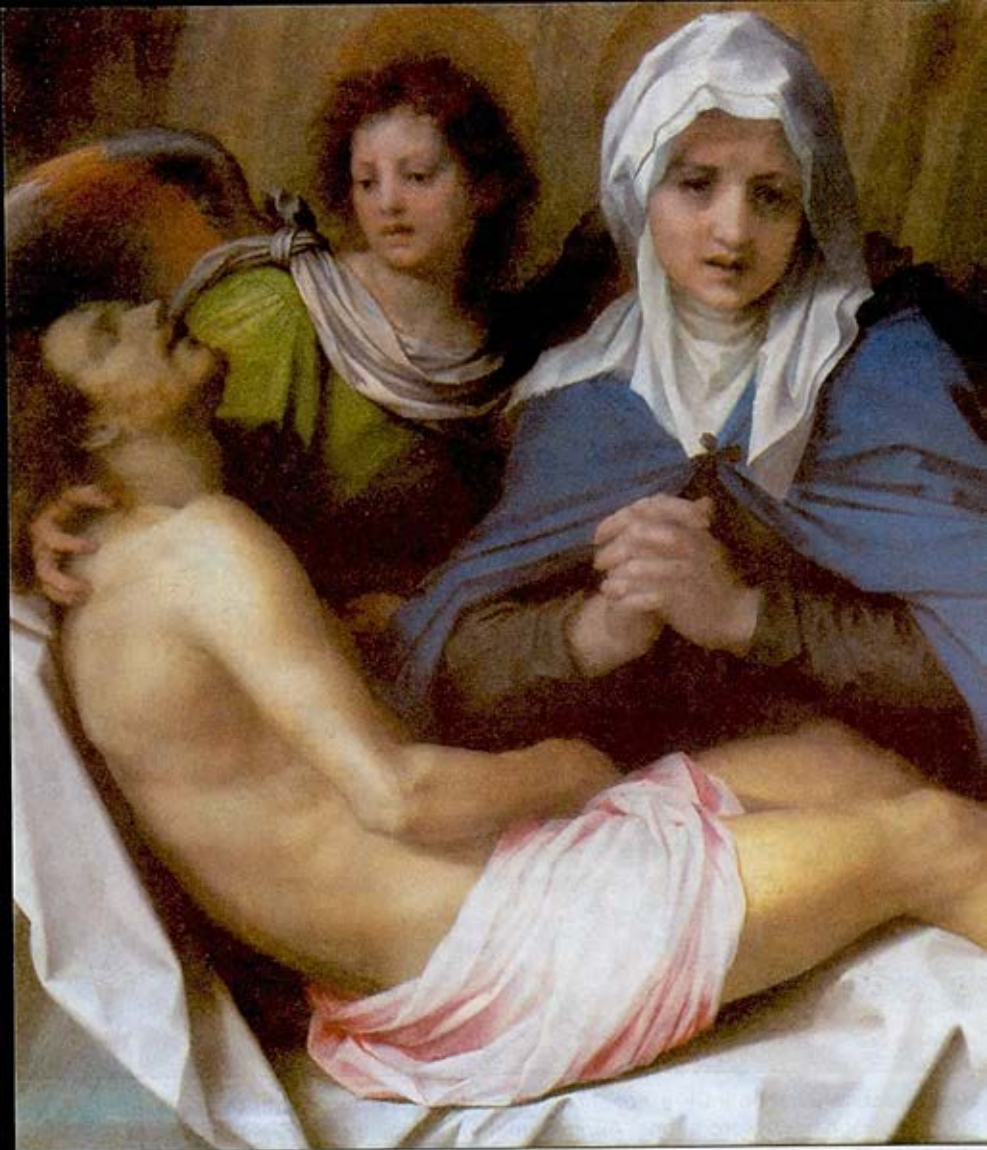
Итак, Андреа выслал деньги на дорогу, и он, захватив с собой ученика Свациеллу, отправился в путь. Не успел прибыть в Фонтенбло, как сразу ощутил щедрость Франциска — тот забросал его ценными подарками, одеждой, деньгами. Нравы при дворе тогда царили довольно свободные. Сам король слыл большим ловеласом, не пропускал ни одной хорошенькой дамы. И его придворные не отставали от своего сюзерена. Вот в такой атмосфере оказался Андреа. Но, несмотря на все соблазны, он много и увлеченно работал для Франциска, за что получал щедрое вознаграждение. Прошел год, и Андреа стал получать письма от жены, в которых та умоляла мужа вернуться на родину. Да и сам Сарто, видимо, тоже затосковал по своей любимой Лукреции, которую не

смогли затмить свободные в поведении и готовые на рискованные авантюры красавицы французского двора. Андреа принялся упрашивать Франциска отпустить его во Флоренцию — на время, закончив свои дела, он обязательно вернется. Поверив, король, дал денег на дорогу и на покупку картин итальянских художников. Добравшись до Флоренции, пишет Вазари, Сарто в течение нескольких месяцев "беззаботно наслаждался женой, друзьями и родным городом. В конце же концов, когда пришел срок возвращаться, оказалось, что он истратил, ничего не делая, не только свои деньги, но и королевские, на всякие... удовольствия".

Несмотря на обещания, Андреа так и не вернулся ко двору французского короля. Вазари винит в этом жену Андреа, считая, что художник совершил огромную ошибку, отказавшись от придворной карьеры, сулившей успехи и бла-

гополучие. Вазари явно недолюбливал Лукрецию. Она, мол, и плохо относилась к ученикам мужа, из-за нее Андреа не стал первым художником Франции и не обрел богатства, а ведь он заслуживал его, благодаря своему мастерству. "Если бы он... не пренебрегал собой и своими близкими ради вождения к одной женщине, всегда державшей его в состоянии нужды и унижения, он навсегда бы остался во Франции..., с королем, который восхищался им и который вознаграждал бы его щедро. ...Та же, от которой он ничего хорошего не увидел, в конце концов, незадолго до его смерти, его бросила". И тогда, при жизни художника, и спустя годы после смерти люди судачили о пагубном влиянии жены

Оплакивание.

на его творчество; отношения Андреа и Лукреции превратились в миф, в легенду о капризной жене и слабохарактерном, ревнивом живописце. О личной жизни Сарто написано множество эссе и повестей, англичанин Роберт Броунинг написал о Сарто поэму (Броунинг утверждает, что если бы не жена, Сарто стоял бы в одном ряду с Леонардо, Рафаэлем и Микеланджело, у которых жен не было!), а француз Альфред де Мюссе — целую драму. Трудно судить о том, как все происходило на самом деле, особенно через пятьсот лет, но, наверное, надо доверять Сарто, сохранившему чувства и уважение к жене до самой смерти. Хочется думать, что Лукреция была достойна его любви. А что касается упущенных возможностей при французском дворе, скорее всего, остаются во Флоренции Андреа заставили причины творческого характера — здесь его ждал целый ряд незавершенных работ, различные обязательства.

Он трудится не покладая рук. Среди блестящих работ тех лет — шедевр "Мадонна дель Сакко (Мадонна с мешком)", написанный для церкви Сантиссима Аннунциата, работы для монастыря Сан Сальви, две фрески "Вознесение Марии (Ассунты)", "Жертвоприношение Исаака" и другие. В своих последних картинах Андреа демонстрирует поразительную свободу владения классическим стилем. Он пишет и прекрасные портреты, поражающие тонким психологизмом, проникновением в глубины человеческой души. Они — во многом автопортреты, он, как поэт в стихе, передает в облике изображаемой модели свои тревоги и страсти, свои волнения и терзания, смутения и радости. Ощущение потерянности и одиночества наиболее ярко выражены в "Портрете скульптора" — одном из лучших флорентийского Возрождения. Художник добился в этой работе удивительной цельности и глубины. В изображенном на полотне человеке угадывается сам Андреа — уверенный в своих силах, хорошо

знающий себе цену, но непрестанно сомневающийся, то ли он делает, не растрчивает ли себя в ненужной, пустой суете...

В 1523 году во Флоренции вспыхнула эпидемия чумы. Жители города в страхе заразиться спешили уехать из города. Вот и Андреа дель Сарто с женой, ее сестрой, падчерицей и одним подмастерьем перебирается в местечко Муджелло. Друг Антонио Бранкаччи помог семейству Сарто найти приют у монахинь камальдулианского ордена. Устроившись, художник тут же начинает работать: пишет для монастыря "Оплакивание" — усопшего Христа, оплакиваемого Богоматерью, святым Иоанном и Магдалиной. Ему позируют близкие: скорбящая Ма-

донна — это Лукреция, Мария Магдалина — падчерица художника Мария, в образе святой Екатерины изображена настоятельница монастыря Екатерина дела Каза. Позже он написал для монастыря еще несколько работ.

Эти годы были непростые для итальянских государств. После нескольких лет затишья и мира снова началась война. Теперь сражения шли в Ломбардии между испанской и французской коронами. Огнем и мечом пройдя по Тоскане, 6 мая 1527 года испанцы ворвались в Рим, подвергнув его разорению, невиданному со времен варваров — погибли многие произведения искусства, античные и современные; насилие и мародерство испанских солдат оставили неизгладимую память в душе народа. Спустя десять дней после взятия и разграбления Рима восстала Флоренция. Медичи снова изгнали из города. Флоренцию провозгласили республикой. И тогда папа Климент VII, боясь навсегда потерять город, заключил мир с Карлом VIII и воспользовался его войсками для подавления восстания. В это тяжелое время кое-кто из военачальников позорно бежал из города, прихватив солдатское жалованье. Власти города попросили Сарто изобразить этих негодяев, а также еще нескольких горожан-предателей на фасаде дворца Подесты и на площади. И вот Андреа, сделав потайной ход, по ночам писал их, и получились они до того похожими, что выглядели, как живые. Так выразил художник свое презрение к предателям родного города. Спустя несколько лет изображения забелили. Испанцы по распоряжению командиров уничтожали все городские предместья, монастыри, больницы и прочие постройки. Солдаты одного из отрядов разрушили церковь и колокольню Сан Сальви и уже приступили к слому строений монастыря, но, дойдя до трапезной, украшенной выполненной Андреа дель Сарто фреской "Тайная вечеря", в изумлении остановились — даже эти полуграмотные, грубые, неотесанные мужланы поняли, что нельзя уничтожать такое совершенство, столь поразительную красоту. И действительно, фреска, написанная Сарто в 1526-1527 годах — произведение истинного мастера. "Тайная вечеря" — итог развития монументальной живописи флорентийского Высокого Возрождения. Опираясь на опыт Леонардо, Рафаэля и Дюрера, Андреа создал свой вариант евангельского сюжета, традиционный и в то же время глубоко новаторский. Многие необычно в композиции — и непривычно маленькие по сравнению с пространством залитого светом интерьера фигуры людей, и слуги, наблюдающие сверху за тем, что происходит внизу, обилие чисто бытовых деталей, прозрачность и богатство красок.

Обессиленный голодом и чумой, обескровленный город сдался 12 августа 1530 года. Власть Медичи восстановилась. Флоренцию наполнили обозы и солдаты, вернувшиеся с военных полей, и среди них зараженный чумой. Страшная болезнь снова пошла гулять по истерзанному городу. "И вот то ли от страха, то ли от беспорядочного вкушения пищи и после всего, чего натерпелся во время осады, тяжело заболел и Андреа и, чувствуя себя обреченным, лег он в постель, без каких-либо средств от своей болезни и без всякого ухода, так как жена его, боясь чумы, держалась от него как можно дальше. И умер он, как рассказывают, так, что никто этого не заметил", — скорбно повествует Вазари о смерти замечательного художника. Андреа дель Сарто не стало 28 сентября 1530 года. Ему было всего сорок два года. Словно предчувствуя близость смерти, еще в 1527 году Андреа составил завещание в пользу любимой жены и ее дочери. Будучи уже смертельно больным, лежа в одиночестве в своей комнате, он пишет трогательную приписку, обеспечивающую приданое падчерицы. Похоронили Сарто босоногие кармелиты, похоронили просто, почти без обрядов, недалеко от дома художника, в церкви сервитов.

Лидия ГРИГОРЬЕВА

* * *

Ф. Г. Лорке

Было иное слово, словно сквозная рана.
Двадцать четыре раза взбрызнул затвор нагана.
И опалили небо диким огнем словесным
двадцать четыре неба, двадцать четыре бездны.

Истина в чистом поле — горю равновелика:
двадцать четыре боли — двадцать четыре крика.

Зря подчинялся слепо гулким словам напрасным —
был голубым, как небо, или как бездна — красным.

Полнилось тихим слухом — взвевлось злым посевом:
бычьим пахнуло духом, львиным дохнуло зевом.

Так и ловила фраза — время — дырявым бреднем
двадцать четыре раза — каждый и был последним.

В МУЗЕЕ СКРЯБИНА

Ноктюрн сперва уперся в потолок,
но пианист,
астральной сущностью влекомый,
из красного рояля звук извлек
прозрачный, как стакан
с водою родниковой.

Потом его рассек, как суфий,
пополам —
движением души
отточенным и верным.
Стеклянная вода струилась
по полам,
по улицам, полям
и оголенным нервам.

Казалось, с высоты небесной
проистек,
и души напоил,
и — испарился вроде —
не звук, не музыка,
а болевой порог
всей сути бытия:
круговорот воды в природе.

СНЫ НАД БЕЗДНОЙ

Мне что золото, что олово —
даже сны мои провисли!

*Отчего все время в голову
лезут маленькие мысли?*

*Так провисли сны над бездною,
так влекут необоримо,
словно наше время местное
с вечностью соизмеримо.*

*По закону непреложному
сон мой зыблется знакомо:
там великое к ничтожному
поразительно влекомо!*

*Там мытарства безобманные
рядом с промыслом Господним,
там в края обетованные
ты войдешь в одном исподнем.*

*Вызывает парекание
сходство вымысла и жеста.
Сон ведь тоже — бытование,
репетиция блаженства!*

*Замордован жизнью скверною
там, несомый силой крестной,
воспарил над бездной серною,
словно ангел бестелесный.*

АНГЕЛ ПРЕДСТОЯЩИЙ

*Писано было — да, видно, утрачено,
сдобрено ложью.*

*Призваны, названы или назначены
Ангелы Божьи?*

*Чем представления переименованы —
чаяньем, мщеньем?
Были ль небесные силы истрачены
по назначенью?*

*Жить на просторах российских обучены
без упоений,
мы словно нить на основу накручены
тайных сомнений.*

*Что было явлено, что обозначено
знаком воздушным?
Знать не дано никому, а тем паче нам —
овцам послушным.*

Помните, как лет десять назад мы ошеломленно смотрели по телевизору выступления заморского мага и волшебника Дэвида Копперфилда? Презрев законы гравитации, он летал над сценой, а все изумленно стонали: "Ну, как он это делает?" И только совсем недавно выяснилось, что на самом деле настоящий маг и волшебник совсем не он, а наш "простой" российский соотечественник — Рафазль Циталашвили. Заслуженный артист России, лауреат девяти международных конкурсов иллюзионистов, Президент Академии иллюзионного искусства, обладатель Большой золотой медали Парижа. Почти все уникальные трюки Копперфилда придуманы Рафазлем, но почему-то об этом долго ничего не было известно, и самого иллюзиониста в нашей стране мало кто видел. Почему?

— Так получилось, что в Советском Союзе иллюзионное искусство связывалось всего лишь с несколькими фамилиями: династия Кио, Акопян... Да и восприятие жанра находилось не на высоком уровне. Если артист не работал в цирке, то поле для его известности сильно сокращалось. А уж если тебя еще и на телевизионном экране нет, то сами понимаете... Кроме того, и это важно, для исполнения трюков нужны большие деньги, а где их взять? В общем, уехал на Запад, где отношение к иллюзионистам отличалось от того, что было в СССР. Там наш жанр считается элитарным, почетным, и стоит на одной ступени с классической музыкой. Вот пример: на инаугурации теперешнего президента США Буша выступали лучшие иллюзионисты мира. Нас с женой, партнершей и ассистентом Еленой, приглашали на самые престижные площадки, мы имели фантастический успех во Франции, США, Канаде, Японии.

— Ну, если вы с таким успехом выступали на Западе, то почему же о вас

фракты был трезв

мы узнали только в связи с Копперфилдом, и почему ваши трюки он выдает за свои? Кстати, вы тоже их исполняете, например, те самые удивительные полеты?

— Дело в том, что исполнение моих трюков стоит больших денег. Довольно трудно найти миллион долларов на подготовку только одного. Ну, допустим, я придумал новый интересный трюк. И что дальше? Идея будет лежать в столе. Через пять, десять лет кто-то все-таки придумает свой вариант моего трюка... Если денег нет, то держать секрет при себе нет смысла. Лучше его продать и на вырученные деньги подготовить новый фокус. Вот с этих позиций я продавал свои идеи Дэвиду. А в него вложены фантастические средства. Каждое шоу Копперфилда стоит 25-30 миллионов долларов. Причем шоу обновляется ежегодно. Он совершает туры по всему миру. Крупнейшие телеканалы снимают о нем программы, причем так хитро, только в тех ракурсах, которые могут принести ему успех, публицити и, значит, большие финансовые прибыли. Конечно, его шоу-бизнес очень высокого класса.

— Да, жалко, что пришлось про-

дать...
— Конечно, жалко, но зато появились новые идеи, и их уже исполняю я. Вот отдал я Копперфилду полеты. Но зато у меня теперь летает белый рояль. И еще хочу сказать, по весьма строгому контракту, то, что идеи принадлежат не Дэвиду, должно держаться в секрете. Для публики он и автор, и исполнитель; нельзя разрушать имидж артиста. Поэтому мои идеи хорошо оплачиваются. Но после обговоренного срока, когда трюк показан много раз, я имею право его исполнить сам и сказать, что именно я являюсь автором, а Копперфилд первым исполнителем. Вот так.

— Скажите, какие ощущения вы испытываете, когда сами поднимаетесь в воздух. Есть ощущение полета или все внимание направлено на технику ис-

полнения, на то, чтобы работали механизмы?

— Появляется удивительное чувство легкости, власти над земным притяжением... Хотя и о технике надо обязательно думать, но у меня хорошие ассистенты.

— Для исполнения подобных номеров и их создания нужна, видимо, хорошая техническая подготовка?

— Разумеется. Необходимо хорошо знать законы физики, химии, механики, и обязательно — древнейшую историю иллюзионного жанра, потрясающую научную технологию, наработанную за много веков.

— А психология, медицина, гипноз?

— Чтобы создать эффект, надо использовать все возможности.

— Вам, наверное, пришлось много учиться? Вообще, расскажите, с чего все началось.

— Один из моих учителей — профессор Буль, великолепный психолог.

Он объяснял, что силой внушения можно вызвать ожог, прикладывая к коже холодный предмет, но уверяя человека, что он раскален. То есть, простым внушением вызвать перестройку клеток в организме, и таким же образом зарубцевать рану. Сейчас-то этот эффект гипноза широко известен. Вот таким же образом влияют на сознание людей при исполнении трюков. Еще в юности я прочитал

его книгу и написал профессору письмо. Потом мы стали переписываться, но гипнозом я так и не увлекся. Уже тогда я был хорошим манипулятором, делал фокусы руками с традиционными шариками, сигаретами, картами... И ни разу не задумался, трудно ли придумывать фокусы самому, все как-то само собой выходило. А вообще фокусами я увлекся в 7-8 лет. У нас в Баку жил сосед, который все время их показывал, мы, мальчишки, смотрели, удивлялись, воспринимали как чудо. Сосед был прекрасным, артистичным мастером, мечтал стать профессионалом, но так и не смог реализоваться. Он за-

метил мои способности и начал серьезно учить. Он — мой самый первый учитель. С его помощью я подготовил номер и показал в филармонии. Меня приняли, хотя мне только исполнилось 15 лет. Помню, режиссер сказал: ты здорово работаешь, но твой мальчишеский облик не вжется с картами, подумай о других предметах. И я начал искать. Однажды гулял в парк, увидел очень красивый, упавший с дерева листок, тут же пришла идея сделать номер "Осенняя новелла". Знаменитый клоун Леонид Енгбаров помог над ним поработать. Я тогда жил по соседству с цирком, поэтому пропадал там целыми днями и даже ночью репетировал, когда освобождался манеж. Получился красивый лирический номер. Дальше захотелось делать новые номера, рождались интересные идеи. Потребовался необычный реквизит, и пришлось изучать новые технологии. Вот тогда появилась мысль сделать полет, которым впоследствии Копперфилд потряс публику. А получилось так: мне предложили поставить цирковое представление "по мотивам сказки Пушкина "Руслан и Людмила". Хотелось, чтобы Черномор уносил Людмилу именно в полете и Руслан тоже по-настоящему полетел бы за ними в погоню. Я знал, что подобного трюка еще не было. Пришлось думать, искать, ломать голову, и наконец получилось, — эффект потрясающий.

— Сложно ставить летающие трюки? Я ведь видела, как у вас сами по себе летают ножи вокруг актеров, раскаякая им, к ужасу слабонервных, до крови руки, а потом выясняется, что нет никакой крови и раны, вокруг актрисы летал пустой плащ...

— Совсем не трудно! Для профессионального фокусника — это семечки. У меня был интересный случай. Однажды в Большом театре меня попросили проиллюстрировать "Полет шмеля", известную музыкальную пьесу. Дирижировал оркестром Сергей Стадлер. Я приду мал огромного шмеля, при первых зву-

ках он вылетал из оркестровой ямы и начинал носиться над залом, пикируя на публику. Перед концертом я честно предупредил Стадлера, что публика не будет слушать музыку, все будут следить только за шмелем. Он согласился — ничего, все в порядке! И трюк действительно "убил" выступление оркестра. Зрители шумели, ничего не слышали и следили только за игрушкой. Главный вопрос для них был: как это сделано...

— А если бы этот шмель вдруг упал на головы людей? Бывают на выступлениях накладки, какие-то осечки?

— Все предусмотрено, проверено, накладок пока не было, слава Богу. Все слишком серьезно. А при исполнении других фокусов, конечно, бывают осечки. Что ж тут такого? Всегда есть резерв, заранее проработан выход из различных ситуаций. Главное, зритель никогда не знает, чем должен закончиться трюк. Поэтому всегда есть запасной вариант, и я могу повернуть действие как мне удобно.

— Какие зрители самые трудные? С кем легче? С детьми?

— Все зависит от уровня развития зрителя. Детишки тоже разные бывают. Важно другое: найти точки соприкосновения, верный способ общения. Если не нашел — работать трудно, а если пост нащупал — выступление проходит на одном дыхании. Мне нравится интеллектуальный зритель, умеющий мыслить, анализировать. Особенно люблю ученых, со многими дружу лично, например, с известным Сергеем Петровичем Капицей. Его отец, знаменитейший ученый Петр Капица сам любил фокусы, умел их делать, собирал литературу с описанием различных трюков.

— Ну, ученых наверняка не обманешь, небось, все сумеют разгадать да еще и объяснят вам, как это сделать.

— А вот и нет. Их как раз легче всего обмануть, потому что они не видят легкого пути. А труднее всего... с сумасшедшими!

— Почему же?!

— Любой трюк построен на цепи знаний, умении их связать, рассуждать. А в рассуждениях психос такой цепи нет, они мыслят парадоксально. И здесь их обмануть сложнее.

— Скажите, а что-то потустороннее в исполнении трюков присутствует?

— Ох, должен вас разочаровать. Я профессионал и утверждаю, что волшебства не существует. Самое необыкновенное чудо, демонстрируемое экстрасенсами, может повторить любой грамотный фокусник. Мы сразу видим, как это делается. Хотя, понимаю, хотелось бы, чтобы чудеса являлись не только результатом ловкости рук...

— Давайте теперь поговорим о вашей любимой теме — о вашем театре.

— С удовольствием. О своем собственном театре я мечтал еще с юности. Идея связанных в единый спектакль сюжетов родилась после моего первого номера "Осенние новеллы". Сначала создал семейный театр магии "Черная кошка", с которым мы объездили весь мир. Наша дочка — в свои 21 год чемпион мира по фокусам среди юниоров — тоже работает с нами. Мы сделали много магических спектаклей. Один из них — "Семья Адамсов". Помните такой фильм? Его несколько раз показывали по российскому ТВ. Мы распределили роли персонажей и показывали ужасы вживую. С этим представлением нас приглашали в Канаду, где есть Диснейленд ужасов. На 100 акрах земли публику пугают привидениями, убийствами прямо в глазах, летающими в гробах покойниками и прочими симпатичными штучками. Наши Адамсы впечатлили народ не меньше.

Но всегда хотелось иметь свой стационарный театр. И вот в прошлом году мечта сбылась. В Москве открылся новый театр-варьете "Планета Рафаэль". В мировой индустрии развлечений существуют признанные города, так называемые "столицы отдыха", Лас Вегас, Атлантик-сити в США, легендарные кабаре "Мулен Руж" и "Лидо" в Па-

риже, где идут программы, отличающиеся особой театральностью, зрелищностью, и при этом в зале создана непринужденная и комфортная атмосфера. Можно делать спектакли, используя самые современные технологии. Ну, не все же нам мечтать только о "Мулен Руж". Теперь, надеюсь, и в Москве будет своя собственная постоянная сцена с учетом жанра. Я хочу в репертуаре театра возродить свои известные на Западе спектакли "Путешествие в тайну", "Магия при свечах", "Русская шкатулка", "Воздушный замок Рафаэля". Представления продуманы до мельчайших нюансов: великолепные декорации, сценический свет, яркие краски костюмов. Все получилось благодаря великолепной команде, которая теперь с нами работает.

— Кстати, Рафаэль, вы упомянули как-то о том, что один из ваших трюков хранится в Магическом музее в Голливуде. Как можно хранить трюк в музее? И что это за Магический замок?

— Без ложной скромности скажу, что мы единственные российские артисты, приглашенные работать в Мекке иллюзионистов мира — Магическом замке в Голливуде. Это закрытый элитарный клуб, где постоянно идут иллюзионные шоу с участием самых знаменитых артистов. Там магия на каждом шагу — от входных дверей и до чердака. В нашем жанре — удача попасть на эту сцену — равносильна получению Нобелевской премии. Трюки там не хранятся, а демонстрируются.

— Кто же, кроме вас, может его показывать?

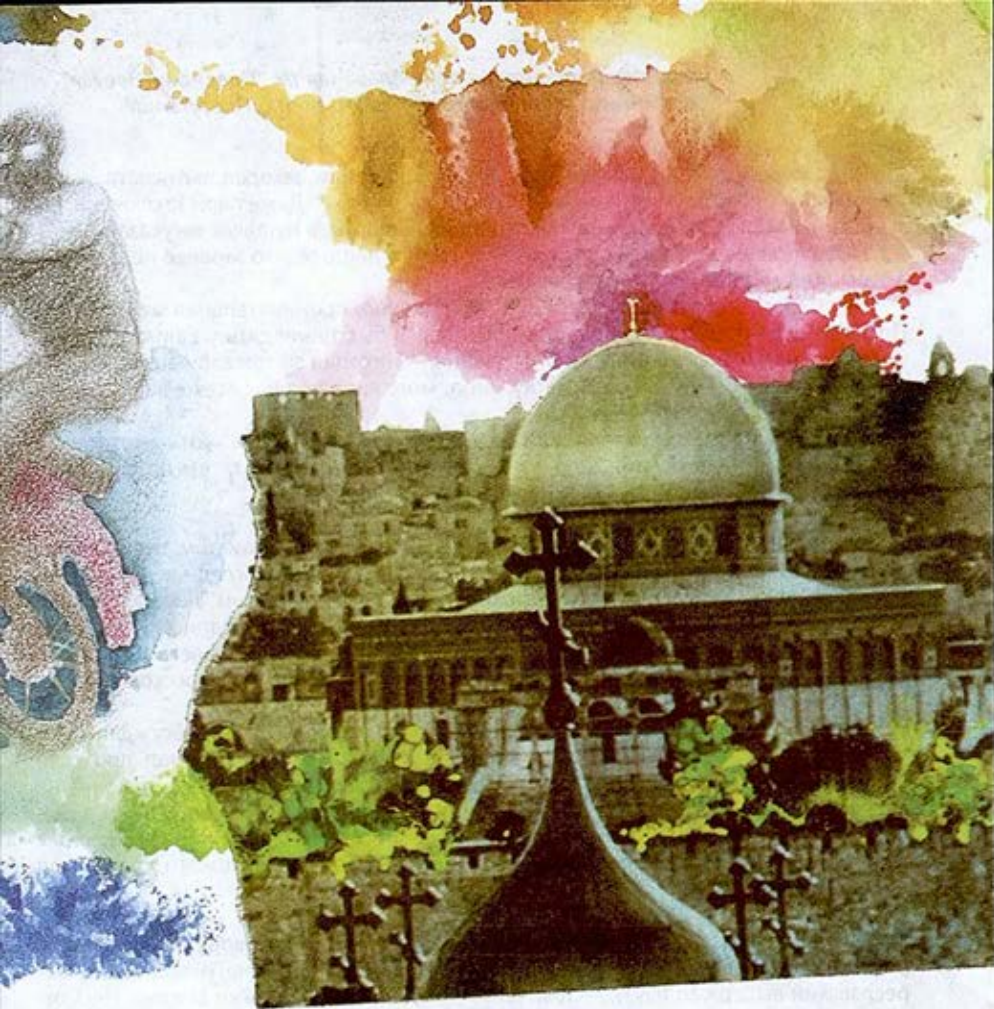
— В замке есть уникальная видеотека с замечательным штатом служителей. Там не просто декорации, это замок действующий. Очень хотелось бы и здесь такой сделать, конечно, не в таком масштабе, слишком дорогое удовольствие. Но пока нам удалось создать свой театр. ■

Беседовала Алла ЛЮДЕН.

иллюстрация **Алексей Остроменцкий**

Иосиф ГОЛЬМАН

похищение

ЕВРОПЫ

Окончание. Начало в № 3.

Пассажиры уже открыто смеялись, сравнивая график заходов, распечатанный в их путевках, с реальными стоянками "Океанской Звезды". Даже пари заключали. Разумеется, выигрывали граждане, поставившие на порты, в путевках не указанные.

Разве что с Ла-Коруньей просчитались, да и то лишь те, кто заранее не знал, что в этом порту лучше всего бункероваться.

Не смеялся только Береславский, ну и, конечно, пронизательная мисс Марпл. После инцидента в Ла-Корунье она попыталась было выведать у Ефима подробности, но, наткнувшись на заговор молчания — Николай ей тоже ничего не рассказал, — сделала обиженную гримаску: типа, мол, видала я вас всех с вашими тайнами.

Ефим с Агуреевым рассуждали в этом случае одинаково: хоть и отличная она старуха — надо отдать должное, — но чем меньше знает, тем дольше проживет.

Агуреев вообще потихоньку "доходил". Столько сидеть статистом, потом, наконец, выступить, чуть не сыграв в ящик, и... снова в статисты! Последние два дня даже водку не пил, что делало его просто-таки социально опасным. Дашка при первой возможности бегала к своему любимому, они тихонько трепались о чем-то на верхней палубе, за их спинами постоянно торчали то Муса, то Алеха. Ефим при первом Дашкином появлении подумал, что сейчас ее прогонят с треском, но, как позже выяснилось, ошибся.

Мирно беседовали, мирно расходились. Как рассказала Дарья, обсуждали что-то рекламное. "Вряд ли его сейчас интересует реклама, — подумал про себя Ефим. — Просто он относится к ней, как сильный к слабому. Так что девочке не следует оболящаться", — пришел к неутешительному выводу посвященный в сердечные Дашкины тайны Береславский и тут же отогнал посторонние мысли, входя в один из конференц-залов, приспособленный на время нынешнего круиза под лекционный.

— Итак, господа, — с порога начал он. — Сегодня мы поговорим о креативе в рекламе. Что такое "рекламное творчество", для чего оно нужно, и, главное, — Береславский выдержал паузу, — для чего оно не нужно. Или даже вредно. Несмотря на то, что для понимания это гораздо проще, чем, скажем, особенности пьезоструйной печати, ошибки здесь производятся массами. И стоимость ошибок бывает очень высокой.

— А можно примеры? — поинтересовался сидящий в первом ряду пожилой мужчина в роговых очках из Калуги и раскрыл толстую общую тетрадь, куда записывал все, сказанное преподавателями.

— Можно, — согласился Ефим. — Сколько угодно примеров, — и включил заранее приготовленный медиа-проектор. На экране засветилось яркое пятно с заставкой "вьюера". — Начнем, пожалуй, с названий. Итак, для чего фирмам и товарам требуется название?

— Для облегчения их идентификации и дифференциации, или рыночнойстройки, — бойко затараторил пожилой мужчина, быстро пролистав страницы своего "талмуда".

— Красиво сформулировано, — одобрил Ефим. — Только немножко мудрено.

— Вы сами так сказали, — заволновался мужчина. — Еще на первом занятии.

— Я? — удивился Ефим. — Надо же, как красиво излагаю.

Елена Феликсовна, сидевшая за вторым столом, улыбнулась. “Надо бы ей по-дальше сесть”, — недовольно поморщился Береславский. Ее круглая, обтянутая черным тонким чулком, коленка отвлекала внимание лектора.

— Давайте посмотрим, какие названия дают своим предприятиям их владельцы. — Он взял “мышку” и с ноутбука стал запускать картинки. — Как вам, например, вот это?

На экране быстрой чередой пронесли фотографии вывесок и рекламных объявлений. Перед слушателями предстали малое предприятие “Колосс”, автошкола “Автопилот”, компании “Горгона”, “Амба” и “Терминатор”. Замыкали серию любимые рекламные шедевры из коллекции Ефима: торговое предприятие из Прибалтики “Анус”, японская компания “Накоси” и магазин “горячих” путевок “Большой привет”.

Сдержанное хихиканье сопровождало показ.

— А теперь, господа, задайте себе вопрос: хотелось бы вам после просмотра этой рекламы заскочить за покупкой, скажем, в “Анус”?

— Некоторые не прочь, — задумчиво заметила Елена Феликсовна, разрушив дидактический маневр преподавателя.

Ефим сделал в сторону Елены Феликсовны укоризненный жест: мол, негоже вам, уважаемая, нарушать в зале общественный порядок. Хотя, с другой стороны, сам виноват: каков вопрос — таков ответ.

— Продолжим “работу над ошибками”? — спросил Ефим.

— Да, — дружно ответили “студенты”, настроившись на продолжение.

— Поехали. — Береславский запустил следующую порцию картинок. В отличие от первой, она “посвящалась” названиям товаров. По экрану радостно поскакали упаковки лекарства “Пропердин”, крема “Калодерма”, пластыря “Дермопласт”, конфет “Радий”. Далее были представлены стеклянная банка с пикантным гарниром “Блян” и — высшее достижение маркетолога-переводчика — французская каша быстрого приготовления “Бледина”. — Вот и попробуйте придумать рекламный слоган для этой каши, — пожаловался студентам Ефим.

Жалоба была чисто риторической, Ефим вовсе не собиравшись “креативить” еду быстрого приготовления. Однако пожилой калужанин все воспринимал буквально.

— Коль останешься один... — бодро и громко начал он. Но тут же остановился, внезапно потеряв вдохновение.

Зато Елена Феликсовна никогда его не теряла.

— ... Закажи себе “Бледин”! — закончила она фразу калужанина.

— Елена Феликсовна, — нахмурил брови Береславский.

— Если этот не годится, — сказала она, преданно глядя педагогу в глаза, — я могу другой придумать.

— Не надо, Елена Феликсовна, — взмолился преподаватель и отвернулся, чтобы не рассмеяться вслух. Затем продолжил лекцию. — Реклама действительно синтезируется на основе всех известных человечеству муз. Но, в отличие от них, с единственной целью — помочь продать рекламируемый товар. Будь то подгузники, автомобили или политические деятели. Что является смыслом работы, скажем, дизайнера? Или художника. Или поэта. Или композитора.

— Гонорар? — предположила сидящая сзади Даша Лесная.

— Нет, — обиделся Ефим, сам в свободное от зарабатывания денег время пишущий лирические стихотворения. — Их цель — коммуницировать собст-

венный внутренний мир с окружающим. Причем, как правило, даже без желания кого-то в чем-то убедить. Скорее — с желанием поделиться.

А что делает рекламный дизайнер? А также художник, поэт или композитор? Они тоже коммуницируют свой внутренний мир с окружающим, но при этом заранее эту коммуникацию ограничивают. Во-первых, целевой группой своего "месседжа", во-вторых, — его задачей. И задача эта предельно проста, — заработать денег своему рекламодателю, интенсифицируя продажи его товара. А если рекламный креатор пришел в этот бизнес только для собственного самовыражения...

— То бизнес может этого и не выдержать, — закончила мысль проснувшаяся Елена Феликсовна.

— Точно, — согласился Ефим. И принялся объяснять, как можно реально поверять рекламную гармонию маркетинговой алгеброй. В ход пошли термины из практической социологии, методология проведения фокус-групповых интервью и прочие маленькие и не очень маленькие хитрости, позволяющие заказчикам рекламы не верить копирайтерам на слово.

Все это было уже не так весело, народ с тоской поглядывал в иллюминаторы на приближавшийся Лиссабон, лишь упорный калужанин скрипел перьевой авторучкой.

А в это же самое время Агуреев трепал себе нервы в своей люксовой каюте.

Во-первых, только что по спутниковому телефону пообщался с Москвой, с Мойшей. Испортил настроение напрочь: должность, что ли, мужику мозги свернула? Подозревает уже обоих: и Лерку, и Равиля. А чтоб никому не обидно было, заодно просит санкцию на "прослушку" Евы, четвертого и последнего на сегодня члена Совета директоров. Ожидает, как он сказал, давления на нее.

Может, не так это и глупо. В последнее время Ева становится реальным фактором управления "Четверкой". Если б не она, то после гибели Князя и в отсутствие Агуреева они бы имели гораздо большие трудности. Чего стоило только одно пробитое ею решение по "трубе"! Ведь в "нефтянке" добыть полезное ископаемое — это только полдела. А то и четверть. Потому что из тундры в Европу нефть в бутылках не повезешь. А значит — нужен доступ к трубе. И иногда он оказывается чертовски дорогим. Если вообще оказывается...

Вот такую задачу самостоятельно решила его элегантная жена. Теперь-то всем ясно, что она умеет драться не только с полицейскими и должность получила не по супружескому праву. Но как Ева поведет себя в случае криминального давления — пока непонятно.

Агуреев сжал руками внезапно заболевшую голову. Черте-что происходит! Друг погиб. Два других — под подозрением. Жена, "завоевавшая" его своим субтильно-женственным видом, пашет вместо него, как бульдозер. А он сидит посреди моря и пока — без каких-либо перспектив! Хотя нет, перспективы имеются. Причем, до раскрытия заказчиков — весьма мрачные: людей, способных убить за деньги, в этом мире по-прежнему достаточно. Поэтому Мильштейн и слышать не хочет о возвращении Агуреева в Москву. Мойша настаивает на продлении круиза.

Как профессионал — он прав. Но ему-то, Агурееву, какво!

Через неделю они должны были уже закружиться. Последняя, правда, длительная, стоянка — Балеарские острова, Пальма-де-Майорка. Оттуда прямым самолетом — в Москву. Но, похоже, теперь опять все отменится. Причины прежние.

И еще всех достали шутовские дела с расписанием: вместо запланированного Кадиса — Гибралтар, а вместо Пальмы — Аликанте, оттуда тоже ходит чартер в Россию, перенаправить — не проблема. Но что делать дальше? Так и плавать до конца жизни?

“Нет, этому надо положить конец!” — вдруг твердо решил Николай. Пока непонятно как. Однако решение принято, и сразу стало спокойнее. А что плывут в Аликанте — так это даже хорошо. Именно рядом с Аликанте погиб Сашка. И будь что будет, но Агуреев съездит на место его гибели, почтит память друга.

...В лекционном зале уже снова хихикали. Реакция не удивляла: Ефим демонстрировал свою обширную коллекцию рекламных маразмов. Чего тут только не было!

Щит-указатель с дивной надписью “Растармаживание товаров — налево”. Рекламодатель, понятное дело, просто указывал дорогу к таможене. Вывеска “Разливая парфюмерия из Парижа”. Магазин “Оружие” слоганов не использовал вовсе, зато визуализировал свой бренд изображением полуобнаженной дамы в совершенно непристойном ракурсе. Тоже, конечно, оружие. В своем роде.

О женской “обнаженке” — отдельно. Ефим объяснил — да все и так понимали, — для чего рекламисты ее используют. Конечно же, чтобы остановить внимание реципиента. Тем более что обнаженная женская натура привлекает внимание обоих полов, в отличие от мужской, — в этом месте Ефим строго взглянул на Елену Феликсовну, чтобы она опять не развела дискуссию. Но, скажем, голая дама, рекламирующая металлочерепицу и сфотографированная на крутой крыше, — это уже перебор. А ну как грохнется?

Порадовал всех и огромный придорожный щит с изображением веселой буренки и слоганом “Наши коровы — это не только молоко!”. Имелись в виду, конечно, ряженка, кефир, йогурт и прочие молочные продукты, мелко-мелко изображенные по краю плаката. Но в голову лезло в лучшем случае мясо. А в худшем — шкуры и навоз.

Народ встрепенулся и попросил еще — этого добра у Береславского было немало. Он, довольный успехом, полез за следующим компакт-диском. Да не долез.

Взор его намертво прилип к покачивающейся коленке Елены Феликсовны. Она не сильно изменилась за прошедший час. Но юбка задралась не менее, чем на десять сантиметров выше.

Ефим проследовал глазами снизу вверх, пока не наткнулся на понимающий веселый взгляд “жрицы маркетинга”. Но Береславский не был бы Береславским, если бы долго расстраивался по подобным пустякам. Он взглянул на часы и радостно сообщил:

— На сегодня все, господа! Так и быть, дам вам возможность подготовиться к Лиссабону!

Все дружно захохотали отодвигаемыми креслами.

— И вам тоже хорошо подготовиться! — шепнула ему, проходя мимо, шибко умная Даша Лесная. Ефим даже ответить ничего не успел. Быстро собрался и покинул зал, не сомневаясь, что эффектная Елена Феликсовна через некоторое, обусловленное приличиями, время последует в его сторону.

Выйдя из зала, Ефим поднялся на свою палубу и по левому борту — хотелось взглянуть на приближающийся Лиссабон — пошел к левой каюте. На полдороге встретил мисс Марпл.

— Привет, Ефимчик! — радостно поздоровалась она. — В Лиссабон собираешься?

— Здравствуйте, Людмила Петровна! — благожелательно, но кратко ответил тот. — Собираюсь. — Вступать в обстоятельный разговор Береславский не намеревался: с минуты на минуту в каюту должна была зайти Елена, и, при всей приязни к прикольной старухе Евстигнеевой, визит прелестной дамы интересовал его куда больше.

— А чтой-то лекция у тебя рановато кончилась? — хитро поинтересовалась рововокудрая провидица.

— Да вот одну тему завершил, а вторую не стал начинать.

— Ага, — согласилась Людмила Петровна и характерно тряхнула розовыми кудельками. — А сейчас, стало быть, зачет примешь. — Ее глазки хитро блеснули: Ефим уже и сам боковым зрением отметил появление идущей в ту же сторону Елены Феликсовны. — Не смею больше задерживать, — галантно расшаркалась старуха, едва не сотворив полноценный книксен. — Как говорит народная пословица, большому кораблю — веселого плавания!

Ефим быстро пошел к своему коридору: надо было до подхода Елены Феликсовны успеть отпереть дверь каюты.

Черт побери, нравилась ему такая жизнь!

■■■■■ 20. Двенадцатый день плавания т/х "Океанская Звезда".
■■■■■ Тель-Авив, Израиль

Назвать хромую девочку именем грациозной антилопы — Джейран — вовсе не было садистически-изошренным издевательством. Она родилась совершенно здоровеньким ребенком в хорошей арабской семье. Ее родители, в отличие от многих других проживающих на территории Израиля арабов, имели настоящий израильский паспорт и жили в пригороде Тель-Авива — Яффе — в доме, уже лет двести принадлежавшем родственникам мужа.

Когда-то он был маленьким и одноэтажным. Теперь — солидный, и в три этажа. Так уж у арабов принято: когда мальчик становится юношей, родители надстраивают или расширяют свой дом, чтобы сыну было куда привести невесту. Поэтому нередко в дружном арабском доме живут представители сразу трех, а то и четырех поколений.

К сожалению, в доме Джейран уже восемь лет не было мужчины.

Отец погиб в тот же миг, когда стройные ноги девчонки-подростка превратились в кровавую кашу из порванных мышц, сухожилий и костей.

Джейран и сейчас помнит истошный крик матери. Их маленькая "тойота", потеряв управление, покатила прямо под колеса израильского военного грузовика. Надвигающаяся высоченная громада с огромными черными колесами — последнее, что увидела сидящая на переднем сиденье девочка.

Следующая картинка возникла только через неделю. Склоненное над ней лицо пожилого еврея-травматолога из тель-авивского госпиталя.

— Ну вот, дочка, — облегченно сказал тот, увидев открывшиеся глаза. — Напу-гала ты нас изрядно. Но теперь все позади.

За доктором стояла мама, закутанная по брови в темный платок. Их семья никогда не была слишком религиозной, но без платка мама на улицу не выходила.

— Слава Аллаху, — тихо прошептала женщина, только сейчас начиная верить в то, что Всевышний — вместе с носатым доктором, да простит Аллах дерзкую мысль, — только что вернул ей дитя.

— А где папа? — слабым голосом спросила Джейран.

— Папы больше нет, — отводя взгляд, ответила мама. — Мы остались втроем, дочка.

— А где мои ноги? — вскрикнула девочка, вдруг поняв, что не чувствует их.

— Успокойся, дочка, — улыбнулся доктор. — С тобой твои ноги.

Он явно гордился собой, этот доктор, и впрямь принявший на себя некие функции Всевышнего: когда "скорая" привезла ребенка, по всем медицинским показателям ампутация казалась неизбежной. И лишь профессиональное упрямство — и мужество! — бывшего военного хирурга позволило сначала ампутацию оттянуть, а потом и вовсе от нее отказаться.

— Покажите мне их, — прошептала Джейран.

— Пожалуйста, — понимающе улыбнулся доктор и приподнял легкую простынку.

Джейран с ужасом смотрела на сложное инженерное сооружение из алюминия, нейлоновых тросов, трубочек, прогипсованной марли и бинтов.

— Что это? — вырвалось у нее.

— Твои ноги! — гордо сказал доктор. — Ты будешь ходить сама!

— Разве это ноги? — заплакала Джейран. Она воспитывалась, как и большинство арабских девочек, в целомудренной атмосфере, но была уже достаточно взрослой, чтобы по утрам в ванной комнате любоваться своими стройными ножками и мечтать о будущем любимом.

— Ноги, милая, — серьезно ответил врач. — Еще какие замечательные ноги! Просто тебе нужно будет к ним привыкнуть.

— Не гневи Аллаха, дочка, — сказала мама, беря Джейран за тонкую прозрачную руку. — Все у нас будет хорошо. И твой папа там, — показала она вверх, — будет счастлив, что ты живая и ходишь своими ножками.

Джейран понимала, что мама права, но не могла унять слез обиды. Неизвестно на кого. Но известно — на что. Вчера — веселая девчонка-отличница из состоятельной — по местным меркам — семье. Сегодня — полуинвалид. И папина ладонь никогда уже ласково не пройдет по ее длинным шелковистым волосам.

С деньгами резкого ухудшения не произошло. Папа, всегда ставящий интересы семьи очень высоко, был застрахован на крупную сумму. Его бизнес — магазинчик на первом этаже их дома — умело и четко повела мама. Сестренка, закончив университет, пошла работать в больницу, а хороший доктор в Израиле не бедствует никогда.

Наконец армия, которой принадлежал грузовик, несмотря на доказанную и никем не оспариваемую ошибку водителя "Тойоты", тоже раскошелилась на кругленькую сумму.

Так и жила маленькая семья Малик из Яффы.

Мама каждый день крутилась "по бизнесу", о новом замужестве даже не помышляя. Старшая дочь, "проскочив" из-за университетской учебы обычный брачный возраст, так и не смогла устроить свою личную жизнь. Те, кто был согласен на образованную "старую деву", абсолютно не привлекали Гюзель. А те, кто в свое время нравился ей, уже давно обзавелись собственными семьями.

Хуже того, по очень достоверным слухам, Гюзель закрутила любовь с доктором-евреем! И это тяжело угнетало даже не слишком правоверную маму.

— Ну и кто будут ваши дети? — со вздохом спрашивала она дочку.

Мама ничего не имела против Лейба Зивертмана, молодого талантливого ортопеда. Еще бы, иметь что-то против Лейба Зивертмана, который фактически и поставил Джейран на собственные ноги! Именно он принял медицинскую "эстафету" после того, как хирурги "пробежали" свой участок.

— Я не собираюсь иметь детей! — нервно отвечала старшая дочь, не хуже мамы понимавшая всю нелепость складывающихся отношений. Но с Лейбом, похоже, не порывала. Впрочем, как и он, тоже выдержавший немалые битвы в своей семье.

С поляризацией и ожесточением, пришедшими со второй "интифадой", жизнь еще более усложнилась. Лейб и ранее старался не показываться в арабской части Яффы. Теперь же это стало просто опасно.

А доктор Гюзель, вылечившая уже не один десяток пациентов, вдруг начала получать послания, в которых ей объясняли всю неправильность ее поведения и всю тяжесть возможных последствий. Послания приходили в виде позорной надписи, сделанной из баллончика прямо на двери их магазина, с бумагами, брошенными в почтовый ящик, и даже вполне современно — по Интернету.

Мама ходила все более печальная, уже и не пытаясь воздействовать на своенравную дочку.

Она опечалилась бы еще больше, если бы узнала, что письма в ящик подкладывает младшая ее дочь, Джейран.

С отличием окончив среднюю школу, девочка не нажила себе ни друзей, ни кавалеров: видно, их распугала ее глубокая хромота. В университет Джейран не пошла: в "еврейский" — не хотела, а в арабский — с длительным отъездом из дома — не пускала мама.

Последние три года прошли для девушки особенно тяжело. Все общение сводилось к разговорам с постоянными покупателями в их магазинчике.

В общем, плохая стала жизнь у Джейран с того мига, как их "тойота" оказалась под гигантскими колесами военного грузовика. И все чаще в голову девушки приходила мысль, что за это кто-то должен ответить.

Однако, разумеется, сами по себе подобные мысли рождаются редко.

В случае Джейран роль наставника, уверенной рукой ведшего ее к "духовному спасению", был Абу Файад, бывший для ее одноклассниц тем, кем в свое время для русских образованных и свободолюбивых барышень были Байрон или Крототкин. Этот уже немолоденький — прилично за тридцать — парень, абсолютно никого не боялся. Ходил на антиизраильские демонстрации, открыто давал интервью палестинскому телевидению. Его трижды задерживала израильская тайная полиция, и он трижды с триумфом возвращался из застенков: прямых улик причастности Файада к актам национального протеста не было.

Впрочем, дружба с Джейран, которой в скором времени предстояло стать очередным — точнее, очередной — ассистенткой благоразумного Абу, уликой служить уж точно бы не смогла.

Файад до сих пор с омерзением вспоминает момент, когда он воочию увидел ноги Джейран. Все, что было выше колен, в принципе, не вызывало его раздражения, и служебный долг был даже довольно приятным. Но, взглянув однажды на круговерть шрамов, впадин и выпуклостей нижней части ног, он пришел в ужас.

Правда, по замыслу Файада, девушке предстояла вовсе не карьера на конкурсе "Мисс Палестина", если бы даже такой конкурс существовал. Точно поняв ее одиночество и духовную незащищенность, он постепенно привел девушку в состояние полной зависимости. И лишь убедившись в полноте этой зависимости, объявил ей, что намерен в самом скором времени стать шахидом. Джейран не нужно было объяснять, что это такое, она была умной девушкой.

Много передумала Джейран, много проплакала ночей, однако почувывшей неладное матери так и не открылась. Не говоря уже о сестре, всю крутившей любовь с евреем и ставшей мишенью злых пересудов всего их квартала. Слава Аллаху, они живут в Яффе. На Территориях несчастную сестренку уже давно бы ждал нож или удавка.

Поначалу Джейран пыталась отговорить Файада от рокового шага. Не удалось. Да и не могло удасться: он получал солидные деньги за каждого нового добровольца.

Джейран убеждала парня в необходимости поиска других путей борьбы, но тщетно. Еще она боялась остаться совсем одна. Это чудо, что красавец Файад далеко не последний парень в квартале, полюбил инвалидку. А чудо на то и чудо, что уже никогда не повторится.

И что останется? Ненавистная жизнь в этом ненавистном теле, да омерзительное каждодневное служение в их убогом магазине, который скоро совсем загнется, потому что многие покупатели из-за поведения ее старшей сестры его бойкотируют.

Маму, конечно, жалко. Может, это и заставляло ее так отчаянно сопротивляться планам единственного друга. Страшно было представить, как ее мама, полжизни положившая, чтобы вытащить дочку с того света, узнает о ее гибели.

А потом придут израильские военные бульдозеры и снесут их дом, дом, в котором взрастили шахида. И где будет жить мама?

В общем, все стало плохо в жизни Джейран. И когда Абу Файад сказал: "Пора!", ей просто не хватило духу отказаться.

... Их смерть любимый назначил на 12-е августа, в будний вечер: так больше шансов проскочить кордоны, которые день ото дня становились все более придирчивыми. Сначала решили прорваться в "каньон" на улице Дизенгоф, а если не удасться — на каждом входе в крупные израильские магазины уже давно стоят охранники с металлоискателями, — взорвать бомбу прямо у его входа.

Джейран с Файадом приехали в Тель-Авив "пустые" — взрывчатку в город "втокнули" совсем другие люди. "Пояс смерти" Джейран надевала в чужой квартире, с помощью Файада. Себе такой же он не надел, объяснив, что у него будет пистолет и граната: после подрыва любимой он откроет стрельбу по подъехавшим полицейским.

В карман ее накидки вывели спусковую кнопку: Джейран категорически отказалась умирать с помощью часового механизма.

— Ты точно сможешь сделать это сама? — настороженно спросил Файад.

— Да, — спокойно ответила Джейран. Страха уже не было. Ей действительно нечего было делать на этом свете после смерти Файада.

В "каньон" проникнуть не удалось: охранник пристально смотрел на нее уже на подходе. А взрывать этого старика — других военных рядом не было — не имело особого смысла.

Джейран, не останавливаясь, прошла дальше, а потом, уже по другой улице, возвратилась к Дизенгоф, на площадь с фонтаном. Такой маневр был предусмотрен заранее.

Вот и ступеньки. Джейран обернулась: Абу остановился метрах в семидесяти позади, достал сотовый телефон. Правильно, он и не должен подходить ближе, иначе ему не удастся выполнить свою роль.

Горло ее перехватил спазм. Как же ей хочется в его объятия! И — тут до нее дошло окончательно — ей совсем не хочется умирать. Но теперь назад дороги нет.

Девушка, тяжело опираясь на палки, прошла последние ступени. Все. Теперь точно все.

Здесь еще кипела жизнь, но многие из присутствующих были обречены. Джейран категорически отказалась надеть пакетики с железными шариками, но

и без них убойная сила ее бомбы была огромной. Сейчас она будет убивать этих людей.

Может, вот этот спящий на скамейке мужчина тоже умрет. Его не жалко, он, скорее всего, военный. И те старики — тоже, наверное, немало убили ее соплеменников в последних войнах.

Женщины... Вот это нехорошо. Она не хотела убивать женщин.

И тут взгляд Джейран упал на пацана с матерью и малыша в коляске. Нет, этих она точно не хочет убивать! Надо отойти от них хоть на несколько шагов!

Вдруг заверещал сотовый.

— Да! — ответила Джейран. Если это — мама, она вообще не станет никого взрывать. Уйдет домой, и будь что будет!

Но это была не мама.

— Ну, что же ты! — голос Файада осип от волнения. — Давай! Аллах смотрит на тебя!

— Сейчас, — сказала Джейран и бросила сотовый в урну. Он ей больше не понадобится. Только отойдет от ребенка. Последние десять шагов.

...Когда капитан Моше Кацнель — раньше в Новосибирске его, отца двоих маленьких детей, звали Миша — открыл глаза, он мгновенно насторожился. Сначала даже не понял — почему. Потом понял, и насторожился еще больше.

Очень красивая девушка-арабка в черном брючном костюме и легкой темной накидке, опираясь сразу на две палки, поднялась по лестнице, ведущей со стороны "каньона" на плоскую вершину купола.

Вряд ли кто-то нашел бы в ней что-либо особо примечательное. Ну, не повезло девчонке с ногами.

Однако Моше видел гораздо больше, недаром к его врожденной наблюдательности много чего добавили специально подготовленные психологи. Он видел, например, то, что девушка очень взволнована, и что она не хотела сюда идти. И даже то, что она уже дважды почти машинально оглянулась назад, как бы ища у кого-то поддержки.

И еще — большие ноги девчонки даже под брюками казались тоненькими. Руки и лицо тоже не были полными, щеки чуть не ввалившиеся. А вот тело было совсем не худое.

Все это пронеслось в мозгу Моше буквально за две секунды, пересказывать гораздо дольше. Он вскочил, выхватывая из кармана пистолет. Девушка, увидев его движение, вдруг — даже как-то с облегчением! — качнула головой. Моше буквально нутром понял смысл ее жеста.

Да, она террористка. Да, у нее бомба. Но не нужно стрелять, она ее не взорвет. Даже, выпустив палки, руки в локтях согнула и пальцы сцепила — нет в них спусковой кнопки.

Поэтому Моше не выстрелил. Не опуская пистолета, сделал шаг в ее сторону и увидел метрах в пятидесяти от нее — внизу, на улице Дизенгоф, ее напарника, молодого араба в легкой курточке. Почему догадался — неизвестно, в этом и кроется секрет профессиональной интуиции, основанной на годах потогонных тренировок.

У напарника явно не было взрывчатки: куртка расстегнута, под ней ничего не спрячешь, а сумки в руках или рюкзачка за спиной нет.

Еще секунда ушла на обдумывание ситуации.

А то, что он увидел в следующий миг, навсегда осталось в памяти.

Тело девушки-инвалида вдруг мгновенно вспухло, прорезалось огнем и черным дымом.

Что-то больно ударило Моше прямо по лицу, но он уже понял, что это не железо. Упал, сбитый ударной волной, пацан, рядом заголосила его мама, закричали другие, находившиеся на "куполе".

Мгновенно умершего малыша из коляски выкинуло, а сама она, отброшенная невидимым ударом, громяхая и набирая скорость, покатилась вниз по каменным ступенькам лестницы.

"Я видел это в кино", — пронеслось в мозгу ошеломленного капитана, и он изо всех сил рванул за парнем, огромными скачками убегавшим вниз по Дизенгоф.

Догнать его подготовленному Моше не составило никакого труда. Правда, уже не на Дизенгоф, а на перпендикулярной, темной и тихой, улочке. Гораздо труднее оказалось сдержаться и не раздавить, как гнилой орех, его паскудную башку.

А парень стоял и вызывающе улыбался. И в самом деле, улик — никаких. Ну и что, что побежал? Взрыв же был, вот и побежал. Пульт дистанционного управления наверняка уже валялся в кустах, и даже когда его найдут, следствию это вряд ли поможет: отпечатков с него не снять. Пороховые смывы и пробы на взрывчатку тоже скорее всего мало что дадут. Так что Файад, имевший уже опыт трех задержаний, не зря повеселел. В израильской тюрьме не так уж плохо, тем более что все равно потом отпустят.

И тогда Моше сделал то, что делать ни в коем случае не следовало: не дожидаясь приезда коллег, он схватил пойманного в охапку, посадил его в свою личную машину и повез на службу.

Правда, с одной промежуточной остановкой.

И на этот раз Абу Файад понял все. Выбора не оставалось: либо Абу "колется" — немедленно и до донышка, либо остается навсегда на заброшенной апельсиновой плантации.

А в том, что его смерть будет потяжелее, чем у этой ублюдочной инвалидки, Файад не сомневался: достаточно было взглянуть на сумасшедшие глаза капитана.

— Ну, вот, — сказал капитан. — У тебя две минуты. — При этом смотрел не в глаза парню, а на его шею.

Абу быстро заговорил, и если б не диктофон, Моше и половины бы не успел запомнить. Файад сдал всех, кого знал, "раскололся" дочиста, до капли. Оно и понятно, своя жизнь — не чужая. Теперь не на одну неделю хватит разборов и арестов.

И еще он сказал одну вещь, которая заставила призадуматься не только Моше, но позже и гораздо более высокопоставленных офицеров. "В Газу идет корабль с оружием", — сказал Файад. Откуда, когда и с каким оружием — сам не знает. И, похоже, не врет. Очень сложно врать, будучи до такой степени напуганным.

А, значит, ведомству Моше еще предстоит "веселые" деньки.

21 Пятнадцатый день плавания т/х "Океанская Звезда". Измайлово, Москва

... Сверху пригревало ласковое июньское солнце. Снизу — мягкая зеленая трава приятно холодила и щекотала пятки. А впереди — на большой белой ромашке — сидела, плавно шевеля огромными шоколадными крыльями, бабочка. Такая красивая, что даже дух захватывало. До нее было-то всего пять шагов, но Семен боялся шевельнуться, чтобы не спугнуть редкостное чудо. Наконец он решился и бросился вперед. Но бабочка, как в замедленном кино, вяло пошевелила крылышками и... оказалась высоко над головой маленького Семена! Стало так обидно, что даже плакать захотелось! Теперь никто не поверит. Угустил!

Да, обидно. Но и радостно, оттого, что бабочка улетела, а не украсила собой обтянутый зеленой бархатной бумагой лист его маленькой коллекции...

— Семочка, — ласково проговорил мамин голос. — Все будет хорошо, Семочка, — и ее рука легла Семену на лоб.

— Что, мам? — вскинулся, просыпаясь, Мильштейн, с сожалением покидая разноцветный мир детства.

— Пора вставать, мой мальчик, — сказала пожилая женщина, и, тяжело развернувшись, пошла на кухню.

Семен неохотно встал с постели и, умывшись, тоже пришел на крохотную кухню родительской "хрущобы". "Четверка" платила своему "охранителю" немалые деньги, и он не раз предлагал — еще отец был жив — купить своему более удобное жилье. Но пожилые родители очень долго раскачивались с решением, а после того, как мама осталась одна, вопрос о переезде отпал как-то сам собой.

Может, это и к лучшему. Изредка появляясь у мамы — звонил-то он ей ежедневно, и продукты всегда привозил, сам или водителя посылал, — Семен оказывался в мирке, где ему был ведом не то что всякий уголок, но даже каждая полоска на давно не обновляемых обоях или тресчинка на невысоком — два-пятьдесят — потолке.

А когда оставался ночевать, то нередко видел сны из своего счастливого детства. Без катаклизмов и приключений, будь они все неладны.

Может, потому и любил здесь спать...

На кухне все было, как обычно. Тот же маленький, торцом приставленный к стенке, стол, за которым еле-еле умещалось три человека — теперь, к несчастью, стало не так тесно, как прежде. Та же газовая плита, выпущенная трестом "Росгазпром" во времена, когда Сенечку еще даже бабочки не интересовали. Мама и ее отказалась менять: объяснила, что любая хозяйка привыкает к своей духовке. Смени духовку — и сменишь пироги.

А вот этого Семен вовсе не хотел: мамины пирожки сменя явно не заслуживали, и сейчас он, едва поднявшись, уже учуял их аппетитный запах.

Семен со вздохом уселся за столик. Даже ему, человеку откровенно небольшого, пришлось для этого подогнуть ноги.

— Ну, сыночка, как дела? — повернулась от плиты мама.

— Неплохо, — откровенно солгал сынок. Дела как раз были вопиюще неприятны. Но какой смысл пугать маму?

— Я тебе "цибелэ" приготовила.

— Замечательно, — обрадовался Семен. "Цибелэ-мит-шмалце" была такая простая и вкусная еда, которую когда-то он мог съесть сколько угодно. Но сколько угодно не давали, потому как для нее требовались яйцо, свежая нефабричная курица, из которой можно было доморощенным образом вытопить жир, и лук, желательнее не горький. В эпоху тотального дефицита в досталь было только последнее, и только лишь потому, что у Мильштейна-старшего был еще со студенческих времен друг-узбек. Он и присылал из далекой Ферганы связки огромного фиолетово-красного лука, от которого при желании можно было откусывать, как от яблока.

Мильштейн-младший это лакомство — "цибелэ" — и сейчас любил, особенно с вышеописанными пирожками, которые — может быть, в силу сходства ингредиентов — удивительно приятно дополняли друг друга.

Семен принялся за еду, а мама приняла свою обычную "кухонную" позу: присела напротив, локтями опершись о стол и уткнув подбородок в сжатые кулаки. Ей всегда нравилось смотреть, как ее мужчины едят то, что она им наготовила. Теперь мужчина остался один. А смотреть нравилось даже больше. Может, потому, что удовольствие это стало довольно редким.

- И когда же ты, наконец... — начала мама, но продолжить не успела.
- Женишься? — закончил за нее Семен, улыбаясь. — Не нашел я еще, мама. Душа, видно, не готова.
- А к чему она у тебя готова, сынок? — неожиданно серьезно спросила пожилая женщина.
- Ты что имеешь в виду? — вопросом на вопрос ответил сын.
- Сам знаешь, — печально поджала она губы. — Долго ты еще будешь... ..мафией?
- Ну, мам, ты даешь. Вот, почитай, что на визитке написано.
- Мама взяла визитку, даже очки надела с тяжелыми выпуклыми стеклами, и медленно прочитала: "Заместитель генерального директора по экономическим вопросам".
- Вот видишь, — укорил ее сын. — А ты говоришь — мафия!
- Ох, сыночек, — тяжело вздохнула мама. — Ох, мой сынуля...
- Мам, ну что ты все охаешь? — не выдержал Мильштейн. — Я же не тать ночной! Работаю в крупной фирме, со своими старыми друзьями. Мы делаем свое дело, и не даем его разграбить. Ну и что здесь неправильного?
- Санечку Болховитинова убили, — как будто не слыша сына, горестно сказала мама. — Коля где-то прячется.
- Не прячется! — снова не выдержал Семен. — Он отдыхает в кризисе. Отдыхает, понимаешь?
- Понимаю, сынок, — печально подытожила мама. — Мамы, хоть и старые, а кое-что понимают. — И неожиданно спросила: — Сыночек, ты людей убивал?
- Ну, мам! — не сразу нашелся Семен. — Я воевал. В разведывае. Ты же знаешь.
- Я не про войну, — вздохнула мать.
- А с чего такой вопрос?
- Ты такой худой стал, — пожаловалась она.
- Мам, я видел таких жирных убийц! — взорвался Мильштейн, но, сразу опомнившись, замолчал. Протянул руку к лицу матери. Пальцами снял слезы. — Не волнуйся ты так, — тихо проговорил он. — Просто надо немного потерпеть. Сейчас у нас тяжелый период. Потом станет легче.
- Для меня, сынок, "потом" — понятие абстрактное, — ответила она. — У меня его просто нет.
- Ну, так-то уж не надо! — преувеличенно бодро возразил Семен. — Слава Богу, все живы-здоровы. Все и сейчас не слишком ужасно, а в будущем станет лучше.
- Я не вижу твоего будущего, сынуля. Всегда видела, а теперь нет. Мне не нужны ни твои "мерседесы", ни твои акции. Мне нужен мой сынок и его дети, понимаешь?
- Понимаю, мама. Но все уже крутится — не остановить.

Водитель приехал как всегда точно, минута в минуту. Вышел из машины, осмотрел улицу. Потом заглянул в подъезд. И только после этого набрал телефон Мильштейна.

Семен быстро вышел, обернувшись, помахал матери, смотревшей на него из окна. Затем сел на место шофера — а тот, соответственно, рядом — и медленно вырлился со двора.

Это был вовсе не "мерседес", а "мицубиси-галант". Машина редкостная — ну, где еще найдешь бронированный "мицубиси"? Это и прельстило Семена, по случаю его купившего. Если он о таком не слыхивал, то и другие, возможно, тоже. И был, как всегда, прав.

Потому что на выезде из двора прямо на их машину полетел темно-красный мотоцикл "Хонда" с двумя парнями в черных кожаных куртках и черных шерстяных шалочках! Семен инстинктивно затормозил, "Галант" развернуло на мокрой после дождя дорожке — "пассажирским" боком к "Хонде".

Два молодца мгновенно соскочили с мотоцикла и, не тратя времени на предисловия, открыли стрельбу сразу из двух "ТТ" с глушителями. Видимо, у них не было сомнений в том, что остроносые пули, покидая стволы со скоростью 420 метров в секунду, прошьют насквозь эту японскую "таратайку" вместе с ее человеческим содержанием.

В этом и был расчет предусмотрительного Мильштейна. Противопульная броня третьего класса защиты защитила бы даже от нового "Калаша"!

Стрелки палили в пассажира, не видя лиц за затемненными бронестеклами. Выстрелов почти не было слышно, лишь отскакивали с отвратительным шварканьем смертоносные кусочки металла. Один из них рикошетом даже слегка зацепил стрелка, по щеке которого потекла красная струйка.

Нападавшие хоть явно были профессионалами, не смогли сразу остановиться — выпалили-таки по обоим. Правда, последнюю пару выстрелов предусмотрительно сделали по колесам, обезопасив себя от возможной погони.

Впрочем, это не помешало Мильштейну, потерявшему на испуг не более двух секунд, мгновенно "продернуть" машину вперед и превратить дорогой мотоцикл в кучу железного хлама.

Киллеры, отстрелявшись и потеряв свою двухколесную "тачанку", бросились назад, к дороге, где, скорее всего, их страховали сообщники. По повадкам было видно, что такая работа молодым мужчинам не в новинку. Видно, не раз они оставляли за собой бездыханное тело и бьющихся в истерике близких.

Но в этот день звезды явно были к ним не расположены. Потому что на этот раз их жертвой должен был стать маленький сутулый человечек со старомодным именем Семен.

Он даже из машины не вылез. Открыл кнопкой окно с противоположной стороны и перед самым носом остолбеневшего водителя тщательно прицелился в убегавшие фигуры.

"Иж-71" в умелых руках вполне способен убивать. И Мильштейн, безусловно, "завалил" обоих, если бы это входило в его планы. Однако трупы вряд ли могут что-то рассказать, и он спокойно и точно выстрелил по ногам. Это и был высший класс огневой подготовки: из "курносого" пистолета четырьмя выстрелами добить с двух попаданий в ноги бегущих людей.

Они свалились, как подкошенные, а салон "галанта" заволокла вонючая пороховая гарь. Аллергик Мильштейн потерял еще пять секунд, чтобы пару раз чихнуть. Но теперь он уже не спешил, куда они, безногие, денутся? И тем самым еще раз подтвердил старую народную мудрость: мы предполагаем, а Бог — располагает.

Откуда взялся лихой экипаж патрульной машины, не понял никто. В милицию не звонили — просто потому, что не успели. Стрельбы сами милиционеры тоже не слышали. Просто заехали по своим делам во двор — у одного из сержантов здесь жила подружка — и увидели такое...

Едва ли не с криком "Ура!" самый молодой, выхватив табельный "ПМ", рванул к раненым бандитам. Один из них — видимо, тоже инстинктивно — поднял непerezаряженный пистолет. В ответ сержант поступил совершенно по инструкции, мгновенно выпустив в бандитов все восемь жирненьких "пээмовских" пуль.

Мильштейн только выругаться успел матерно, как все закончилось. Киллеры лежали мертвые, а отчаянный стрелок-сержант стоял рядом с белым, как мел, лицом.

Семен, кряхтя, вылез из машины и подошел к остолбеневшему сержанту.

— Ладно, не переживай. Он бы тебя точно уложил.

Парень благодарно кивнул головой и тихо спросил:

— А что теперь будет?

— Ничего, — коротко ответил Семен и протянул ему визитку. — Поможем, не дергайся. В конце концов, ты мне жизнь спас, — соврал он, так вдруг стало жалко несчастного сержанта, которому на вид и двадцати-то не исполнилось. “Потому и полез”, — с усмешкой подумал он.

Многоопытный напарник юнца вылез из ободранного УАЗика, только когда убедился, что все кончилось хорошо, и все, кому надо, — уже умерли.

По сотовому тут же был вызван старший юрист “Четверки” и сделаны все необходимые звонки друзьям из соответствующих ведомств.

— Ладно, брат, — на прощание хлопнул маленький Семен рослого сержанта по плечу. — Сейчас подъедет Михаил Григорьевич, наш специалист, поговори с ним. Тебя скорее наградят, чем посадят.

— Вы думаете? — преданно глядя ему в глаза, спросил парнишка, полностью убитый собственным героизмом.

— Уверен, — улыбнулся Мильштейн. — Если что — звони.

И, не обращая внимания на окрик второго патрульного, пошел к дороге, ловить “попутку”.

В своем кабинете он заказал себе кофе с коньяком. Ни с кем из растревоженных сослуживцев общаться не стал. И звонок Николаю тоже отложил. Хотя было о чем сказать.

Ему вдруг захотелось посидеть в одиночестве и немного подумать.

А если честно, он просто не был готов сказать своему другу и начальнику, что его подставляют те, кто давно стал частью его жизни.

Итак, Вилька ведет переговоры с “Глобал”, на которых конкретно обсуждает цену своей части акций. Зафиксированы и его неоднократные звонки княжне, которая сейчас реально решает самые напряженные проблемы “Четверки” (Мильштейн, кстати, был приятно удивлен ее хваткой и настойчивостью. Если бы не она, в отсутствие Агуреева все могло бы стать гораздо хуже). Во время этих разговоров Нисаметдинов трижды пытался объяснить ей бесперспективность столь опасного бизнеса — у Семена “все ходы записаны”.

Княжна каждый раз слушала внимательно, но, к счастью, давить на Николая насчет продажи акций категорически отказалась. Хотя Равиль ставил вопрос очень грамотно: что лучше — действительно хорошие деньги за акции или очередные стрельбы с очередными трупами? (Нисаметдинов уже успел кое-что вынюхать про инцидент в аэропорту.)

Насчет боевой подруги Валерии — еще хуже. Хотя, казалось бы, куда уж хуже-то?

Боевая подруга Валерия тоже вела переговоры с “Глобал”. Более того, она обсуждала проблемы компании со своим партийным боссом, который, разумеется, радея о партийной — а может, и собственной — мощи, всячески советовал ей соскочить с тонущего корабля, пока это еще возможно.

Лерка, наверное, опасаясь “прослушки”, делала всякие сочувственные заявления типа “как же она бросит товарищей?” Но переговоры с исполнительным директором “Глобал”, тем не менее, не прекращала. И Еву дважды в гости к себе зазывала, тоже ведя при этом подрывные беседы.

И все это — Мильштейн тяжело вздохнул — было еще цветочками.

Настоящие ягодки шли дальше.

Вот она, эта чертова кассета! Семен, так и не привыкший к новым терминам, угрюмо посмотрел на мини-диск с записями "слушачей", но ставить не стал. Сто раз уже слышал, в мозг въелось.

Два странных звонка. Один — перед взлетом злополучного рейса, на который этот толстяк-рекламист едва не прихватил смертоносную посылочку.

Второй — перед эпизодом в Ла-Корунье, о котором у Мильштейна имелась полнейшая информация. И — странное дело! — звонивший обратился к даме на русском, хотя звонок был из Коруньи!

В обоих случаях милейшая Валерия объяснила звонившим, что они не туда попали, и тех, кого звонившие спрашивали, по данному телефону нет, и не было.

Может, совпадения? Вряд ли. Скорее, если Лерка не замешана, — это подстава. Но кто будет подставлять безмозглую куклу? И зачем?

И еще один момент. Может быть, самый неприятный.

О том, что он едет к маме, он предупредил только Валерию Ивановну. Потому и в "галант" бронированный сел, и "ствол" взял, который, как правило, с собой не таскал.

Вот такие дела...

"Нет, так нельзя! — вдруг сжал виски сразу постаревший Семен. — Не может быть такого, потому что не может быть никогда!"

У нее для этого просто не хватило бы мозгов! В конце концов, установить, где он сегодня ночует, можно тысячей методов, безо всякой Леркиной помощи! А, может, он так себя уговаривает, потому что член Совета директоров, Валерия Ивановна Сергеева, ему все же не совсем безразлична? И тогда, в Афгане. Да и сейчас, изредка, когда становится уж слишком одиноко.

Становилось... Сейчас он бы к ней в постель не пошел. Не класть же под подушку "Иж-71", если она ночью вдруг решит его "замочить"...

— Ах, как все плохо... — вслух простонал Мильштейн.

— А ты уже в курсе? — удивился неслышно вошедший Игорь Диваков, в отсутствие Мусы и Алехи — его правая рука.

— В курсе чего? — стараясь подавить сердцебиение, спросил Семен.

— Включи ТВ, — не вдаваясь в детали, ответил тот. — Московский канал. Я потому и зашел.

— Что, мой сюжет уже в эфире? — усмехнулся Мильштейн и шелкнул пультом.

— Нет, — ответил Диваков.

Холодея от дурных предчувствий, маленький Мильштейн совсем вжался в мягкое кресло.

— ...именно поэтому... — с полуфразы начал корреспондент криминальной программы, — ...и не удалось сразу опознать труп.

Мильштейн не слышал начала, но все и так было понятно. Труп не удалось опознать сразу, потому что его не было. Точнее, он был — но в очень разобранном состоянии.

На шикарном цветном экране престижного телевизора "Леве" тихо дымились останки некогда роскошного "мерседеса", деловито сновали люди в куртках с крупной надписью "ФСБ". Иногда в кадр попадали милиционеры и толпившиеся за лентой ограждения зеваки.

— Это и сейчас не вполне достоверные сведения, — продолжал рассказ корреспондент. — Предварительное опознание произведено лишь по сохранившимся в

одежде убитого обрывкам документов и по регистрационной карте взорванного "мерседеса". Точный ответ дадут только судмедэксперты.

Последнее было неправдой. Точный ответ мог дать и Мильштейн. Причем — немедленно.

Похоже, Равиль Нисаметдинов не был предателем. Он просто был добрым и слабым человеком, не прошедшим, в отличие от своих друзей, суровую школу жизни. И он так не хотел рисковать, что для уменьшения риска готов был сыграть против этих самых друзей.

Умный был Вилька и хитрый. Может, самый умный и хитрый из всех них. Но, видно, чего-то все-таки недодумал...

— Прости меня, Вилька, — тихо прошептал Мильштейн.

Ему вдруг нестерпимо захотелось обратно, в свой утренний сон. Туда, где летают бабочки, утешает мама, а друзей сначала не подозревают в предательстве, а потом, терзаясь совестью, не провожают на элитное кладбище в дорогом закрытом гробу...

22. Семнадцатый день плавания т/х "Океанская Звезда".

Порт Аликанте, Испания.

Из дневника Даши Лесной

"... Итак, начнем очередное писательское упражнение — кстати, литературный босс Береславский называет это мое занятие фонетически созвучно, но гораздо более неприлично. Впрочем, если бы не он, я бы писала гораздо меньше. Или бы вообще не писала. А так, когда есть преданные читатели, — пусть даже один и очень ехидный, — писать значительно интереснее.

Показываю ему, конечно, не все. Любовную лирику застенчиво прикрываю узкой девичьей ладошкой. Но за одно я ему уже благодарна: он — (а не журфак, который закончила на "отлично") — подвигнул меня на плетение словес, и очень похоже, что это занятие я уже никогда не брошу.

Ну, ладно. Начнем с Лиссабона. Лиссабон — это столица Португалии, ежели кто не в курсе. Ефим ее не любит, так как в прошлый приезд его здесь дважды — и по крупному — штрафовали дорожные менты. Я считаю эту реакцию неадекватной, потому что, насколько мне известно, нет такой страны в Европе, где дорожные менты его бы не штрафовали.

О Португалии.

Страна прилеплена к левому боку Европы, и от нее до России сильно далеко. Реактивный лайнер летит почти шесть часов. Мы обходим Европу вокруг — откуда и название круиза, — и получается довольно забавно: Франция, потом Испания, потом Португалия, а потом — опять Испания и Франция. Но это уже будут их теплые берега, чего я, вкупе с прочими теплолюбивыми туристами, с нетерпением ожидаю.

Лиссабон — город забавный. Он стоит на берегу реки с ужасным названием, то ли Тежа, то ли Тужа. А, может, Жута. Рекой ее называют только люди, никогда эту "реку" не видевшие. Здоровенная, как море, и, как океан, дышащая приливами и отливами. Отличает ее от указанных водоемов только то, что над морями и океанами, как правило, не строят мостов. Здесь же их — целых два, и когда Ефим Аркадьевич провез нас по одному из них, я слегка струхнула, потому как боюсь высоты и глубины, а здесь оба моих страха были преподнесены мне в одном флаконе.

Еще в Лиссабоне куча музеев, театров и картинных галерей, а также античных и прочих развалин. Я страшно боялась длинных экскурсий и культурных мероприятий, поэтому уцепилась за Аркадьича, который их тоже не любит, но, в отличие от меня, не стесняется в том признаться.

“Я сам — создатель высоких культурных ценностей”, — гордо объявил он, променяв в Амстердаме всемирно известный музей живописи на экскурсию по каналам. В тот раз Людмила Петровна ласково назвала его “юным придурком” и изо всей нашей компании отправилась повышать свой интеллектуальный уровень одна.

Но вернемся к Лиссабону. С одной стороны его “прямоугольник” ограничен этой странной рекой-океаном, с другой, примыкающей — настоящим океаном. Ефим нас туда возил.

Мне там показалось отвратительно, хотя ему, как обладателю извращенных вкусов, понравилось. Дело в том, что в океане, в отличие от морей, приливы настоящие: прильет, так прильет. Метров на триста гуляет вода, если не больше.

Мы же приехали с Ефимом и Людмилой Петровной днем, в отлив. И когда этим двум живчикам вздумалось купаться, то до воды нам пришлось добираться чуть не полчаса, причем по сплошному ковру тихо тухнувших водорослей. Я шла, зажав нос и тщательно глядя под ноги: в этом мокро-зеленом болоте мне все время чудились какие-то морские гады, способные испортить красоту нижней части моего высокоэстетичного тела.

Когда же, наконец, дошли до воды, она оказалась такой холодной, что омовение по полной программе совершила только негибкая старушка Евстигнеева.

Кстати, именно в славном городе Лиссабоне я впервые увидела взбешенного Ефима Аркадьевича. Ему вообще там все не нравилось, пока не попали в океанариум. Но это — позже, ближе к вечеру. А сначала, — когда я, мисс Марпл и Ефим Аркадьевич только вышли гулять, — наш мужчина решил взять авто напрокат. И поскольку сильно развитое чувство пижонства не позволяло ему довольствоваться нормальным автомобилем, он взял длиннющий бирюзовый “пассат-универсал” с турбодизелем.

“Пассатина” был огромный, и я скромно заметила, что вряд ли это понравится водителю на узких и вертлявых лиссабонских улочках.

— Детка, не учи меня жить, — мягко поправил меня наш лидер. — Лучше расслабься и получай удовольствие.

Что, собственно, мы с Людмилой Петровной и делали.

И чего никак нельзя было сказать о водителе нашего “пассата”! Улочки в центре португальской столицы не просто вертлявые, а супервертлявые. К тому же, не очень похожие на обрыв или скальный подъем среди них попадают очень редко. Короче, наш вождь на очередном девяностоградусном повороте — да еще на почти вертикальном склоне — чуть не изгибался вместе со своим “пассатом”, ожесточенно орудуя при этом рукояткой переключения передач.

Все бы ничего, но пристроился за нами один местный полудурок на старом “форде” и на каждом “затруднении” Ефима Аркадьевича начинал сзади дудеть в сигнал. Там на самом деле все такие, но Береславскому этот почему-то показался особенно неприятным. В итоге, заглохнув на очередном подъеме-повороте, наш водила получил в свой адрес еще порцию гудков.

Ефим Аркадьевич изменился в лице, дернул за “ручник” и выскочил на улицу. За ним, элегантно приподняв длинную юбку, выпорхнула Людмила Петровна. Я, каюсь, осталась сидеть на месте, только стекло опустила и голову повернула. Может, это и неправильно — бросать своих в драке, но, во-первых, я — женщина, а во-вто-

рых, наш предводитель сам во всем разберется и нигде не пропадет. Вот если бы Коленьку кто обидел — тут бы я, наверное, не усидела.

Ну, ладно, вернемся к изложению событий. А они меж тем развивались драматически: Береславский трусдой — которая в экстремальных условиях заменяет ему бег — направился к "форду", чтобы дать в морду гудящему португалу. Однако Ефим Аркадьевич оказался гораздо более садистски настроенным. Остановившись перед открытым окошком водителя, он вежливо снял кепку, приложил толстую ладошку к сердцу и, нагнувшись к водителю, учтиво спросил:

— Can I help you, my dear friend?

Это привело водителя "форда" сначала в изумление, граничащее со ступором, а потом в дикое бешенство. Он выскочил из машины и начал ругаться на своем противном свистяще-шипящем языке. Наш же Ефим, как закоренелый лингвист, не стал ограничивать себя рамками романской языковой группы, выдав такие тирады, что даже у меня волосы встали дыбом.

Из задних машин уже повыскакивали болельщики, похоже, судорожно ставящие пари. Здесь же в боевом запале прыгала, потрясая розовыми сединами, Людмила Петровна, ожидая подходящего момента, чтобы смачно заехать врагу предумышленно прихваченным зонтиком. Она, кстати, тоже не молчала, и много словосочетаний я опять-таки услышала впервые, хотя все отдельные составляющие ранее вроде бы были мне известны.

Так они орали минуты три, после чего... водила "форда" вдруг улыбнулся, а потом и вовсе заржал, демонстрируя пальцами Ефиму международно понятный знак "Ok!".

Людмила Петровна, вызвав взрыв хохота у присутствующих, в ответ продемонстрировала на пальцах — точнее, одним, среднем, пальце — другой международный знак, но быстро поняла, что попала "не в кассу", и даже слегка смутилась. Уже потом я выяснила, что старая дама считала вышеуказанный жест принятым у молодежи знаком глобального одобрения и использовала его во всех, на ее взгляд, подходящих случаях.

В общем, все кончилось замечательно.

А теперь то, что я наверняка закрою ладошкой перед любопытным Ефимом Аркадьевичем.

Мой любимый — грустный-прегрустный. Все бы дала, чтобы его развеселить. Поэтому начала с малого. Вчера сидели, как обычно, на корме. И когда уже пора было уходить, я его обняла так, чтобы он меня почувствовал. И он — почувствовал!

Опыта у меня, к сожалению, маловато. Но и того, что был, оказалось достаточно. Смущен был мой милый! Конкретно смущен!

Он, конечно, сказал что-то типа "не надо, детка". Но мне плевать. Я теперь точно знаю, что мне надо, и поведу правильную осаду этой крепости. Карфаген должен пасть!

Хотя нет, в первоисточнике говорилось о том, что он должен быть разрушен. Но милого Коленьку рушить мы сами не будем и другим не дадим. Разрушим только их чертову семью. И совесть меня при этом не замучит: любимый мужчина должен принадлежать любимой женщине, а вовсе не навороченному суперкомпьютеру.

А вообще Коленька в плохом состоянии. Сейчас мы подходим к Аликанте, и он вроде бы чуть успокоился. Здесь погиб его Болховитинов, и Коля уже настроился на посещение места гибели. А вот три дня назад, когда мы подходили к Гибралтару, Агуреев был явно не в себе.

Сначала пришло известие о гибели Нисаметдинова. От меня этот факт скрывали. И, наверное, правильно делали. Когда узнала, я была в шоке. Что уж говорить

про Николая? Он совсем потерял свою выдержку. При мне материл по спутниковому телефону дядю Семена, с которым обычно разговаривает крайне выдержанно. И главное, что я поняла, — их отстреливают. Я имею в виду руководителей "Четверки". Сначала — Сашку Болховитинова, потом — Равиля, теперь охота идет на моего Колю. И весь наш круиз — это попытка дяди Семена спрятать Колю от пули.

А самое страшное, что я сумела понять, — дядя Семен подозревает... Леру! Не могу в это поверить. Но и сложно представить, чтобы Мильштейн ошибся.

Короче, голова идет кругом. Ужас такой, аж в животе порой сводит.

Так вот, когда я зашла в каюту, они ругались с дядей Семеном по поводу дальнейшего путешествия. Мильштейн, видимо, требовал его продления и не разрешил Агуреву возвращаться в Москву. А тот не соглашался. Потом сдался, налил — прямо при мне, не стесняясь — стакан коньяка и выпил. Перезвонил по спутниковому своей выдре — тоже прямо при мне — и сказал ей, что круиз продлен до Порт-Саида. И только после этого выгнал меня из каюты.

Я пошла к себе, глотая слезы. Посмотрела справочник. Порт-Саид — это Египет. Так что наше "Похищение Европы" теперь закончится у самых берегов Африки.

Вчера, за день до швартовки в Аликанте, всех туристов оповестили о продлении маршрута. Всем, кто хотел, его продлевали бесплатно, компенсируя путаницу в расписании. Кстати, Аликанте в судовом расписании вообще не значится.

Почти все "чужие" — не говоря уж о своих, из "Четверки", — остались, в Аликанте сойдут только человек двадцать. Так что плавать нам теперь еще долго.

...Что-то не очень по-дневниковски получается. Дневник — это спокойное описание, путевые заметки. А здесь — сплошной сумбур.

Ладно, попробуем формализовать изложение. Мы остановились на Лиссабоне.

Более там ничего особо интересного не было. Разве что — посещение океанариума.

Представь себе, мой неведомый читатель, стеклянный цилиндр высотой с десятиэтажный дом. А может, и поболее. Внутри цилиндр заполнен водой, а крыши нет, так что солнце заливает его свободно. В середине цилиндра — тоже высоченный, идущий с самого дна, утес из каменных и бетонных глыб. А уж вокруг него — между камнем и стеклянными стенами, под льющимися сверху солнечными лучами, — по всей водяной толще плавают рыбы. Получился такой своеобразный аквариум, в котором даже аквалангисты — они постоянно там толкутся, по своим научным делам, — кажутся крохотными фитюльками. Даже акулы громадные кажутся маленькими.

Но самый прикол в том, что вокруг цилиндра сверху вниз идет спиральная дорожка, по которой ходят все желающие посмотреть на подводное царство. Так что ты можешь уткнуться носом в подводный мир на глубине и двух метров, и двадцати, и пятидесяти.

Что Ефим и делал ежеминутно. Он прямо застывал, наблюдая за остромордыми, рассекающими глубину акулами, огромными серыми рыбинами с застывшим на зубастых мордах удивленным выражением, гигантскими, но грациозными, волнообразно перемещающимися скатами. Нет, конечно, мы все тащились от этих картинок, включая мисс Марпл. Но, пожалуй, только наш Ефим был ими столь очарован.

Он спускался вдоль этого цилиндра часа четыре — мы чуть на корабль с ним не опоздали: без нас, конечно бы, не ушли, но я очень не люблю опаздывать — просто какой-то подводный человек!

С трудом дотащив его до низа, к выходу, мы снова чуть было не потеряли мужика. Сел на какую-то низенькую скамейку и опять уставился на этот гигантский водяной столб.

— О чем вы так задумались? — попыталась я разрядить обстановку. И, конечно же, нарвалась.

— Вот если стекло лопнет, что будет? — задумчиво спросил Ефим Аркадьевич.

Поскольку мы были в самом низу, ничего хорошего нас в этом случае не ожидало. Мне, чертовски боящейся воды, стало страшно, и я поняла, что это маленькая месть Ефима за порушенное мной удовольствие.

Зато я отыгралась на нем в Гибралтаре. Понятное дело, останавливаться там мы не должны были: плановая стоянка была в последнем "атлантическом" городе — Кадисе. Но "Океанская Звезда" проскочила Кадис, как до этого проскакивала многие другие запланированные порты. И — опять-таки, как обычно — остановилась в порту незапланированном, прямо в проливе, ведущем из Атлантического океана в закрытое Средиземное море.

Весь город — это одна черная скала, давшая ему название. Хозяева здесь непонятные: теоретически это кусок Испании, ведают землей Англия, а живут, как мне показалось, одни индусы. По крайней мере, магазинчики здесь все принадлежат им.

На самом верху — древняя крепость. Там — удивительный вид на гавань, обилие пыльной зелени и еще... чертовски много диких обезьян! Это не шутка: настоящие дикие обезьяны, не имеющие никаких проблем со жратвой по причине обилия туристов. Они ничего не боятся, лезут прямо к рукам с бананом, а к назойливым зевакам лениво поворачиваются ярко-красной задницей. В принципе, довольно забавное зрелище. Ефим долго снимал одну обезьянью мамашу, лениво жуящую банан, в то время как ее пацаненок намертво вцепился ей в шерсть своими крохотными коричневыми пальчиками. Береславский так увлекся, что не заметил другую темно-коричневую даму, которая ловко сорвала у него с плеча маленькую сумку с его обожаемой "Лейкой". Сорвала — и мгновенно запрыгнула на дерево, не очень высокое, но с земли не достать.

Ефим аж обалдел: он так гордился своим маленьким фотоаппаратиком! В ярости схватил с земли камень, но не швырнул: полицейский, давась от смеха, молча погрозил ему пальцем — закон здесь явно охранял вороватых приматов. Та, зная это, бежать вовсе не торопилась: просто тупо сидела на ветке — если, конечно, так можно сказать про позу, когда ветка обхватывается ногами и хвостом, и смотрела на беснующегося внизу Ефима Аркадьевича.

Людмила Петровна еле сдерживалась, чтобы не заржать в голос. Я предпочитала не давиться и хохотать в открытую, за что получила пару-тройку яростных взглядов своего творческого наставника.

Но, как выяснилось, мы с мисс Марпл недооценили нашего кавалера. Он решительно отобрал у нас все подаренные им же бананы и начал корчить воровке страшные рожи. Обезьяна внимательно смотрела на заслуженного рекламиста, опустив еще ниже свою бесстыдную башку.

И когда ее голова оказалась полностью открытой от веток, Ефим мгновенно и точно обстрелял ее реквизированными у нас бананами. Твердые зеленые фрукты звонко стукали о черепную кость криминального животного, от чего в бешенство теперь уже пришла та. И пульнула в Ефима тем, что на данный момент имела — его сумкой.

Береславский ловко ее поймал, успев сказать при этом что-то типа "Оп-па!", как будто пол-жизни только и занимался тем, что ловил предметы, бросаемые в него обезьянами, и победоносно посмотрел на явно подсуживающего приматам полицейского. Тот аж покраснел от злости, но, не придумав ничего оригинального, повернулся и ушел с места ристалища.

Мы тоже не стали здесь задерживаться: хоть обезьяны и были ростом со среднюю собаку, но связываться со стаей не хотелось.

Ефим шел первым, ласково ощупывая вновь обретенную "Лейку".

Больше, пожалуй, до Аликанте, уже показавшегося на горизонте, ничего интересного и не было. Разве что морская перегрузка, уже здесь, в Средиземном: к нам подошел прямо в море корабль, и морячки, под присмотром наших зевак, став борт к борту, перегрузили на "Океанскую Звезду" три здоровых морских ящика.

Кстати, это очень разозлило Береславского, так как ящики поставили на нос теплохода, прямо на то место, которое он облюбовал для своего очередного "гнездышка". Но и он быстро успокоился, устроив там вскоре нечто вроде шалаша, роль стен которого исполняли вышеуказанные ящики.

Вот, вроде, и все.

В нынешнем нашем море гораздо теплее и лучше, несмотря на то, что прибрежный вид изменился в нежелательную сторону: зеленый цвет сменился желто-бурым, и берег сильно смахивает на пустыню. Зато теперь мы купаемся и в бассейне, и в море. А температура воды уже не пятнадцать градусов, а все двадцать четыре.

Ладно, мы уже потихоньку втягиваемся в порт — без бинокля можно разглядеть их знаменитую Санта-Барбару — крепость на вершине нависающей над городом горы. Сейчас поедem на экскурсию.

Но без Ефима и Николая, они едут на пляж, где погиб Саша Болховитинов. Мена вновь не берут.

Ну и пусть. Лишь бы с ними ничего не случилось. А я теперь уже ни в чем не уверена.

■■■■ 23. Семнадцатый день плавания т/х "Океанская Звезда".

■■■■ Порт Аликанте, Испания.

■■■■ Вечер

К причалу теплоход подходил — уже стемнело. До швартовки еще оставалось время, и вся туристская публика была на палубе, наблюдала за действиями буксира и матросов.

Вхождение теплохода в порт — зрелище, привлекательное всегда. Сначала берег просто приближается. Если дело происходит ночью, как сейчас, то далекие, невнятные вначале, огоньки как бы расшифровываются, превращаясь то в освещенные окна зданий, то в рекламу, то в уличные фонари. Черная вода порта подсвечена сполохами огня, а звезды и луна, наоборот, тускнеют или даже почти исчезают в рукотворном электрическом зареве.

Теплоход идет медленно, спокойно, дизеля поставлены на "самый малый", а рядом с тушей лайнера примостился маленький, но мускулистый буксир.

Вот причальная стенка уже рядом.

"Океанская Звезда" тяжело разворачивается, становясь к причалу, как и положено, боком. Черная щель между бетонной, уходящей под воду, вертикалью и бортом с каждой секундой уменьшается. Наконец матросы бросают на берег швартовые концы, береговые обвязывают толстые канаты вокруг мощных кнехтов, и лебедки подтягивают корабль вплотную к причалу.

Далее — дело техники. Спускается трап, на судно поднимаются офицер таможи и сотрудники паспортного контроля.

Все. Через полчаса желающие могут прогуляться по Испании.

Желающих, несмотря на позднее время, в этот вечер оказалось довольно много. Паспортный контроль прошли пятьдесят три туриста, не считая членов команды. Чуть позже, часа через полтора, на КПП отметили еще четырех человек: Агуреева, Береславского и Мусу с Алехой.

Ефим не одобрял эту позднюю гулянку, так как всей своей негеройской душой помнил острые события в Ла-Корунье. Мильштейн в предыдущем спутниковом разговоре также был категорически против подобных вылазок. Однако оба понимали, что Николай обязательно и непременно поедет на место гибели друга.

Так оно и получилось.

Припортовая площадь, несмотря на поздний час, была более чем многолюдна и оживлена. Это тоже испанская традиция: вечером, когда чинная бургерская Европа уже отходит ко сну, средиземноморская Испания только начинает свой вечерне-ночной гудеж.

Праздник жизни, как правило, происходит рядом с морем. Конкретно в Аликанте — на знаменитой Эспланаде, прибрежном бульваре, широком, вымощенном стилизованной под "морские волны" цветной плиткой. Края бульвара заняты цветущими, остро пахнущими кустами и огромными деревьями, чье название Береславский не знал, но, всякий раз увидев, поражался: их мощные узловатые корни... свисали прямо с ветвей, постепенно дорастая до земли и за эту землю цепляясь!

"Середку" бульвара занимали, соответственно, люди. Всех возрастов, полов, рас и наций. Гуляющие — и местные, и туристы — ходили плотными толпами, полной грудью вбирая в себя теплый морской, с соленым привкусом, воздух, насыщенный терпкими запахами южной растительности и аппетитными ароматами местной кухни.

К услугам вышедших отдохнуть были бесчисленные павильончики с деликатесами, кафешки, солидные рестораны, а также — марроканцы с расстеленными прямо на земле одеялами, на которых рядами выложены очки из Франции, игрушки из Америки и часы из Швейцарии. Причем никому не нужно объяснять, что все это великолепие — "made in China".

Разумеется, тут же трудились представители творческой интеллигенции, точнее, самых ее низов. Уличные художники деловито клепали картины с лицами присевших на стульчик граждан, молодые "актеры", вымазав себя белилами и обмотав простышкой, взгромождались на подходящие возвышенности и изображали статуи — Ефим хорошо помнил, как не на шутку струхнул, когда ему, в первый его приезд, внезапно подмигнула статуя Девы Марии.

Тут же ребята в пончо — обычно, из Боливии — поют что-то латиноамериканское, вызывая в памяти русскоязычных чисто испанскую фамилию "Agutin".

Для любителей высокого искусства — тоже прямо на Эспланаде — построена гигантская, стилизованная под морскую ракушку, эстрада. На ней выступают уже совсем серьезные оркестры, с одетыми в пингвины фраки классическими дирижерами.

Конечно, присутствуют и народные умельцы. Активно, например, предлагают наручные "фенечки" с любыми именами. Их скручивают прямо здесь из обычных ниток "мулине", быстрыми и ловкими движениями "выписывая" на белой картонной подложке требуемые буквы.

Вот около одного из таких умельцев и остановился Агуреев.

— Сколько? — спросил Николай у узкоглазого смуглого азиата. Ефим только собрался перевести, но, оказалось, парень насчет денег понимает без перевода.

— Three euro, — мгновенно ответил умелец.

— It is very expensive, — неизвестно зачем сказал Ефим. Для Агуреева что three euro, что three hundred euro — все было едино.

— O' key, — мгновенно среагировал парень. — One euro. What is your name? — спросил он Николая.

Но Ефим уже все понял.

— Саша? — предположил он.

— Санька, — ответил Агуреев. — Саня.

"Sania", — крупными буквами написал на блокнотном листе Береславский.

Азиат взял кусочек картона, подцепил нитку и быстро-быстро закрутил пальцами. Прямо на глазах у зрителей, не более чем за минуту, на фоне темного, непонятного в электрическом освещении цвета "мулине" возникло неведомое здесь имя — "Sania".

— Готово, — тихо сказал Агуреев, принимая из рук ремесленника законченную "феньку". Потом порывлся в бумажнике, но кроме двух карточек "Visa" — обе, кстати, платиновые — не нашел ни цента. Пришлось представителю маленького "Беора" субсидировать большую "Четверку".

— Ну, пошли к авто, — кладя покупку в карман, сказал Николай.

Береславский, подозрительно оглядываясь на многочисленных марроканцев, быстро зашагал к стоянке.

Контора проката в порту была уже закрыта — пассажирский порт Аликанте вообще размерами не выделяется — но Ефим не был бы Ефимом, если бы у него в этом заштатном испанском городке не оказалось пары-тройки друганов. Вот почему минут через пять после приобретения "фенечки" он уже расцеловывался с мужиком и дамой интеллигентной наружности. Завершив множественные рукопожатия и дружеские похлопывания, местные интеллигенты вручили Береславскому ключ от... крутой южнокорейской "тачки" с французским названием "Атос", после чего удалились в неизвестном направлении.

Николай только хмыкнул, разглядывая мелкое восточное чудо и, видимо, мысленно прикидывая, сможет ли в ней уместиться.

— Ладно тебе выделяться, — укорил друга Ефим. — Давно ли "Запорожец" счастьем казался?

— Да нет, не так уж и давно, — честно признался Агуреев, но, тем не менее, решение принял жесткое: оставил в городе и Мусу, и Алеху. Те, поворчав, вынужденные были подчиниться.

Нельзя сказать, чтобы Береславскому такой расклад понравился. Все же в компании подготовленных мужиков как-то спокойнее. Особенно, когда знаешь, что по твоим следам идет банда безжалостных убийц.

С другой стороны, стоянка в Аликанте вновь была внеплановая, и даже собственные внеочередные планы были целенаправленно нарушены: заход согласовали с утра, но причальная стенка оказалась свободной, и "Океанская Звезда" ошвартовалась сразу.

Так что не должны были их здесь ждать. Пока — не должны.

Ефим сел за руль, Агуреев — справа. Все, как в Корунье. Ефим поежил: дай Бог, чтоб не было похожего продолжения.

Он завел мотор, и корейское чудо неожиданно резво побежало в темноту. Береславский дорогу в принципе знал, по этим местам не раз катался, и не сомневался в том, что, несмотря на темноту, по карте быстро найдет место последнего старта Болховитинова.

Так оно и произошло.

Они без приключений вышли на приморское 332-е шоссе и резво рванули по нему в сторону Валенсии. Движение было небольшое, "доставали" с непривычки лишь разворотные круги: здесь тоже практически не было стандартных перекрестков — все они оформлялись круговым движением. Старательно напоминая себе, что у испанцев все, не как у людей, Ефим избежал пары неприятных ситуаций. Через двадцать минут они покинули Аликанте и пригороды, а еще через четверть часа подъехали к тоннелю, пробитому в толще спускающегося к морю хребта.

Перед тоннелем — на отстойной площадочке — притулилась большая машина, слабо выделенная лишь габаритными огнями.

Сердце Ефима екнуло. Он покосился на Агуреева, но тот был как всегда спокоен.

Впрочем, Ефим и сам уже понял, что это — не по их душу: водитель непонятного в темноте авто был занят совершенно не злодейским делом — активно целовался со своей спутницей, ради чего, собственно, и остановился.

За тоннелем сразу стало темно: исчезла городская электроподсветка. Вести машину это не мешало, яркая разметка дороги отлично отражалась в свете неплохой оптики "Атоса", но чувство опасности, слегка притупившееся при езде по "цивильному" городу, вновь обострилось.

Береславский уже неоднократно оглядывался, пытаясь выявить возможных преследователей, однако ничего тревожного пока не обнаружил. И, если верить карте, проехав еще один курортный городишко, уже можно было поворачивать направо, к маленькому, затерянному между скал пляжику.

А вот городишко с ходу проскочить не удалось: единственный въезд в него был перекрыт полицейским автомобилем с мощной сине-красной мигалкой. Два высоких "гражданских гвардейца" в форме недвусмысленным жестом тормозили все, редкие в этот час, автомобили. Некоторых, после живой беседы, все же пропускали, — видимо, местных жителей.

— Зар-раза! — выругался Ефим. Ему очень не хотелось терять время, чтобы не увеличивать шансы преследователям их "вычислить". Агуреев же, наоборот, заинтересовался происходящим, даже окошко открыл. Как выяснилось — не зря: в раскрытое окно долетели звуки настоящего духового оркестра.

— Фестиваль! — догадался Береславский.

— Что это такое? — живо спросил Николай.

— У них каждый городок имеет свой фестиваль. Называется — "Христиане и мавры". Народ наряжается в одну из колонн — от первобытных до средневековых — и вперед. Довольно забавно.

— Посмотрим? — неожиданно предложил Агуреев.

Ефим, обрадованный, что его печальный друг слегка повеселел, не стал возражать. Тем более, что ехать дальше им все равно не дал бы полицейский.

Правда, теперь ему предстояло дельце, которое он ненавидел более всего: парковка в тесном пространстве. Можно, конечно, было передать руль Агурееву, но гордость не позволяла. Значит, мучиться придется самому.

Выйдя из машины, пошли пешком, на звуки оркестра. Ефим сначала подозрительно оглядывался, но потом и он успокоился, неожиданно захваченный атмосферой всеобщего праздника.

Толпа веселилась уже с вечера. Но кульминация начиналась у местного собора. Там выстраивалась стройными рядами очередная колонна, каждая — с собственной музыкой. Первобытных и мавров Ефим с Николаем уже не застали, а вот

на великолепных крестоносцев успели посмотреть. Мужчины сверкали латами, мечами и стальными шлемами с развевающимися поверху плюмажами. Женщины были в изысканных средневековых нарядах, фасон которых создавался в годы, когда Испания правила половиной мира.

Несмотря на тяжелые платья, дамы умудрялись — строго в такт громкоголосой музыке — исключительно сексуально пританцовывать и покачивать всеми наиболее для этого приспособленными частями тела.

От собора отошла очередная колонна, не менее колоритная, чем прежде. Трубачи дудели, барабанщики барабанили, женщины пританцовывали. Вокруг бегали пацаны и девочки, собирая разбрасываемые конфеты в разноцветных фантиках.

— Молодцы, — сказал Агуреев, как-то сразу повеселевший.

— Молодцы, — совершенно искренне согласился Береславский.

Даже воздух, напоенный южными запахами и сочной волнующей музыкой, казался особенным.

Но все хорошее кончается быстро. Примерно через полчаса прошла последняя колонна, толпа отправились догуливать по бесчисленным ресторациям, а туристы с "Океанской Звезды" осторожно загрузились в сразу осевший под их весом автомобильчик.

Полицейские уже убрали свои сверкающие преграды, музыка затухала вдалеке, и от фиесты остались лишь конфетти на асфальте да чувство легкой щемящей печали на душе.

Еще через двадцать минут они осторожно заехали на абсолютно пустынный пляж. Кроме них, здесь не было никого. Они захлопнули дверцы машины, отошли, пробираясь — пока глаза не привыкли — буквально на ощупь, метров на пятьдесят и сели прямо на не успевший остыть песок. Осторожный Ефим, правда, все-таки подложил под себя вынутый из кармана свежий носовой платок и снял очки — все равно в темноте они были не нужны.

Николай молчал, сочувствующий Ефим — сам он Болховитинова знал плохо, хотя и всегда относился к нему с симпатией, не хотел мешать другу.

Агуреев закурил сигарету: ее тлеющий размытый контур стал самым ярким пятном на всем видимом побережье. Он еще пару раз глубоко затянулся, но в разговор не вступал, видно — не хотелось.

"Докурит — и поедем", — решил про себя Ефим.

Но все получилось по-другому. Внезапно из-за поворота сверкнули два острых электрических луча, и послышался рык мощного дизеля.

Ефим подскочил, как ужаленный. Агуреев тоже поднялся, хотя сразу пробормотал, что вряд ли это по их душу.

Колесный трактор — а это был именно трактор — резво спускался к пляжу, прямо в их сторону. Агуреев схватил Ефима за руку и потащил в край, противоположный их машине.

— Давай за камни! — на ходу шепнул он.

Береславского в таких ситуациях не было нужды упрашивать. Когда надо, он умел бегать быстро.

— Может, наверн рванем? — на ходу спросил он. — Наверняка есть тропки.

— Может, рванем, — согласился не особенно взволнованный Николай, когда они спрятались за большим — высотой в пару метров — валуном, наверняка когда-то скатившимся к берегу с горы. — Сначала надо понять, чего им надо.

Ефим печально вздохнул. В его представлении ничего хорошего ночные гости не желали.

А трактор тем временем выполз на пляж и остановился прямо перед тем местом, на котором они только что сидели. В мощном свете его фар высунувшийся из-за валуна Ефим разглядел свой — отсверживавший белым пятном — платок!

Тракторист, наверное, тоже его разглядел, потому на пару секунд и остановился. Затем, сочтя предмет недостойным внимания, опустил вниз специальное навесное приспособление и...

— Ой, черт! — изо всех сил заорал Береславский, поскольку терпеть не мог, когда трактористы зарывали в землю его очки. — Стой!

Но трактор уже неспешно пошел вперед, рыхля слежавшийся песок и переворачивая песчаные пласты, чтобы на завтрашнее утро купальщикам не досаждали сигаретные "бычки", бумажки и косточки от персиков.

Ефим догнал-таки железный аппарат, тракторист остановился, тем более что его фары высветили стоявшую на пляже машину. Он тут же понял проблему и, доброжелательный, как большинство испанцев, кинулся исправлять ситуацию: развернул трактор фарами к месту происшествия и достал большой фонарик для обследования более детального исследования.

Последующие четверть часа прошли в совместных поисках, которые в итоге увенчались успехом. Точнее — увенчались бы, если бы цель состояла только в том, чтобы предмет найти. Однако в найденном платке оказалось не менее трех огромных дыр. А в найденных очках присутствовало не менее десяти переломов оправы и, что для очков немаловажно, напрочь отсутствовали стекла.

Ефим пару минут в неплохом темпе произносил слова, совершенно непонятные трактористу, но сильно заинтересовавшие Агуреева.

— Литератор! — одобрил он выданный текст.

Печальный и, в общем, совершенно не виноватый тракторист молча стоял рядом.

— Ладно, — наконец хлопнул его по плечу Береславский. — Чего уж тут! Все в порядке, не расстраивайся.

Но чувствительный испанец все равно расстроился, даже не стал дочистить пляж: развернулся и уехал.

— Кстати, ключ от машины, видно, тоже закопан, — вдруг сказал, хлопая себя по карманам, Береславский.

— Ты серьезно? — подскочил Агуреев.

— Куда уж серьезнее, — ответил Ефим, выворачивая пустые карманы брюк. — Наверное, выпал, когда я платок вынимал.

Вдвоем они перерыли еще пару кубометров пляжного песка. Сдались не сразу, а лишь поняв, что проще пешком добраться до шоссе.

— Слушай, а может, ты ее без ключа заведешь? — вдруг спросил Ефим. — Инженер, как-никак!

— Ты тоже инженер, — беззлобно огрызнулся Агуреев и мстительно добавил: — Как-никак.

Однако на всякий случай к машине подошел. Открыл водительскую дверцу и стал на ощупь лазить под приборным щитком, пытаясь разобраться с системой зажигания.

Ефим, довольный, что лазить вниз головой приходится не ему, смотрел близорукими глазами на море. Все было, прямо скажем, расплывчато, но от этого — не менее красиво.

...— Ду-у-рень! — вдруг разнесся над тихим пляжем агуреевский вопль.

— Прищемил, что ли? — разозлился Ефим.

— Ключ — в замке! — объяснил Агуреев, и Береславский вынужден был на этот раз согласиться с критикой.

Машину тут же завели, развернули фарами к морю, и берег, по-прежнему пустынный, но теперь освещаемый мощным неестественным светом, сразу же стал другим.

— Ладно, сейчас поедем, — докуривая очередную сигарету, сказал Агуреев.

— А "фенечка"? — напомнил ему Ефим.

— Кому она нужна, эта "фенечка"? — со вздохом проговорил Николай.

Он подошел к воде — волн почти не было — и бросил картонку в море. Она некоторое время не тонула — ее местонахождение выдавала рябь, видная в отраженном лунном свете. Потом все же исчезла. Кинула, как сам Саня.

■ *24. Семнадцать лет, один месяц и три дня*
■ *до отхода т/х "Океанская Звезда".*
■ *Авиабазы советских ВВС, Афганистан*

Князь пришел к Агурееву поздно вечером, и старлей сразу понял, что у них — проблемы.

Точнее, он даже знал, что у них за проблемы. И, хоть вовсе не считал нужным их решать, но снова, как бычок на веревочке, шел за другом. Потому что по-другому — не мог.

В прошлый раз поперся прямо к "духам", сбивать чертову "Шерпу". Впрочем, тот эпизод не обсуждается: он — офицер, а на "Шерпе" летали злейшие враги его страны. По крайней мере, так считало его начальство.

Но то, что происходит весь последний месяц, — это уж ни в какие ворота не лезет.

Дело в том, что вот уже месяц, как Блоха и Огурец являются злейшими врагами главного аэродромного чекиста майора Зеленцова. А это нехорошо. Очень даже нехорошо. И очень даже опасно.

Виной всему — женщина. То есть, поначалу дело было совершенно банальным. Поддатый майор захотел "поймать" Лерку. Прямо после встречи Нового года. А Лерка, повинувшись не ведомой Агурееву женской логике, не захотела. Отказала, как говорится, резко и недвусмысленно.

Майор не поверил своим ушам, так как ранее неоднократно пользовался ее благорасположением. Кроме того, должность приучила его к тому, что ему, как правило, не отказывают.

Он затащил Лерку в машину, выгнал солдата-водителя, парой затрепачин обездвигил даму и взялся за свое дело. И все бы ничего, если б мимо не проходил Блоха. Услышав дамские вопли, благородный рыцарь не смог пройти мимо, вытащил из машины майора и пару раз от души ему врезал. А, может, даже не пару, а чуть больше.

Майор, разумеется, не помер, ограничился первой медицинской помощью. В Леркином, кстати, санбате. То есть, после пары дней отлежки снова стал живее всех живых.

И вот это уже пахло опасностью. Смертельной опасностью. Опасность исходила именно из занимаемой майором должности. Блоха уже испытал это на собственной шкуре: после удара по очередному — одиннадцатому в его военной биографии — каравану их не забрала с точки отхода "вертушка", и они семьдесят

километров пилили по опасным горам на своих двоих, неся с собой захваченные вражеские документы, одного своего "двухсотого" и одного раненого.

Официально претензий предъявлять было некому: майор лично приказа отменить вылет не отдавал. Но только полный идиот отдал бы такой приказ "под стенограмму". А майор идиотом не был. Подонок — да, причем уверенный в своей безнаказанности. Но не идиот.

Блоха вышел из той передраги, но никто не гарантировал ему в будущем отсутствие podobных, смертельно опасных неприятностей. Кроме того, ненависть майора перекинулась и на друзей Князя, в том числе — на старлея. Агуреев вполне уже мог стать капитаном — особенно после столь удачного снятия с небес "Шерпы", но уже два представления гнобились департаментом майора. И пойдешь к чекисту поспорить!

В общем, все было плохо. Однако то, что рассказал Блоха, в корне меняло ситуацию. Причем, непонятно в какую сторону. Могло — в лучшую. А могло и "вышкой" кончиться, особенно в условиях военного времени, когда разбираются быстро и жестоко.

Короче, их общий "друг", майор Зеленцов, вчера вечером исчез. Это никого не удивило, так как кобелистый майор пользовал не только аэродромных девок, но и до Кабула доезжал. Причем, по слухам, особо тащился от местных, которых ему организовывали его афганские коллеги. Все, конечно, по слухам: данные никем не проверялись. Но Агуреев давно понял, что слухи сами по себе не возникают.

Впрочем, им бы не было никакого дела до майорских секс-утех, если бы не одно "но". Сегодня ранним утром бронепатруль обнаружил в арыке тело майора Зеленцова. В обезображенном, покрытом кровоподтеками, трупe сложно было узнать вчерашнего хозяина жизни. Но — можно.

Блоха тоже видел тело и чувства испытал противоречивые. С одной стороны, мог бы — сам бы убил. На совести Зеленцова боец его группы, который наверняка остался бы жив, прилети "вертушка" вовремя. Но когда Болховитинов увидел, что сотворили с несчастным майором, то содрогнулся. Его не просто били, кололи и резали. Над ним гнусно издевались, как это обычно проделывали самые свирепые душманы.

Если бы он погиб в одной из своих командировок, старлей и Блоха вздохнули бы с облегчением. Но он погиб в шести километрах от авиабазы, и слишком многие знали о неприязненных отношениях между покойным и десантниками из разведзвода. Слишком многие, чтобы коллеги погибшего не заинтересовались этими отношениями.

Вот об этом и зашел предупредить друга Блоха.

— А в принципе, все довольно неплохо, — пережив первый испуг, размышлял старлей. — Смотри, грохнули его вчера вечером, так?

— Так, — подтвердил сержант.

— Я в это время был на боевом дежурстве, меня человека три постоянно наблюдали. И еще человек двадцать — периодически.

— Это хорошо, — одобрил Болховитинов.

— Теперь ты, — по порядку шел старлей. — Вы весь день были на полигоне. И ночи кусок прихватили.

— Да, — сказал Блоха, но как-то без энтузиазма.

— Значит, отобьемся! — весело подытожил зенитчик. — Пусть душманы за него и отвечают. Очень удачно.

— Что — удачно? — не понял друг.

— Смотри, — благодушно пояснил старлей. — Если б его мы грохнули, надо было бы "легенду" сочинять, допросов бояться — чтоб не забыть, что в прошлый раз говорил. А здесь говори правду — и порядок.

— Мойша ему угрожал, — сказал Блоха. — При свидетелях.

— Вот дурак! — хлопнул себя по толстой ляжке старлей. — Что он говорил?

— Что Вовкина душа придет за его, майорской.

— Вовка — это ваш "двухсотый"? — тихо спросил Николай.

— Да. Володя Семенов. Из Пензы парнишка.

— А кто слышал?

— Кто только не слышал! — махнул рукой десантник. — Его же клинит! Он тогда ничего не соображает.

— Это хуже, — согласился Агуреев. — Но — опять не так страшно. Мойша ведь был с тобой на стрельбах?

— Да, конечно.

— Вы спали в казарме?

— Нет, там остались, в палатках.

— Но он вернулся с вами в палатку?

— Да.

— Ну и о чем "базар"?

— Он уезжал ночью часа на три, — понизил голос сержант.

— Куда? — похолодел старлей.

— Спроси у него, — разозлился Блоха. — Вылез тихо, отвел, видно, мотоцикл подальше, не включая двигатель, и уехал.

Старлей знал, что у разведчиков был свой неучтенный мотоцикл, на котором они, как правило, решали личные дела. Мотоцикл был любовно ухожен и даже дооснащен особым устройством, делавшим выхлоп гораздо менее слышным.

Злые языки говорили, что эта доработка была произведена специально для Блохи, частенько подкатывавшем на нем к стенам санбата: как известно, рядом с медучреждениями необходимо соблюдать тишину.

— А караул его видел?

— С караулом я договорился. Это мои бойцы.

— Кто-то еще видел? — почему-то перешел на шепот зенитчик.

— Надеюсь — нет. Ребята выматываются и спят, как мертвые. Кстати, он форму в палатке оставил.

— Голый, что ли, уехал?

— В местной робе. Ты, что, не знаешь, сколько у него тут "корешей"? — усмехнулся сержант.

— Да уж, — содрогнулся старлей, вспомнив парочку мойшиних друганов, Самума и Рашида. — Так ты думаешь, майора Мойша уделал?

— Короче, — сказал Блоха. — Мойша спал в палатке. По крайней мере, я так думаю.

— И я, — торопливо согласился Агуреев.

— Но если кто-нибудь видел его на мотоцикле — подтвердишь, что он приехал к тебе и был долго. О'кей?

— Это — "зона", — невесело улынулся зенитчик.

— Если докажут, — невозмутимо проговорил Блоха. — И если доживем, — добавил он.

— Типун тебе на язык! — махнул рукой суеверный старлей. — Все, договорились. Хоп!

Война — штука быстрая. Не прошло и четырех часов, как ушел Князь, а по авиабазе уже всюю ползали "параши" — дурные слухи. В соответствии с ними, в двенадцати километрах отсюда шел настоящий бой. В том месте, где все, с военной точки зрения, казалось стерильно чистым, и душманов не видали чуть ли не с начала кампании.

Агуреев, узнав о бое от дежурного, принялся разнюхивать ситуацию. Выяснил немного: получалось, что враги зажали какую-то тыловую автоколонну в "Чертовых тисках" — единственном, пригодном для засады месте в этом районе. Но именно потому, что оно — единственное, "тиски" всегда были окружены плотным заслоном из целой роты "десантуры". Правда, неделю назад спокойное место "сдали" местным частям.

Вот они и поработали, надо думать. Если не сами, то пропустили кого-то из полевых командиров. Может, за деньги, а может, по-родственному. Или готовя почву под дальнейшее существование без русских — все к тому и шло.

Старлей принял за названивать по полевому телефону начальству: двенадцать километров для его "Шилок" — это двенадцать минут, дорога была хорошая, с твердым покрытием, что для Афгана — вещь нечастая.

Телефонная связь не работала. Связался по радиии. Несмотря на плохую слышимость, сумел понять, что работу не по специальности ему категорически запретили. Не потому, что "Шилки" бы не справились. А потому, что начальство у Агуреева и у попавшей в беду автоколонны было совершенно разное. И агуреевское вовсе не хотело отвечать за весьма возможные боевые потери. Тем более, что по боевому уставу зенитчикам отнюдь не предписано гоняться за наземными моджахедами.

Сжав зубы, Агуреев подчинился.

А еще через пять минут к нему вбежал солдатик, посланный за новыми слухами, и сказал, что в "Чертовых тисках" зажали колонну с их же авиабазы: пустые "наливники" шли за керосином. Авиаподдержка, ввиду полной безопасности маршрута, предусмотрена не была. Значит, охраняла колонну только их же, базовская, "десантура". То есть — с высокой вероятностью — его лучший друг Саня Болховитинов был сейчас там.

Старлей до хруста сжал кулаки. Он отлично представлял себе "Чертовы тиски" — проезжал их раз сто, а то и больше. По непонятной игре природы ровная, в общем-то, окрестность имела лишь одно рельефное место. Дорога по-прежнему шла горизонтально, но с обеих сторон, почти отвесно, над ней нависали несколько скальных гор — каких-то странных выходов твердых пород. Зажатый горами участок был недлинным — не более полутора километров, однако имел на своем протяжении два крутых поворота и был просто идеален для скрытых засад.

— Есть связь! — выкрикнул оператор за его спиной. Он уже минут десять лазил по всем диапазонам, ловя хоть что-то о свершавшейся на их глазах трагедии.

— Давай сюда! — крикнул старлей.

Солдатик сорвал с головы наушники и передал их командиру.

Это был радиотелефон. Сквозь треск помех доносился чей-то повторяющийся крик.

— На помощь! — звал его неведомый обладатель. — Помогите! Мы все погибнем! — И непонятно у кого спрашивал: — Где же вертолеты?

Агуреев вдруг понял, что треск в наушниках — не от эфирных помех. Это сливались в одну симфонию боя автоматные и пулеметные очереди.

Голос на мгновение замолчал. Но потом прорезался с новой силой:

— Все, кто нас слышит! Мы не сдались! Седьмой взвод не сдается! Отомстите за нас!

— Все, — поднимаясь, спокойно сказал старлей. — По машинам!

Команды ждали: у палатки уже стояли командиры экипажей. Надвинулся шлемофон, уже на бегу, Агуреев уточнил приказ:

— Первой, второй, третьей и пятой — за мной. Остальные охраняют базу.

Его выбор был прост и ни для кого не обиден: в бой пойдут первые по номерам машины. "Четверка" останется на базе, потому что у нее от рождения неважный дизель, а им придется двигаться быстро.

Экипажи мгновенно заняли свои места. Взревели мощные барнаульские дизеля, и машины выползли задним ходом из специально отрытых неглубоких окопов-капониров. Первая батарея рванула по шоссе к месту боя.

А в ущелье хозяйкой была смерть. Все происходило по сценарию многолетней давности. Точно так же колонне дали зайти внутрь огневого "мешка", точно так же на головы не подготовленных к отпору солдат, после уничтожения переднего танка, обрушился свинцовый град. Только танк разбили не с помощью древнего РПГ — новые боевые машины уже давно имели динамическую защиту и многослойную броню, а радиоуправляемым мощным фугасом. Замыкающий Т-80 уцелел, но уханье его орудия оказывало, скорее, психологическую поддержку: даже максимальный угол возвышения не позволял стрелять прицельно по амбразурам. Гораздо более полезен был его крупнокалиберный зенитный пулемет, управляемый из башни. Однако и его огневых возможностей не хватало для достойного отпора.

На дороге был суший ад. Горели черным дымом — Агуреев чуть позже увидит эти столбы за несколько километров — порошни "наливники", взрывались топливные баки разбитых машин. Обезумевшие солдаты батальона аэродромного обеспечения, никогда ранее не бывавшие в боях, метались вдоль отвесных скальных стен, ища укрытие. Но находили только смерть.

Бойцы разведвзвода пытались оказать сопротивление, и от их пуль несколько душманов нашли-таки свою погибель. Мойша своими глазами видел, как его командир, выпустив короткую, в три патрона, очередь из своего "Калаша", подавил одну из огневых точек на склоне горы. Правда, не надолго. Двадцати секунд хватило второму "духу", чтоб оттащить убитого или тяжело раненого от амбразуры и самому начать поливать пулями беззащитных людей.

Даже в этой каше не потерявший спокойствие Болховитинов нашел-таки более безопасное место: с левой по ходу движения стороны дороги горная стенка поднималась с отрицательным углом, образуя маленькое естественное укрытие. Туда немедленно оттащили трех раненых. К несчастью, "полупещерка" была небольшой и не могла вместить всех нуждавшихся в укрытии.

Сам Блоха распластался неподалеку, прямо на земле, плотно прижавшись спиной к скале. Он высматривал, откуда стреляли душманы, и выпускал туда короткую очередь. Это была игра со смертью: в крошечном хаосе, который происходил внизу, его жизнь длилась только до того момента, пока "духи" не засекут его "голос".

Правда, сержант делал все, чтобы это произошло как можно позже. В частности, были задействованы все имеющиеся в наличии дымовые шашки. Но все равно их гибель была только вопросом времени: бойцы не могли уничтожить атакующих, вырваться из ущелья — тоже. А патронов у нападавших, видимо, было бо-

лее чем достаточно: огневой шквал не ослабевал. И уходить от наверняка предстоявшей погони моджахеды, тоже, похоже, не торопились.

То, что произошло дальше, Мойша видел своими глазами и запомнил на всю жизнь. Сквозь прорехи в рассеивающемся химическом дыму они увидели огромную фигуру в национальном халате. Мужик стоял почти на гребне, примерно на сорокаметровой высоте, и поливал сверху вниз из устаревшего, но не переставшего быть смертоносным РПД — ручного пулемета конструкции Дегтярева. Его во множестве производили в Китае, откуда он поступал в Афган. Пулемет весом более семи килограммов казался игрушкой в руках этого азиатского богатыря, стрелявшего очень прицельно.

Пули скосили бежавшего с безумным лицом солдатика из хозвзвода, потом девочку из "банно-прачки". А потом Блоха вскочил на ноги, отбежал на несколько шагов в сторону — чтоб дым не заслонял цель — поднял свой "Калаш" и нажал на спуск.

Гигант видел перемещения комвзвода и тоже прицелился в него. Пули понеслись на встречных курсах, выпущенные практически одновременно. И все нашли свою цель. Тело Болховитинова — от левого плеча до правого колена — прошла кровавая строчка. Он вскрикнул и упал, неестественно подогнув правую ногу: сквозь порванную штанину была видна белая кость.

Афганец тоже получил свое: пули сержанта пробили могучее тело, и оно, потеряв опору, сначала медленно, потом все быстрее заскользило вниз, на последнем участке сорвавшись в ущелье.

Мильштейн бросился к другу, уже понимая, что это — конец. Сашка еще дышал, но на него было больно смотреть. Мойша пытался оттащить его ближе к относительному укрытию, но командир бессильно махнул рукой — чтоб зря не мучил себя и его. Тогда Семен сел на землю рядом с Болховитиновым и отключился от всей этой какофонии. Он сжимал своего "Карла Густава", бесполезного на серьезной дистанции, и ожидал момента, когда моджахеды спустятся за трофеями и пленными. Вот здесь он еще успеет сказать свое слово.

Однако — не сказал. Потому что моджахеды не спустились. Потому что из-за поворота с ужасным рычанием, усиленным скальными стенками, выползли, одна за другой, четыре "Шилки". Эти чудовища могли стрелять под любым углом. А их экипажи просто жаждали команды открыть огонь. И настал миг, когда она поступила.

Каждая "Шилка" нашла себе цель и изрыгнула четыре струи раскаленного железа. Эффект был устрашающим: снаряды, шедшие вплотную, один за другим, буквально прогрызали горную породу, находя за ней теплые человеческие тела, ставшие в миг такими же беззащитными, как и те, что лежали, сидели или бежали внизу.

— Сашка, наши пришли!! — вытирая слезы, тормошил Болховитинова Мойша. — Слышишь? Наши пришли!

Но тому уже все было безразлично...

За тот бой Агурееву ордена не дали. Ограничились медалью, припомнив самоуправство. Орден получил его начальник.

Счастливчик Мойша не поимел в этом эпизоде даже царапины, а еще через три месяца, выслужив срок, демобилизовался.

Блоха попал в госпиталь, где над ним колдовали действительно талантливые хирурги, лечили его действительно эффективными лекарствами, а ухаживали дей-

ствительно заботливые медсестры. Если б хоть один компонент отсутствовал — прилетел бы Блоха к маме в цинковом гробу. А так — приехал на инвалидном кресле.

Понадобилось еще несколько лет, и безумных усилий мамы с Леркой, и серьезных денег Равила, и полных боли ночей, которые надо было во что бы то ни стало пережить, чтобы Александр Болховитинов снова встал на ноги — во всех смыслах.

И понадобились еще две с половиной секунды — на три выстрела, которые свели “на нет” усилия всех, кто поднимал Сашку. И разбили души тех, кто его любил.

**25. Четырнадцатый день плавания т/х “Океанская Звезда”.
Средиземное море, широта Ларнаки, Кипр.
Международные воды, 27 морских миль от берега**

Облака быстро скользили по ночному небосклону. А черную, совершенно спокойную и тоже чуть отсвечивающую в лунных отблесках водную гладь неспешно, но уверенно раздвигало небольшое транспортное судно.

Широкий, внешне коротковатый корпус и характерные обводы сразу указывали опытному глазу, что этот кораблик — несмотря на невпечатляющие размеры — добротнo построенный океанский “ходок”. Хотя, конечно, полторы тысячи тонн дейдвейта — “маловато” только на море, где встречаются мастодонты-танкеры с водоизмещением более миллиона тонн! Если же переходить на абсолютные величины, то груза, лежащего в трюмах и палубных контейнерах, — тоже было, в общем-то, немало. Особенно с учетом характера перевозимого старенькой, но вполне еще крепкой “Луизой” товара.

Кстати, имя это сухогруз получил недавно, ранее судно ходило под японским флагом. Прежний владелец продал его в порту Нагасаки всего за сто семьдесят тысяч американских долларов. Цена вполне пристойная, с учетом пененсионного возраста корабля и высокой степени автоматизации механизмов: собственно судовая команда состояла всего из семи моряков. Касательно нынешнего флага много говорить не стоило: флаг теперь был таков, что все понимали бессмысленность поиска следов корабля в порту приписки — речь могла идти только о налоговых интересах судовладельца.

Конечно, это не криминал — тысячи судов, суденышек и даже упомянутых выше мастодонтов-нефтевозов плавают под флагами стран, образующих так называемый интернациональный налоговый рай.

И вовсе не поэтому нервничали капитан “Луизы” и — в еще большей степени — человек, не занимавший никакой морской должности и записанный в судовой роли как “пассажир, бизнесмен”.

Абдул Раззак и в самом деле был в какой-то степени бизнесменом, ибо достаточно ответственная должность в палестинской администрации — а он был одним из руководителей управления морских перевозок — всегда влечет за собой некий бизнес.

... “Луиза” шла не быстро, однако практически не снижая хода. В итоге она проходила за сутки вполне приличное расстояние в 360 морских миль. А это значит, что еще сутки-двое — и судно войдет в родной порт Газа. Или не войдет, если произойдут какие-либо подозрительные накладки. В этом случае “Луиза”

продефилирует мимо, направляясь вниз, к Суэцкому каналу, а перегруз будет осуществляться порциями, прямо на ходу. Мелкие суденышки перевезут все в ту же Газу.

В любом случае максимальная опасность рейса проявится именно на конечном участке. Так что сейчас еще можно расслабиться. Несмотря даже на постоянно бродящего по судну Али.

Должность этого человека также не была отражена в "судовой роли". Зато все на борту знали, что в кобуре угрюмого парня, ни разу за время плавания не сошедшего на берег, лежит большой пистолет. А на боку — граната. Никто не сомневался, что, случись проблема, и Али во имя Аллаха не пожалеет никого, в том числе — самого себя.

"Ладно", — остановил печальные мысли Абдул. Если все время бояться, то и свихнуться недолго. В любом случае, пока опасности нет. Они идут в международных водах, под нейтральным флагом. А в судовых документах груз обозначен, как "механические части электроагрегатов".

И никто никогда не узнает, что это за "механические части". Не должен узнать. Потому что в порту Газы верные люди разгружают судно, после чего большинство "деталей" уедут через израильские блок-посты в другие города Автономии. Пройти контроль не так уж и сложно: по норвежским мирным соглашениям административные чины Автономии не подвергаются обыску на границах. А административных чинов, слава Аллаху, в нарождающемся палестинском государстве более чем достаточно.

"Разгрузится "Луиза", — размечтался Раззак, — уедем в отпуск. Уедем по-настоящему — на Кипр или еще дальше. Денег хватит".

Абдул вытер вспотевший, несмотря на свежий ночной ветерок, лоб. Зашел в каюту к капитану: тот должен был заступать на вахту через несколько минут.

— Ну, что, Махмуд, похоже, подплываем? — спросил он моряка.

— Подплывает дерьмо, — проворчал тот. — Судно — подходит, — и улыбнулся. Оба относились друг к другу хорошо. Почему бы и нет? Работали вместе почти два десятилетия.

— Наверху тихо, — сказал Абдул.

— Лучше бы штормило, — усмехнулся Махмуд.

Оба замолчали. Да, пожалуй, лучше бы штормило.

— Ладно, — успокаивая больше себя, чем капитана, проговорил Абдул. — Мы в международных водах. У нас легальный груз.

— Тебе виднее, — согласился моряк. Он сам заварил по чашечке кофе им обоим. По каюте поплыл ароматный парок элитного кофе.

Мужчины взяли по крохотной чашечке и синхронно поднесли их к губам. Но насладиться тонким вкусом не успели...

— Капитана срочно в рубку, — по громкой связи передал вахтенный матрос-рулевой. И еще раз добавил: — Очень срочно!

— Ну что там еще? — пробурчал Махмуд, одним глотком допив крепчайший кофе.

А Абдул вдруг почувствовал, как сосущая пустота начала разливаться по низу его живота. "Ничего не может быть, — уговаривал он себя. — Мы в международных водах!" Но страх, принявший его в свои холодные объятия, уже не отпустил.

Капитан быстро прошел в рубку, а Раззак выбрался на палубу. С одного борта было тихо, — он уже подумал, что, может быть, проблемы внутрикорабельные,

это было бы просто славно, но, перейдя к другому борту, понял все и схватился за сердце. Потом, быстро найдя в кармане металлический цилиндр с "сердечными", бросил одну пилюлю в рот.

Нет, сдаваться нельзя! Ему надо что-то придумать! Его сыновьям нужен отец и, значит, он что-нибудь придумает.

А к борту "Луизы", сигналижая мощным фонарем, на полном ходу летели три патрульных катера. Уже слышался грозный рокот их турбин. Флаги в темноте были не видны, но Раззак и без того прекрасно знал национальную принадлежность приближавшегося врага.

Три израильских патрульных катера совместным залпом противокорабельных ракет "Гарпун" могли разнести вдрызг судно и гораздо большего размера, чем их "Луиза".

А можно было и без ракет обойтись: на каждом катере в носовой части стояла башенная установка с 30-миллиметровой шестиствольной пушкой "Вулкан-Фаланкс". Абдул Раззак не знал ее точных технических характеристик, но хорошо представлял, какое действие произведет с корпусом старого сухогруза вылетевшая из этой пушки огненная струя.

— Стоп, машина! — услышал он команду Махмуда. И через некоторое время: — Полный назад!

Значит, капитан решил обойтись без войнушки. Теплоход дернулся, осаженный мощностью двух дизелей, и с легким уходом влево стал сбрасывать скорость.

"Правильно", — подумал Раззак. Свое решение он тоже уже принял. Он не собирается быть героем и взрывать судно. Скажет все, что знает. В обмен на анонимность и вывоз семьи.

Раззак вытащил из кармана сотовый телефон и швырнул его за борт. Тонна тринитротолуола в трюме, снабженная хитрым радиовзрывателем, так и останется невинным веществом, похожим на обычное хозяйственное мыло.

Махмуд вышел из рубки и прошел к приятелю.

— Где Али? — спросил он.

"Где Али?" — молнией сверкнуло теперь и в его мозгу.

На палубе уже собралась почти вся команда, кроме двух мотористов, которые не могли отойти от механизмов. А катера тем временем швартовались по левому борту. Точнее, швартовались два катера. Третий отошел и держал "Луизу" под прицелом.

— Сбросьте им трап! — приказал капитан. Два матроса сбросили веревочный трап, и по нему, один за другим, ловко вскарабкались пятеро: четверо бойцов "коммандос" и один офицер в обычной полевой форме.

— Что возем? — спросил Раззака офицер, безошибочно угадав в нем главного.

— Запчасти какие-то, — еще не потеряв надежду, ответил тот. — Следуем в Порт-Саид, — и вежливо напомнил: — Мы, кстати, в международных водах.

— Запчасти — так запчасти, — дружелюбно ответил офицер. — Можете по радиcи сообщить об инциденте. Мы не возражаем против широкой огласки. — И, окончательно обрезая возникшую было надежду, добавил: — Сейчас посмотрим, что тут у вас за запчасти!

— Давайте, смотрите, — устало произнес Раззак, понимая уже, что кто-то их продал. И этим "кто-то" мог быть кто угодно, хоть сам босс!

И тут по трапу поднялся заспанный Али. Выйдя на палубу, мгновенно понял, в чем дело. Подскочив к Раззаку, схватил его за одежду:

— Дай телефон, сволочь! Дай телефон!

— Я выбросил его в море! — сияясь оторвать от себя руки фанатика, произнес Раззак. В потасовке они развернулись так, что Али оказался прижатым спиной к леерам.

Офицер дал знак "коммандос" не вмешиваться, внимательно вслушиваясь в реплики — похоже, он по-арабски понимал хорошо.

Наконец Али понял, что "подрывной пулт" и в самом деле на дне.

— Да проклянет тебя Аллах! — торжественно произнес шахид и полез рукой под длинную кофту.

— У него граната! — закричали одновременно капитан и Раззак. Но их крик опередили грохочущие дымные очереди, вылетевшие из четырех "Узи" сразу.

Свинцовые струи буквально вымели фанатика за леера. Даже крови на палубе почти не осталось.

Тело глухо бухнуло в воду и, задержавшись на пару секунд, медленно ушло под темные волны.

Все. Нет Али.

— Ладно, пошли смотреть "запчасти", — спокойно скомандовал офицер.

Больше героев не нашлось, и после очень короткого осмотра "Луиза" сменила курс. Плыть ей теперь оставалось лишь до Хайфы. А к приходу судна там уже была подготовлена солидная пресс-конференция: нечасто удавалось столь доказательно предъявить мировому сообществу "миротворческие усилия" палестинской Администрации.

Моше Кацнель немного расслабился. Чертов корабль, о котором ходило столько слухов, в их руках, а его адское содержимое уже никогда не будет убивать израильских детей. Но — что-то мешало ему. Не было внутреннего ощущения завершения эпизода. Почему — не ясно. Но не было.

■■■■■ 26 *Восемнадцатый день после отхода*

■■■■■ *теплохода "Океанская Звезда".*

■■■■■ *Средиземное море. 16 миль от берега Италии*

Когда "Океанская Звезда" прошла Гибралтар, все как-то расслабилось. Этому способствовало и ощущение того, что круиз идет к завершению, и очень даже греющее солнце Средиземноморья.

Стоянки по-прежнему не совпадали с расписанием, "компенсационные" экскурсии по-прежнему были бесплатными, однако автобусы теперь уходили заполненными наполовину, а то и на треть. Люди предпочитали пляжи и шезлонги роскошным античным развалинам, во множестве аккумулированным на древних берегах.

А уж про морские переходы и говорить нечего: все лежаче-сидячие места на открытых палубах были постоянно заняты, и если турист уходил от своего шезлонга или пластмассового "топчана", то непременно оставлял на нем книжку, кепку или солнцезащитные очки — вместо таблички "Занято".

На самом деле мест было достаточно, просто у каждого появились собственные особо любимые уголки полного релакса.

Для Ефима таким уголком по-прежнему оставался заповедный для туристов нос судна, рядом с грузовой лебедкой и появившимися недавно в ходе морской перегрузки контейнерами. Точнее — просто большими, в рост человека, ящиками: до сорокафутовых морских контейнеров эта, хоть и добротная, сделанная "тара" явно не дотягивала.

Ефим сначала был чрезвычайно раздражен их появлением. Он на секунду забыл, что свой "шалаш" из парусины и алюминиевых трубок, молчаливо "незамечаемый" палубной командой, сам соорудил в запретной рабочей зоне. Но потом успокоился, убедившись, что покрашенные в ярко-синий цвет, ящики играли роль естественного укрытия, защищая его сибаритствующее высочество от ветра и брызг, взметавшихся при столкновении острого форштвеня "Океанской Звезды" со свежей волной.

Кроме того, его примиряло с присутствием ящиков знание того факта — им поделился Агуреев, — что их "проезд" был оплачен кругленькой суммой в 17 000 наличных американских долларов. Узнав про подобные "расценки", Ефим был готов взять пару ящиков поменьше даже в свою каюту.

Но высокая цена, как выяснилось, определялась только обстоятельствами. Сдавший груз кораблик, плававший под панамским флагом с украинско-молдавским экипажем, получил выгоднейший заказ на работу в Западной Африке. И ему было совсем не с руки чапать аж в Санкт-Петербург из-за пары тонн навигационных приборов для торгового пароходства. Как раз тот случай, когда проще заплатить.

Николай же сразу разрешил капитану "Звезды" подобрать попутный груз, тем более, что убытков рейс принес достаточно, а срок поставки приборов был вполне приемлемым. На обратном пути — завезут.

Некоторые проблемы вызвала лишь перегрузка в открытом море — мешала свежая волна. Однако палубная команда в очередной раз подтвердила свое мастерство, и ящики встали там, где им определил место стивидор.

Сейчас на море был полный штиль, и упаковка от навигационных приборов защищала Береславского не от ветра и брызг, а только от солнца.

Он возлежал в теплой тени, в патрицианской позе, с выражением ленивого благодущия на лице.

Читать не хотелось, работать — тоже: включенный ноутбук стоял рядом, но к трудовой деятельности не стимулировал.

Есть пока тоже не хотелось.

Оставалось лишь тихо дремать, с удовольствием дыша морским воздухом и, время от времени, открывая глаза, чтобы по-хозяйски осмотреть бескрайние голубые окрестности.

Короче, он не был сильно занят. И поэтому нисколько не разозлился, услышав сначала шаркающие, но быстрые шаги, а потом и ехидный старушечий голосок:

— Ефи-имчик! Вы здесь? Я не нарушу ваш покой?

— Нет, — отозвался, стряхивая дрему, Береславский. — Не нарушите.

— Вы один? — выпытывала Евстигнеева.

— Вдвоем, — ответил Ефим. — С ноутбуком. — Он слегка повернул голову и увидел знакомые розовые кудри. — Проходите, Людмила Петровна, — хлебосольным жестом предложил рекламист.

— Спасибо, дорогой, — сказала дама, аккуратно присаживаясь на предусмотрительно прихваченную тряпочку-подстилку. Даже максимально закрытый купальник не скрывал худобу ее подсохшего тела. — Умеете же вы выбирать места, — наконец одобрила она. — С таким чутьем и в тюрьме не пропадешь.

— Спасибо на добром слове, — улыбнулся Ефим. — А где же Хуссейн?

— Сейчас придет, — пообещала Евстигнеева. — Что-нибудь разнохивает по дороге.

Как будто услышав слова хозяйки, через три минуты появился Хуссейн. Он уже знал на пароходе всех и, в общем-то, ко всем относился доброжелательно; Хус-

сейн шариком подкатил к Ефиму, выражая дружеское участие помахиванием своего мохнатенького обрубленного хвоста и фирменным похрокиванием. Маленький черный нос выразительно подергивался, демонстрируя тонкую нервную организацию животного, а умные внимательные глазки лишь усиливали впечатление.

— Здравствуйте, Хуссейн! — вежливо поздоровался Береславский, стараясь не давать тому повода усомниться в своем искреннем уважении. Но тот и не сомневался: стоило рекламисту подставить свои ладони, как песик ловко на них заскочил.

Ефим прижал теплый, сразу засопевший, шарик к обширному животу и пригрозился к неспешной беседе с его хозяйкой.

— Чего-то вы невеселая последние пару дней, — заметил он.

— Выпала из роли? — ухмыльнулась Людмила Петровна.

— Какой роли? — довольно фальшиво удивился рекламист.

— "Старушки-веселушки". Термин не перепутала? — Наклонив розовую головку, Евстигнеева хитро смотрела на слегка смутившегося Ефима. — Да ладно, Ефимчик, не смущайтесь. Мне нужно с вами очень серьезно поговорить.

— Я готов, — не выказывая удивления — хотя, на самом деле, удивился, — ответил Береславский.

— Так вот, Ефимчик, — продолжила Евстигнеева. — Грущу я от того, что все хорошее — кончается.

— Это вы про круиз?

— И про круиз тоже, — мягко улыбнулась Людмила Петровна. Хорошая у нее была улыбка. Так улыбаются люди, действительно умеющие ценить радости.

— А что еще кончается? — снова насторожился рекламист.

— Сейчас скажу, — пообещала Евстигнеева и достала папиросину. Вдруг взгляд ее упал на Хуссейна, и она чуть не присвистнула. — Вот это фо-о-кус!

Ефим, проследив за ее взглядом, увидел Хуссейна, сидевшего рядом с синим ящиком в странноватой позе: прямо на маленькой квадратной заднице, поджав хвостик и сложив передние ручки-лапки. Ни дать, ни взять — суслик.

— Забавно, — сказал Береславской, не особо удивившись. По его мнению, многие маленькие собачки с примесью терьерных кровей были способны на подобную акробатику.

— Более чем, — согласилась бабуля. — Надо звать Агуреева.

— Вы думаете, его это развлечет? — лениво поинтересовался рекламист, уже испытывавший некоторое желание подремать.

— Думаю, да, — согласилась Евстигнеева. — В ящиках — взрывчатка.

— Что-о?! — подскочил, как ужаленный, Береславский. Может, он и был склонен к самоуничтожению, но только — с приставкой "само". А в то, что Евстигнеева не шутит, Ефим Аркадьевич поверил как-то сразу.

Она и не шутила.

— Хуссейн, мальчик мой, — сказала бабуля нежно. — Подойди к другому ящичку.

Хуссейн стоял — точнее сидел — неподвижно, в той же позе, поглядывая на людей черненькими поблескивающими глазками. Он был, безусловно, доволен собой и ожидал полагающуюся в таких случаях награду. По крайней мере, на Высших Собачьих Курсах его в аналогичных ситуациях никогда не обделяли.

— Ну, подойди, зайчика, вон туда, — Людмила Петровна рукой показала направление.

Хуссейн нехотя встал на четыре лапы и подошел к другому ящичку. Понюхав стенку, он немедленно занял прежнее, "сусличье", положение.

— Точно, взрывчатка, — злорадно проговорила Евстигнеева.

— Какая? — задал глуповатый вопрос Ефим. Но ответ получил адекватный:

— А хрен его знает! Хуссейна натаскивали на тротил, тетрил, аммонит, гексоген, пластид и в меньшей степени — метательные и инициирующие ВВ.

— Какие ВВ? — переспросил ошалевший рекламист.

— Метательные и инициирующие, — важно пояснила Людмила Петровна. — Метательные — это пороха. А инициирующие — это те, которые легко взрываются и приводят в действие основную взрывчатку. — Она так легко выговаривала профессиональные термины, как будто сама была инструктором в школе подрывников. — Слышали что-нибудь про детонаторы и запалы?

— Нет, — упавшим голосом сказал Ефим. Стараясь не выглядеть слишком испуганным, он, тем не менее, пытался хоть на шаг, но отодвинуться от взрывоопасных ящиков.

— А надо бы знать, — укорила бывшая учительница. — Например, гремучую смесь и азид свинца очень легко взорвать, а уже они приводят в действие основное ВВ. Потому как тот же тротил без детонатора горит в костре как обычное полено, только копоти побольше.

— А гремучая ртуть в костре... — пытаюсь преодолеть испуг, поинтересовался Береславский.

— Не советую, — строго сказала Людмила Петровна. — А также тенерес и тетразен. Они очень чувствительны к лучу пламени.

— Хорошо, — быстро согласился Ефим. Ему все больше хотелось уйти куда-нибудь в другое место. — Пошли за Агуреевым, — предложил он.

— Уже не надо, — обрубил Евстигнеева его надежды на эвакуацию, заложила в рот сразу четыре пальца и залихватски свистнула.

Агуреев, которого востроокая бабка заметила на носовой галерее второй палубы, их тоже видел, но вовсе не собирался к ним спускаться. Однако, услышав призывный свист и разглядев беспокойную жестикуляцию, немедленно подошел к новоявленным саперам.

— Что за шум? — доброжелательно спросил он.

Евстигнеева быстро объяснила ситуацию. Ефима слегка удивила реакция Николая: он как-то сразу подобрался, мгновенно утратив "отпускной" вид, и...явно обрадовался! Уже потом Береславский понял, почему: видно, уж очень давила на агуреевскую душу неопределенность. А здесь — весьма конкретная информация, не оставляющая сомнений: подонки, убившие его друзей, в самом скором времени дадут о себе знать. Не в Петербург же они собираются везти взрывчатку?

Или, все-таки, в Петербург?

Агуреев достал "уоки-токи":

— Алеху ко мне, быстро!

Через три минуты Алексей был на носу судна. А еще через пять — вернулся во второй раз. Отлучка была необходима для того, чтобы принести инструмент. Действующих лиц стало четверо, не считая обиженного Хуссейна, так и не получившего пока заслуженную награду: Евстигнеева, категорически отказавшаяся уйти, Алеха, Агуреев и Ефим, который мгновенно бы смотался, не будь ему так неловко оставлять поле возможного боя.

Алеха поколдовал над узкой и невысокой дверцей, ведущей в первый ящик-контейнер.

— Сюрпризов, вроде, нет, — наконец доложил он.

— Открывай, — приказал Агуреев.

— Есть, командир! — отрапортовал тот и, сорвав пломбы, пощелкал в замке тонким жалом универсальной отмычки.. Дверца, заскрипев отсыревшими петлями, неспешно отворилась. Агуреев заглянул первым.

— Да-а, — сказал он, взглядевшись в полумрак после яркого солнца. — Солидно.

— Сколько ж их тут? — спросил потрясенный Береславский.

Внутри контейнера стояли десятки коробок, ящичков и боксов, содержимое которых можно было установить, не раскрывая тару: на боках виднелись надписи на украинском, английском и арабском языках.

Под видом навигационных приборов "Океанская звезда" везла патроны 7.62*39 для старого "Калаша", 5.45*39 — для нового, уменьшенного калибра, мощные патроны 7.62*54 для "снайперки"- "драгуновки", две модификации ручных гранат, ящики со светло-желтыми двухсотграммовыми тротиловыми шашками — их, скорее всего, и унюхал Хуссейн.

Леха по приказу Агуреева осторожно вскрыл один цинковый бокс с патронами. Агуреев высыпал три штуки на свою могучую ладонь. Лакированные стальные гильзы зажимали своим "горлышком" остроконечные пули.

— Пуля обыкновенная, 7Н6, — пробормотал Николай вполголоса. — Масса 3.4 грамма, стальной сердечник в свинцовой рубашке. Внутри — полость в четыре миллиметра.

— Надо же, запомнил, — улыбнулся Ефим.

— Запомнишь тут. Меня из-за этого зачета не пустили в увольнение. Неделю был без боевой подруги. Так что во второй раз вызубрил наизубок. Закрывай, — приказал он Лехе, и "группа досмотра" передвинулась ко второму ящику.

В нем тоже оказались патроны всех видов и тротил.

— В каждом ящике — 25 кило, — объяснил Николай. — Шашки бывают большие, малые и буровые. Правильно, Людмила Петровна? — подколол он ничуть не испуганную бабушку.

— Верно, Коленка, — легко согласилась она. — Стандарт — пятьсот, двести и семьдесят пять грамм.

У Агуреева аж рот раскрылся от удивления.

— Вот так-то, — язвительно заметил Ефим. Типа — знай наших!

— А знаете, для чего на ящике крышечка? — спросил Людмилу Петровну задевший за живое офицер запаса.

— Не интересовалась, — фыркнула Евстигнеева.

— Каждый транспортный ящик — не только тара, но и готовая бомба. Убери крышку, вставь детонатор — и привет. Ладно, пойдем к последнему.

Последний ящик-контейнер превзошел все самые смелые ожидания. Агуреев аж присвистнул, вновь оказавшись среди привычных в молодости штук.

— ПТУР "Малютка", — объявил он после вскрытия ящиков. — Сколько ж мы их в Афгане сожгли! Они уже тогда были устаревшими.

— Но у душманов же не было танков! — удивился Ефим.

— Зато они любили из щелей палить, — объяснил Николай. — Смотри, — показал он, достав из ящика довольно увесистую серебристую тушку ракеты, с большими стабилизаторами и тупо обрезанной головой.

— Ты полегче, — попытался отодвинуться Ефим.

— Не бойсь. Это только двигатель, — успокоил его бывший зенитчик. — А "голова" — вот, — он вытащил из очередного ящика боевую часть с выкрашенным в красное остроносоем окончанием. — Кумулятивная. Перед выстрелом части соединяют. Управление — по проводам.

— По проводам? — поразился рекламист. — По каким проводам?
— По собственным, — улыбнулся Агуреев. — Она летит и за собой их раскатывает. На заднице — яркий трассер, даже днем видно. По нему наводишь. Азартно — ужас. Очень любил попать.

— Ладно, хорош, — перебил его Ефим. — Что будем с ними делать?

— Надо подумать, — ответил Агуреев, доставая тем временем еще один “агрегат”. — А вот это уже совсем экзотика, — любовно поглаживая два чудовищно больших, расположенных друг над другом, ствола, сказал он. — Я такие только на картинке видел. “Непрядва-64”.

— На слонов, что ли? — передернул плечами миролюбивый Береславский.

— На подводных, — объяснил офицер. — Калибр сорок пять миллиметров. Заряжаешь гранату, ставишь глубину и пуляешь в воду. Она разорвется, где заказано, а в радиусе, если правильно помню, 16 метров останутся только трупы.

— Мечта аквалангиста, — пробормотал Ефим.

— Все, закрывай лавочку, — принял решение Агуреев. — Расходимся по-тихому. Никто ничего не знает. Решение приму позже.

— Если можно — до захода в Ларнаку, — вежливо попросил Ефим. — А то присядешь лет на пятнадцать.

— Пожалуй, — согласился Николай. — По крайней мере, в ящиках держать это добро не будем. И кому же эта посылочка, интересно? — качая головой, повернулся к выходу Агуреев.

На палубе, у вновь закрытых контейнеров, остались Ефим, Людмила Петровна и насмерть обиженный черной людской неблагодарностью Хуссейн.

— Так чего вы мне собирались сказать? — вдруг вспомнил Ефим начало разговора. — Что-то важное.

— Думаю, это... — Евстигнеева показала на синие джюкки, — сейчас важнее.

— И все-таки, — настаивал Береславский.

— Я хотела сказать, Ефимчик... — стала вдруг абсолютно серьезной Людмила Петровна. — Даже не сказать, а попросить.

— Ну, так просите, — обрадовался Ефим. Он с удовольствием сделает старухе Евстигнеевой приятное.

— Возьмите себе моего Хуссейна, — с трудом выговорила она.

— Вы что, — испугался Береславский. — С ума сошли?

— Наоборот. Очень даже трезво соображаю. У меня ведь не только круиз кончается, Ефимчик.

— А... что? — с замиранием сердца спросил рекламист.

— Я, вообще-то, помирать собралась.

— Да вы что! Да на вас еще воду возить можно!

— Успокойтесь, милый, — тихо произнесла Евстигнеева. — Я все просчитала. Жить мне полгода. Верочка Грибулина сказала, эта девочка у меня с первого класса никого не обманывала.

— Да кто она такая? — запротестовал Ефим. — Вы знаете, какая сейчас медицина? Да в Москве...

— Помолчите, — снова улыбнулась Людмила Петровна. — Я уже в хоспис устроилась. Недавно организовали. Где безнадежные умирают по-человечески. Нет, нет, не умирающей, — поправилась она, увидев протестующие жесты Ефима. — Санитаркой. А время придет — сама там лягу. Я до круиза уже неделю отработала. Всем хорошо, — и, не давая Ефиму себя перебить, объяснила: — И больным, они же знают мой диагноз. И мне. Я теперь знаю, что умру, как человек, а не как кошка, в одиночку.

Ефим молчал, не в силах переварить услышанное. Как же так, самый веселый человек в круизе — и безнадежно больна? А притворялась такой счастливой!

— Успокойтесь, Ефим, — как будто прочитав его мысли, ласково проговорила Людмила Петровна. — Я действительно счастлива. Умирают, рано или поздно, все. Но не каждого любят столько детей. Не каждый обогнул Европу на этом чертовом судне. Так что у меня все хорошо. Ну что, возьмете Хуссейна, Ефимчик?

— Возьму, — преодолевая спазм, выговорил Береславский.

— Спасибо вам, милый, — как-то сразу успокоенно сказала старая дама. — Вот уж спасибо. Прямо камень с души. — Она подошла к Береславскому, привстала на цыпочки и поцеловала его в щеку.

Евстигнеева попрощалась с Ефимом и ушла в музыкальный салон: там начинался концерт самодеятельности судовой команды.

А ошеломленный Ефим остался на палубе, глядя на бесконечную воду и тщетно пытаясь обрести напрочь утраченное душевное равновесие. Сначала — две тонны взрывчатки. Теперь вот — близкий уход человека, к которому только успел привыкнуть. Слишком много для его нежной психики.

Хотя можно подумать, от него что-то зависит.

“Господи, спаси меня и моих близких!”, — вдруг попросил Бога мало во что верящий Ефим Аркадьевич Береславский...

■■■■ 27 Двадцать второй день плавания т/х “Океанская Звезда”.

■■■■ Порт Ларнака, Кипр.

■■■■ Из дневника Даши Лесной

“Опять пишу ночью, опять — после большого пропуска.

Что-то неладно в нашем королевстве. Напряжение растет, хотя внешне все тихо-спокойно. Народ расслабился, на экскурсии ездит вяло, все больше на пляж, а школа маркетинга, исчерпав программу, и вовсе прекратила свою деятельность. Чему, похоже, Ефим Аркадьевич рад чрезвычайно. Во всяком случае, он постоянно нежит свое тело на солнце, а на лице его написано бескрайнее физическое удовлетворение.

Так на чем я остановилась в прошлый раз? По-моему, на океанариуме в Лиссабоне и обезьянах в Гибралтаре.

Дальше тоже было забавно: в Аликанте пошли гулять в их крепость на горе, Санта-Барбара называется — одна наша немолодая туристка даже решила, что название — в честь “мыльной оперы”. Ей и в голову не пришло, что шестьсот лет назад телевидения еще не было.

Так вот, там — наверху — я впервые узнала, что такое тропический ливень — вода текла вниз, как из перевернутого моря. Мы не то что промокли под дождем, а просто были мгновенно затоплены мощными потоками.

Меня поразило, что изо всех укрытий нам начали яростно махать руками, приглашая в сухое место. Все-таки они очень доброжелательные, эти испанцы. Когда мы заскочили — правда, уже насквозь мокрые — в какой-то мрачный подвальчик, нас не только приютили, но даже принесли полотенца!

Коленька на той стоянке выходил с судна лишь раз, опять с Береславским. Вернулись поздно ночью. Пока не дождалась, спать не могла.

Я почти уверена, что сейчас — не знаю, где: в Москве или в ином месте — решается Колина судьба. И очень боюсь, что решение может быть для меня неприемлемым.

Когда вспоминаю об этом — меня просто трясет от страха.

Он, слава Богу, ведет себя осторожно: ни в Барселоне, ни в Вильфранше (это уже Франция), ни на Сицилии с теплохода не сходил. Лишь бы у него хватило терпения...

Да, надо рассказать о Барселоне и Вильфранше. Чтоб не нарушать жанра путевых заметок.

Барселона — это сказка. Я даже перестала на время думать об опасности для моего единственного — настолько красив этот город. Все за неделю вперед говорили — Гауди, Гауди... Я ожидала чего-то необыкновенного. И не обманулась: великий, и в то же время — летящий, собор Святой Фамилии, его знаменитые дома и загородный парк. Все, конечно, впечатляло, и Гауди, конечно, гений.

Но меня поразило другое. Я раньше никогда не бывала в городах, где можно пройти десять улиц подряд и не встретить ни одного некрасивого, точнее банального, дома!

Итак, я любовалась красотами Барселоны, а Ефим Аркадьевич дрался с таксистом.

Ну, не совсем чтобы дрался, потому что один из участников потасовки позорно сбежал. И поскольку я, безусловно, патриотка — с гордостью сообщу, что дезертиром был не наш человек.

А происходило это так. На третий за день выход в город попутчиков я не нашла. И соблазнила только Береславского, и то пообещав ему зайти в фотомагазин и, дополнительно, в кафе, потому что заслуженный рекламист умудрился проспать ужин, а это уже — личная трагедия.

От причала до памятника Колумбу мы доехали на такси. Потом побродили по городу, плотно поели, в фотомагазин не зашли, так как он уже был закрыт.

Классно погуляв по городу, мы вернулись к берегу, где покормили прямо с причала больших серых рыб — Ефиму так понравилось, что он оторвал почти всю сладкую мякоть от им самим поедаемой огромной булки. Я такого даже не ожидала: для него это — крайне самоотверженный поступок.

Потом мы вернулись к памятнику Колумба, сели в такси и поехали к причалу. В пути таксист — немолодой дядька, в белой рубашечке с галстуком и в дорогих очках, — стал жалостливо хвататься за голову и стенать, что забыл включить счетчик. А без включенного счетчика, я так поняла, если б его поймали в порту, то сильно оштрафовали бы.

Аркадьич махнул рукой — мол, знаю, сколько это стоит, так что включай сейчас. Таксист включил, и мы подъехали к судну, когда в окошечке набило какие-то сущие копейки.

— Сколько по-настоящему? — спросил Ефим.

Ответ мужика мы сначала просто не поняли. Тогда он написал нам цифирками, на листке. Примерно втрое больше того, что мы заплатили на пути туда.

Ефим машинально ответил по-русски и смущенно посмотрел на меня. Я успокоила нашего педагога, объяснив, что где-то уже слышала подобные междометия ранее.

Береславский назвал цифру нашего прошлого платежа. Таксист возмущенно замотал головой и быстро-быстро залопотал по-своему. Понятно было только одно слово — "полисия".

— Хрен с тобой, — сказал Ефим. — Гони в полицию.

Вот тут я, честно говоря, слегка испугалась. А нужна нам их полиция? Но Береславский уже завелся, и в этом был очень похож на Колю: упрется — танком не сдвинешь.

Короче, поехали в полицию. Заехали в какую-то припортовую глухомань. Подъехали к довольно ветхому зданию без вывесок и охраны.

Внутри дома он нас почему-то не повел, зашел один, а вышел — с дамой, действительно — в форме.

Она выслушала визг таксиста и сурово потребовала расплатиться. А Ефим в ответ потребовал у дамы ... документы! И немедленного общения с начальником.

Она изменилась в лице, прямо позеленела вся, и, сославшись на какое-то дело, умотала в дом.

— Это не полиция! — объяснил гордый победитель. — Я сразу вник. Не вышел у них "разгон".

Обескураженный таксист что-то гневно залопотал, а потом показал Ефиму Аркадьевичу кулак и сделал выразительный жест вдоль шеи. Ефим умолк, слегка потрясенный: слишком разительно отличались внешний вид и жесты нашего таксиста.

Но тот не остановился на достигнутом, а рукой и специфическими движениями доходчиво показал, какой процесс он над нами с Ефимом произведет. При этом он все время упоминал Россию.

— Подержи! — кратко сказал профессор Береславский, передавая мне свою драгоценную "Лейку" и дорогие очки.

— Не надо, Ефим Аркадьевич, — взмолилась я, представив, чем это может кончиться в чужой стране.

— Не за себя, — мрачно произнес мой спутник. — За державу обидно! — После чего на чисто русском задал испанцу странный вопрос: — Тебя когда-нибудь серпом по яйцам били?

Тот даже умолк, естественно, вопроса не поняв.

— Правильно, — счел молчание за согласие профессор. — Серпов нынче мало. Но ощущения ты сейчас получишь.

И шагнул вперед, к оппоненту.

А вот дальше даже я была удивлена. Немолодой таксист с дикой скоростью прыгнул в свое "рено" и так дал по газам, что аж дым пошел из-под колес.

А мы, упоенные победой, остались черте-где, без такси и без телефона.

Потом мы пешком добирались еще не менее получаса до более оживленных мест, где поймали машину, причем заплатили примерно столько, сколько с нас просил жулик. Но чувство победы нас уже не покидало...

В Вильфранше все было тихо-мирно, съездили в Канны и Ниццу, а на второй день стоянки — в Монако. Там меня потрясли две вещи: море цветов на улицах и сортир в их главном казино, по обилию электронных примочек напоминающий звездолет.

После Сицилии мы уже нигде не останавливались, хотя разговоры шли про Константинополь, то есть — Стамбул.

А вот в Ларнаке — на Кипре — остановились. Опять-таки вместо ранее обещанного Лимассола.

Про сегодняшний ларнакский денек стоит написать подробнее, ибо здесь у моей "любимой" Евы произошли мелкие неприятности.

Начнем с того, что Ева прилетела в Ларнаку сегодня утром и тут же была доставлена на борт, благо, киприотский главный аэропорт располагается рядом с городом. Все утро она загорала в шезлонге, и ничто не предвещало бурного вечера.

На ужине за столом, как обычно, сидели Коля, Ефим, я и старушка Евстигнеева, которую я дополнительно люблю за то, что она тоже терпеть не может княжну. Еще был Миша Кацнель, здоровенный бывший сибиряк, ныне израильтянин. Он приехал по каким-то бизнес-делам к Агурееву. Мне показалось, что Коленька не очень доволен его обществом, однако за свой стол пригласил.

Ева пришла чуть попозже, могла бы и вообще не приходить. После ужина она впала в натуральное сумасшествие. Я решила, что это — назло Коле. В танцевальном салоне она так сплясала с Кефиром, что можно было подумать, у них начался секс. Причем пригласила этого придурка она сама.

Мне даже показалось, что Кефиру не очень-то и хотелось к ней прижиматься — он все же трусоват, и знал, чья она жена. Но Ева проявила исключительную активность, и ни для кого не было тайной, что это — провокация.

Я бы только была рада ее сомнительному поведению, если бы Коля так не расстроился. Он сидел в танцевальном салоне, совершенно убитый. Я даже побоялась к нему подходить.

Тем же вечером Ева улетела с острова.

И еще: я видела, как вечером, на палубе, израильтянин Миша в чем-то долго пытался убедить Колю. Но потом тот все-таки ему отказал. По крайней мере, гость покинул теплоход явно расстроенным.

Теперь, вроде, все. Кончаю писать. До новой встречи, мой дневничок!"

■■■■ 28. Двадцать второй день плавания т/х "Океанская Звезда".
■■■■ Двадцать шесть морских миль от побережья
■■■■ близ Ларнаки, Кипр. Раннее утро

Рассвет занялся внезапно, и солнце заскользило вверх, высветив спокойное море с редкими пенными гребешками. Вода из темно-серой прямо на глазах приобрела сине-бирюзовый оттенок.

— Часов через шесть шторм начнется, — сказал стоявший у штурвала моряк из команды "Океанской Звезды".

— Переживем, — беспечно откликнулся Алеха. Его шторм волновал не очень.

Остальные промолчали: Агуреев — потому что не хотелось разговаривать. Муса — потому что было нечем.

Агуреев стоял в небольшой рубке, глядя вперед через прочное лобовое стекло. Он был зол на весь мир. На жену, которая ведет себя одновременно непонятно и отвратительно. И, конечно, на Мойшу.

Именно по его милости четверка мореходов поднялась в такую рань. А некоторые — имелись в виду Муса с Алехой — и вовсе не ложились.

Для них поход к затонувшему итальянскому эсминцу был уже вторым.

Мойша позвонил три дня назад, по "секретному" телефону с шифратором, и устроил маленький словесный погром. По его словам, а они, Николай признавал это, немало стоили, Лерка их всех сдала оптом. И именно она выступает в качестве организатора охоты на руководителей "Четверки".

Мысль-то, в общем, очевидная.

Князя убили.

Равила убили.

На Агуреева покушались неоднократно.

Мойша, хоть и не хозяин компании, но также побывал под пулями.

И только Валерия Ивановна Сергеева никак не интересовала неведомых врагов.

К тому же, кроме этих умозрительных заключений, было еще немало неприятнейшего компромата. Причем, беседы со скупщиком из "Глобал" были не самым страшным моментом, хотя торговалась Валерия Ивановна конкретно, используя даже не рыночные, а базарные слова.

Между прочим, в качестве группы поддержки привела серьезного партийного товарища. Ничего не сказав, кстати, о переговорах партнерам по бизнесу.

Но Агуреев никак не мог представить себе Лерку, их безотказную фронтную подругу, спокойной и безжалостной убийцей.

Испугаться и начать продавать акции — да. Поддаться корыстному влиянию ее "партайгеноссе" — пожалуй. Но хладнокровно спланировать и жестко осуществить все эти убийства и покушения...

А если не она — то кто? Кто знал столько же, сколько Лера?

Ответ получался печальный.

Никто.

Мильштейн предложил план, столь же простой, сколь и эффективный. Он "спустил" подозреваемому совладельцу "Четверки" "дезу", побуждающую к действию. Согласно ей, Агуреев в кризисе стал дайвером-неофитом, и был намерен предаться вновь полюбившемуся занятию по полной форме.

Рядом с Ларнакой — в двух с лишним десятках миль от берега — был излюбленный объект дайвингистов: старый затонувший эсминец. Утопили его лет шестьдесят — или около того — назад, британские соколы постарались. С тех пор он весь оброс ракушками и заилился, но в последние годы, — после начала дайвинг-бума, — стал настоящей подводной достопримечательностью. Средиземное море — это вам не тропики, где на каждом шагу разноцветные рыбы и космического вида кораллы. Здесь все проще и серее. Так что "на эсминец" плавали все, кто считал себя реальным дайвером. Первая группа туристов-аквалангистов прибывала, как правило, к одиннадцати — раньше народ вставать не любил.

Агуреев должен был опередить всех и приплыть к восьми утра. Там в это время — ни души, и убить его — одно удовольствие.

Все это Мильштейн иезуитски расчетливо — через "неверно" посланный мэйл с полной "диалоговой" перепиской и еще много чем для отвода глаз — довел до Лерки. С картой расположения затонувшего корабля, заказом-счетом на катер с легким водолазным оборудованием, расчетом времени прибытия к месту погружения, а также грозной руганью Мойши по поводу опасных забав.

"Ошибка" произошла по "вине" предупрежденного связиста "Четверки", старого кзгбэшника, умевшего держать рот на замке.

Файл абсолютно точно дошел до Леркиного компьютера. По крайней мере, с ее почтового ящика он был снят ее же паролем, кстати — довольно замысловатым.

И вина женщины уже получила первое косвенное подтверждение. Когда связист позвонил Сергеевой "извиниться" за ошибочное электронное "письмо", дама, не слишком разбирающаяся в подобных вещах, почему-то соврала, что никаких ненужных посланий не получала.

Вот почему Агуреев сейчас был почти готов поверить, что на глубине 27 метров, рядом со вчерашней братской могилой и сегодняшним раскрученным турэкс-понамом уже вполне может находиться некто, искренне желающий его безвременной кончины.

Интересно, во сколько оценена его смерть?

Он сделал все, как задумал Мойша.

Алеха, мастер на все руки, ночью с Мусой уже сплавал к эсминцу. И теперь дно вокруг бранных остатков бывшего боевого корабля было в определенном порядке наspiговано почти десятком хитрых датчиков. Еще двадцать лет назад они были большим секретом. Их аналоги дено и ноцно дежурили в океанах, подслушивая за вражескими субмаринами.

А сегодня их можно недорого — в масштабе цен хозяина крупной компании — купить в специализированном морском магазине. С помощью такого "сторожа" вполне можно выследить косяк рыбы или здоровенную акулу. А некоторые закупают их для поиска Лох-Несси и прочих ужасных чудищ.

Впрочем, сам себя поправил Агуреев, если кто-нибудь сегодня приплывет по его душу, то это чудище будет поопаснее шотландского динозаврика.

— Давай быстрее, — приказал он моряку у штурвала.

Два двухсотсильных японских мотора взревели, и легкий катер, мгновенно выскочив на редан, помчался вперед, раздвигая море.

— Рано приедем, — предположил Алеха.

— Нормально, — буркнул Агуреев. На двадцать—двадцать пять минут раньше намеченного. Но, если убийцы настоящие, они-то придут заблаговременно. Интересно, как они будут его убивать?

Катер несся по волнам ровно и достаточно устойчиво: лишь изредка слегка долбали по днищу появившиеся в открытом море волны.

— До шторма успеем! — вошел в азарт моряк. Он не был посвящен в детали операции, но ее реальный боевой привкус, конечно, чувствовал.

Еще полчаса "полета", и катер точно подошел к указанному в лощах месту.

Вот и два буя — красный и желтый, и поплавки, с тоненькими штырьками-антенками. Их можно было заметить, если сильно всматриваться, и то только по идущей от них мелкой ряби. Это и были "информационные выходы" от датчиков-шпионов, своего рода акустической паутины, старательно "сплетенной" Алехой.

— Однако пусто, — расстроено отметил он, не отрываясь от дисплея обычного ноутбука. Необычно — не было только программное обеспечение да отдельно стоящий блок ресивера — специального радиоприемника, снимающего сигналы с датчиков и передающего их на обработку в компьютер. Сейчас экран был девственно чист в пассивном режиме, и заполнялся неискаженными регулярными картинками в активном, когда по приказу Алехи датчики "обстреливали" пространство короткими импульсами. — Пока никого, — вынужден был констатировать разочарованный охотник.

— Ну и слава Богу, — вздохнул с облегчением Агуреев. Он вдруг только сейчас почувствовал, как ему не хотелось, чтобы их Лерка оказалась убийцей. — Еще десять минут ждем — и обратно. А то ветер поднимается.

— Давайте хоть полчаса, — попросил азартный моряк, тоже через плечо глядя на монитор.

— Делать, как я сказал, — спокойно бросил Агуреев и спустился в крохотную каютку, где, тем не менее, помещался столик, две намертво прикрепленные табу-

ретки и совсем маленький шкафчик. В нем находилась цель визита Николая — большая бутылка "Джонни Уокера". В самом деле — грех не отметить реабилитацию боевой подруги. Полную, заметим, реабилитацию, ибо нет ничего проще, чем грохнуть начинающего дайвера Николая в этом замечательно подходящем для злодейских замыслов месте. Шарах! — каким-нибудь гарпуном из подводного ружья, и русский офицер разбавит военную итальянскую компанию.

Ан — нет. Лерка — просто жулик, испугавшаяся малообразованная дурочка, которую просто надо по возвращении успокоить.

Агуреев достал бутылку, открыл крышку. Долго высматривал в малюсеньком шкафике стакан. Наконец решил закрыть проблему старым приемом "из горла".

— Командир! — раздался сверху сдавленный крик Алехи.

Еще ничего не было сказано, а Агуреев уже все понял.

Спокойно навернул на бутылку крышку.

Спокойно поставил бутылку на место.

Спокойно закрыл дверцу.

Похоже, за здоровье пить не придется. Значит, выпьем за упокой.

А на экране уже был полный бардак.

— Один есть точно, — почему-то зашептал Алеха. Как будто разговор можно услышать через двадцать семь метров воды.

— Двое, — вмешался моряк. — Смотри, двое! Переходи на активный режим.

— Не учи ученого, — пробормотал Алеха, быстро стуча по кнопкам ноутбука. — Четверо! — восторженно зашептал он.

Обрабатывающая программа нарисовала на жидкокристаллическом ярком дисплее вытянутые тела аквалангистов-убийц.

— Что это? Опять двое? — засомневался моряк. — А те что делают? Они же прямо на дно легли!

— Это не они легли, — хмуро отозвался Агуреев. Он не был, конечно, дайвером. Но умным человеком с высшим военным образованием был безусловно. — Это они свои скутера положили. Им же плыть километров десять. Вокруг, кроме нашего, ни одного катера.

— Точно! — воскрился моряк. — Подводные "тачки"! Круто!

— Очень круто, — грустно согласился Николай.

— "Замочим" их, командир? — возбудился в предвкушении боя Алеха.

— А вдруг это туристы? — цеплялся за последнюю дурацкую соломинку Агуреев.

— Ага, — радостно согласился подчиненный. — Без катера, приплыли ночью. Наверняка туристы. — Он уже крутил в руках заранее припасенную "Непрядву". — Ну, раззудись рука!

Граната "ФГ-45" — страшная штука. Человек ведь мало отличается от рыбы, сразу всплывающей вверх брюхом после того, как браконьер бросит в воду динамитную шашку. А здесь — будет посильнее динамитной шашки.

Алексей установил глубину срабатывания, зарядил оба ствола и сориентировался сначала по дисплею. Потом — по притопленным поплавам антенн. После чего прицелился и нажал на спуск. Пламя и грохот вырвались сначала из одного ствола, потом — из другого. Гранаты пробуровили воду и взорвались на глубине. Грохота слышно не было, зато над водой взметнулся и рассыпался на брызги изрядный фонтан.

Датчики в пассивном режиме показывали что-то невообразимое. Алеха перезарядил гранатомет и выстрелил еще дважды. Выждав, чтобы "картинка" успокоилась, включил активный режим.

Живого в воде не было ничего. По крайней мере до тех пор, пока сюда не приплывут новые люди и новые рыбы. Старые же рыбы начали честно всплывать рядом с катером.

И не только рыбы. На поверхности воды показались какие-то обрывки и то ли жировые, то ли нефтяные пятна: возможно, из развороченных электроскутеров просочилось масло.

— Все, пошли домой, — приказал враз обессилевший Агуреев.

— Нельзя, командир, — осторожно возразил Алеха. — Убрать надо за собой.

— Делай, как считаешь нужным, — тихо проговорил Николай и поплелся в ял-юту.

Алеха же считал, что следов не надо оставлять нигде, даже в открытом море. Поэтому он не только заставил Мусу обрезать поплавки антенн датчиков — без них проводки сразу утонули, — но и, переодевшись в гидрокостюм, сам лично спустился на дно.

— Вы только не палите тут больше, — пошутил он перед тем, как покинул катер.

С катушки, установленной на корме катера, ему спустили тонкий, но очень крепкий тросик с разветвлением на конце. Каждая довольно длинная "веточка" кончалась прочным захватом-карабином.

К девяти Леха всплыл и, не залезая в катер, указал направление движения. И снова нырнул.

Моторы на самой малой скорости потащили катер и привязанный к тросам груз. Нужно было дожидаться Леху.

Он вновь выполз довольно скоро: декомпрессия на таких глубинах недолгая.

— Аминь, — совсем не мрачно произнес веселый боец, снимая маску. В руках он держал что-то, отсверкивающее металлом. — И скутера, и трупы — очень глупо.

Сообщение не удивило. Так и планировали: эсминец лежал на небольшой банке-мели, вокруг глубины были куда серьезнее. Тем и объяснялся интерес дайверов к легкодоступной подводной достопримечательности.

Стоило оттащить "улики" чуть в сторону — и они навсегда ушли на "дальнее" дно, куда без спецоборудования уже не опуститься. Да и кому это надо?

— Что за юности? — спросил Агуреев.

— Они без паспорта, командир! — ухмыльнулся Алеха. — Один вроде араб.

— А второй? — спросил Агуреев.

— А второй...

— Ну? — поторопил Николай.

— Вторая, — поправился Алеха.

— Баба? — упавшим голосом спросил Агуреев.

— А вам бы легче было, если бы она вас пристрелила? — неожиданно окрысился Алеха и протянул свой более чем полуметровый трофей.

— Вот это да! — присвистнул морячок, даже от штурвала отошел, благо, катер не двигался. — Русская штука! — поразился он еще больше, разобравшись с маркировкой.

— Симоновский подводный автомат, — сказал бывший зенитчик, имевший в своем активе месяц тренировок в спецназе морской пехоты. После Афгана ему явно не хватало впечатлений, и старлей подался туда. Правда, не взяли, после повторного медосмотра, из-за подцепленной в Афганистане тропической лихорадки, которую Агуреев пытался скрыть.

Он даже не подержал трофей в руках — его занимали совсем другие переживания. Зато остальные парни на все лады обсуждали находку. Особенно поразили пули — диаметром миллиметров в пять-шесть, в длину они были более десяти сантиметров каждая, чтобы преодолевать сопротивление воды.

— Грохнули бы нас за милую душу, — наконец выразил общее мнение морячок.

— Все, собрание закрыто, — оборвал их Агуреев. — Пошли домой.

Катер набрал скорость, и, когда буи, отмечавшие место последнего боя много-страдального итальянского эсминца, скрылись из глаз, Агуреев, под жалобный Лехин стон, вышвырнул автомат за борт. "Автомат Специальный Многоцелевой" мгновенно исчез под водой.

Вслед за ним канула в бездну "Непрядва" и оставшиеся боевые и сигнальные гранаты.

— Надо было сигнальной шарахнуть! — совсем расстроился Алеха. — Вот был бы фейерверк! — И тут же перестроился на другую тему: — Командир, а это наши к нам приплыли или местные?

— Что ж ты у них не спросил? — разозлился Агуреев. — Вряд ли наши. Сам же сказал — один был араб. А эти автоматы продавались в десятки стран. Вон нам на борт погрузили железа откуда? Никто теперь не скажет. Может, с Украины, может, с Молдавии. А может — из Анголы или Кубы.

— В любом случае привет-то — из России, — заметил погрузивший Алеха.

— Ладно, давай сюда телефон, — приказал Агуреев.

Алексей мгновенно принес и настроил спутниковый телефон.

Мильштейн снял трубку сразу, он, конечно, ждал этого звонка.

— Приплыли? — не выдержал паузы Мойша.

— Нет, — резко ответил Агуреев. И прикрыв микрофон от Алехиных ушей, добавил: — Никто не приплывал. С Леркой — ошибка.

Минутное молчание на том конце "провода" сменилось спокойными словами:

— Сам ты — ошибка. Забили двух твоих друзей. Жди, пока грохнут меня и тебя.

— Мойша, этого быть не может! — вполголоса торопливо зашептал Агуреев. — Ну подумай сам! Ты же ее знаешь!

— Значит, приплыли, — тихо прозвучал спокойный голос Мильштейна.

— Я запрещаю тебе ее трогать, понял! — заорал Агуреев. — Запрещаю!

— Хорошо, — бесцветным голосом согласился Мойша. — Если тебя убьют после меня, организуй мои похороны, — и положил трубку.

Весь обратный путь Агуреев просидел в каюте, обхватив голову руками. К бутылке больше не притрагивался. Никакой алкоголь не был способен вытащить из его мозга одну и ту же, бесконечно прокручиваемую и совершенно невыносимую мысль...

■■■■■ 29. Шестнадцатый день плавания т/х "Океанская Звезда".
■■■■■ Сектор Газа. Деревня Бейт-Леиб. Палестинская Автономия

Пожилый бородатый палестинец вел свой потрепанный пикапчик-"пежо" медленно и осторожно: дорога была хоть и асфальтовая, но здорово разбитая. Налетев на очередную выбоину, местные жители обычно проклинали израильтян: на щер-

бато́м покры́тия действительно были отчетливо видны следы танковых траков — время от времени войска “навещали” беспокойный район. Впрочем, Асаф — так звали мужчину — склонен был обвинять в дорожной неустроенности не израильскую военщину, а свое родное городское управление. Понятное дело, что все хорошие должности занимали выходцы из десятка семей. Расходы у них большие, денег надо много. Но разве нельзя хотя бы часть обильно присылаемых в автономию средств пускать на прямые нужды жителей?

Эх, если бы родные власти можно было бы обвинить только в этом грехе! Асаф горестно вздохнул: на сердце еще не улеглось — да теперь и никогда уже не уляжется — тоскливое ощущение того, что его младшего сына больше нет.

Формально его убил израильский танк: наехал, сдав задним ходом, прямо на подростка. Мальчика привезли, накрытым одеялом. В их скромный дом понаехали чины из администрации, привезли французов с телекамерами. Асафу обещали денег и помощь в его крохотном авторемонтном бизнесе.

Асаф не мог принять кровавые деньги, но упираться было смертельно опасно, поэтому он сказался больным, что, в общем-то, было абсолютной правдой.

Похороны мальчика вылились в очередной шквал ненависти. Юноши с пустыми глазами в черных полумасках палили в небо из “Калашниковых”, выли женщины и потрясали кулаками мальчишки. А Асаф вспоминал, как его долгожданный малыш сидел у него на коленях и еще никого не ненавидел...

Ему все-таки удалось отказаться от денег, подкрашенных кровью сына: передал их в детскую больницу, что не могло расцениваться как демарш. Он вообще не хотел денег, замешанных на ненависти.

После всех этих событий Моше, курирующий “Механика” — таков был псевдоним Асафа — предложил ему “отпуск”: он знал, что мальчик Асафа погиб под израильским танком, хотя танкист его не видел, и наезд произошел ненароком. Знал он и другое: мальчик карабкался на броню не с букетом гвоздик, а с бутылкой, наполненной бензином и замедлителем горения. И, если б не свалился под гусеницы, может быть, хоронили бы других.

Ситуация была явно щекотливой, но разрешил ее сам Асаф. Он напомнил “работодателю” — встреча происходила в Тель-Авиве, куда палестинцев пускали достаточно свободно, — что работает не на Израиль, а против убийц. Против целой машины убийств, запущенной первым в мире государством, основанном профессиональным террористом. И, будучи чистокровным арабом-палестинцем, тем самым снимает незаслуженную грязь с облика своего древнего народа.

Это было правдой — донесения Асафа всегда касались только реально жестких планов и позволили спасти немало человеческих жизней. В частности, именно его информация предотвратила теракт на городской нефтебазе, который мог превратить целый район в пепел. В рукотворном крематории погибло бы не менее половины арабов — их районы начинались прямо с южной окраины базы. Но у террора своя, извращенная логика, в которой кроме власти и денег, нет ни одного значащего параметра...

Асаф медленно крутил руль, объезжая колдобины. По этой улице он обычно не ездил — до работы так дальше. Но сегодня поездка по здешним местам была просто необходима.

Вот и нужный ему двухэтажный дом. Стоит особняком. Дом — не бедный, хотя его жители явно стараются не выделяться на окружающем фоне.

Снаружи ничего установить не удалось. Зато, мельком взглянув на ворота, Асаф мгновенно узнал то, ради чего месил эту разбитую улицу. В щель хорошо был виден бежевый "ML-320", стоявший в гараже-навесе.

Асаф трудился всю свою жизнь, но не смог бы купить даже двигатель от этой машины. Впрочем, его счеты с хозяином дорогого авто крутились вовсе не в сфере его благосостояния. Пусть хоть самолет бы себе купил. Лишь бы детей не трогал.

Меджид Лахарни был идеологом-практиком. Это значит, что он не только учил молодежь ненависти, но и лично неоднократно провожал ребят, обвязанных взрывчаткой, в их последний путь. А некоторым из них, у кого не хватило духу, даже помог, нажав с безопасного расстояния сдублированную радиокнопку.

Именно он был третьим, когда, вырванная из тела взрывом, отлетела в неведомые дали душа девушки Джейран. Кнопку нажал другой, но Меджид свою руку приложил тоже.

Хотя вряд ли помнил этот малозначащий эпизод — пострадавших было лишь трое: кроме Джейран, взрывом оторвало голову ребенку, и сошла с ума его мать.

Сейчас он заехал домой, отдохнуть после работы, и чувствовал себя в полной безопасности. Так оно бы и было, если бы Асаф, у которого со старых времен имелись полезные контакты, не установил, что этот гражданин имеет некие интересующие израильскую разведку данные.

И здесь Асафу пришлось принимать сложные решения. Дело в том, что, предотвратив уже более десятка терактов, он ни разу — ни единого раза! — не помог израильтянам в их деятельности по физическому устранению соплеменников-террористов. Уменьшить потоки крови — да. Увеличивать — нет. Куратор Кацнель, отлично понимая тонкость данной проблемы, даже не пытался давить на столь ценного агента.

Тем не менее, Меджида Асаф предложил сам. Он не собирался прощать этому уроду гибель сына. Если бы не Лахарни, мальчик был бы дома. Даже Асаф не смог противостоять его влиянию, что уж говорить о неокрепшей душе мальчика!

И еще — сама мысль об этом была ужасна — может быть, мальчик ушел вовремя. Вряд ли он попал бы в рай, если бы унес с собой кучу неповинных душ там, за блок-постами. Или, еще хуже, почувствовав пьянящий вкус обладания чужими жизнями, стал бы таким же, как Лахарни: поводырем ослепленных им же пацанов и девчонок на пути от маминой юбки до уничтожающего всех взрыва.

Асаф уже выехал с разбитой улицы — правда, на не менее разбитую — и достал сотовый телефон. Он позвонил туда, куда звонил несколько раз каждый месяц. Любая проверка показала бы, что тут — все чисто: автомеханик заказывал детали для ремонта. Отличие сегодняшнего звонка заключалось лишь в том, что Асаф не делал новый заказ, а отказывался от ранее сделанного. Мотив — заказчик, в свою очередь, отказался от ремонта.

На том конце все поймут. Меджид Лахарни — дома. И делайте с ним, что хотите. Может, хоть это чуть смягчит боль Асафа...

Четыре километра от блок-поста на границе сектора Газа

— Ну, что, братцы, вперед? — спросил Моше.

— Всегда готовы! — отсалютовал Серега Михеев, тоже выходец из России, которых в Израиле, вне зависимости от национальности, дружно именовали "русски-

ми". Кроме "русского" Кацнеля и русского без кавычек Михеева — он приехал в страну с женой-еврейкой и двумя детьми промежуточной национальности — в группе был друг-христианин Агджи, два парня-"сабра" (так именовали евреев, родившихся в Израиле) и палестинец Илия.

Агджи сел за руль, Илия — рядом, в кабину, а остальные — в обшарпанный металлический кузов белого грузовичка-фургона "спринтер". Теоретически это был развозной фургончик, которых бегают по Израилу и Автономии неисчислимое множество. Применительно к конкретному экземпляру имелись некоторые оригинальные доделки. Например, стенки фургона было невозможно прострелить даже из штурмовой винтовки, а "движок" "спринтера" был такой, что полностью оправдывал название автомобиля. Догнать его на ровном шоссе мог разве что спорт-кар.

Нелишним также был оптический визир-перископ, позволявший обозревать окрестности вкруговую, да еще и ночью, а также радиоэлектронная система, сильно облегчавшая разведчикам жизнь.

Старший в группе — Агджи, его заместитель Михеев, и на Родине служивший в спецназе.

Группа специализировалась на силовых захватах, и проводить их приходилось отнюдь не только на территории еврейского государства: щупальца сети террора раскинулись по всему миру.

Моше в состав боевой группы не входил, он был прикомандированный. А если точнее — заказчик. Именно его агент передал информацию о наличии объекта их интереса. Да и сам объект проходил по ведомству Моше — Меджид Лахарни стал слишком опасен: очень уж хорошо у него получалось готовить убийц. С ним надо было кончать.

Законным методом — через администрацию Автономии — не получилось и получиться не могло. Наверняка Лахарни предъявляли израильские требования. И еще смеялись над ними. Не станет же рука указующая наказывать руку исполняющую!

Но убийственная — в прямом смысле слова — деятельность Меджида по воспитанию подрастающего поколения — не единственная цель диалога с этим парнем.

Кацнеля интересовал корабль. Корабль с оружием. Что-то подсказывало ему, что речь идет не о "Луизе". Конечно, администрация Палестины — сама по себе террористическая организация и покрывает другие террористические организации. Но в том-то и дело, что подобных организаций на святой земле много! И если "Луиза" везла "подарок" израильтянам с ведомо "официалов", то, похоже, существует некий корабль с оружием, который везут оголтелые "неформалы".

Найти неизвестный корабль, в неизвестное время и в неизвестном месте — вот это задача! И в ее решении Моше очень рассчитывал на ублюдка Лахарни.

Блок-пост прошли без проблем: один солдат проверил документы водителя, второй, офицер и давний сослуживец Моше, приоткрыл заднюю дверцу фургона.

— Тут никого нет! — крикнул он старшему наряда, нагло улыбнулся в лицо Кацнелю и захлопнул дверцу.

— Вот сволочь! — прошептал никогда не унывающий Михеев. — А мы уже не люди!

"Спринтер", пофыркивая мотором — глушитель тоже был нестандартный, — проехал разделительную линию.

Пока добрались до цели, уже стемнело.

В пути никаких приключений не было. Да и быть не должно: документы у водителей в полном порядке.

Первый раз проехали по нужной улице без остановки. Ехали медленно, что вполне объяснялось качеством дорожного покрытия. За две минуты много чего сумели выяснить. Во-первых, не имелось средств электронного наблюдения. Даже камера наружного обзора перед воротами не работала.

Охраны дом тоже, похоже, не имел. И это не удивляло: нужно было быть уж совсем "отмороженным", чтобы лезть к такому опасному человеку.

Короче — серьезный господин заехал домой, отдохнуть от трудов праведных.

А чего ему бояться? Вертолет ракетой не саданет, даже если отследят: после подобного устранения одного из главарей боевиков, — авиационная ракета прилетела к нему прямо в окно служебной квартиры, — "ликвидаторов" поливали грязью СМИ всего мира. И, как констатировали сами же израильские военачальники, правильно делали. Потому что во время взрыва погибли два малолетних сына террориста.

Подобное недопустимо даже применительно к самым опасным ублюдкам, на чьей совести горы детских трупов. Пришлось военным, которые, безусловно, не знали о присутствии ребят, каяться и перед своими, и перед чужими. Наверное, это справедливо: даже уничтожая бешеную собаку, нельзя подвергать риску случайных прохожих.

Лахарни после того эпизода здорово осмелел. Вот и сейчас его окошко открыто и светится желтым светом. Но людей высмотреть во время проезда не удалось.

"Спринтер" съехал на безлюдный пустырь — место заранее присмотрели на аэрофотосъемке, — и по спущенной аппарели из фургона выкатились два мощных мотоцикла, тоже с палестинскими номерами.

На один сели Илия и Серега, на другой — один Агджи. Все трое были одеты в униформу элитного "отряда 17", личной гвардии Арафата.

Мотоциклы, не скрываясь, с ревом пронесли по улице и остановились перед домом Лахарни.

Агджи позвонил в электрический звонок и продублировал сигнал ударом кулака. В соседних домах сдвинулись и тут же вернулись в исходное положение занавески: обращать на себя внимание головорезов из "отряда 17" никому не хотелось.

Дверь открыл, предварительно осмотрев визитеров в "глазок", лично Меджид.

— Что случилось? — растерянно спросил он. Лахарни был сам немалой птицей, но людские судьбы в Автономии могли тасоваться очень быстро.

— Пока ничего, — ухмыльнулся Илия. — Тебя хочет видеть сам... — и он пальцем показал вверх.

— Раис? — ужаснулся Меджид.

— А кроме него уже и начальства нет? — посуровел Илия и назвал фамилию, внушающую трепет многим жителям Газы.

— Я готов, — быстро сказал Лахарни. Ничего плохого он не ждал. Хотя работал на "неофициальную" организацию, а названный гостями господин представлял официальную власть, все они были как патроны в одной обойме.

— Садись, — сказал до этого молчавший Агджи и показал на сиденье мотоцикла.

— На этом? — удивился Лахарни. — Может, лучше, на моем "мерсе"?

— Качества истинного мусульманина не определяют его достатком, — важно произнес Илия.

— Конечно, конечно, — торопливо согласился Меджид. Вот чего ему было совсем не надо, так это дразнить дуболомов из "отряда 17". Лахарни неловко — давненько ему не приходилось передвигаться на двухколесном транспорте — уселся сзади Агджи и, повинаясь приказу, обхватил его за бока. Илия и Серга уселись на второй "Кавасаки".

— Аллах акбар! — сказал Илия, вкручивая газа. Он вовсе не кощунствовал, искренне веря в правоту и силу Всевышнего. А если Аллах чего не доглядит за множеством своих дел — например, деяния этой подлой сволочи, примостившейся сзади Агджи, — то неплохо ему и помочь. Наверняка Всемиловейший это когда-нибудь ему, Илие, зачтет.

Лахарни заподозрил неладное, лишь когда мотоциклы свернули к пустырю. А когда, мгновенно остановившись у "спринтера", его обыскали и отняли "Вальтер", он совсем запаниковал.

— Я ни в чем не виноват, — запричитал он, еще считая, что имеет дело с соплеменниками.

Его толкнули в фургон, в котором сразу зажегся свет, и Лахарни раскис сразу: фотографии Моше Кацнеля ему уже приходилось видеть раньше. А совсем недавно он опознал майора вживую, правда, после этого не рассчитывая уже его когда-либо увидеть...

— Рассказывай, как дошел до жизни такой, — почему-то по-русски заговорил Моше.

— Что? — не понял задержанный.

— Мне нужно знать про судно с оружием, — перешел на иврит майор.

— Вы имеете в виду "Луизу"? — взял себя в руки Лахарни. Он слегка приободрился: инструкция, запрещавшая без крайней необходимости убивать пленных, ему была известна. Кроме того, его вряд ли убьют, предварительно не выпотрошив.

Они потратили двадцать минут на бесплодные переговоры. Припертый к стенке Лахарни не стал скрывать, что слышал от своего шефа про предстоящий приход оружия морским путем. Но деталей не знал. Вспомнил лишь, что речь шла о русском корабле. Ни названия, ни даты.

Все ответы Лахарни майор проверял на полиграфе, и, к сожалению, данные прибора соответствовали его интуитивным соображениям: террорист не врет.

Надо было что-то решать: они и так задержались здесь слишком долго.

— Ладно, — наконец, принял решение Кацнель. — Поехали.

В фургон мгновенно затащили мотоциклы, и "спринтер" двинулся в путь.

— Вы увезете меня в Израиль? — спросил Лахарни.

По идее, так и следовало поступить. Но — не хотелось. В Израиле его будут долго судить, мучительно воюя с дорогими адвокатами, — он же свои "подвиги" не документировал, да к тому же сам никогда не стрелял. Так что вполне мог отделаться чем-нибудь незначительным.

Тем не менее, майор поступил бы по закону.

Если бы Лахарни не поторопился и не произнес одну только фразу:

— А я вас видел на улице Дизенгоф. Я прошел там незадолго до того, как эта сумасшедшая взорвала себя. Вы отдыхали на скамейке. Если б я остановился съесть мороженое, наверняка бы погиб.

— Да? — улыбнулся майор. — Значит, нам обоим повезло.

- Да, — согласился Меджид. — Смерть не разбирает национальности.
— Это точно, — теперь уже согласился Кацнель.

Майор испытал совершенно определенные чувства. Например, он вспомнил фотографию обезглавленного взрывом ребенка. Какое счастье, что не увидел эту картину прямо там, на месте! Иначе бы не получил ценной информации, потому что просто пристрелил бы Абу Файада.

Решение стало бесповоротным. Он повернулся и через "переговорку" по-русски заговорил с Михеевым, управлявшим на этот раз фургоном.

— Понял, — тоже по-русски ответил Серега.

Остальные парни не обижались: они знали Кацнеля не первый день и доверяли ему полностью.

Фургон ускорил движение и не менее получаса быстро ехал по изобилующей поворотами довольно неплохой дороге.

— Что вы со мной сделаете? — не выдержал, наконец. Лахарни. — Увезете в Израиль?

— Нет, — односложно ответил майор.

— А что? — всерьез испугался задержанный террорист. — Убьете? — По его глазам, и, главное, неконтролируемым движениям, майор точно определил, что сейчас начнется истерика. А это уже опасно.

— Мы вас отпустим, — сказал он.

— Отпустите? — не поверил Лахарни. — С какой стати?

— Но вы же лично не убивали?

— Не убивал! — истово подтвердил мужчина.

— Значит, отпустим, — спокойно подтвердил майор.

— Поклянитесь детьми! — выдохнул Лахарни.

— Клянусь, — презрительно улыбнулся Кацнель.

Лахарни успокоился. Для того, чтобы его ликвидировать, вовсе не нужно было таких серьезных, по восточным меркам, клятв. Илиа удивленно посмотрел на майора, но ничего не сказал: в хорошей армии не принято оспаривать слова командира.

"Спринтер" замедлил ход, потом вообще перешел на заднюю передачу, то есть явно начал парковочные маневры.

— Мы отехали подальше от ваших, — сказал Кацнель. — Теперь делайте, что хотите.

— Я никому ничего не скажу! — поклялся Лахарни.

— Это ваше дело, — отрезал майор. Щелкнул электромагнитный замок задних дверей. — Вы свободны, — с нажимом добавил он.

Лахарни осторожно подошел к двери и нажал кнопку замка. Дверь подалась. Он, наконец, понял, что это не жестокая шутка, и его, по каким-то неизвестным соображениям, действительно отпускают. Террорист рывком открыл дверь и буквально вбросил свое тело в обступившую его темноту.

— Чао, — теперь уже по-итальянски попрощался с Лахарни майор.

Никто даже не улыбнулся. Чего уж тут смешного: человек упал с высоты примерно двадцатипятиэтажного дома, на дно заброшенного карьера, в котором когда-то добывали известняк.

Лахарни даже не закричал — видно, сердце перехватило еще в полете.

— Все, поехали, — скомандовал Кацнель.

— А если бы он не прыгнул? — тихо спросил Илия, когда фургон отмахал добрых тридцать километров.

— Поехал бы в тюрьму, — устало ответил майор. Он уже думал о другом: им еще предстояло возвращение.

Еще через семь минут израильские танки начали вторжение в районе их предполагаемого выхода. Официально причиной удара был очередной теракт, который действительно имел место. Неофициально — встречали группу Кацнеля, столь большое значение придавали их рейду в самых верхах — пример "Луизы" был у всех на слуху.

Линию "фронта" прошли вообще без проблем.

Несмотря на чистую победу, в фургоне не было большой радости. Они расшторили окна и наблюдали длинные очереди "трассеров": танкисты отвечали на автоматы палестинцев.

— Похоже, это надолго, — грустно сказал всегда веселый Михеев, за рулем его вновь сменил Агджи.

— Похоже... — так же грустно ответил Кацнель.

**30. Двадцать четвертый день плавания т/х "Океанская Звезда".
Тель-Авив, Иерусалим. Израиль**

"Океанская Звезда" зашла в порт ночью, неспешно преодолев расстояние от Хайфы, где была запланирована очередная стоянка — до Тель-Авива.

Порт здесь небольшой, но место для теплохода нашлось, на рейде болтаться не понадобилось.

Несмотря на удивительную красоту набережной, сверкающей в ночи электрической гигантской дугой, никто из туристов сон на зрелище не променял. Похоже, бойцы турфронта устали.

Даже пьянство в баре "Лидо", расположенном на защищенной от ветра корме прямо на свежем воздухе, и сначала не прекращавшееся и в холодных широтах, теперь тихо сошло на "нет". Россиянам явно хотелось домой, отчего многие уже тайком считали дни затянувшегося круиза.

Потом они с тоской будут вспоминать и море, и вечерние закаты солнца, и сочный воздух юга. Но сейчас это все изрядно поднадоело.

Народ проснулся только утром, и то — не ранним. Завтрак по просьбам трудящихся даже сдвинули на полчаса позже. Сдвинули бы и больше, но мешала экскурсия в Иерусалим, запланированная на весь день и, разумеется, снова бесплатная: "Четверка" по мере сил пыталась компенсировать своим клиентам доставленные неудобства.

В Иерусалим, несмотря на пресыщенность впечатлениями, собрались все до единого. Глупо побывать в Израиле и не посетить святыне места.

Все — это два огромных автобуса. Они уже стояли "под парами", ожидая только парочку запоздавших пассажиров и не занятых на вахте членов экипажа, которым разрешили подсесть на свободные места.

А парочкой запоздавших пассажиров были Агуреев, неспешно куривший рядом с натянутыми швартовными канатами, и Ефим, которого поздно разбудили, но от этого он все равно не стал ущемлять себя в еде.

Наконец Ефим начал спускаться по трапу, дожевывая на ходу что-то вкусное. Агуреева он пока не видел.

— Здорово, толстый, — услышал Береславский, ступив на твердую землю.

— Тоже мне... — улыбнулся Ефим. — "Хочешь похудеть — спроси меня, как", — процитировал он расхожую фразу из лексикона продавцов "Гербалайфа".

Экскурсоводы — бесцветная дама средних лет и подтянутый худощавый мужчина в черной кожаной шляпе с загнутыми сверху полями — болтали у открытой двери первого автобуса. Увидев приближающихся пассажиров, дама полезла в салон, а "ковбой" пошел ко второму "Неоплану".

Николай с Ефимом сперва тоже направились к первому автобусу, но из окна второго высунулась розовая голова Евстигнеевой, и раздался призывный посвист. Отказаться было невозможно, и опоздавшие, под смех пассажиров, направились туда.

Ефим уселся рядом с Людмилой Петровной, а Николай — на свободное место возле Даши Лесной. Береславский обратил внимание на то, что Агуреев не стал садиться рядом с только что прилетевшим из Москвы Мильштейном, хотя место было, и что Мильштейна это сильно задело. Зато Даша была в нескрываемом восторге.

"Вот уж счастье подвалило", — порадовался за пораженную любовной болезнью девушку Береславский. Впрочем, ее любви в ближайшие пару часов явно предстояло серьезное испытание: тело любимого занимало процентов восемьдесят от общей площади спаренного сиденья.

Автобус тронулся, и за окном поплыли городские кварталы зеленого Тель-Авива. Погода была явно нетипичной для этих мест: моросил мелкий дождик, а задумавший ветерок не был особо теплым.

— Нам повезло, господа, — приятным баритоном начал экскурсовод. — Когда камни раскаляются от солнца, и температура в тени доходит до сорока, вникать даже в самое сокровенное знание становится сложновато. А вникнуть — стоит. Потому что мы с вами едем в удивительное место, равного которому нет. Это место — священо для представителей трех религий, то есть каждого второго землянина. И сегодня вы все прикаснетесь к таинству.

Ефим слушал вполуха — традиционный треп гида, ничего нового. Но следующие слова заставили и его прислушаться.

— Мне сорок лет, меня зовут Алек Раппопорт, и в первый раз я смотрел на этот город через оптический прицел винтовки "Галил".

Шумок в автобусе — многие между делом переговаривались с соседом или соседкой — сразу стих.

— Да, господа, — улыбнулся экскурсовод. — Моя любовь к этому городу прошла несколько этапов. Сначала — нулевой. Когда я жил в Киеве, и каждый раз бабушка, молясь, произносила — "Новый год — в Иерусалаиме", для меня это был пустой звук. Потом я приехал на эту землю и горел желанием защитить ее.

— А теперь — не горите? — спросил пожилой турист со "Звезды".

— А теперь — все сложнее, — печально произнес Алек. — Вы почувствуете это на пустынных улочках Старого города. Пожалуйста, постарайтесь почувствовать это.

Он на некоторое время замолчал, после чего стал рассказывать о пейзажах за окном — они ехали по древнему пути паломников, и каждая крыша, каждый камень вокруг были пропитаны многовековыми историями.

— Этот город, — говорил Алек, — собрал святость. Не иудейскую, не христианскую, не мусульманскую. Он собрал всю святость мира. И он очень действует на людей.

Я — человек маленький. Но он изменил и мою жизнь. Сначала я был военным и смотрел на него сквозь прицел. Мне еще воздастся за это.

Потом хотел стать бизнесменом. Но стал историком и четырнадцать лет провёл в иерусалимских раскопах. А теперь — гид. И мне надо говорить с людьми ежедневно, чтобы они хоть чуточку понимали, куда и зачем едут.

— А там сейчас не опасно? — озабоченно спросила полная туристка с третьего ряда.

— В Старом городе не стреляют, — улыбнулся Алек. — В Старом городе стрелять нельзя. Вы все увидите сами.

Экскурсия была интересной — бывший историк знал очень много и умел рассказывать.

Их группа оказалась единственной во всем городе. Им удалось встретить только двух или трех туристов-индивидуалов, ходивших со своими личными экскурсоводами.

На людей начала действовать угнетающая тишина. На остановках, когда Алек рассказывал о месте, в котором они в данный момент находились, народ старался сбиваться потеснее. Когда ощущаешь друг друга — как-то спокойнее.

Туристы прошли мимо Стены Плача — главной святыни иудеев.

На пустынной площади молилось несколько евреев, слева — мужчины, справа, за низеньким заборчиком, женщины. В трещины между кладкой люди подкладывали записочки с самыми сокровенными своими желаниями.

— Это — исторически новая традиция, — объяснил Алек. — В Святых книгах ничего об этом не сказано. Но люди верят и оставляют их десятками тысяч. Оставляли... — печально поправился он.

— А не евреям можно? — спросила пожилая женщина, отдохавшая в круизе с почти взрослой внучкой.

— Конечно, — улыбнулся Алек. — В этом городе мало что зависит от национальности. Просто не все это понимают.

Туристы быстро обменялись ручками и бумагой, написали записочки, аккуратно свернули и оставили свои просьбы к иудейскому Богу в трещинах между древними камнями.

Сами названия действовали на путешественников гипнотически: Гефсиманский Сад, Святая Гробница, Улица Скорби. Вдоль последней и провёл группу Алек, от крепости Антония, где Христос предстал перед Пилатом, до Голгофы, места казни, тогда находившегося за городскими стенами.

Девять остановок — по числу остановок Иисуса на пути к смерти и вознесению — сопровождался кратким и точным рассказом.

Неизвестно, что действовало больше: пустынность древних узких улиц, спокойный рассказ талантливого экскурсовода, погода, грустная и печальная, а может, все вместе взятое...

Перекусили в маленьком арабском кафе. Даже не кафе, а просто в крошечном закутке-переулке, в который арабы, дружески поздоровавшиеся с Алексом, мгновенно принесли ободренные раскладные столики и такие же стулья.

Через четверть часа проулок был заполнен ароматами хорошо приготовленного мяса, восточных приправ и острого, на любителя, горохового хамуса. Подуставшие туристы с удовольствием ели, а Алек обменивался тихими фразами на арабском с хозяевами кафе.

— Что они говорят? — спросила пожилая туристка.

— Что все плохо, — вздохнул Алек. — Нет туристов, нет денег. Нечем кормить детей. Вернее, кормить пока есть чем, но обучать в институтах уже не на что. А если война продолжится, то и еды не будет.

— А как они так быстро сумели все подготовить? — спросил Ефим экскурсовода. — Особенно — баранину.

— Я позвонил по "сотовому", предупредил, — улыбнулся Алек. И, угадав мысли собеседника, тут же ответил на незаданный вопрос: — Комиссионных мне не платят. Просто им сейчас трудно, и я, как могу, помогаю.

— А вы не боитесь... — замялся Ефим

— Что их братья сейчас где-то закладывают мину? — улыбнулся бывший израильский десантник. И сам же ответил: — Их братья — не закладывают. Но если нищета здесь усилится, то никто ни за что не сможет поручиться.

Под конец люди пошли в Храм, освятить приобретенные здесь или привезенные с собой крестики и свечи.

Ефим положил купленные для своих друзей серебряные и деревянные крестики на невысокий постамент Камня помазания, известковую плиту изначально розового цвета, чтимую как место, где тело снятого с креста Иисуса было окраплено "смесью мирры и алоэ". Именно здесь его оплакала Богородица, прежде чем тело ее сына-Бога унесли в гробницу.

Потом прошел к самой гробнице, точнее — красивой ротонде, ее укрывавшей. Здесь, от вечно горящей лампы, зажег сборные свечи, свитые из маленьких тоненьких. Тут же погасил их и положил в сумку: в трудный час они помогут его друзьям.

Сам Ефим верующим не был, поэтому, прежде чем совершать эти действия, спросил у местного монаха, имеет ли на то право. Монах ответил, что, если с чистым сердцем, то — имеет.

Закончив процесс, Береславский отошел на двадцать шагов в сторону, к выходу из храма, ведущему на одну из улиц старого города. Там, прямо у входа, сел на маленькую каменную скамейку и стал смотреть то внутрь храма, то на серое, нетипичное для Иерусалима, небо, то на разноцветные древние камни, усыпанные мельчайшими трещинками и прожилками.

Из глубины храма в зал вышла Людмила Петровна. Остановилась подле Камня помазания, встала на колени, перекрестилась и прикоснулась к нему губами. Положила на теплый камень руку, минуты две провела молча, недвижно. Потом встала и ушла.

Затем туда же вышла Даша. На колени она не вставала и не крестилась. Но, судя по тому, как шевелились ее губы, Даша тоже о чем-то просила Бога. И Ефим догадывался — о чем.

Свои крестики положил на Камень и вышедший чуть позже Агуреев. Он был спокоен и печален.

Да почти все пассажиры "Океанской Звезды" неуловимо изменялись, подходя к очередной святыне. Они как будто становились светлее и духовно чище.

Вдруг где-то за стенами Старого города, но совсем неподалеку, метрах в трехстах, раздался громкий резкий хлопок. Задребезжали стекла, а еще через мгновение по всему городу завывали, растревоженные ударной волной, сирены автомобильных сигнализаций.

— Взорвался очередной урод, — здесь же, во дворе храма, нехотя и негромко ответил на вопрос Ефима немолодой араб, которому только что позвонили на мобильный телефон. — На автобусной остановке. Убил себя и женщину.

...Они проехали в автобусе прямо мимо места происшествия. Улица была оцеплена, полиция отгоняла журналистов: израильтяне не разрешали снимать человеческое горе. Ефим сидел у окна и за пять секунд, что медленно проезжали перекресток, успел разглядеть все: стоявшие белые кареты "Скорой помощи" с синими сверкающими "мигалками", желто-красные ленты, опоясывающие место взрыва, и на черном мокром асфальте — два прикрытых простынями трупы. Все раненые уже были в салонах микроавтобусов, и им, видимо, оказывалась помощь.

На протяжении следующих десяти километров сменялись другие, тоже типичные картинки: из легковушек и микроавтобусов высаживали арабов-палестинцев. Обыскивали. Проверяли документы.

Они стояли под дождем, дожидаясь своей очереди к офицеру, напряженные и испуганно-злые. Обычная картина...

Экскурсовод больше не произнес ни слова. Он сидел впереди, и, если немного выгнуть шею, Ефим мог видеть его уставшее и печальное лицо. Алек Раппопорт, человек мира, явно опередил свое время.

На обратном пути остановку сделали снова в Абу-Гош. Ресторан почему-то весь был посвящен памяти Элвиса Пресли. Здесь были плакаты с его изображением, театральные афиши, кружки, майки. Продавалось все, на что можно было нанести его характерный портрет.

Но туристов более интересовали кофе и бутерброды.

За столиком сидели Агуреев и Ефим. Мильштейн сел отдельно.

Неожиданно дверь отворилась, хотя больше автобусов не подъезжало, и в стеклянном проходе показался Моше Кацнель. Его характерная фигура заняла весь проем.

Он огляделся и сразу направился к Агурееву. Без разрешения, лишь улыбнувшись, присел за их столик.

— Привет, мужики, — поздоровался он.

— Здорово, коли не шутишь, — ответил Агуреев.

— Не передумали? — не стал тратить время на вводные майор.

— Нет, — коротко ответил Николай.

— Боюсь, вы недооцениваете опасность, — сухо сказал Кацнель. — Это — бешеные собаки. Я не знаю, в чем тут дело, но уверен, что вы в опасности. Вокруг вас поднята волна, говорю точно. Подумайте, ребята.

— Миш, какие опасности на туристическом пароходе? — миролюбиво произнес Агуреев. — Это у вас вот опасности, — вздохнул он.

Кацнель помрачнел.

— "У вас" — не то слово. Правильно говорить — "у нас". Скоро это поймут все. Очень жаль, что вы отказываетесь от помощи.

— Сядь, Миш, — остановил Агуреев начавшего вставать майора. — Выпьем за упокой ваших. Не забыл традицию?

— Давай, — дрогнувшим голосом сказал Кацнель. Теперь было видно, что он чертовски устал. И наверняка уже побывал на месте подрыва, в очередной раз наблюдая работу этой адской мясорубки, которую всеми силами пытался остановить, а она все раскручивалась и раскручивалась.

Агуреев достал из кармана "чекушку" "кристалловской" — еще из Москвы — и налил по чуть-чуть каждому.

Выпили, не чокаясь.

Потом Кацнель еще долго о чем-то говорил с Семеном Евсеевичем, и, когда Николай отлучился в туалет, обменялся десятком фраз с Береславским. После чего попрощался и быстро вышел. Ожидавший его неприметный автомобиль, газанув явно форсированным мотором, мгновенно скрылся в серой дождевой пыли.

Весь путь до Тель-Авива прошел в молчании. Люди устали, некоторые дремали.

Теракт, конечно, испортил настроение всем. Но приобретенное в храме из душ не ушло.

В порту народ быстро прошел проходную и поднялся по трапу на теплоход. Лишь Агуреев подождал подзадержавшегося Мильштейна.

— Мойша, о чем трепался с их чекистом? — спросил он.

— Он выяснил мне про русский батальон, — ответил Семен.

— Ты это серьезно? — тихо проговорил Агуреев.

— Пока не знаю, — ответил тот. — Наверное, да.

— А я? Ты у меня один остался.

— Это меня и держит, — улыбнулся Мильштейн. — Ты да мама. Поздно ей уезжать.

— А тебе не поздно? — мягко спросил Николай.

— Я с Леркой не хочу там оставаться, — вдруг вырвалось у Семена. — Это какая-то подлая война. Здесь — честнее: понятно, кто враг. Она сломала меня.

— В вине Лерки я не уверен, — сказал Агуреев. Мильштейн нервно дернулся. Николай положил руку ему на плечо. — Нам с тобой так нельзя, Сем. Нельзя нам ломаться. За нами чужие души.

— Я понимаю, — ответил Мильштейн. — Я ж не вешаю.

— Этого только не хватало. — Николай трижды суеверно сплюнул и взял маленького Семена за руку. Тот покорно подчинился.

■ *31 — Двадцать четвертый день плавания*

■ *п/х "Океанская Звезда".*

■ *Международный аэропорт "Бен-Гурион",*

■ *Израиль, Вечер*

Мильштейн быстро нашел стойку, где регистрировали его рейс. Людей в аэропорту было мало, не то, что раньше, когда очередь на жесткий контроль-досмотр лентой вилась между специальных стоек, расставленных так, что образовывались длинные и узкие коридорчики.

Долго ждать Семену не придется: самолет у них предполагался маленький, и тот наверняка будет полупустым. Он устроился на удобном мягком диванчике, ожидая, когда диктор объявит московский рейс. А на свободное место рядом с ним опустилась массивная фигура Кацнеля.

Семен наблюдал за ним уже минут двадцать, но ждал, пока майор начнет разговор сам.

— Улетаете? — спросил тот.

— Да, — односложно ответил Мильштейн.

— Когда вернетесь?

— А почему вы считаете, что я вернусь? — усмехнулся Семен.

— В тактическом или стратегическом плане? — теперь уже усмехнулся Кацнель, почему-то больно задев этим Семена.

— Объяснитесь в обоих, — буркнул он.

— В тактическом — потому что угроза не снята. Вы же не стали сотрудничать с нами! Теплоход под прицелом. Поскольку вы это понимаете, бросить друзей не сможете. Отход — завтра в ночь. Значит — завтра днем вы сюда вернетесь.

— Это индукция или дедукция? — пробурчал раздраженный Мильштейн. — Я, когда читал Конан-Дойля, вечно путался.

— Я тоже, — улыбнулся Кацнель. — Продолжить про стратегические причины?

— Валяйте, — согласился Семен.

— Здесь все проще. И, как ни странно, глубже. Вы исчерпали набор причин, которые держали вас там. В ближайшие дни ваша главная на сегодня война закончится. Проблема так или иначе разрешится. С потерями или без — но разрешится. Наступит мирная жизнь.

— Это плохо? — спросил Семен.

— Это замечательно, — ответил Кацнель. — Для всех, кроме вас лично. Вы — порождение войны, — вдруг серьезно и печально сказал майор. — Я на своей работе случайно. Я так боялся за своих детей, что не мог жить спокойно под чужой охраной. Мне обязательно надо было участвовать в этом самому. А у вас — другой случай.

— “По жизни” — убийца? — тихо спросил Мильштейн.

— Упаси Бог, — отмахнулся майор. — Нет, конечно. Вы хороший человек и без причины, серьезной причины, не обидите и мухи. Просто вы — жертва военного сознания.

— Думаете, “военный синдром” не лечится? — спросил Семен.

— Как правило, нет, — спокойно ответил Моше-Миша. — Единственный дискутируемый вопрос — в какую сторону вы его направите.

Майор вдруг встал и, не попрощавшись, медленно пошел к выходу. Пройдя метра два, обернулся и спросил:

— Может, позвоните нам завтра, когда вернетесь? Риск значительно уменьшится.

Семен отрицательно качнул головой.

Майор торопливо зашагал к выходу.

— 32: Кунцево, Москва.

— Ночь

Через шесть часов Семен уже был у цели. Операцию он разработал собственноручно и контролировать ее тоже хотел лично.

Его “мицубиси” стоял в двух кварталах от дома Валерии Сергеевой, хотя из аэропорта он приехал на другой машине, а до своего бронированного “галанта” вообще шел пешком, не доехав четырех кварталов.

Водителя в “галанте” пока не было, он появится лишь через полчаса, несмотря на то, что машину сюда поставил именно он. Водитель абсолютно надежный человек, но, тем не менее, даже если бы захотел, при таком раскладе не смог бы свидетельствовать против шефа.

Подобные сверхмеры предосторожности означали только одно: Мильштейн отменил все приказы и запреты своего начальника Агуреева и единолично принял очень серьезные решения.

Не о судьбе Лерки, нет. А о прекращении ситуации, когда из непонятно чего возникали постоянные угрозы для существования его последнего друга. При такой постановке проблемы он считал для себя возможным нарушить любые приказы.

Через десять минут все станет ясно.

Два дня назад Лерка была предупреждена, что Семен придет к ней с исключительно конфиденциальным разговором. Он будет один, и информация о его приходе не должна достигнуть ничьих ушей. Лерка даже обиделась слегка — кому она, мол, может об этом докладывать?

Вот очень скоро и узнаем — может ли она докладывать. И если — да, то — кому.

Семен нажал кнопку на дорожке рации — цена определялась наличием встроеного скрэмплера, с помощью которого разговор могли разобрать только двое: говорящий и слушающий. Теоретически — могли бы разобраться и спецслужбы, но Мильштейн был абсолютно убежден, что попал в водоворот криминальных, а не политических "разборок".

— "Пятый", как слышишь? — спросил Семен в микрофон.

— Слышу, — немедленно отозвался "пятый".

На самом деле, их было не пятеро, а только двое. И таких высокооплачиваемых, что на пятерых подобных у княжны, пожалуй, и денег бы не хватило. Мильштейн и так удивил ее запрашиваемой суммой. Если бы не жесткий приказ Агурева — выдавать Семену любые деньги по его первому требованию, — Ева наверняка "задробила" бы эту трату. Что-что, а директором она была хорошим. Даже Мильштейн, искренне не любивший агуревскую жену, вынужден был это признать.

А тут — только неприязненно поморщилась и подозрительно посмотрела на просителя. После чего — выдала. "Зелеными", без расписок, как и просил.

Треть суммы уже была отдана. Два этих парня работали так давно, что пережили всех, с кем начинали. На них охотились и друзья жертв, и многие заказчики — кому понравится, когда свидетели твоих преступлений гуляют по белу свету?

С Мильштейном их свел общий знакомый. Задачу Семен поставил следующую: зайти за десять минут до него самого в неохранный подъезд леркиного дома и убедиться в отсутствии там неприятных людей. Семен был уверен, что если Лерка предаст, то ждать его будут именно в подъезде, а не в квартире. И именно на входе, а не на выходе.

Сначала он хотел все сделать сам. Но потом решил, что, если его убьют, это будет несправедливо по отношению к Агуреву: без Мойши его деньги тоже будут сочтены — убрать Лерку у Коли не хватит мужества. Опять будет искать ей оправдания до самой собственной смерти.

Так вот, треть суммы была отдана специалистам безвозвратно. Если подъезд чист, они получают деньги только за то, что Валерия Сергеева — не убийца. К ней останутся, конечно, более чем серьезные вопросы — и про "Глобал Кэпитл", и, самое неприятное, про дайверскую экскурсию к затонувшему итальянскому эсминцу. Но, может, как-нибудь выкрутится, она — дама ловкая.

А вот если в подъезде в назначенный час Семена будут ожидать киллеры — здесь ей вряд ли удастся отвертеться.

В этом, собственно, и был весь план Мильштейна.

Соответственно, две трети денег уйдут к спецам только в том случае, если им удастся обнаружить и нейтрализовать киллеров.

"Пятый" отозвался и ничего тревожного не сказал. Значит, "третий" рядом с ним, и они готовы к работе.

— “Пятый”, действуйте, — приказал Мильштейн.

— Ладно, — ответил исполнитель, и Семен нажал кнопку отбоя.

Странно, но семь последующих минут он думал вовсе не о деле. Перед глазами во всей красе почему-то предстала Ира — девушка, “отправившая” его на войну и до сих пор не ушедшая из сердца. Хоть и без прежней остроты, но все равно щемило при воспоминании. “Может, позвонить?” — вяло подумал Мойша. За пятнадцать лет взгляды меняются.

Нет, не позвонит. Он же понимает, что его сердце щемит от той, отвергнувшей его Ирочки. А как он относится к сегодняшней — он просто не знает.

Потом подумал о маме.

Потом о себе. Если все закончится хорошо, и они с Агуреевым останутся живы, что ему делать в “Четверке”? Получать заслуженную пенсию?

Вряд ли будут еще подобные ситуации. Кроме того, ему вовсе не улыбалось получать деньги из рук княжны. А то, что она умелый и талантливый администратор, было очевидно. И в отсутствие Князя и Вильки наверняка станет одним из первых лиц холдинга.

Нет, это не вариант. Так, может, русский батальон? Эта мысль все чаще приходила в голову Мойши и все неохотнее ее покидала. Уж слишком приятна — и сладка! — прекрасная простота диспозиции: здесь — ты, здесь — враг. За его спиной — деньги, за твоей — дети. При такой диспозиции, во-первых, не страшно умереть, а во-вторых — приятно жить. Потому что жизнь становится осмысленной и оправданной, а это, по большому счету, и есть счастье.

— Седьмой”, — возник из рации синтезированный демодулятором голос. — Два “серых” на месте, один в машине. Что дальше?

— Мягкий вариант, — после короткой — очень короткой — паузы сказал Семен. Нанятые им люди полностью отработали затребованные деньги.

Все прояснилось.

Его ждут. Ждут по-максимуму.

Мягкий вариант — это вовсе не всепрощение. Просто киллеров не будут пытаться пристрелять, не допрашивать, и отвезут подальше от места событий.

А какой смысл в допросах? Заказчик опять окажется из какой-нибудь Боливии. Да и “в живую” брать этих подонков гораздо опаснее, чем сделать два быстрых бесшумных выстрела. Вряд ли возникнут трудности: они же Мильштейна ждали, а не своей смерти.

Очередное донесение поступило через четыре минуты двенадцать секунд — теперь Мильштейн думал не о смысле жизни, а только о движении секундной стрелки своего “Брейтлинга”.

Донесение было коротким.

— Все чисто, — сказал голос. И отключился.

Мильштейн вылез из машины. Свои деньги наемники получат завтра. А сегодня у Мойши осталась работа, на которую не наймешь ни за какие деньги. Ее придется выполнять самому.

Лерка открыла дверь сразу, даже не спросив “кто там?”. На дорогом, из мягкой ткани, цветастом халате были растегнуты две верхние перламутровые пуговицы.

— Ждешь, что ли, кого? — подозрительно спросил Мильштейн, почему-то подумав о ее жирном партайгеноссе. Его визит никак не входил в планы Семена.

— Тебя-а... — удивленно и даже обиженно протянула Лерка. — Я двум мужчинам сразу не назначаю, — игриво добавила она.

"Лопухнулся", — подумал про себя Мильштейн. Конечно, она ждала его. Она и двое умников в подъезде.

Они прошли в комнату, полугостиную-полуспальную. Кровать, застеленная роскошным шелковым бельем и покрывалами, была эротично "недоприбрана", намекая на открывающиеся возможности. А на столе, слишком большом для спальни комнаты и маленьком — для гостиной, стояла початая бутылка "Хеннеси".

— Хочешь? — спросила Лерка.

— Нет, — качнул головой Мильштейн.

— А я хочу, — сказала женщина и одним движением налила себе половину довольно большой рюмки.

"Да она уже здорово набралась", — только сейчас догадался Семен. Это плохо. С пьяной беседы может и не получиться.

Но он недооценил боевой подруги. Выпила Валерия Ивановна, конечно, немало, однако голова работала четко.

— С чем пришел, Сенечка? — ласково спросила она, присев на кровать так, что не только грудь, но и стройные ноги оказались в пределах досягаемости Мойшиного взора.

Мильштейну вдруг нестерпимо захотелось присесть рядом с Леркой. И даже — не только присесть. Она была его первой женщиной, а такое мужчины не забывают.

Но — не присел. Наоборот, отодвинулся. Потому что цель его сегодняшнего визита была совершенно иная. И от ее достижения зависела не только его жизнь.

— Тут меня убить хотели, — пожаловался он Лерке.

— Да что ты! — ужаснулась та. Даже рюмку недопитую на стол поставила. Правда, аккуратно. Нервы хорошие. — Когда?

— Да минут десять назад, — беспечно махнул рукой Семен. — В подъезде твоём.

— О, Господи! — охнула Лерка и почему-то прикрыла обнаженные ноги. — В моем подъезде?

— Ага, — подтвердил Мильштейн. — В твоём.

— А они сюда не придут?

— Нет.

— Откуда ты знаешь?

— Они уже мертвые, — отмахнулся Сергей.

— Надо же, в моем подъезде! — прошептала Лера.

— Вот именно, — с готовностью подтвердил Семен. — В твоём. Как раз перед моим приходом. О котором знала только ты.

Лерка на мгновение замерла.

— Ты что говоришь, Мойша? Это я, что ли, тебя "заказала"?

— Ты никому не говорила о моем приходе? — спросил Семен.

— Нет, — твердо ответила Лерка. — Ты же меня предупредил.

— Вот видишь, — печально проговорил Мильштейн. — А звонил я тебе из автомата. Может, твой телефон на "прослушке"? — подбросил он ей спасительную нить.

Но та не стала за нее цепляться.

— Смеешься? Кому я нужна со своими процентами?

— Вот именно, — горько подытожил Мильштейн. — Тем более, что проценты твои уже проданы "Глобалу". Ты бумаги-то подписала?

Лерка мгновенно побелела.

— А что мне оставалось делать? — вдруг визгливо закричала она. — Ждать, пока вас всех перестреляют? Вы все такие крутые! А что я потом буду делать, нищая? — она заплакала. — Лучше б не было этих денег! Жила же раньше! Жила бы себе, и жила. Но попробуй после этого, — она рукой показала на дорого и со вкусом обставленную комнату, — попробуй-ка опять в общагу! Попробуй в медсестры! С нянькинской подработкой! Уколы да горшки! Ты смог бы так жить?

— Не знаю, — задумчиво ответил Мильштейн. Ситуация постепенно прояснялась, но это нисколько его не радовало. — А с дайвингом как получилось? — вкрадчиво спросил он.

— С каким дайвингом? — непонимающе спросила Лерка. И тут же добавила: — Да я слова такого не знаю.

— Не знаешь, значит. Четыре занятия прошла, а слова не знаешь.

— Что ты меня путаешь, Мойша? — заплакала Лерка. — Я на занятия ходила из-за Леньки. Он моложе меня на семнадцать лет, вот и хотела удержать.

— Удержала? — зачем-то спросил Мильштейн.

— Нет, — ответила та. И вновь закричала: — А тебе какое дело? Что ты мне в душу лезешь, Мойша?

— Это важно, — спокойно ответил тот. — Значит, слово "дайвинг" все-таки знаешь. — Лерка не ответила. — А про итальянский эсминец затонувший — не знаешь?

— Нет, не знаю.

— И мэйл с координатами не получала?

— Не получала. — Лерка налила полную рюмку "Хеннеси" и одним махом опрокинула себе в рот.

Ее прическа разметалась, тени "съехали" из-за слез, помада размазалась: теперь она вызывала у Мильштейна гораздо меньше нескромных желаний. И главное — стало очевидным, что врать Лерка будет до самого конца. А значит — не надо его оттягивать.

Мильштейн бросил на стол пачку бумаг.

— Что это? — равнодушно спросила успокоившаяся Валерия Ивановна.

— Распечатки твоих переговоров, — ответил Семен.

— Наплевать, — сказала она, рукой отодвинув бумаги. — Что еще?

— Еще Князь. Еще Равиль.

— Их тоже я убила?

— Ты наняла, — ответил Мильштейн. — Меня интересует — с кем. Сомневаюсь, что ты все сделала сама.

— Вы всегда во мне сомневались, — пьяно усмехнулась Лерка. — Вы всегда меня недооценивали. Видели только тело, — она распахнула халат, что в нынешних обстоятельствах уже не казалось сексуальным. — А вот теперь, оказывается, я — коварная заговорщица. Так, Мойша?

— Выходит, так, — нехотя откликнулся Мильштейн. — И с Испанией ты общалась. И мэйлы с твоего компьютера уходили странные. А ты вот ни о чем не знаешь.

— Ты пришел убить меня, Мойша? — устало спросила Лерка. — Так убивай.

— Нет, — ответил Семен и выложил на стол маленький черный браунинг.

— Зачем это? — Сергеева отшатнулась от оружия, как от паука или жабы.

— Не смотри, что он маленький, — спокойно объяснил Мильштейн. — Пули — девять миллиметров. Смерть сразу.

— Мне не страшно, — сказала женщина. — Я уже устала бояться.

— В нем один патрон, — монотонно продолжал Семен. — Можешь взять и пальнуть. Хочешь — в себя. Хочешь — в меня. Эффект гарантирован.

Лерка взяла пистолет в руки.

— Не бойшься, Мойша? — Она, пьяно улыбаясь, прицелилась ему в лицо.

— Есть немного, — сказал он, не отводя глаз. — Но мне тоже надоела эта история.

— Я в тебя пальну, — рассмеялась женщина, — патрон холостой, зато докажу свою вину, так? Ты всегда был хитрым, Мойша.

— Патрон не холостой, — твердо произнес Мильштейн.

Женщина, не выпуская из руки оружия, пристально всмотрелась Семену в глаза.

— Значит, раз — и все?

— Именно так, — подтвердил он.

— Ты меня убедил. — Лера налила рюмку до краев и опрокинула ее себе в рот. Потом навела ствол прямо в голову Мильштейну.

Он не выдержал и закрыл глаза. В любом случае Агуреев будет спасен.

— Прощай, Семочка, — нетвердым голосом произнесла Лерка. — Встретимся наверху.

Выстрел прозвучал не слишком громко.

Через минуту — не меньше — Мильштейн понял, что жив, и открыл глаза.

Лерка лежала на кровати, свесившиеся ноги по-прежнему доставали до пола.

Глаза, видно, как и Мильштейн, закрыла перед выстрелом. Рот полуоткрыт.

Браунинг так и оставался в ее начавшей коченеть руке. Из-под левой груди по простреленному халату медленно стекала кровь.

Семен поднялся со стула. Пересилив себя, сделал шаг к Лерке. Дотронулся тыльной стороной пальцев до ее шеи. Пульса не было.

Он аккуратно, как заведенная кукла, собрал выложенные на стол бумаги, потер платком места, за которые мог случайно схватиться, и, не оглядываясь, покинул квартиру.

На улице все было спокойно. С пришедшими по его душу киллерами расправились профессионально, практически не оставив следов. Выстрел из Леркиной квартиры тоже вряд ли кто-то услышал.

Все опасности остались позади.

У "мицубиси" уже ждал водитель.

— Куда поедет, Семен Евсеевич?

Мильштейн молча махнул рукой — уходи. Водитель не обиделся, своего шефа он не просто уважал, почти боготворил. Вылез из-за руля, попрощался и пошел в сторону метро.

Семен сел в машину, завел, но ехать сразу не смог, хотя стоять здесь уже не надо было. Однако сосредоточиться сразу не сумел. Слезы застилали глаза, а на душе так темно, как никогда до этого.

Еще через четыре часа Семен Мильштейн уже регистрировал билет на утренний рейс в Тель-Авив: запущенная машина со смертью Лерки вряд ли остановится сразу ...

— 33 — Двадцать шестой день плавания

— т/х "Океанская Звезда".

— Двадцать миль от берега.

— Траверз границы сектора Газа и Египта

Ярко освещенная и заливаемая музыкой, звучащей из многочисленных громкоговорителей, "Океанская Звезда" казалась "Титаником", неторопливо идущим к месту собственной гибели. Даже не "Титаником", а "Летучим Голландцем": палубы теплохода были совершенно пусты, равно как и многочисленные бары, салоны, залы.

Из туристов на борту остались лишь Даша с Людмилой Петровной, категорически отказавшиеся покидать "Океанскую Звезду", да еще Ефим Аркадьевич, считавший себя вправе присутствовать при развязке драмы, в постановке которой принимал участие.

А ожидалась именно драма.

Три ящика-контейнера по-прежнему торчали на баке судна, правда, уже без своего смертоносного содержимого, давно упокоившегося на дне морском — так, по крайней мере, объяснил Ефиму Агуреев. Да и всем остальным посвященным было ясно, что за "посылкой" наверняка придут.

А непосвященных на борту не осталось: чтобы не рисковать жизнями туристов, им было предложено двухдневное путешествие по Израилю. Разумеется, снова за счет "Четверки".

На этот раз компания-организатор реально потрянула мощной. Комфортабельные автобусы повезли путешественников через всю страну: сначала на Мертвое море, потом — в Эйлат. Там им предстояло омовение в субтропическом Красном море, после чего, уже утром, их должны были доставить в Порт-Саид, на последнюю стоянку "Океанской Звезды" в этом явно затянувшемся рейсе.

Все оставшиеся были уверены, что ближайшей или следующей ночью что-то произойдет. Ну, не в Питер же собирались везти устаревшее оружие неведомые злоумышленники?

Николай понимал, что это — "вброс втемную": ничего не подозревающий экипаж провозил в "горячую" зону запретный груз, а здесь его каким-то образом — скорее всего, силовым, — с судна собирались снять.

Береславский в своих предположениях пошел еще дальше. Он связал с грузом покушения на директоров "Четверки". По его мнению, на них охотились отнюдь не террористы. Хотя и близкие им люди. Они просто использовали боевиков в своих целях. Ефим считал, что оружие — плата террористам-исполнителям за смерть Агуреева и его друзей. Так что если на борту появятся незваные гости, их целью могла оказаться не только перегрузка контейнеров...

Агуреев выслушал друга молча, хмыкнул и задумался. Результатом его раздумий и явилась вышеописанная акция по дополнительному развлечению отдыхающих на "Океанской Звезде". На разумные доводы Ефима о привлечении наших спецслужб или израильского сибиряка Михаила-Моше, Агуреев ответил категорическим отказом.

Бывший офицер, на своей шкуре испытавший развал армии, не верил в оперативность сегодняшних "своих" и не желал обращаться за помощью к "своим" вчерашним. Кроме того, он очень хотел лично рассчитывать с подонками, став, наконец, охотником, а не дичью. За команду теплохода Николай особо не беспокоился: мужики здесь были весьма тертые и много повидавшие. А женщины получили строжайший приказ носа из каюты после 23. 00 не высовывать: от причала тельавивского порта "Океанская Звезда" отошла в девять часов вечера.

Лайнер уверенно разрезал море. Берега давно не было видно, разве что иногда отблеск далекого мощного маяка доставал глаз наблюдателя.

Ефима била нервная дрожь. Все же, в отличие от Агуреева, он был обычным мирным "шпаком", гражданским, и его храбрость, как правило, обосновывалась либо сильным гневом, либо сильным испугом. Поэтому Ефим Аркадьевич Береславский откровенно трусил. Места себе не находил: то пытался читать, то мерил шагами длинные пустые коридоры теплохода. Но это потустороннее зрелище действовало на Береславского еще хуже.

Самое же неприятное, что налет мог состояться и в следующую ночь. А где же на столько часов набрать не лопнувших нервов?

Несмотря на страх, Ефим не жалел, что остался: оставь он судно вместе с туристами, потом бы не смог спать спокойно не одну ночь, а весь остаток жизни. Особенно после того, как покинуть "Океанскую Звезду" категорически отказались и Даша, и бабушка Евстигнеева. Так что здесь у него просто не было выбора.

Но и успокоиться не мог. Хотел даже выпить успокоительные таблетки, однако в последний момент передумал: если все-таки придется действовать, возможность быстро сообразать будет дорогого стоить.

Он зашел в каюту, сел на диван. Сволочи! И не так уж хорош план Агуреева. Он считает, что "те" вблизи израильского или египетского берега побоятся применять грубую силу: экипаж может вызвать подмогу, а им еще надо лебедками перегружать контейнеры.

Похоже на правду, потому что — логично. Но, к сожалению, логика террора очень часто оказывается иррациональной. И, кроме того, по версии самого Ефима, им еще надо "отработать" груз, убив Агуреева. В простое совпадение охоты на "Четверку" и контрабанды устаревших ракет он не верил абсолютно.

Ефим потерял виски, решая, что делать дальше: то ли бродить привидением по судну, то ли все-таки чуток поспать. Решив прилечь, взглянул на часы. Местное время подходило к двум ночи.

Он прилег, не снимая брюк и даже ботинок. Но не успела голова коснуться подушки, как, зашипев, ожил динамик внутренней корабельной трансляции.

Абсолютно спокойный голос Агуреева произнес:

— Внимание экипажу. Муса, Алеха, Иван — по местам. Несущим вахту с мест не отходить. Остальным — запереть каюты и ждать дальнейших распоряжений.

Произнесено все это было безо всякой аффектации, но приказ повторялся трижды. Себя при этом Агуреев не называл.

"Ну, вот, — подумал, вскакивая, Ефим. — Началось". Еще он подумал о том, что хоть и противно ждать опасности, но умирать все же лучше попозже.

Зато — куда-то исчез страх. Настолько исчез, что Береславский брезгливо отпихнул ногой спасательный жилет, к которому обычно относился гораздо более уважительно. Он был уверен, что под дулами вражеских автоматов тонуть ему вряд ли придется.

И быстрым шагом пошел наверх.

А "гости" уже высаживались на судно по предупредительно спущенному узкому трапу. Их было пятеро, и, кстати, ни один из них не был вооружен автоматом.

Все были в военной форме — из-за темноты Ефим не смог разглядеть, какой. Поднимались спокойно, уверенно, хотя встречало их большее количество людей: капитан судна, Алеха, Муса — все трое в морской форме — и Ефим. Поодаль держались две дамы, старая и молодая, Людмила Петровна и Даша.

Зато среди встречающих не было Агуреева.

"Правильно", — подумал Ефим. Случись что с ним, бой без командира выиграть будет непросто. Но все равно в животе засосало. Будь рядом здоровенный рызалец, было бы не так страшно.

— Чем обязаны? — спросил капитан по-английски, когда первые трое — крепкие, смуглые, подтянутые, со сверкающими в ярком свете фонарей белками черных глаз — вступили на деревянный пол пассажирской палубы.

— Объединенная межгосударственная полиция. — Ответ неожиданно прозвучал на хорошем русском, слегка украинизированном фрикативным "г". Это сказал четвертый, довольно бандитского вида араб, освобождая место замешкавшемуся последнему. Ефим мысленно назвал его "махновцем".

Ему стало чуть спокойнее. Ни в какую полицию он не верил. Но раз в ход пошло прикрытие, значит, стрельбы не будет. По крайней мере, сначала.

— А что это такое? — мирно спросил он.

— А кто вы такой? — получил в ответ.

— Я — журналист. Известный, — почему-то добавил Ефим. — Описываю круиз для крупной газеты.

— Вам бы лучше уйти в каюту, — сразу потерял интерес "махновец". И что-то объяснил соратникам на арабском.

— Я тоже не слышал про объединенную полицию, — спокойно произнес капитан.

— Это новое правоохранительное учреждение, — вежливо объяснил "махновец". — Типа "Интерпола". — Он протянул документы. — Мы легитимны в Израиле, Иордании и Египте.

— Хорошо, — согласился моряк. — Что вас привело к нам?

— У нас есть информация, — взял быка за рога гость, — что вы везете оружие. Мы собираемся его изъять.

Тут только Ефим обратил внимание на то, что рядом с судном, буквально метрах в ста, на слабых волнах прыгает катерок со стационарным мотором и грозно выглядывающим стволом пулемета. Именно с него приплыли гости. Их резиновая моторка, скорее всего, привязана к трапу.

А в пяти-семи кабельтовых по правому борту стояло сразу два судна: одно — повернутая носом к "Звезде", красивая, расцвеченная огнями, океанская яхта, второе — довольно уродливый малотоннажный "каботажник", короткий и широколопый.

— Я — капитан, — веско сказал моряк. — Я отвечаю за судно. Оружия на борту нет.

— Оружие — есть. "Махновец" довольно бесцеремонно отодвинул капитана и сразу взял направление на нос "Океанской Звезды". — Но отвечаете за него не вы, а хозяин судна. Господин Агуреев. Где, кстати, он?

— Не знаю, — ответил капитан, следуя за пришельцами. — Наверное, в своей каюте.

Замыкали процессию не пожелавшие уходить, несмотря на угрожающие жесты Ефима, Даша и Людмила Петровна.

Замысел стал понятным. Не унохай Хуссейн взрывчатку в контейнерах — даже капитан, прошедший более чем суровую жизненную школу, поверил бы "полицейским". А как не поверить, когда распаивают контейнер с навигационными приборами, а там — такое...

Но, к счастью, подлецам везет не всегда.

Поэтому, когда "полицейский", войдя на бак, предложил открыть контейнер и проводить еще двоих в каюту к Агурееву, никто не выказал ни малейшего неудовольствия.

Алеха, лениво почесывая прикрытую застиранной тельняшкой грудь, повел пару "полицейских" внутрь судна, "к хозяину груза". Трое остались у контейнеров.

— Открывайте, — приказал капитану "махновец".

— Сейчас принесут ключи.

— Ломайте, — не захотел ждать "полицейский".

— Минуту можете подождать? — возмутился капитан. — У вас что, горит?

— Минуту можем, — сбавил тон гость. Он до последней возможности хотел использовать удобную маскировку.

"Минута" растянулась на пять. Гости начали терять терпение.

— Все, — наконец сказал "махновец". — Время вышло. — И начал что-то быстро говорить в маленькую рацию "уоки-токи". Видно, ему не отвечали, потому что он заметно заволновался.

— Открывайте контейнер, — грубо обратился он к капитану, рукой указав на ближний.

— Чем? — спросил тот.

— Вон, ломиком. — "Махновец" впервые за время присутствия на судне достал из кобуры пистолет. Двое остальных незамедлительно сделали то же самое.

Капитан успел сделать лишь один шаг, как раздался усиленный мегафоном голос:

— Брось оружие и скажи своим! Вы все — на мушке!

В лица "полицейских" ударил яркий свет фонарей.

Выстрелить попытался лишь один. Но не успел. Пуля, выпущенная из темноты, попала ему точно в горло. "Махновец" что-то быстро сказал третьему, и тот аккуратно опустил пистолет на палубу. Сам он сделал то же самое.

Первому же вряд ли кто-нибудь смог бы помочь: кровь толчками вырывалась из пробитого горла. Даша смотрела с ужасом, схватившись за руку Евстигнеевой. Людмила Петровна оставалась совершенно спокойной.

— Вы понимаете, что делаете? — срывающимся от волнения голосом спросил "махновец". Он был, похоже, командиром группы высадки.

— Понимаем, — спокойно ответил капитан.

К ним уже подходили Алеха и ...Мильштейн! "Значит, наврал, что уехал!" — пронеслось в мозгу пораженного Ефима.

Агуреев же снова к месту действия не вышел. На этот раз — удивительное поведение. Неужто он болен? Или пьян?

Нет, не может быть. Ефим сам устыдился своим подозрениям.

— Сам-то откуда? — добродушно спросил маленький Мильштейн довольно рослого "махновца".

— Вы ранили полицейского! — возмущенно проговорил тот, но, чувствовалось, парень уже понял, что веселой прогулки не получилось.

— Мы его не ранили, — поправил парня Семен Евсеевич. — Мы его убили! — тут он заметил женщин: — Марш в каюты!

И, странное дело, обе, не споря, его послушались. Что-то, видно, было убедительное в Семене Евсеевиче Мильштейне. На Ефиме он тоже остановил взор, поморщился, но ничего не сказал.

— Где наши сотрудники? — заметно бледнея, спросил "их" командир.

— Одного зарезал Муса, другого — я, — честно признался Мойша. И улыбнулся.

— Вы с ума сошли, — прошептал тот.

— Спорим, вы — не полицейские? — Мильштейн никак не мог уйти от игривого тона. — Кстати, контейнеры пустые. — Он ключом открыл первый и продемонстрировал парню пустоту. — Так что померте вы, ребята, задарма.

— А... где же... — растерянно начал "махновец".

— В море. Зачем оно нам?

— Мы уходим. А вы ответите за произвол.

— Не баклань, — сказал Мойша. — Никуда вы не уйдете. Лезь в ящик!

— Что-о?!

— Что слышал.

Илюха и подоспевший Муса мгновенно скрутили обоих "полицейских" и завели их в ящик-контейнер. Во второй, открытый чуть позже, затащили два трупа и раненного в горло, который, похоже, умирал. Медицинскую помощь ему никто оказывать не собирался.

— Все здесь вымыть, — спокойно приказал Мильштейн. И зашел в контейнер к двум "пленным". Он был таким маленьким, что ему даже не пришлось сгибаться.

Еще Ефим отметил, что, перед тем как зайти в контейнер, Семен Евсеич отдал Мусе пистолет, а взамен взял небольшой нож и фонарик.

— Я пойду в рубку, — сказал капитан.

У контейнеров остались лишь Муса с Алехой и Береславский.

Минут пять было тихо, после чего темноту огласил заглушенный стенками контейнера крик. Даже не крик, а вопль. Вопль ужаса.

Береславского передернуло, Алеха с Мусой не отреагировали никак.

Раздался еще один вопль, потом — жалобные стоны-причитания. Слов было не разобрать, но Ефим уже знал, что никогда не забудет ни этой ночи, ни этих стонов.

И еще: месть была справедливой. Но вовсе не сладостной.

Наконец Семен вышел. Обтер руки поданным Мусой полотенцем.

— Они ничего не знают, — мрачно сказал он. — Ни-че-го. Пешки.

— Что с ними делать? — спросил Алеха.

— Топи контейнеры, — приказал Семен Евсеевич.

Катер дал пулеметную очередь, как только включили лебедку и накинули гаки на специально приваренные кольца.

Пули затрещали между железа, выбивая хорошо видимые искры.

— Ложись! — громко крикнул Алеха и тут же застонал, неловко упав на внезапно подломившуюся правую ногу.

Ефим мгновенно бросился на землю, в итоге отделавшись лишь рикошетной царапиной на толстой щеке: катер был гораздо ниже судна, и пули могли нанести вред, лишь отскочив от какой-нибудь преграды.

Муса тоже упал сразу после начала стрельбы, но потом ловко подполз к Алехе и, прикрываясь палубным оборудованием, потащил раненого к надстройкам.

А Береславский не мог поднять головы от страха. Ему казалось, что каждая следующая пуля летит прямо в него.

Стрельба прекратилась так же внезапно, как началась. Ефим, не сразу поверив в тишину, неуклюже, на четвереньках, подполз к борту и осторожно выглянул из за толстой железяки.

Катерка с грозным пулеметом больше не было. По воде расплзлось хорошо видимое в электрических отсветах разноцветное пятно, и плавали мелкие обломки.

“Как они его?” — недоумевал Ефим. Он никак не мог понять, что Агуреев сделал с катером. Но практически не сомневался в том, что это сделал именно Агуреев.

Однако “войнушка” еще не закончилась. С кормы “Океанской Звезды”, оставляя огненный след, вылетело две кометы с небольшой черной головой-ядром. Третья стартовала примерно с середины судна, с технической палубы.

В “каботажник” попала только одна. Зато взрыв был сильный, а после того, как все обломки, подброшенные вверх, упали на палубу и в воду, стало ясно, что маленький “транспортник” горит.

Мирный российский лайнер изверг из себя еще один залп, но теперь ни одна “Малютка” — а это были именно они — не прошла мимо цели: видно, наводчики поняли, как это делается. Правда, один из стрелков был, похоже, научен задолго до сегодняшних стрельб.

Второй залп дал впечатляющие результаты: “каботажник” затянулся сизым дымом, сквозь который пробивались веселые языки пламени.

Но это была еще не победа. Яхта начала быстро разворачиваться, и на ее подсвеченной корме, после того как матросы раскидали тряпье и картон, Ефим даже без бинокля разглядел спаренную пушку!

— “Зушка”, мать твою! — агуреевским голосом грянуло прямо над ухом Берславского.

— Что такое “зушка”? — спросил Ефим. С приходом Агуреева страх стал пропадать.

— Сейчас узнаешь, — зло рассмеялся Николай. — Ракет у нас больше нету! Говорил, надо еще оставить! Быстро вниз! Корабль они не утопят, но палубы подметут!

Ефима не надо было упрашивать дважды. Вприпрыжку, как заяц, он помчался внутрь, скача по трапам так, как никогда в жизни еще не бегал.

Поэтому не увидел самого главного и интересного.

Яхта не сделала ни одного залпа из оружия, которым в свое время Николай Агуреев заработал свой первый орден. Стрельбы не было вовсе не потому, что обитатели яхты решили не увеличивать количество жертв. Нет, конечно. Весь их бизнес строится именно на увеличении количества жертв, и вряд ли они стали бы его менять из-за такой мелочи, как наличие на пароходе штатского экипажа.

Так что пушку навели, зарядили и без малого — пальнули.

А этим “малым” оказались один вертолет и три катера. Первую очередь дал как раз вертолет. Его пулемета хватило на то, чтобы расшугать обслугу “зушки”.

А вот когда подоспели три катера — низкий рокот их моторов перекрыл даже гул вертолета — и дали залп из скорострельных шестиствольных пушек, тут уж мало не показалось.

Капитан яхты открытым текстом попросил пощады, а его час назад элегантное судно, сейчас, изрешеченное, годилось только для свалки.

После скоротечного боя место сражения выглядело так: катер, использованный для высадки группы десанта, более не существовал. “Каботажник” еще напоминал о себе огнем и дымом, но тоже медленно тонул. Немногочисленная команда болталась в теплой воде, поддерживаемая спасжилетами, ее уже подбирали израильтяне.

Яхта же, хоть тонуть и не собиралась, но, как боевая единица, навсегда выбыла из состава ВМС террористической организации. Зря пропали денюжки.

На палубе же лайнера всю работу по уничтожению следов боестолкновения. Контейнеры были затоплены еще до прибытия патрульных катеров — Ефим очень надеялся, что пленные умерли до того, как ящики сбросили в воду. Палуба была тщательно вымыта, а раненный Алеха — срикошетившая мощная пуля раздробила ему сустав — надежно упрятан в одной из пустующих кают.

Через полчаса на борту появился большущий Миша Кацнель. Он некоторое время пытался выудить подробности из очевидцев, но не преуспел в этом. Покрутившись на "Звезде", Миша вынюхал все, что мог, — слишком мало для каких-либо реальных выводов. О чем-то пошушукавшись с Семеном Евсеичем, он покинул борт. Правда, уже перед трапом с удовольствием выпил с Агуреевым и Ефимом "отходную".

— Сразу видно нашего человека, — подмигнул Агуреев. — Не стал вякать, что на службе. Просто принял стакан.

— За упокой пил. Как же теперь не выпить за здоровье. Все же у него сегодня удача, — согласился Береславский. — Бандюков прикнукали, оружие в Газу не протащили. Мы — молодцы.

— Ты уж — молодец, — улыбнулся Николай. — Все же нам сегодня отчаянно повезло, — задумчиво продолжил он. — Я думал — хана, сейчас врежут! Ума не приложу, как они так вовремя подоспели? Миша как носом учуял. Неужели Евсеич взял-таки у него радиомаячок?

— Не-а, — спокойно ответил Береславский.

— И я так думаю, — согласился Николай. — Он бы мне точно сказал, субординацию знает.

— Нет, он не брал, — сказал Ефим. Его, после перенесенных катаклизмов, как он говорил, "пробило на жрачку", и Береславский шумно жевал огромный трехслойный бутерброд.

— А ты-то откуда знаешь? — спросил Агуреев. И вдруг лицо его перекопилось: — Ты... В Ларнаке?

— Не-а, — жуя, сознался Береславский. — На экскурсии, на обратном пути. В ресторанчике с Элвисом. В Абу-Гош. Ты как по радио про гостей объявил, я сразу нажал кнопку. — И оригинально оправдался: — На яхте же была твоя "зушка", а не моя. Почему я должен был подставлять свою задницу?

■■■■■ *34. Предпоследний день плавания т/х "Океанская Звезда".*

■■■■■ *Порт-Саид, Египет.*

■■■■■ *Вечер*

... Еще вчера казалось, что эта чертова железная коробка уже всем надоела, равно как и словно сошедшая с рекламного плаката бирюзовая средиземноморская водичка. А стоило показаться впереди Порт-Саиду — дошло вдруг до сердца, что это и в самом деле последние денечки на борту. И большинству стало-таки печально: уж слишком много приятных воспоминаний осталось у тех, кто поехал на "Океанской Звезде" путешествовать, а не прятаться от пули киллера.

Кстати, для полной точности изложения: водичка здесь была уже не бирюзовая, а скорее — желто-зеленая. И чем ближе к Африке — тем желтее. Нил, что ли, сказывался? Хотя до Нила было еще не близко. Гораздо ближе до Суэцкого канала, находящегося в прямой видимости.

В порт "Океанскую Звезду" не пустили: то ли глубины не позволяли, то ли причальные стенки были заняты. Такое случалось и раньше: в Лондоне так вообще сто-

яли посреди Темзы, до берега добирались на речном пароходике. В Вильфранше тоже стояли на рейде, используя корабельные катера в качестве бесплатного такси — они мотались между судном и портом раз в два часа. Здесь же было все по-другому.

Не прошло и часа после того, как из клюзов, громыхая толстенными цепями, поползли на грунт якоря, а к теплоходу уже был выстроен своеобразный понтонный мост. И не маленький — метров двести, как минимум! Основу моста составляли большие плоские лодки, поперек которых и был проложен ровный дощатый настил. Даже перила не забыли, чтоб загулявший на берегу турист не свалился в мутноватую в этих местах воду.

Но экзотика только начиналась. По обоим бокам импровизированного моста мгновенно отшвартовались большие, цветисто разукрашенные лодки — настоящие плавучие магазины. Туристы вышли на берег, когда уже стемнело, и ярко освещенные плавучие “павильоны” создавали вид просто-таки феерический.

Здесь продавалось все: от китайских фонариков до “древних” папирусных книг, от чистой воды бриллиантов до дешевых — за один доллар пара — вееров. Цена предложения от цены продажи могла отличаться в десять раз. А то и в десять.

Хотя, конечно, были и хорошие, добротные вещи. А также вещи, полезные в хозяйстве. Ефим, например, за четыре доллара приобрел самокрутящуюся отвертку. Чтобы ее “жало” крутилось, надо было просто нажать на толстую ручку. Кроме того, в этой же ручке прятались другие, сменные, “жала”, что делало отвертку весьма удобной в быту.

“Теперь Наташка не будет жаловаться, что ей нечем прикрутить розетку к стене”, — удовлетворенно подумал Ефим.

Он вообще предпочитал всегда решать проблему в корне. Например, Наталья на семейном празднике как-то поделилась с гостями, что в новой их квартирке ей пришлось самой сверлить стенку тяжелой дрелью. Она даже продемонстрировала ничему не удивлявшимся гостям — все гости много лет знали “трудолюбивого” Береславского — и в самом деле небольшую электродрель.

Ефиму стало стыдно, поэтому буквально назавтра он пошел в магазин и купил изящную и дорогую небольшую дрель, настоящего германского дизайна и производства. Нет, для своей любимой Наташки он никогда ничего не жалел...

По импровизированному мосту Ефим шел на берег не один, а в компании почти всех оставшихся на борту туристов. Не было лишь Мильштейна, который после боя снова вернулся в Израиль.

Из-за гибели Валерии их отношения с Агуреевым стали очень непростыми, хотя Николай Семена ни в чем не винил. И Ефим подозревал, что Мильштейн вполне может остаться на тамошней войне — судя по его интересу к русскому батальону.

Все остальные основные “персонажи” присутствовали: и Людмила Петровна, и Даша, и сам Агуреев, и Кефир, и даже прилетевшая накануне Ева. Княжна вдруг решила поучаствовать в последнем, так называемом капитанском, балу, который должен был начаться ровно в двенадцать ночи и продолжаться до тех пор, пока на ногах останется хоть один участник круиза.

Вот такая была программа.

Назавтра планировался “отходняк”. То есть сам пароход уже никуда плыть не собирался. “Отходить” должны были отдыхающие, после “капитанского” бала. А послезавтра утром — прощай, ставшая родной “Океанская Звезда”!

Меньшая часть пассажиров — совсем, прямо скажем, маленькая, воспользовалась неисчерпаемым гостеприимством “Четверки” и собиралась на самолете перелететь в Эмираты, где им были предоставлены еще три дня в приличном отеле. Хоть, казалось, и надоело все туристам, ан — на хляву и укус сладкий! Правда, большинство туристический укус пить все же не стали, собираясь в последний раз гульнуть на балу и с чистой совестью улететь в Москву из каирского аэропорта.

Мостки кончались у небольшого причала, который переходил тоже в небольшую, круглой формы, площадь. На ней стояли, выстроившись в колонну по четыре, военные музыканты в нарядной, красной с белым, “парадке”. Их головы украшали шапочки наподобие турецких фесок, с кисточкой на нитке. В руках у каждого имелось то, что вот-вот должно было грянуть во славу мореплавателей с “Океанской Звезды”.

Оно и грянуло, едва на площадь ступили последние туристы. Пряный южный воздух наполнился сладкими восточными мелодиями, браваурными маршами и даже европейской популярной классикой. Всех охватило приподнятое состояние: так часто бывает на отдыхе, когда рядом вживую играет духовой оркестр.

Многие даже начали танцевать, не под марши, разумеется.

Потом в музыке наступил перерыв, и местный турчиновник, вооруженный обычным мегафоном, объяснил приплывшим, как их здесь ждут и любят. После чего трубы грянули вновь, а на толпу туристов накинута, пожалуй, даже еще более многочисленная толпа веселых и доброжелательных продавцов. Их улыбки были широки, как море, а зубы на смуглых лицах в электрическом свете сверкали, как на рекламе зубной пасты.

Ефим стойко отбивался от предложений. Ему было предельно ясно, что все эти “фабрики”, расположенные в полутора минутах от порта, они в состоянии найти сами.

А вот Даша поймалась. В прямом смысле слова. Ее крепко держал за руку — и явно не собирался отпускать — красивенький пацан лет двенадцати-тринадцати, с тонкими чертами лица и огромными грустными глазами.

— Ефим, вы же собирались купить что-нибудь жене? — жалобно проговорила Даша. Отказать печальноглазому пацану она не могла, а идти в одиночку, по совершенно разумным причинам, побаивалась.

— Ладно, — вздохнул Береславский. Несмотря на некоторую безусловную непрактичность, кое-какой жизненный опыт у этого человека был. И мальчик показался ему вовсе не тем, с кем следует гулять по слабоосвещенным припортовым улочкам азиатского города.

— Мальчик, а ты не жулик? — спросила Людмила Петровна Евстигнеева. Похоже, ее жизненный опыт тоже восставал против этого провожатого.

— Я не жулик, — на довольно чистом русском ответил мальчик. — Я русских люблю!

— Это меняет дело, — усмехнулась старушка. — А в случае чего, я тебя зарежу, — спокойно добавила она, продемонстрировав ему действительно большой, только что прикупленный на торговых мостках нож. Затем крепко взяла мальчика за руку. — Веди нас, Сусанин!

Энтузиазм у мальчика несколько поукал, но до конца не исчез. Они вчетвером двинулись в сторону темноватых переулков Порт-Саида.

— А звать-то тебя как? — поинтересовался Береславский, беря подозрительно го юношу за вторую руку.

— Фуад, — уже слегка испуганно ответил мальчик. Впрочем, совсем не настолько испуганно, как хотелось бы Ефиму, в свое время имевшему очень конкретный опыт работы с трудными подростками.

— А чем ты вооружен, Фуад? — задумчиво спросил Ефим.

— Да что вы? — попытался было занять мальчик, но, поняв, что и бабка непростая, и мужик — не лох, перестал “давить” на жалость.

— И все-таки? — настаивал Ефим.

— Какое оружие? — неубедительно возмутился мальчик. — Я вас на кожаную фабрику веду!

— Чтоб с нас там кожу сняли? — зловеще проговорила старуха Евстигнеева.

Похоже, мальчик начал понимать, что эту добычу ему не проглотить.

— Так вы пойдете на фабрику или нет? — слегка раздраженно спросил он.

— Конечно, пойдём. — Ефим Аркадьевич, обнаружив потаенные навыки, залез в единственный карман паренька и выудил оттуда маленький коробок.

— Это спички! — заволновался мальчик.

— Помолчи, — попросил Ефим, одной рукой ковыряясь в коробке — вторая была занята мальчиком. — Есть! — радостно вскрикнул он. Под спичками была припрятана половинка острейшего бритвенного лезвия: приемчик старый, но вполне действенный. Таким “огрызком” можно и карман срезать, и дамскую сумочку вскрыть. А в крайнем случае, и для горла врага сгодится.

Ребенок подавленно замолчал.

— Не надо в полицию, — тихо попросил он. — Они меня убьют.

— Верю. — Береславский передал свой фотоаппарат Даше. — Сними нас с нашим юным другом!

Та сделала три снимка, после чего Ефим отдал “Лейку” шедшему мимо с покупками чиновнику, бойфренду девушки Кати с “Океанской звезды”.

— Не надо в полицию, пожалуйста, — еще раз тихо попросил мальчик. Теперь он плакал по-настоящему, правда — беззвучно, только слезы текли из огромных глаз.

— Не отдадим, — принял решение Ефим. Людмила Петровна молчаливо одобрила. — Даже, пожалуй, денег заплатим. Но ты за это покажешь нам Порт-Саид и приведешь на “Звезду”.

— Идет! — воспрянул духом мальчик.

— Ты помнишь, что твое фото в надежном месте? — спросил на всякий случай Береславский.

— Помню, — уже без энтузиазма ответил ребенок. Похоже, он действительно боялся любого контакта с местной полицией. Тем более, что преступные поползновения против туристов в Порт-Саиде рассматривались как преступление против практически единственного реального дохода городской казны.

— Тогда пошли, — закончил переговоры Ефим и отпустил руку ребенка.

Гуляли они по городу довольно долго. И не только по городу. Обезоруженный мальчик оказался веселым и жизнерадостным подростком — когда “не при делах”. Он предложил перекусить в кафе его деда, и туристы, после короткого совещания, не отказались.

“Кафе” оказалось мрачноватым крошечным гадюшником, расположенным в подворотне грязного трехэтажного кирпичного дома. От порта отошли буквально метров на пятьсот, а праздник кончился. Грязь, вонь, обломки старой мебели под ногами и пронзительные крики везде ощущающих себя прекрасно мальчишек.

Присмирившая Даша постоянно боролась с желанием взять Ефима за руку. Людмила Петровна, наоборот, не выказывала никаких признаков беспокойства. Не беспокоился и Ефим, тоже не потерявший чутья и сейчас полностью уверенный в том, что они покинут этот не престижный район целыми и здоровыми.

Так оно и произошло.

В кафе, уместившемся в одной-единственной комнатухе с тремя столами, они были единственными посетителями. Отец Фуада, пожилой, смуглый египтянин, освободил стол для гостей.

— Мы рады видеть русских людей, — практически без акцента проговорил он.

Потом, уже в беседе, выяснилось, что папа Фуада обучался в России какой-то замысловатой военной специальности, там и овладел языком.

Он с явным удовольствием говорил по-русски, а потом похвастался целым выводком детей — Фуад оказался отнюдь не младшим ребенком немолодого папаша. Про старшего — отсутствующего — с гордостью сказал, что тот в Каире учится в университете и будет настоящим врачом.

Потом дорогих гостей обильно и исключительно вкусно кормили. Арабская кухня вообще вкусная, а здесь она была просто превосходной.

— А не отравят? — тихонько шепнула Даша.

— Здесь — нет, — проговорил сквозь полный рот Береславский, чувствовавший себя вполне уютно.

Ближе к вечеру гости засобирались домой.

— Фуад проводит, — сказал папаша.

— А не поздно мальчику одному возвращаться? — забеспокоилась чадолюбивая Даша.

— Я думаю, он дойдет, — улыбнулся Моваз. — Дойдешь, сынок?

Сынок не ответил, только глазами сверкнул. В этой семье, похоже, царило полное взаимопонимание.

На судно возвращались по деревянным настилам.

Поначалу было тихо. Где-то внизу плескалась черная вода. В лодках спали торговцы, и ночью не покидавшие свой пост.

Ефиму Аркадьевичу тоже хотелось спать. Но как можно проплыть весь круиз и пропустить "капитанский" бал! Он вздохнул и взял себя в руки. Тем более, что до парохода оставалось двадцать шагов, и песни из динамиков, перемежавшиеся с воплями отрывающихся туристов, уже давно оккупировали тишину египетской ночи...

Прощальный праздник был в самом разгаре. Ансамбль, составленный из членов экипажа, играл, может, и не шибко профессионально, зато с чисто русским задором. Отечественная "попса" перебивалась западным "техно", после чего вполне могла взорваться "Барыней" или "Цыганочкой".

Ефим сначала боялся, что после путешествия по задворкам Порт-Саида желание спать перебьет в нем желание отметить окончание круиза, однако постепенно втянулся в процесс. К тому же, выпитые сто пятьдесят граммов — не такая уж маленькая доза для нечасто пьющего человека — тоже не способствовали успокоению.

Так что Береславский не только отметился в медленном танце с Еленой, которая нынче была просто обворожительна, но и даже пару раз отхаблучил в дискотечных экзерсисах: обычно Ефим напоминал крупного, никуда не спешащего бычка, теперь же был похож на бычка делового и целеустремленного, правда, полно-

стью потерявшего ориентировку. Эти выдающиеся по пластике танцы вызвали улыбку даже на хмуром челе давно не улыбавшегося Агуреева.

Он тоже присутствовал здесь — с ним как раз и были выпиты Береславским указанные выше сто пятьдесят граммов. Николай Максимович употребил к тому времени гораздо больше веселящей жидкости, но то, что для Ефима было подвигом, для Агуреева являлось разминкой.

В большом зале, угол которого был занят фуршетными столами, а основную площадь занимали танцующие, собрались практически все, оставшиеся на "Океанской Звезде". Даже члены экипажа, за исключением занятых на вахте.

Елена Феликсовна уже пару раз вытирала слезинки в углу глаз. Аналогично поступали и еще несколько девушек. Мужская же половина расстающихся пар, наверное, тщательно скрывала свою печаль, потому что предположить, что все они — бесчувственные эгоисты, видимо, было бы все же неправильно.

Не печалилась только девушка Катя, которая, похоже, всерьез захомутила свою большую добычу и сейчас медленно и верно закрепляла результаты удачной охоты.

Княжна в этот вечер плясала со всеми вместе. У нее опять прорезался "ларнакский синдром". Ефим напряженно наблюдал, как она вновь затеяла непонятные физиологические опыты с Кефиром. И если бы только с Никифоровым! Как только Ефим зашел в зал, Ева набросилась и на него. Уже на втором такте Береславский понял, что влип. Точнее — в него влипла княжна, всем своим гибким телом повторяя очертания могучей фигуры Береславского. А чтобы так повторять очертания фигуры — надо к ней очень сильно прижаться.

Ефим с трудом дождался конца музыки и даже не очень вежливо бросил даму на полдороге к ее столику. Сам подождал немного, после чего тоже направил стопы к Агурееву. Тот сидел с потемневшим лицом, вливая в себя фужер за фужером.

— Ты скоро нажрешься, как сволочь, — деликатно заметил Ефим Аркадьевич.

— Ну и что? — философски спросил Агуреев.

— Печень отвалится, — объяснил Береславский.

— А она мне нужна? — задумался Николай Максимович.

— Печень всем нужна, — убежденно произнес Ефим.

— Князь — в земле, — сказал Агуреев, наливая очередной фужер. Ефим отметил, что это, к счастью, не водка. — Вилька — в земле. Лерка — в земле. Евка — курва. Благородная, — добавил он после паузы. Ефим благоразумно промолчал. — Мойша — спятил.

— Это Лерка спятила, я думаю. — Береславский уже был в курсе.

— Не могла она такое сама придумать, — убежденно выдохнул Агуреев.

— Не надо недооценивать женщин, — не слишком уверенно заметил рекламист. Валерию Сергееву он знал плохо, но ее "подвиги" действительно не вписывались в его представления об этой даме. Скорее, ею кто-то манипулировал.

— Короче, — мрачно подвел итоги Агуреев, — не очень-то я здесь нужен.

— Это ты зря, — задумчиво сказал Ефим. — Если загнешься, мне будет неприятно. А Дашка вообще, наверное, повесится.

от Даша Лесная весь вечер стояла в углу и с тоской смотрела на медленно набиравшего любимого.

— Что она во мне нашла, а, Ефим? — спросил, теплея голосом, Агуреев.

— Любовь — зла... — популярно объяснил Береславский.

Тут-то его и отвлекла Елена Феликсовна, совершенно неотразимая в вечернем "прикиде". Отвлекся Ефим Архадьевич не только на медленный танец, но и на следующие тридцать минут, проведенные в его номере в ее обществе. Оно — общество — было исключительно приятным и совсем не печальным: Елена Феликсовна, как женщина умная, головы не теряла, и сама, как понял Ефим, не предполагала московского продолжения круизного романа.

— Хорошие были денечки, — со вздохом сказала она, сидя на смятой постели и аккуратно натягивая на стройные ноги черные, с крошечными блестками, колготки. Ефима, кстати, всегда поражало, как они это делают: тщательно, сантиметр за сантиметром, приглаживая тончайшую эластичную ткань.

— Мы ведь не торопимся? — спросил Ефим, обнимая женщину. Лена тоже не торопилась: так старательно натягиваемые колготки быстро поползли в обратном направлении...

Потом они вернулись в зал, претерпевший за время их отсутствия значительные изменения.

Ушли все моряки — их рабочий график никто не отменял. Ушли, утомленные праздником, многие из пожилых туристов.

Не оказалось в зале и Евы с Агуреевым. Одна Дашка стояла потерянно в уголке и, уже особо не скрываясь, тихонько плакала над своей печальной судьбой.

— Ну, ты чего? — подошел к ней Береславский.

— Убить, что ли, ее? — спросила Даша. Объяснений собеседнику не понадобилось, он, как говорится, полностью был в теме.

— И что это даст?

— Зачем она его унижает? — не выдержала Даша. — Ну, не любит, понятно. Я даже рада. Но зачем так унижать?

— Не знаю, — честно ответил Ефим. — Ума не приложу.

— Знаешь, зачем она это делает?

— Я же сказал — нет. А ты — знаешь?

— Она хочет, чтобы Коленька со злости убил Кефира, и его посадили. А она станет хозяйкой "Четверки".

— Какая же ты умная женщина! — фальшиво восхитился Ефим. — Просто роковая княжна! И пол-"Четверки" тоже она замочила? Иначе хозяйкой не стать.

Даша пристыженно замолчала. Так возвеличивать соперницу ей вовсе не хотелось.

— А где Агуреев? — поинтересовался Ефим.

— Он вышел за Кефиром, минут пятнадцать назад.

— Зачем?

— Не знаю. В морду, наверное, ему дать.

— И ты не проследила?

— Драться не дала. А потом Колю стало тошнить, и он меня прогнал. Сказал — скоро придет.

— А Муса с ним?

— Мусу он еще раньше прогнал. Матом.

— Понятно, — улыбнулся Ефим. — Он в своей каюте тошнит?

— Нет. У перил.

— На какой палубе? — перестал улыбаться Береславский. — И на каком борту — левом или правом?

— Откуда я знаю, на каком? Этажом ниже нас.

Ефим, ничего не объясняя, направился к выходу. Ему не понравилось, что надломленный и сильно нетрезвый человек оказался в одиночестве над черной водой.

Он быстро прошел по обоим бортам, причем по всем трем палубам. Затем добежал до агуреевской каюты-люкс.

Николая не было нигде...

■ 35. Последний день плавания т/х "Океанская Звезда".

■ Порт-Саид, Египет.

■ Раннее утро

Агуреева искали по всему судну до пяти часов утра. Заволновались все, даже княжна, которая еще несколько часов назад на рожон лезла, чтобы досадить муженьку. Может, потому и заволновалась больше других — весть об исчезновении Агуреева быстро облетела неспящих, — что многие вспоминали неприятные сцены, произошедшие незадолго.

Наверное, не в одном мозгу мелькнула мысль, что, возможно, сильно поддавший человек, к тому же чуть не в одночасье потерявший почти всех близких, мог поддаться искушению решить все проблемы разом. В этом случае Ева становилась новым пособием его гибели.

Именно это слово вертелось в голове многих. Ну куда мог деться человек такой комплекции? Не иголка же!

Еще больше подозрений появилось, когда нашелся вроде бы тоже исчезнувший Муса. Он не смог дать никаких внятных объяснений по поводу шефа. На берег тот не сходил, по крайней мере, официально. Выход на сушу здесь был организован, как и в большинстве портов, безо всякого КПП: турист показывал паспорт, пограничник — пожилой усатый египтянин — делал отметку в гроссбухе, и можно было выходить на понтонный мост. Когда турист возвращался, он снова показывался стражу. Вот и весь контроль. Который, тем не менее, можно было обойти лишь одним способом — нырнув с борта в воду.

Ефим был в ужасе и в ярости одновременно. Он носился по теплоходу, судорожно вспоминая потаенные места, которые сам же показывал своему другу. Но уже начинал понимать тщетность своих усилий. И все чаще забегал к Даше, которую сначала отпаивал "Новопасситом", а потом и более сильными средствами. Наконец, для надежности, посадил рядом с ней Елену Феликсовну, которая в тяжелой ситуации проявила себя с наилучшей стороны — не зря она так понравилась Береславскому. Лишь когда Лена гарантировала ему, что не даст Дашке ни повеситься, ни утопиться, Ефим смог присесть на пять минут и попытаться сосредоточиться.

В итоге он все свои усилия по выдаиванию информации сконцентрировал на Мусе.

Поэтому не застал еще одной малоприятной картины. На борт поднялись вызванные кем-то по телефону криминалисты и три жандарма. Видимо, они уже были хорошо проинформированы, потому что сначала взяли письменные объяснения с княжны, потом — с Никифорова. Но если Еву после беседы выпустили, то перепуганного Никифорова хотели увести на берег, и лишь после интенсивных протестов капитана согласились на компромиссное решение: он был заперт в пустой односторонней каюте под охраной двух жандармов.

Следователи собирались немедленно начать допрос всех присутствующих на теплоходе, однако сжалились и отложили его до утра: все равно выход с "Океанской Звезды" был теперь запрещен.

В 7.30 Ева собрала совещание в кают-компании. На нем присутствовали трое высших из имеющихся на "Звезде" менеджеров "Четверки", Береславский, Муса и капитан теплохода.

Ева держалась неплохо, лишь необычная бледность и темные круги под глазами говорили о том, что ситуация все же нестандартная.

Она довела до сведения присутствующих последние новости: все туристы будут допрошены, Никифоров с получением соответствующей санкции — задержан, и к нему надо срочно вызвать российского консула, потому что лично она, Ева, в возможную вину Никифорова не верит.

Отлет, назначенный из каирского аэропорта на вторую половину дня, видимо, также будет отложен. Руководить "Четверкой" в переходный период будет она сама. Все необходимые указания в Москву уже отправлены.

— Есть вопросы? — спросила Ева, обводя глазами собравшихся.

— Есть, — сказал Ефим.

— Задавайте, — поморщилась княжна. Береславский не был работником их компании, и Ева согласилась с его желанием присутствовать только из-за того, что бы в трудный момент не обострять отношений. — Только, если можно, быстро — нас всех еще будут допрашивать.

— Я быстро, — согласился Ефим. И, как хороший актер, выдержал паузу.

— Ну? — Княжна начинала злиться, и от этого еще больше похорошела: стройная, женственная и в то же время напряженная, как струна.

— Вы тишину любите? — разродился, наконец, Ефим Аркадьевич странным вопросом.

— Что за чушь? — взъерилась Ева.

— Да так, — усмехнулся Береславский. — Иначе зачем вам пистолет с глушителем? — Он показал крошечный "Каб" испанской фирмы "Астра" с накрученной на ствол маленькой трубкой с отверстиями.

Ева побледнела, глаза ее сверкнули.

— Почему у вас моя сумка? — почти выкрикнула она. Ефим только что выложил на колени сумочку, из которой достал "ствол".

— Мелкая кража, — откровенно ерничал Ефим. — До трех лет. По первой ходке — дадут условно. А вот "пушка" — это серьезно.

Ошарашенные гости молчали. Только Муса внимательно следил за движениями княжны.

— Не знаю, зачем вы его мне подложили, но даром вам это не пройдет, — почти спокойным тоном проговорила Ева, в очередной раз восхитив Береславского самообладанием.

— Не любите вы меня, — нарочито грустно заметил Ефим.

— Да уж, — созналась Ева.

— А три часа назад как любили... И Никифорова тоже. Злая вы, Ева. Вот и мужа утопили...

— Вы что несете, идиот? — закричала княжна. — Я вас засужу!

— Уже боюсь, — ухмыльнулся Ефим. — А насчет идиота — сказано верно. Можно было бы и раньше догадаться. Заходи! — вдруг заорал он.

Но никто не зашел.

— Заходи! — опять заорал Береславский.

— Вам, может, врача вызвать? — участливо спросила княжна, полностью взявшая себя в руки.

— Себе вызови, — невежливо огрызнулся Ефим. — Психиатра. — И снова, теперь уже во весь голос, заорал в сердцах: — Заходи же, придурок толстый!

На этот раз дверь распахнулась, и в зал вошел... Агуреев. С изрядным довеском в виде повисшей на его шее Даши: именно из-за нее он не смог войти по первому зову друга, хотя за дверью стоял уже минут пять.

Княжна пришла в себя буквально через секунду. И кинулась не к двери, которую перегораживал ее законный супруг, а к завешенному окну-иллюминатору, выходящему на прогулочную палубу. Но была тут же стреножена Мусой, караулившим каждое ее движение. Поймал он даму довольно жестко: на щеке Евы заалело пятно. Она бы и второй удар получила — кулаком в лицо — но Мусу гневным окриком успел остановить Агуреев.

— Все, — жестко сказал он. — Все свободны. Остаются Муса, Ефим, Ева и я. Остальные должны соблюдать полное молчание. Оно будет вознаграждено, — уже мягче добавил он.

— Я тоже останусь, — непримиримым тоном заявила Даша.

— Оставайся, — разрешил Агуреев.

Сотрудники "Четверки", еще не вполне пришедшие в себя от стремительно развившихся событий, медленно покидали комнату.

— Это все из-за денег? — спросил он у жены, когда дверь за выходившими закрылась.

— Деньги нужны не мне, — спокойно и гордо ответила Ева.

— Понятное дело, — вздохнул Агуреев. Видок у него был не очень. Вполне соответствовал его роли — восставшего из могилы.

— Помощь бедным? — безо всякой издевки спросил Ефим.

— На деньги "Четверки" можно накормить изрядный кусок Африки, — сказала княжна.

— Значит, африканцев жалко, — хмыкнул Агуреев. — А нас, получается, нет? Ева, на сколько трупов ты готова? Самолет из Москвы, три директора "Четверки", атака на теплоход. Семен напоследок (при упоминании Мильштейна Ева заметно вздрогнула). Сколько человек можно убить, чтобы кого-то накормить?

Ева молчала. Потом, после паузы, все же ответила:

— Делайте со мной, что хотите. Вам все равно не понять, что в этом мире есть высший судья. И он будет судить вас не по счету в банке.

— А может, по количеству пролитой крови? — грустно предположил Береславский, как-то сразу растерявший боевой задор. Он уже не ненавидел Еву. Ему уже было жаль ее. Так же, наверное, смотрят на пойманного сумасшедшего, убивавшего не за кошелек, а по безумному призыву своего "внутреннего голоса". Пока убивал, непойманный, вызывал у всех трепет и ужас. А когда попался — печаль и жалость.

— Кончайте со всем, — устало бросила Ева. — Я готова.

Муса выжидательно посмотрел на командира. Пароход большой, закоулков много. Несмотря на присутствие жандармов, он легко мог устроить княжне смертельный несчастный случай.

— Нет, — прошептал Агуреев.

— Ты ее отпустишь? — с ужасом предположил Береславский.

— Да. — По тому, как это было произнесено, стало ясно, что решение обсуждаться не будет. Ева оживилась: у нее снова появилась надежда.

— Ева, — обратился к жене Агуреев. — Сейчас ты в камеру подробно расскажешь обо всем, что знаешь. О самолете...

— Это не я, — выкрикнула княжна. — Это Рамон. И палестинцы — тоже не мои.

— Рамон — твой бывший муж? — усмехнулся Агуреев. Княжна молча кивнула. — Ты с ним часто встречалась? — Ева не ответила. — Значит, я еще и рога-тый.

— Ты еще и дурак, — вырвалось у Береславского. — Ее отпускать нельзя!

— Не лезь, Ефим, — предостерег его Николай. — Даже друзьям проход не везде.

— Скольких она еще убьет? — спросил Ефим. — Голодных-то много: пока всех накормишь...

— Она все-таки мне жена, — сдерживая гнев, проговорил Агуреев.

— А мне — нет, — спокойно сказал Ефим, вставая и направляясь к выходу.

Муса, напрягшись, привстал — Агуреев жестом усадил его на место.

— Ефим, я прошу тебя. Я прошу, — обратился он к Береславскому.

— О чем? — презрительно скривился рекламист. — О чем ты меня просишь, Коль?

— Пусть она сама уйдет с судна.

— Хорошо, она уйдет с судна.

— И уедет из Египта.

Ефим задумался. Наконец принял решение:

— Хорошо, она уедет из Египта.

— Обещаешь?

— Обещаю, — сказал Береславский, покидая комнату совещаний.

■ 36. Последний день плавания т/х "Океанская Звезда".

■ Порт-Саид, Египет.

■ Из дневника Даши Лесной

"Не хочу ничего писать подробно. Не хочу придерживаться хронологии. Какая, к черту, хронология? Сегодня за три часа я сначала умерла, а потом воскресла. Даже Христу понадобилось на это больше времени, прости меня, Господи, за такое сравнение. Я вовсе не богохульствую. Когда приеду в Москву, первым делом пойду в церковь. Такой подарок, который сделал мне Господь, я готова отмаливать всю жизнь.

Оказывается, Ева и устроила все убийства. Или не все, там звучал какой-то Рамон, ее бывший муж. Я задушила бы ее собственными руками, несмотря на "отмазки" насчет всеобщего голода и страданий. И как ее можно было отпустить — мне непонятно. Неужели из-за того, что он с ней спал?

Теперь он будет спать со мной. Теперь уже никто его у меня не отнимет.

И еще одну мысль я буду отмаливать у Бога: я так рада, что он стал моим, что, имея даже на то возможность, не стала бы ничего менять в прошедших кровавых событиях — ведь они привели Коленьку ко мне.

Это и есть мой "скелет в шкафу". Настоящий. Виртуальный, так сказать. Но я-то понимаю, какой это грех. Фактически я ничем не отличаюсь от Евы. Разве что она планировала убийства ради кормления голодных, а я не остановила бы их ради обретения своего единственного.

Конечно, ни в одной стране мира не судят за преступное бездействие, допущенное в своем собственном мозгу. Но Бог наверняка видит все, и я буду ему мо-

литься. И еще много чего постараюсь сделать, чтобы выпросить прощения за свои страшные мысли.

Оказалось, что эта стерва стравливала Колю с мужиками не для того, чтобы он их убил, а для того, чтобы убить его самой и свалить на других. Ближе к утру, когда Агуреев уже сильно опьянел, а большинство туристов разошлись по каютам, это было не столь уж сложным делом. Тем более, дама подготовилась основательно. Еще в середине вечера она подлила ему в початую бутылку "Хеннеси" клофелин. Слава Богу, Агуреев тогда пил уже не водку и коньяк, а более легкие напитки, иначе бы точно не выплыл, даже с помощью Мусы.

Ева рассказала о клофелине, потому что ее приперли к стенке: бутылку со стола спер матрос, его в санчасти еле вывели из комы. Дорогуший "Хеннеси" нашли в кубрике, с этого и потянулась ниточка.

Ева подробно, под видеокамеру, рассказала обо всех своих делах — она сразу поверила, что Агуреев ее отпустит, и это ее последний и единственный шанс. Даже про то, как методично и постепенно подставляла несчастную дурочку Лерку, присосавшись к ее компьютеру и телефонам.

Бедный дядя Семен! Ему еще это предстоит узнать.

На самом деле, княжна наверняка рассказала не все. Но и того, что записано на пленке, достаточно, чтобы суд любой цивилизованной страны запер ее в камеру, а ключ — выбросил навсегда.

Когда Коля прогнал Мусу и меня, она, оказывается, шла за нами. К счастью, у нее не было времени сходить за пистолетом. К тому же, она не знала, что Коля не пил коньяк с клофелином, потому что в это время имела танцевальные сношения с Кефиром.

Я, дура, ушла. Еще и обиделась. Никогда себе этого не прощу. Если бы не Муса, Коля бы утонул. Когда он, перегнувшись, делился с морем содержимым своего желудка, она подошла сзади и перекинула его через низкие перила. Откуда сила взялась? В нем же под центнер! Ее бы энергию — да в мирных целях.

Сейчас я уже шучу. Но если б у нее все "срослось" — мне было бы незачем жить дальше.

За Николаем прыгнул Муса. Не сразу, минуты через две. Ева уже "смылась", убедившись, что Коля не выплыл. Муса шел за ними, но близко не подходил, и плеска воды не слышал. Увидев, что Коли нет, а уйти незамеченным он не мог, Муса заподозрил неладное. Потом разглядел на поверхности плавающий теннисный мячик, который Коля постоянно сжимает и разжимает, особенно, когда нервничает. И прыгнул в воду.

А потом, уже вдвоем, отсиживались в одной из лодок торговцев. Те узнали Колю, потому что он у них много чего купил. Так что — приютили на пару часов.

А теперь самое тайное. Я даже Ефиму об этом не скажу. Николай, когда мы впервые остались совсем вдвоем, сказал мне, что догадывался, зачем Ева пошла за ним. И что он вовсе не наглotalся воды, потому что был готов к падению.

И что — не прыгни Муса, он бы не стал выплывать...

Это и есть его самая страшная тайна.

Потом еще была тайна с его детьми, которые от него якобы не могут родиться. Но с этим мы как раз еще разберемся. У меня почему-то есть твердая уверенность, что я — справлюсь.

Все. Больше не хочу ни о чем писать. Хочу залезть под одеяло и хоть пару часов поспать: мне завтра отправлять группу в Эмираты. В том числе и эту сволочь. Главное, не подходить к ней близко. Иначе пальцы сами сомкнутся на ее шее.

P.S. Да, кстати. Нашего козлика Кефира отпустили. Следователи-арабы и солдаты ушли под утро. "Океанская Звезда" вновь свободна. Только мы на ней уже никуда не поплывем.

Забавно, но навстречу им из города шел Ефим, сама видела. К мальчику Фуаду, что ли, ходил? Вряд ли он кого еще в Порт-Саиде знает. Зачем, интересно?

И еще. Мелкая деталь. Местных ментов тоже вызвала Ева. Должна же она побеспокоиться о судьбе любимого супруга...

Все. Иду спать".

37. Последний день плавания т/х "Океанская Звезда".

Порт-Саид, Египет.

День

От раскаленной, несмотря на утро, "бетонки" небольшого порт-саидского аэродрома — в тени на термометре было 39°! — поднималось жаркое воздушное море. Полупрозрачный воздух дрожал и двигался за панорамными стеклами почти пустого зала ожидания.

Кроме двух египтян-служащих аэропорта, здесь все были знакомые лица, преимущественно — бывшие: бывшая учительница Людмила Петровна Евстигнеева, бывшая жена Николая Агуреева княжна Ева Бенкендорф, бывший журналист-«чернопиарщик» Игорь Никифоров. Из настоящих присутствовали: Ефим Аркадьевич Береславский с фотокамерой на пузе и девушка Катя со своим чиновником-«культуристом», которого она, похоже, и в самом деле серьезно охмурила.

Еще была Даша Лесная, оформлявшая с аэропортовскими необходимыми бумагами на группу, но, закончив свои дела, она мгновенно смоталась на "Океанскую Звезду", так и маячившую на рейде, с протянутой к ней от берега чередой лодкопontonов с настилами.

Собственно, эта маленькая группка вобрала в свои ряды всех энтузиастов, собравшихся на деньги "Четверки" продлить свои каникулы в Эмиратах — так компания косвенно попросила прощения за безумно путаный маршрут своего лайнера. Несмотря на халяву, подавляющая часть туристов на Красное море не поехала: круиз и так получился длинным, всем уже хотелось домой, в прохладу, в прозрачную красоту среднерусского бабьего лета.

Бесплатной путевкой прельстились лишь двое: «культурист» и старая учительница, для которой долгожданное счастье началось с путевки на "Океанскую Звезду", и она жаждала его продолжения. Людмила Петровна слегка поколебалась из-за Хуссейна, но Ефим дал ей страшную клятву, что доведет песика до Москвы в целости и сохранности.

Остальные поехали по другим причинам. Девушка Катя — «впридачу» к чиновнику, Кефир — потому что пока не видел будущего и предпочел еще маленько проплыть по течению. А Ева — потому что ей было необходимо как можно быстрее уехать от бывшего мужа и всех его соратников. И — как можно дальше.

Самого Агуреева она не очень боялась. Зато четко понимала, что сделает с ней Мильштейн, если только дотянется. Она ни на миг не сомневалась, что ее не спа-

сет ничье заступничество, даже — агуреевское. Своего Блоху Мойша не простит никому. А теперь еще и Лерку.

Агуреев так и сказал ей напоследок: "Останешься живой, если успеешь". Понималось, что — до приезда Семена Евсеевича. Раненый Алеха еще угрозы не представлял, а Муса был жестко связан приказом босса. Так что вопрос спасения шуры встал перед Евой достаточно остро, и она не рискнула терять время, ожидая вылета в более подходящем — европейском — направлении. Ей важно было немедленно смотаться отсюда, и любой самолет в этом деле был попутным. А из Эмиратов она уже улетит в Испанию.

Непонятным только оставалось — на что сдались Эмираты Ефиму. Он уже откровенно скучал и по Москве, и по своей благоверной. Однако вместе с малочисленной группой поднялся ни свет ни заря, записанный, как и они, в авиапутешественники. На животе его лежал большой фотоаппарат, а на плече висел обтрепанный черный кофр с бесчисленными объективами, вспышками, пленками, протирками для линз и прочей, только одному ему ведомой мишурой.

Он сидел рядом с Людмилой Петровной, аккуратно расчесывающей старомодным полукруглым гребнем свои ультрасовременные розовые кудри. Катя со своим "суженым" сидели неподалеку, через три лавки. Кефир и Ева стояли отдельно, поодаль. Но если Кефир не имел ничего, кроме спортивной сумки, то у княжны добра хватало: огромный зеленый, из ударопрочного пластика, чемодан на колесиках, большая черная сумка на молнии, а на плече еще модная дамская.

Ева нервничала: самолет снова на полчаса задержали, а зловещее дыхание неуправляемого Мойши дышало ей прямо в затылок. И вообще — провал ее плана обогащения организации за счет "Четверки" еще предстояло пережить. И выслушать — она криво усмехнулась — мнение товарищей по борьбе, которое могло быть весьма нелицеприятным.

"Вот сволота", — неожиданно подумала про своих соратников княжна. Сами бы ложились под этого грубого толстого кретина, которому мама в детстве так ничего и не рассказала про дезодоранты. И сами бы толкали его за борт. Сами бы слали мэйлы от этой старой дуры-Лерки, рискуя в любой момент быть застуканной. Наконец, сами бы отсчитывали секунды на своих "Картье", зная, что каждая из них наверняка приближает приезд маленького кривоногого мужчинки, которому лично она ничего плохого не сделала. Ну, может, разок подослала убийцу, поправила она сама себя. Однако единственная цель этого мужчины — лишить ее жизни, причем максимально мучительным способом.

Ожидание и нервы усугубили простое человеческое желание — Еве захотелось в туалет. Она оглянулась по сторонам — кого бы попросить присмотреть за вещами? Кефир был физически противен — вроде уже почти забыла его потные объятия, а тут вдруг вспомнилось, да так тошнотворно! Катю Ева ненавидела: еще вчера та была проституткой, а Ева — почти княгиней. Сейчас же столь ясной определенности уже не было, и молодой шлюхе такое изменение диспозиции нравилось необычайно. Нет, их она просить не будет.

А может, оставить "бебехи" у стенки? Однако — уже страшно: в зал потихоньку начали входить местные, темнокожие и громкоговорящие, люди. Еве совершенно не хотелось оставлять дорогостоящие вещи в их досягаемости.

«Она решилась и направилась в сторону бабуленции. Против нее она, в отличие от Береславского, ничего не имела. И песик у нее замечательный, не зря ныряла (Ева не знала, что именно Хуссейн вынюхал взрывчатку в доставленных на борт "Океанской Звезды" ящиках). К Береславскому теплых чувств княжна не питала:

типичный толстокожий буржуа, на все готовый ради сохранения своей единоличной сытости и устроенности. Он даже опасен, при ближайшем рассмотрении.

Но — не сегодня. Через час, максимум — полтора, она улетит и больше никогда не увидит этого малосимпатичного ей человека.

— Людмила Петровна, — обратилась она к пожилой даме, почти демонстративно не замечая присевшего рядом Ефима. — Можно мне оставить вещи рядом с вами?

— Пожалуйста, — усмехнулась та. — Я уголовников издалека вижу.

К кому относилась сделанная ремарка, осталось не вполне ясным, но Еве было не до филологических деталей.

— Спасибо, — сказала она, с помощью вскочившего Ефима поднесла чемодан и сумку и быстро пошла по направлению, указанному на синем информационном щите.

— Да ты, никак, джентльмен, Ефимчик? — уколола бабулька Береславского, ранее в хороших манерах не замеченного.

— Стараюсь, — скромно ответил тот, присаживаясь рядом с оставленными на сохранение вещами княжны.

— Ну-ну, — сказала Людмила Петровна, уселась поудобнее на мягком диванчике и смежила веки.

Озирнувшись по сторонам, Ефим, стараясь не производить лишнего шума, зашарил по боковым карманам сумки. На них висели крошечные кодовые замочки. На главной "молнии", стопоря ее, тоже висел подобный, но — с более длинной дужкой. Ефим изловчился и, не снимая замка, приоткрыл "молнию". Ненамного — максимум на полтора-два сантиметра. Этого хватило, чтобы одну за другой протолкнуть в образовавшуюся щелку две бумажные трубочки сантиметров в десять-двенадцать длиной.

Не издавая ни звука, Береславский ловко закрыл "молнию". И вовремя: к лавочке стремительно приближалась княжна. Она решила потерпеть до самолета: приятный мужской голос в динамиках объявил регистрацию их рейса.

Подозрительно посмотрев на побледневшего рекламиста, — Ефим Аркадьевич даже руки засунул в карманы, чтоб скрыть их дрожь, — Ева поблагодарила так и не успевшую поспать Людмилу Петровну, подхватила вещи и потащила их к стойке регистрации.

Формальности прошли моментально. Русскую группу просто провели на поле, к выделенному на короткий чартерный рейс крошечному одномоторному самолетику.

Ефим стоял на регистрации последним, и, когда он отходил от стойки, княжна уже прошла ненавязчивый спецконтроль.

К аэроплану, лихо подрулившему прямо к зданию и выпустившему свой собственный маленький трапчик, — даже не трапчик, а лесенку алюминиевую с перильцами, — побрели по раскаленному мареву пешком, благо, дистанция не была утомительной. Самолетик изнутри напоминал автобус, с той только разницей, что обычно автобусы бывают гораздо больших размеров.

— А... это, — подобрала, наконец, определение Евстигнеева, — и в самом деле полетит?

— Не сомневайтесь, — сказала Ева. — Я на таких летала в Африке. Очень даже могут.

— Ну, будем надеяться, — недоверчиво протянула Людмила Петровна.

— Все сели? — спросил на ломаном английском смуглый улыбчивый пилот.

— Одного нет, — осмотревшись, сказала девушка Катя. — Береславский отстал.

— Не ждите, — ответила за опоздавшего Евстигнеева. — Он не придет.
— Это почему? — вскинулась княжна. Она не любила резких действий тех, кому не доверяла.

— Он разбирается в авиации, — усмехнулась старушка. — И сделал вывод, что лучше не надо. Ефим поехал на теплоход. Сказал мне, чтоб не ждали.

— Водку пить с Агуреевым, — сделала вывод Ева, который ее успокоил. — Вот ведь козлы!

— Все мужики одинаковы, — поддержала ее Катерина. И тут же спохватилась: — Только Юрий Васильевич у меня другой! Вот он — ничего не боится! — "Культурист", разомлев от похвалы, приобнял девушку.

— Короче — можно ехать! — решительно трянув розовыми кудельками, отдала указание Евстигнеева. — Водила, заводи!

Катя перевела ее слова на английский, пилот улыбнулся и нажал кнопку стартера. Мотор загудел, потом зарычал, потом завыл.

— Он весь полет так будет? — спросила Евстигнеева.

— Это недолго, — пояснила Ева.

— В каком смысле? — насторожилась Людмила Петровна.

— Да нам лететь-то всего ничего, — успокоила ее княжна. — Здесь же рядом.

Рядом-то — рядом, но отличия между Египтом и одним из княжеств ОАЭ были серьезными и начинались прямо в аэропорту. И дело не в том, что здешние "авиа-ворота" были и больше, и несравнимо роскошнее, чем в Порт-Саиде: в качестве отделочного материала использовалось даже золото. Гораздо заметнее было то, что вы из арабской светской страны попадали в арабскую религиозную. Женщин в аэропорту было мало, а те, что были — маскировались так, что без рентгена не узнаешь. У самых свободолюбивых оставались открытыми лишь глаза и нос. Все прочие были задрапированы в паранджу с головы до пят.

— Экзотика! — прошептала девушка Катя, пытаясь натянуть пониже свою юбочку.

— Тришкин кафтан, — прокомментировала Людмила Петровна.

Катерина не обиделась: розовокудрая бывшая учительница была единственной, кто ни на словах, ни в душе не презирал — и тем более не осуждал — ее стремление построить хорошую жизнь с помощью того, что Бог послал.

— Точно, — согласилась она.

Так они прошли к стойкам паспортного контроля, сопровождаемые взглядами всей мужской половины временного населения аэропорта. Самые огненные взоры, конечно, устремлялись к голоногой Кате. Но и княжну не обделяли: хоть была она в достойном длинном платье, однако замечательные Евины пропорции проглядывали и сквозь него.

На контроле паспорта штампанули моментально: к туристам здесь привыкли. Разве что девушку Катю вежливо попросили переодеться, а когда она объяснила, что остальной ее гардероб принципиально от этого не отличается, сопроводили вместе со спутником в магазин "дьюти фри". Там вопрос был решен минут за двадцать. Из-за этих-то минут ни Катя, ни Юрий Васильевич не увидели весьма драматических событий.

А именно — таможенный пост первым беспрепятственно прошел Кефир. Второй шла Ева. Но остановилась, услышав странный тихий возглас теплоходной мисс Марпл:

— Бедняжка!

— Кто? — обернувшись, машинально спросила Ева.

— Ты, детка, — печально ответила Людмила Петровна. — Не надо было тебе убивать людей. Нехорошо это.

— Что вы несете? — сразу потеряла бесстрастность княжна.

— Ты знаешь, детка, что я несу, — спокойно сказала Евстигнеева и тяжело вздохнула.

Таможенник постучал карандашиком по поверхности стойки — мол, давайте, граждане, поторавливайтесь. Ева взяла себя в руки и пошла мимо офицера по "зеленому" коридору.

Тот остановил молодую женщину, и княжна, недоуменно качнув головой — ее почти никогда не досматривали на границах, — поставила чемодан на стойку. Но араб осматривать чемодан не стал. Принципиально не переходя на английский, который, конечно же, знал в совершенстве, он что-то гортанно выкрикнул и рукой показал на черную сумку.

— Хотите осмотреть сумку? — улыбнулась Ева. Ей стало спокойнее: в сумке лежали результаты порт-саидского шоппинга, и никаких неприятностей принести их обладателю они не могли.

— Yes, mam, — вежливо согласился вышедший из дежурного офиса второй, с рацией у уха.

— Пожалуйста. — Княжна поставила сумку на стойку. — Wait a moment. Сейчас дам ключик.

Вежливый офицер открыл Евиным ключиком блокирующий "молнию" замок и одним махом расстегнул сумку — аж застежка взвизгнула. Другой — видеокамерой, вынутой из-под стойки, — снимал каждый шаг процесса.

Мгновенно из сумки были извлечены две бумажные трубки, купленные Ефимом у папаши красивого мальчика Фуада.

— What is it? — спросил он у Евы.

— Я не знаю, — холодея, ответила та.

— Вы не знаете, что в вашей сумке? — улыбнулся теперь уже третий, понимающий и говорящий по-русски. Он вынырнул вообще из ниоткуда. — А сумка-то хоть ваша?

— Н-не знаю, — прошептала Ева. — Наверное, не моя. В моей этого не было.

— Чего — этого?

— Не знаю, — страдальчески скривилась княжна. — Трубочек этих. Я не знаю, что это может быть.

Врала княжна. Знала. Острым своим умом уже все сопоставила: и отлучку в туалет перед стартом, и отказ Ефима от полета, и жалость розоволосой старушки Евстигнеевой. Но тянула время, надеясь, сама не зная на что.

А офицер доставал из сумки вещи. К некоторым из них были прикреплены товарные чеки, выписанные на Евино имя. Потом сверил багажную квитанцию на сумке с корешком, наклеенным в Евин авиабилет.

— Все-таки это ваша сумка, мисс, — даже с сожалением сказал он. Мол, сочувствую, но долг превыше всего.

— Моя, — чуть слышно пробормотала княжна.

— А что в трубочках? — спросил таможенник.

— Я не знаю! — привлекая общее внимание, закричала бедная Ева. — Это Берславский подложил! Скотина! Сволочь! — Далее пошел набор идиом, которых не знал даже дипломированный офицер-переводчик.

На крик обернулся уже прошедший контроль Кефир. Почувяв жареное, быстро пошел прочь. Нельзя дружить с погибающими: все смертельные болезни — заразные.

— Вы нам про все подробно расскажете, — успокаивал Еву араб. — Про... это... Береславского, — все же сложные фамилии давались ему с трудом. — И про эти трубочки.

— Ну, скажите же им! — в отчаянии обернулась Ева к Евстигнеевой. — Вы же наверняка видели, как он подкладывал эту дрянь! Скажите же им! — Она заплакала, размазывая тушь по щекам. У нее ломалась жизнь, собственная жизнь. Единственная жизнь! А это совсем другие ощущения по сравнению с теми, когда играешь чужими жизнями.

— Я спала, детка, — расстроено проговорила Людмила Петровна. — Да ты и сама все понимаешь!

— Меня же повесят! — умоляюще выдавила княжна. — Как вы можете!

Евстигнеевой стало плохо. Она знала, что все происходящее — даже не месть, а возмездие. Но это — с одной стороны. А с другой — красивая, умная и богатая женщина. И самая несчастная женщина в мире. Потому что в этой стране, куда она решила сбежать от друзей Блохи, жестоких наказаний, связанных с наркотиками, не было. А то, что в трубочках были наркотики, не вызывало сомнений ни у кого.

Ева полностью потеряла контроль над собой, забилась в истерике.

— Успокойтесь, — утешал ее офицер. — Вы наверняка сможете оплатить отличного адвоката. Он спасет вас от смертной казни.

— А всю жизнь гнить в вашей тюрьме — лучше? — выкрикнула княжна.

— Лучше, — убежденно произнес офицер. — Когда вас поведут к виселице, и перед виселицей — помилуют, вы согласитесь со мной.

Ева потеряла сознание, безвольно повиснув на руках у офицеров. Подоспевший мужчина-врач потер ей виски нашатырем и теперь быстро набирал в шприц лекарство. Офицеры внимательно осматривали и протоколировали содержимое трубочек.

Через десять минут все было кончено.

Княжну уводили широким светлым коридором, руки в легких титановых наручниках — за спиной. Людмила Петровна неотрывно смотрела ей вслед.

Вдруг Ева резко остановилась, напугав конвоиров. Обернулась. Секунду молча стояла, безошибочно выбрав в толпе зевак старуху. Потом вновь развернулась, выпрямила спину и, уже не останавливаясь, пошла прочь.

Людмила Петровна вытерла глаза и размашисто перекрестила удаляющуюся княжну.

— Прости, Господи, все ее грехи, — тихо попросила старая женщина. — И мои тоже, — помолчав, добавила она...

■ *38. Четвертый день после окончания плавания*

■ *т/х "Океанская Звезда".*

■ *Измайлово, Москва.*

■ *Из дневника Даши Лесной*

«Пишу ночью, в потемках, чтобы не разбудить Коленьку. Вдруг очень захотелось самовыразиться. Так захотелось, что встала из-под теплого одеяла, достала свою тетрадь и ручку, и вот, согнувшись, строчу у иллюминатора в скудном свете палубного фонаря.

Этот текст не увидит никто, даже мой любимый, не говоря уже о моем литературном учителе Ефиме Аркадьевиче Береславском. Может, только сыночек прочтет, когда вырастет большой, и когда меня самой уже не будет. Но, надеюсь, это случится еще очень не скоро.

Ну, хватит предисловий.

Я хочу сказать — себе, своему дневнику и Господу Богу, — что я счастлива. Я так счастлива, что боюсь, как бы чего не случилось, ведь нельзя же обычному земному человеку быть таким счастливым.

Или можно?

Я уже пятый день рядом с моим единственным. Днем и ночью. И даже не знаю, когда мне лучше. И днем хорошо. И ночью сладко.

Каждый вечер, когда мы закрываем шторку и дверь, я обнимаю его руками и ногами и сливаюсь с ним так, как только могут слиться два любимых человека. Я чувствую себя его женщиной, его мамой, его дочкой и его сиамским близнецом одновременно.

Это и есть резкое и острое ощущение счастья. Которое лишь усиливается от осознания того, что оно — надолго.

Когда мы поехали домой, у меня возникло такое ощущение, что едем мы уже втроем. Конечно, ни одно УЗИ еще ничего не покажет — на пятый-то день! — но материнское сердце работает лучше всякого УЗИ. А я чувствую Ванечку всем своим существом.

С Коленькой пока не все в порядке. Он убит произошедшим. Он тоскует по друзьям. Он — всегда такой большой и сильный — в последние дни часто плачет. Думает, я не вижу.

Он пока не готов к борьбе, он не такой, каким был всегда.

Но теперь у него есть я, и мы все это преодолеем.

Надо — стала женой. Надо — буду мамой. Надо — войду в их Совет директоров и буду "решать вопросы" — выражение, вызывающее холодное бешенство у профессионального редактора Береславского. Но если надо решать вопросы — я буду их решать.

Это — не мое, я понимаю. Но для Коленьки и Вани — сработаю не хуже той холодной змеи из Оксфорда или откуда-то там еще. В любом смысле сработаю — меня ничего не пугает.

Так кто же я есть?

Ефим Аркадьич считает, что я — неплохая, хоть и ехидная девчонка.

Коленька считает, что я слабое, хоть и любящее существо.

Ева, если не дура — а женщины дурами в плане чутья не бывают, — наверняка считает меня опасной тварью.

А я — и то, и другое, и третье.

Я — русская баба, и этим все сказано.

Я буду любить до самой смерти. И зубами рвать всех, кто захочет разрушить нашу жизнь, — тоже до самой смерти.

Надеюсь, что последнего не захочет никто.

Где сейчас Ева — не знаю. Но мысли по этому поводу есть. Я спросила о ней у Ефима. И его всегда добрые глаза так захолодели, что он стал смертельно похож на дядю Семена.

Не лицом. А его опасным для жизни выражением.
Поэтому, ничего о Еве не зная, уверена — мы с Коленькой никогда ее больше не увидим.

И — слава Богу.

А сейчас я кончу чирикать ручкой и пойду к своему мужу. Обниму его за толстый живот, прижмусь к нему всем телом и засну, согретая его теплом.

Ну, я пошла...”

Шесть месяцев после окончания плавания т/х
“Океанская Звезда”.
Вместо эпилога

Полгода — срок достаточный для закрепления перемен. Или для подтверждения того, что перемен не было вовсе.

Девушка Катя почти оправилась от большого разочарования: у ее любимого чиновника в столице оказалась жена.

Трезво все взвесив, Катя согласилась и на “любовницу”. Ан и здесь незадача — место любовницы тоже не было вакантным.

К счастью, при Кате остались ее красота и молодость. А, значит, может быть, все еще будет хорошо...

Игорь Никифоров, наоборот, женился удачно. Дама — хозяйка крупной сети быстро, правда, немного старше его: ей пятьдесят три. Зато выглядит на семьдесят — тяжелая ноша бизнесмена старит любую женщину.

Собственно, на это Кефир и клюнул. Рассчитывал, что его любимая быстро одарит молодого мужа наследством. Каково же было его разочарование, когда она, ощутив, наконец, настоящую любовь, всерьез взялась за свое здоровье. А чтобы в доме был уют, но не было чужих глаз и ушей, супруга выписала из деревни маму и бабушку. Бабушке — девяносто семь, выглядит неплохо и утверждает, что на погост не собирается: она, мол, из рода долгожителей...

Алеха уже залечил ногу. Ранение оказалось очень неприятным, хотя лечили его лучшие врачи, и не только в России. Уже ходит сам, немного пока прихрамывая...

Муса не захотел расставаться с Мильштейном, уехал с ним в Израиль, еще раз подтвердив условность некоторых предрассудков.

“Четверка” сохранила за Семеном должность и платит зарплату, невзирая на его присутствие или отсутствие. Но вернется ли Мойша в Москву — пока не известно никому. В том числе и самому Мойше...

Веселая старушка Евстигнеева еще жива. Более того, ее опухоль отступила, сильно уменьшившись в размере. Она даже приезжала к Ефиму повидаться с Хуссейном. И получить в “Четверке” бесплатную путевку на круиз в следующем августе. Так что теперь точно скоро не умрет...

Хуссейн немного скучал по Людмиле Петровне, однако шепотная семейка Береславских пришлась ему по нраву. Он дружит с береславской кошкой и подбива-

ет клинья под догину из квартиры № 24. Догиня пока не воспринимает Хуссейна всерьез. А зря: пес с таким образованием рано или поздно своего добьется. Занятно будет посмотреть на щенков...

Елена Феликсовна, несмотря на принятое в Порт-Саиде решение, все же дважды встречалась с Ефимом в Москве. Но оба понимали, что это уже не так здорово, как казалось.

Зато познакомилась с его приятелем. Не прошло и двух месяцев, — как вышла замуж, спокойно и с удовольствием.

Странное дело — Ефим, который до этого искал повод деликатно расстаться, вдруг испытал некие муки ревности...

Моше Кацнель получил пулю в живот и сейчас проходит курс реабилитационного лечения на Мертвом море. Он очень торопится на работу, потому что не может спокойно читать про все новые и новые взрывы...

Даша стала толстой и красивой, ждет ребенка. Ванечка не получился, но когда Дуся внутри начинает толкаться, ее заливает чувство непомерного счастья. Несмотря на пузо, каждый день ходит на работу. Помогает мужу, и, надо сказать, неожиданно здорово. Ради него она готова на все, даже на занятие этим уродским, скучным, убивающим молодость бизнесом. Хотя потихоньку ей это начинает казаться забавным...

Ева Бенкендорф, после следствия и суда, стала заключенной небольшой женской тюрьмы. В своей жизни она ничего другого более не увидит, хотя проживет, по всей видимости, очень долго: условия содержания здесь терпимые.

Первое время искала пути к побегу или освобождению. Убедившись в тщетности попыток, ушла в себя. Она ни с кем не общается, и ей никто не пишет...

Николай Агуреев, по просьбе Даши — ее просьбам в этой семье не отказывают, — прошел курс восстановительного лечения в клинике неврозов. Кроме того, ему полностью обследовали желудок, кишечник, сердце, ротовую полость, позвоночник и предстательную железу. Все оказалось в приличном состоянии. Даже печень.

Агуреев в жизни не предполагал, что позволит с собой такое вытворить. Но Даша оказалась железной женщиной, намеренной сохранить любимого мужа как можно дольше.

В итоге он чувствует себя прекрасно и похудел на двадцать восемь килограмм.

Не пьет, но жизнью доволен. Ему, наверное, всегда хотелось такого "гнета". Главное, чтобы угнетал любящий и любимый человек...

Наташа все-таки получила в подарок от мужа автомобиль. Подержанный, но на хорошем ходу. Клиент уговорил взять за работу.

Ефиму было чертовски приятно быть щедрым... К тому же, куда его еще девать?..

Лайнера "Океанская Звезда" больше нет. Вернее, лайнер есть, но называется он теперь "Александр Болховитинов". Всю жизнь Санька хотел бороздить моря. И хоть после смерти, но своего добился...

А Ефиму Береславскому снова стало немного скучновато на работе... ■

ПРОТЕСТАНТИЗМ

Василий ИЛЬИН

Протестантизм — одно из направлений христианства, самое позднее по времени своего возникновения.

Обычно временем возникновения протестантизма считается XVI век, когда в ходе развернувшегося во многих странах Европы движения Реформации был отвергнут ряд важных доктринальных, культовых и организационных установок католицизма и самостоятельно сложился ряд течений, которые в своей совокупности стали позже называться протестантизмом.

Термин "протестантизм" отражает один из эпизодов борьбы в средневековой Европе лютеран и католиков. Когда в 1529 году было отменено решение о праве каждого немецкого правителя устанавливать религию для своих подданных в соответствии со

своей личной верой, что фактически поставило лютеран в неравноправное положение по отношению к католикам, 5 немецких князей и 14 вольных городов выступили с протестом, после чего сторонников Реформации и стали называть протестантами.

Протестантство, в отличие от католицизма и православия, никогда не представляло собой единого целого, возникнув как совокупность отличающихся друг от друга течений; общие черты этой религии свойственны не всем, а лишь некоторым протестантским конфессиям.

Иногда протестантизм определяют как систему веры и богослужбной практики, основанную на принципах Реформации. Сами же сторонники протестантства утверждают, что они лишь вернулись к простой ("примитивной") церкви ранней веры, которая была искажена позднейшими новациями средневекового католицизма.

Предыдущие статьи рубрики "Религии мира" опубликованы в №№ 10, 12 - 2002 г., № 2 - 2003 г.

Наиболее характерными доктринальными особенностями протестантизма являются следующие положения. Прежде всего протестантизм признает самодостаточность и верховенство Библии как фундамента веры. Священное Писание рассматривается как единственный источник Божественного Откровения, откуда христианская церковь может черпать свои доктринальные установки. Священное Предание не признается, как это принято у католиков и православных, в качестве второго источника Откровения. Если оно и принимается во внимание, то лишь постольку, поскольку может помочь понять Священное Писание.

Большинство протестантских конфессий подчеркивает всеобщую порочность и греховность людей и не рассматривают праведность как черту, присущую человеку; лишь в своей вере он может завладеть праведностью Иисуса Христа. Спасение, по мнению протестантов, обусловлено только искупительной жертвой Иисуса Христа. Оправдание достигается личной верой в крестный подвиг Христа, причем очень многие протестанты считают, что посмертная судьба человека предопределена Богом.

Необходимость добрых дел для спасения подавляющим большинством протестантов категорически отрицается. Они не верят также в заступничество святых перед Богом, отвергают веру в чистилище и действие индульгенций.

Таинства рассматриваются протестантами как видимое слово Божие и ставятся в один ряд с другими формами Божьей милости: познанием Священного Писания, Проповедью, беседами с пастором. Большинство протестантов признает лишь два таинства, которые установил сам Иисус Христос: крещение и Вечерю Господню (причащение). Большинство протестантов считает, что Иисус Христос действительно присутствует при причащении,

если не в самих элементах причастия, то по крайней мере в церкви. Но также многие протестанты считают крещение и причащение не таинствами, а обрядами.

Протестанты не молятся за своих умерших братьев. По их мнению, судьба человека окончательно решается после его смерти. Люди благочестивые получают Царство Небесное, а грешники — мучение.

Характерной чертой протестантизма является положение о священстве всех верующих. И поскольку каждый христианин, в принципе, может рассматриваться как священник, в протестантизме нет резких различий между пасторами и мирянами. Различия носят не духовный, а только функциональный характер. Протестантский пастор выполняет свои служебные обязанности и не имеет какого-либо особого, священного характера, который противопоставлял бы его мирянам. В связи с таким пониманием священства каждый верующий как бы получает право личной трактовки доктринальных положений, в том числе и положений Библии.

Богослужебная практика в различных протестантских конфессиях различается весьма сильно, хотя все они подчеркивают свое стремление уменьшить литургическую сторону церковной жизни, поставить на первое место проповедь и чтение Священного Писания. И тем не менее эта тенденция выражена в разных конфессиях Протестантизма далеко не в одинаковой степени. Если, например, в англиканских и лютеранских церквях совершается какое-то подобие мессы (хотя и в сильно упрощенной форме), то квакеры и Армия спасения вообще отказались от какой бы то ни было традиционной обрядности.

Протестанты категорически отвергают власть в церкви какого-либо одного первосвященника (и прежде всего римского папы), а во многих случа-

ях и епископскую власть. Епископ — это не особый верховный чин священнической иерархии, а лишь высшая церковно-административная должность.

Принятый в протестантстве принцип личного суждения в интерпретации Священного Писания привел к дроблению протестантства, из его первоначальных течений выделились дочерние деноминации. В настоящее время наибольшим авторитетом пользуются и наибольшее число последователей насчитывают: англиканство, лютеранство, кальвинизм, методизм, пятидесятничество, баптизм, адвентизм. Отдельные течения образуют также квакеры и Армия спасения.

Протестантизм, отвергнув догмат о спасающей роли церкви, тем самым значительно упростил культовую деятельность. Религиозные сооружения — храмы и молитвенные дома — освобождены от пышного убранства, от алтарей, икон и статуй, с них сняты колокола. Богослужение главным образом сведено к молитве, проповеди, пению псалмов, гимнов и чтению Библии. Причем протестанты не поклоняются святым (не почитают священные мощи и иконы с изображением ликов, не отмечают многочисленных праздники в честь апостолов и апологетов веры), не молятся за умерших. Из семи таинств протестанты оставили только два: крещение и причастие.

Остановимся подробнее на самых многочисленных и авторитетных конфессиях протестантства.

1. Лютеранство

Лютеране — это христианская церковь, одно из главных христианских вероисповеданий, существующих в мире. Это вероисповедание является традиционным для скандинавских народов, одним из основных вероисповеданий Германии и распространено также в других странах. Как и все христиане,

лютеране веруют в Троицу: Бога: Отца, Сына и Святого Духа. Лютеране признают все канонические книги Библии (Ветхий и Новый Завет) Словом Божиим, написанным святыми людьми под воздействием Святого Духа. Это Священное Писание является для лютеран высшим авторитетом, единственным источником вероучения и лучшим учебником христианской жизни.

Сразу возникает вопрос: откуда эта христианская церковь берет такое название — “лютеранская”? Происходит оно от фамилии Мартина Лютера (1483-1546 гг.), монаха Римско-католической церкви, доктора богословия Виттенбергского университета в Германии, который при внимательном изучении Библии смог увидеть в Слове Божьем некоторые ключевые истины, хорошо известные древнехристианской церкви, но со временем в силу разных обстоятельств развития церкви на Западе оставленные без внимания и почти забытые.

Лютер, а также другие богословы начали возрождение авторитета этих божественных истин, возрождение подлинно библейского учения о вере и христианской жизни. Это событие известно в истории как Реформация церкви в XVI веке, в ходе которой многие христиане получили возможность восстановить истины божественного откровения и освободиться от некоторых злоупотреблений, бытовавших в Западной церкви в те времена.

Их оппоненты и дали им прозвище “лютеране”, по имени виднейшего из реформаторов, которое существует по сей день. Одна из двух государственных церквей Германии, а также церкви во всех скандинавских странах являются церквями лютеранского вероисповедания.

Во что же веруют лютеране? Как уже было сказано выше, лютеране веруют в Троицу, то есть единого Бога в трех ипостасях: в Отца, Сына и Святого Духа. Как и все христиане, лютеране

верят, согласно Библии, что Бог Отец является Творцом всего мира и всего, что в мире, в том числе и человека, вышедшего из всех творений, которого Он сотворил "по образу Своему, по образу Божию сотворил его".

Лютеране веруют, согласно Библии, что Бог добр, человеколюбив и милостив, и по Своей великой милости, чтобы спасти человека от греха и от кары за него, Он совершил великое и благое дело. Бог искупил нас от грехов наших через Сына Своего, Господа нашего Иисуса Христа. Иисус Христос — вторая ипостась Троицы. Одновременно Иисус Христос является настоящим жившим на земле человеком, родившимся от девы Марии.

Одним из основных принципов лютеранского вероучения является восстановленная в ходе Реформации следующая евангельская истина. Искупление, которое Иисус принес всем людям, дается человеку по одной лишь вере во Христа. Спаситель Сам сказал о Себе: "Я емь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет".

Лютеране веруют, что, согласно Библии, обрести спасение можно исключительно через веру, ибо в Писании сказано: "Благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился". Таким образом, только благодаря вере во Христа можно обрести вечную жизнь.

Лютеране признают, что Христос установил два таинства: Таинство крещения и Таинство святого причастия. Крещение, будучи "банею возрождения и обновления Святым Духом", дает отпущение грехов, освобождает от смерти и дьявола и дарует вечное блаженство всем верующим в Слово и обетование Божье, ибо "кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие". Лютеране крестят младенцев, потому что они тоже способны верить, ибо вера сотворяется

в человеке Богом, а не самим человеком.

В Таинстве святого причастия лютеране принимают в хлебе и вине истинное Тело и истинную Кровь Иисуса Христа, которые присутствуют там согласно словам установления, сказанным Христом: "...сие есть Тело Мое, которое за вас предается... сие есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов". Бог дарует прощение грехов, жизнь и блаженство и укрепляет веру человека.

В устройстве богослужения в лютеранских церквях в разных странах допускается определенная свобода, поэтому оно не всегда может иметь один и тот же вид среди разных народов и культур. Однако в литургии, главном воскресном богослужении, обычно присутствуют: общая исповедь, отпущение грехов, чтение Святого Писания, проповедь, чтение Символа веры, Причастие (там, где оно совершается каждое воскресенье), молитвы, пение гимнов (как правило, под органную музыку).

2. Англиканские церкви

Такое название носят христианские объединения, которые находятся в ехаристическом общении с архиепископской кафедрой в Кентербери (Англия), используют единый служебник (Книгу общественного богослужения), стоят на сходных теологических позициях, придерживаются единой формы церковной организации. В состав Сообщества англиканских церквей входят ряд церквей и церковных организаций во всех частях мира; в Северной Америке его представляет Протестантская епископальная церковь в США.

Англиканская Реформация. К 1529 году относится начало знаменитого конфликта короля Генриха VIII с римским папой; в 1559 году, когда на трон

взошла королева Елизавета I, организационное устройство Церкви Англии утвердилось в формах, которые во многом сохранились до настоящего времени. Церковь Англии настаивала и настаивает на самостоятельности национальных церквей во внутренних делах, на праве церквей действовать по своему усмотрению в отношении обрядов и богослужебной практики. Юрисдикционные притязания папы на территорию Англии были отвергнуты. Тем не менее из-за двойственного характера своей реформации Церковь Англии претендует на название и католической, и протестантской.

Англиканская церковь в Англии является национальной, ее защищает и поддерживает государство, хотя англиканские епископы и священство не находятся на государственном содержании. Во всех остальных странах подобная связь с государством полностью исчезла, и сейчас ни одна англиканская церковь не связана какими бы то ни было отношениями с Британской короной.

Англиканские церкви образовали обширное содружество церквей во всемирном масштабе. Сегодня все епископы в Японии — японцы, а в Китае — китайцы. Четыре епископа-африканца возглавляют епархии в Нигерии, здесь насчитывается также двенадцать помощников епископов из африканцев. Епископ Ямайки — негр из Вест-Индии. В 1958 году состоялось первое посвящение филиппинца в сан викарного епископа. Данный процесс продолжается; как только церкви в Азии и Африке добиваются независимости, они, как правило, создают церковные объединения, которые весьма существенно отличаются от европейских и американских образцов.

3. Кальвинизм

По-другому это течение называется еще и реформатство — одно из основ-

ных течений протестантизма наряду с лютеранством и англиканской Церковью, принявшее идеи Жана Кальвина (1509-1564 гг). Бывав из Франции от религиозных преследований в Швейцарию, Кальвин осуществил свои идеи церковной Реформации в Женеве.

Основное отличие кальвинизма от лютеранства состоит в учении о вечном и двойном, т.е. предопределении к аду или раю. Вечная участь людей произвольно предопределена Богом заранее. Кальвинизм резче, чем остальные протестанты, отрицает реальное присутствие Христа в причащении, считая последнее только символом. Для кальвинизма характерен дух "мирского аскетизма", то есть буржуазной бережливости.

Куль в кальвинизме предельно упрощен. Символы креста и иконы отсутствуют, не имеется органов и колоколов. Из 7 таинств сохраняются крещение и причащение, которые считаются символическими обрядами. Пасторы и проповедники избираются верующими. Кальвинизм распространился на Францию, Нидерланды, Шотландию и Англию. Под влиянием кальвинизма проходили Нидерландская (XVI в.) и Английская (XVII в.) революции. Общее число кальвинистов около 45 млн. человек.

4. Адвентисты седьмого дня

Протестантская церковь, которая опирается на Библию как единственное правило веры и жизни, верит в близость Второго пришествия Христа, соблюдает седьмой день недели (субботу) как день покоя и отдыха. Адвентисты седьмого дня представляют собой крупнейшее самостоятельное объединение внутри адвентистского движения.

Адвентисты седьмого дня верят в вечное предсуществование Христа как второй ипостаси Божества; безусловно

признают догматы о Его рождении от Девы, Его безгрешной жизни на земле, о Его заместительной (за людей) и искупительной смерти. Они также признают Его телесное воскресение, вознесение, небесное служение в качестве великого первосвященника; ожидают окончательного Его возвращения. Они верят, что вот-вот исполнится великое пророчество Библии о катастрофическом конце нынешнего века. Христос вернется "во время не известное, но близкое" и будет царствовать на небесах со спасенными в течение тысячелетнего периода, который и начнется с того времени. В церкви последних дней будут восстановлены духовные дары, включая дар пророчества.

Адвентисты седьмого дня верят в необходимость духовного возрождения и практикуют крещение взрослых погружением в воду. Большое значение они придают здоровой жизни и полному воздержанию от алкоголя и табака. Адвентисты седьмого дня поддерживают принцип отделения церкви от государства и настаивают на религиозной свободе для всех людей. Полное изложение вероучения содержится в Ежегоднике Адвентистов седьмого дня.

Адвентисты седьмого дня содержат около 4000 школ во всем мире, они работают также в санаториях и больницах, воспитательных домах и центрах для престарелых, в благотворительных организациях для распределения одежды и пищи.

5. Баптизм

В системе протестантских церквей занимает большое место. Англиканский проповедник Джон Смит в 1608 г. вместе со своими соратниками принял в Амстердаме (Нидерланды) сознательное крещение (т.е. крещение в возрасте) обливанием лба и в 1609 г. организовал новую церковь.

Основная масса баптистов придерживается большинства положений протестантизма. Помимо сознательного крещения (сначала окроплением водой, а затем погружением в воду), составляющего главную особенность баптизма, другим основным обрядом (не таинством) является причащение, то есть совершаемое раз в месяц хлебопреломление. Богослужение в баптизме не носит литургического характера. Убранство баптистских церквей простое. До XIX века в них не отмечались Рождество и Пасха, впоследствии эти праздники стали праздноваться.

По своему вероучению баптизм во многом смыкается с другими протестантскими организациями. Разделяя общехристианские догматы о Троице, божественном происхождении Христа и т.п., баптисты вместе с тем отрицают роль церкви как посредницы между Богом и людьми, проповедуют принцип "оправдания верой". Подобно кальвинистам, они верят в предопределение, однако этот принцип не доведен ими до крайности.

Значительно упрощен у баптистов культ. Они отказались от почитания икон, креста, веры в святых. Богослужения заменены у них молитвенными собраниями; крещение производится над взрослыми людьми и считается не таинством, а обрядом, символизирующим посвящение человека в члены церкви.

Источником вероучения баптисты считают Библию (прежде всего Новый Завет). Баптисты не признают святых, монашество, сосредотачивая внимание на Иисусе Христе как единственном посреднике между Богом и людьми, который своей жертвой спас грешников. Главный принцип "Жить в мире, но быть не от мира сего", т.е. подчиняться земным законам, но сердце целиком отдавать "небесному жениху" — Христу. Особое значение баптисты придают проповеди своей веры, которую вести обязан каждый (прин-

цип всеобщего священства), особенно среди детей и молодежи.

Общая численность баптистов составляет 75 млн. человек. Почти две трети их живут в США (48 млн.), в России — 480 тыс. человек.

6. Пятидесятники

Протестантская конфессия, возникшая в 1900 году в США.

Пятидесятники исповедуют спасение не только верой, но и делами, видя главную добродетель христианина в честной трудовой и семейной жизни. Название "пятидесятники" объясняется их особым вниманием к событию, произошедшему, согласно библейской истории, на 50-й день после воскресения Христа: на апостолов снизошел в этот день Святой Дух, и они заговорили на неведомых им языках. Это было понято как знак, что они должны проповедовать христианство другим народам.

Упор доктрины пятидесятников на проповедничество стал причиной постоянных гонений на них.

Пятидесятники с их протестантской этикой, возводящей трудолюбие и добросовестность в ранг важнейших добродетелей, к тому же совершенные трезвенники, держатся общиной, основанной на братской взаимопомощи, и несмотря на огромные семьи (нередко по 10 и более детей) живут лучше своих соседей.

Отличие нравственных установок от общепринятых, предубежденность окружающих и постоянные гонения развили среди пятидесятников паразитическую сплоченность. Они зовут друг друга братьями и сестрами не только по традиции, они чувствуют себя одной большой семьей во враждебном мире, действительно по-братски помогают друг другу. Вся жизнь их построена на взаимопомощи — как внутри общины, так и между общинами. Эти узы заменяют пятидесятникам

все остальные, в том числе, национальные. По неофициальным данным, общая численность приверженцев этого вероучения в России — около миллиона человек.

7. Методисты

Методисты (методистская церковь) — протестантская церковь, главным образом в США и Великобритании. Возникла в XVIII в., отделившись от англиканской церкви, требуя последовательного, методического соблюдения религиозных предписаний. Методисты проповедуют религиозное смирение, терпение.

Это движение евангельского возрождения возникло в Англии под руководством Джона Уэсли в начале XVIII века. Он проповедовал, что каждый "христианин может жить в постоянной и полной победе над грехом" (в полном освящении), это действие благодати "есть Дар Божий, и Дух Святой свидетельствует верующим об этом состоянии благодати".

Учение Джона Уэсли быстро распространилось в Англии и в Америке и положило начало методизму. Начиная с 1784 года, в США существовала независимая Методистская церковь. Ее целью было "распространение Библейской святости в стране". Однако к началу XIX-го века учение о постоянной и полной победе над грехом, также называемое полным освящением, а иногда христианской святостью, начало убывать.

Главная цель методистов — служение Богу и людям. Они заинтересованы и нуждаются в каждом человеке и желают, чтобы все спаслись и испытали очищение и обновление в своей жизни.

Таковы, вкратце, основные направления протестантства. На самом деле отдельных направлений гораздо больше и их просто невозможно даже упомянуть в рамках данной статьи. ■

Екатерина ПОСТНИКОВА

Тихое пощелкивание донеслось до нее, когда, ежась от предвечернего холодка, она разглядывала золотые купола церкви.

“Господи, — подумала Надя, обращаясь сквозь золото и солнечные блики к Всевышнему, — Господи, пожалуйста, сделай так, чтобы я не возненавидела Сережу!”

От церкви ее отделяли забор и бурьян. Но подойти ближе она не решилась, — страшновато первый раз войти в храм. Проще так — за три десятка метров, мысленно, с черного хода.

“Ты должна что-то сделать, — вспомнились ей слова дедушки. — Именно сделать, а не стоять столбом, надеясь, что все вокруг читают твои мысли”. Дедушка привык брать крепости штурмом, а Надя уродилась не в него. Да и что можно сделать?

Она достала из кармана шуршащий полиэтиленовый пакет, застелила им старую рассыпшуюся шпалу и села. Никуда не идти. Сидеть так, пока не стемнеет, и смотреть на храм. Через полчаса начнется служба, зазвонят колокола, потекут с другой стороны, из поселка, прихожане. Женщины в простых платочках придут сюда с мужьями, с детьми, с подружками. Молодые девчонки ради такого случая снимут модные шмотки и достанут из шкафа что-нибудь спокойное, длинное, бледных цветов. Крутые бизнесмены приедут на “мерседесах” и встанут в общем зале смиренно, молча, с тонкими свечами...

А Сережа не придет сюда с ней никогда.

Надя чуть слышно всхлипнула и полезла за сигаретами. Ее судьба — черный ход, обратная сторона церкви, рельсы, тишина и безлюдье. Никто даже не узнает, что она — здесь.

Вот тут и защелкало.

Она поняла, что любит, совсем некстати. Год был неудачный, неровный, с какими-то пиками то радости, то горя. Наде он запомнился странно: словно яркая картинка счастья на фоне черно-белого мелькания кадров немого кино. С одной стороны — Сергей и все, связанное с ним, а с другой — увольнение с работы, белые халаты врачей, дебри латыни в медицинской карточке, недомолвки, обнадеживающие улыбки, молчание родителей. Ее то хоронили, то вновь воскрешали, и это никак не кончалось.

А К К О

Иллюстрация **Абрама Дюрсо**

Просто кадры.

...Напряжение и сразу — слабость. Быстрый бег по выложенному плиткой коридору, деревянная, с золотой ручкой, дверь туалета, облеженный кашель, раковина в алых потоках. Отражение в круглом зеркале совершенно белого лица, тяжёлые красные капли, разбивающиеся о фаянс. Стук и голос: "Надя! Открой, Надя! Что случилось?.." Шепот, шорох ног по плиткам пола за дверью. "Что там с ней?" — "По-моему, кровь из носа... Я не понял. Она так быстро..." — "Петр Петрович вызывает, надо ему что-то сказать..." — "Ну ладно, клиента Левченко взял..." И снова тишина.

...Компьютер. На экране — большая таблица, море чисел, какие-то аббревиатуры. Суeta. Пульсирующая боль в голове, шею сводит судорогой, боль растёт, набухает где-то между глаз, сейчас прорвется. "Извините, я на минутку, забыла ваши ксерокопии в приемной..." — "Конечно, девушка, я подожду". Клиент читает газету и уже не смотрит, как она, прижав к лицу ладонь горсточкой, торопливо выскакивает за дверь. Навстречу — шеф, чем-то очень недовольный. "Ты куда? У тебя посетитель!" — "Петр Петрович! Мне плохо!" Голос гнусавый. Шеф не верит, держит за руку повыше локтя. "В чем дело? Тебя тошнит? Это не первый случай. Учти, если вздумаешь уйти в декрет, можешь прощаться с работой, я ничьих детей содержать не буду!" — "Петр Петрович, я не беременна, у меня..." — и с болью, и, одновременно, с облегчением — фонтан крови, который уже не удержать, прямо на светлый английский пиджак начальника, на белую рубашку... "Господи!.. Ты с ума сошла, что ты делаешь!..". У шефа перепуганное, брезгливое лицо, он в страхе озирается, тащит Надю прочь от дверей офиса. "Немедленно умойся! Боже мой... Что ты наделала, мне сейчас ехать... Черт бы вас всех побрал, поехали в Москву...". Наде хочется возразить, что она в Москву ниоткуда не приехала, а родилась и выросла здесь, но не до этого, надо как-то остановить кровь, надо умыться...

...Врач "ухо-горло-нос" выключает мощную белую лампу и садится заполнять карточку. "У вас в роду заболевания крови были? У родителей, у бабушек, дедушек? Часто с вами так бывает? Сначала головная боль, потом кровотечение?.. Сосуды в глазах лопаются? Синяки появляются без ушиба?" У него профессионально равнодушное лицо. Надя полулежит в кресле, похожем на зубоучебное, смотрит то на врача, то в потолок. Палец проколот, белый комочек ваты с алым пятнышком скатился на пол. "Вот направление к онкологу. Вы — не по моей части, у вас что-то другое". Мгновенный, холодный ужас: "К онкологу?!". — "Да, на консультацию".

...Скамейка в городском парке, мороженое. Участливое лицо Сергея: "Девочка моя любимая, солнышко, мы все равно будем вместе... Я тебя вылечу, ты будешь здорова..." Надя щурится от яркого солнца, грустно вздыхает. У Сергея семья, и слово "вместе" звучит смешно и лживо. Вместе с большой? Зачем?..

...Белые стены. Пожилая армянка в голубом нейлоновом халате: "Ну, это все пока предварительный диагноз, мне еще ничего не ясно. У тебя болят суставы? Вот видишь, нет. Значит, я могу и ошибаться. Ты кушай побольше, гуляй. А что с работы уволили — так это нам на руку, работа нервная, а тебе нервничать нельзя. Никогда! Запомни, дочка, что угодно, только не нервничать, даже если на твоих глазах поезд переедет ребенка". Шорох белых карточек, шорох халата. "Ты замужем?" — "Да... то есть, пока нет. Он там, в коридоре. Позвать?" — "Позови, дочка, позови. А сама выйди, пожалуйста, я поговорить с ним хочу один на один". Встревоженный Сергей закрывает дверь, но нетерпение, желание что-то узнать пересиливает стыд, и Надя, прижавшись ухом к чуть заметной щели, слушает. "Вас как зовут, дружок?" — "Сергей... Извините, а..." — "Минутку. Вы собираетесь пожениться, как я пони-

маю?" — "Ну, в общем, да, наверное". — "Мне надо не наверное, мне точно надо, дорогой мой. Собираетесь или нет? Если нет, я ее маму приглашу". — "Собираемся..." — "Вот и хорошо. У Надюши, по всей вероятности, острый лимфобластический лейкоз. Вы понимаете, что это значит? Вижу, понимаете. Я уверена в этом не на сто процентов. Кое-какие признаки не совпадают. Но на сегодняшний день мне абсолютно ясно одно: любой ценой ее нужно оградить от нервных перегрузок, вызывающих кровотечение". — "Доктор, я и так стараюсь... Она все время дома, больше не работает, мы каждый день видимся..." — "Все это хорошо, хорошо. Но вы должны постоянно помнить, что кровотечение из носа для нее смертельно опасно, особенно спонтанное, когда никого нет рядом. Кроветворная система работает неправильно, кровь не может нормально восстановиться. Вы понимаете?" — "Конечно, понимаю!" — "Дружочек, это ведь серьезно. С этим шутить нельзя. Малейшая нервотрепка, усталость, недосыпание, даже просто горячая ванна — и все! Вы знали раньше, что на нервной почве у нее идет носом кровь?" — "Она не говорила..." — "И еще. Даже если все обойдется, даже если я — дай Бог! — ошибаюсь, все равно — рожать ей нельзя. Никогда". Сергей как-то нервно смеется: "Господи, и не надо. У меня от первого брака ребенок есть, а она и не хочет..." — "От первого брака?..."

...Пасмурный день. И пасмурное лицо Сергея, распаковывающего свои вещи. "Погоди, Надюша, не трогай меня сейчас. Это же как по живому резать, мне отойти надо. Сын за мной до самой остановки шел, отпустить меня не мог. Погоди, дай мне в себя прийти..."

Дальше мелькание кадров убыстряется. Пять дней счастья и — провал в черноту. "Надя, я так не могу, я должен туда вернуться... Я подонок, прости меня, но я не могу..."

...Ковалеву Надежду позвоните к телефону, пожалуйста. Надя, это вы? Я не узнала ваш голос. Где вы находитесь? Почему не являетесь на процедуры? То есть как это — "не хочу"?!. Никто вас не спрашивает! Вы что, с ума сошли?! Немедленно приезжайте в клинику, сейчас же!"

Опухшее от слез лицо матери. "Милая, ради меня, ради нас с папой, съезди, я тебя умоляю, папа тебя отвезет, только съезди!..."

Отец: "Мы тебя на свет родили не для того, чтобы хоронить! Нельзя же быть такой эгоисткой, о маме подумай, с ней-то что будет? Ну, маленькая, поехали, собирайся... Пожалуйста, плюнь ты на этого урода морального, ты себе лучше найдешь, только не бросай лечение".

"Да, я поеду, папа, но, ради Бога, не говори так о Сереже".

Звонки, разговоры, одинаковые дни.

"Милая, я еду домой. Жди меня. Мы теперь всегда вместе будем. Больше ничего не бойся..."

Две недели счастья — и снова провал.

"Прости, Надя. Нам, наверное, больше не надо встречаться. Я и им жизнь поломал, и тебе. Я негодяй, я всем мешаю..."

Утренняя пустота. Никого нет дома. Все было отлично, и вдруг — снова раковина в ярких каплях крови, Сережа ушел, усталость вселенская. Ничего больше не надо. Стоять вот так, пока не упадешь, и смотреть, как утекает вместе с кровью и водой твоя жизнь... Топот в коридоре, отец заметил на паркете дорожку из красных капель, кричит. Снова машина, верхушки деревьев за стеклом, фонарные столбы. Операционная. От отца — литр жизни, от двоюродного дяди — литр, от троюродного брата — пол-литра. Гудящие аппараты. Лица в масках.

Сдвинулось как-то, пошло в гору. "Не вижу подтверждения диагноза, это какие-то циклические колебания. Эритроциты — в норме, гемоглобин — в норме... костный мозг прижился... устойчивая ремиссия..." Клиника, роскошный искусственный куст шиповника в керамической чаше, веселый какой-то фильм по телевизору, сиреневое одеяло. Монашка с фарфоровым кукольным личиком приносит лекарства и чай, смешливый молодой доктор рассказывает анекдот. Мама, радостная, светлая, в новом осеннем плаще. Сентябрьский парк за окном. "Ну вот, сегодня ты выглядишь просто хорошо. Надя!" Женщина-психолог спрашивает о снах и мыслях, но как-то поверхностно, без интереса. Все неважно. "Мама, не говори Сергею, что я здесь. Я не хочу, чтобы он сюда приходил. Я не выдержу, если его увижу..."

...Осень. Долгие дожди, ветреные улицы, мокрые крыши. По очереди — Надя и мама — у дверей реанимации, а там — отец, не выдержало сердце.

"Как он, доктор?" — "Состояние стабильно тяжелое. Но надеяться можно. Я бы сказал, у него пятьдесят на пятьдесят. Подождем".

Дождалась ранним утром Надя. Выпал снег, и она стояла у грязного больничного окна, глядя в серо-белую утреннюю муть.

"Девушка! Вы дочь Ковалева Виктора?" — "Да!" — "Мне очень жаль, он скончался".

Дальше — просто. Желтая стена коридора, и пальцы с обломанными ногтями, царапающие эту стену. "Папа, папа, как же я без тебя?.."

Через две недели вернулся Сергей. "Сережа, ты больше никогда от меня не уйдешь?" Серьезный взгляд: "Никогда, мое солнышко, любимая..." Мама собрала вещи и уехала к своим родителям. "Надя, я не хочу и не имею права лезть в твою жизнь. Ты сама ее выбрала. Если ты хочешь оставаться... этим человеком, пожалуйста. Я все понимаю. Но мне будет лучше у родителей. Я пока там поживу".

Прощание на вокзале, совсем чужое, бледное лицо в вагоне поезда. "Я никогда этого не говорила, Надя, но я тебе — мачеха, а не мама. Может, ты догадывалась. Я очень любила твоего отца, а тебе было всего пять месяцев, когда погибла твоя мать. И я согласилась... ради него... Ты понимаешь? Не осуждай меня".

А потом наступила новая весна.

Шевельнулись кусты полыни у железнодорожного полотна, словно крыса пробежала в зарослях. Надя вздрогнула, всмотрелась:

— Эй, кто там?..

Крыс она не боялась, но вдруг — змея? Кто в этом глухом углу придет на помощь? Кричи — не кричи, все равно.

Снова чуть слышно защелкало. Она прислушалась: звук был тихий, успокаивающий, но явно искусственный, так мог бы щелкать какой-нибудь прибор в больнице. Нет, наверное, змеи тут ни при чем. Интересно, что это?..

Надя чуть усмехнулась, прикуривая новую сигарету. Странно, что такие мелочи могут как-то занимать сознание. Казалось бы, что сейчас может быть важнее и больнее этих еженедельных отлучек Сергея, когда все внутри ноет от страха и мерзких, каких-то липких дурных предчувствий?.. А поди ж ты, щелканье дурацкое заинтересовало.

Она встала со шпалы, подошла и раздвинула заросли. Никого там не оказалось, только ржавые гайки да пара прошлогодних пивных бутылок на земле. Почудилась?..

Звук, на миг прервавшийся, возобновился, но где-то левее, вроде бы за поваленным бетонным столбом.

— Играешь со мной в прятки? — пробормотала Надя, подкрадываясь. — Ну, сейчас я тебя!

И там — никого. Теперь щелкало сзади. Она недоуменно обернулась, успев заметить краем глаза короткий, тут же исчезнувший металлический блеск.

— Эй, да ты кто, а?

Донесся тоненький, едва слышный писк. У Сергея так пищали электронные часы, регулярно, в начале каждого часа. Может, кто-то такие же часы забыл? Или пейджер? Мало ли тут компаний по вечерам собирается...

На какие-то секунды любопытство пересилило тяжесть на душе, и Надя, азартно выдохнув, одним прыжком очутилась там, где только что блеснул металл. "Поймаю!"

Не поймала. Щелканье и писк переместились за ржавую железную бочку метрах в двух от рельсов, и Надя метнулась туда. Нет, это никак не пейджер. Пейджеры не бегают.

Это была какая-то игра, хотя со стороны, наверное, можно было подумать, что девушка явно не в себе: скачет туда-сюда в заброшенном углу за церковью и ловит непонятно что. Слава Богу, никто ее не видел. А то, пожалуй, "скорую" бы вызвали.

Ей так часто вызывали "скорую", что сейчас, в этот странный вечер поздней весны, в лучах заходящего солнца, ей было как-то особенно, почти болезненно приятно ощущать себя здоровой и полноценной, бегать, прислушиваться, искать — почти как в детстве. Сергей с его отлучками отодвинулся куда-то за край сознания. Это потом. Будет еще масса времени, чтобы помучиться.

Она остановилась, задыхаясь, и испуганно села, прислушиваясь к сердцу. Ничего не болело, не подкатывал к носу тяжелый комок, но истечь кровью на этих рельсах все-таки не хотелось.

— Я больше не могу, — пожаловалась она в пространство, чувствуя странное удовольствие от этого разговора ни с кем. — Я больна, понимаешь? Немножко побегать — это пожалуйста. Но не столько же.

Никто, естественно, не отозвался, но щелканье вдруг приблизилось, и сквозь него пробился негромкий треск, вроде радиопомех.

— Я сейчас отдохну, — продолжала Надя, — а потом, может быть, еще раз попытаюсь тебя поймать.

Неожиданно по спине, между лопаток, пробежали мурашки, и она поежилась. Это был не страх, ничего похожего. Просто почти приятные мурашки, словно сбылось какое-то давнее предчувствие, и вот-вот восторжествует справедливость.

— Я тебя найду, — сказала Надя. — И посмотрю, кто ты. Или что ты. Мне интересно, понимаешь?

Мурашки усилились, теперь они бегали по всему телу, вышибая слезы. Ей показалось: надо говорить, и это ощущение продлится. Пусть оно продлится...

— Мне плохо, — пожаловалась она, — ничего не болит, а плохо. Тоска на душе. И никто меня не понимает. Совсем никто на целом свете. Мой отец умер прошлой осенью. А мама оказалась мачехой и бросила меня. Представляешь? Вообще-то, я ее понимаю. Зачем я ей сдалась?

Щелканье вдруг стало чаще, и мурашки начали превращаться в тепло, такое ласковое и доброе тепло, что Надя всхлипнула.

— Я, наверное, просто схожу с ума. — Она вытерла слезы и достала сигареты. — Да и ладно. Пусть. Лучше сойти с ума вот так, с удовольствием, чем от нервов трепок...

Тепло затопило уже все тело и поднималось к голове. Это было немного похоже на действие горячей воды после долгой прогулки на холодном ветру. Приятно. Расслабляюще. Никаких забот.

— А муж, вроде, любит меня. Наверное, любит. Но каждую субботу он уезжает к своему сыну, и каждый раз я боюсь, что он больше не вернется.

Коротко звякнуло, словно монетка упала на бетонный пол.

— Понимаешь, — заторопилась Надя, смертельно боясь, что спасительное тепло рассеется. — Он просто ездит к нему, навестить, погулять. Я это могу понять... наверное. Но он два раза от меня уходил. Два раза! И я не могу теперь не бояться. Мне... мне страшно, грустно, неприятно, мне хочется его внимания, а он оставляет меня и едет... на целый день... а я одна, и боюсь...

Ей захотелось плакать, и она зажмурилась, чтобы не разреветься. И тут что-то коснулось ее ноги.

Был случай, когда она весь вечер пятницы умоляла Сергея остаться дома, никуда не ходить, потому что тоскливо, зима, ветер, хочется побыть вдвоем, и невозможно остаться одной хоть на час. Он был неумолим. Даже не смотрел ей в глаза.

— Надя, я встречаюсь со своим сыном!

— Сереженька, милый, я все понимаю, но прошу тебя!.. Неужели ты не можешь меня пожалеть? Встретишься с ним в другой раз, а завтра побудь дома, пожалуйста, ну пожалуйста!

— Надя, давай закончим этот разговор!

"А кто тогда поговорит со мной об этом? — подумала она, глядя на жесткое лицо мужа, — кто мне поможет?"

— Ай! — Надя взлетела от испуга и отскочила с бешено колотящимся сердцем. — Господи...

Это была игрушка. Крошечный, безобидный клубок шестеренок и проволоки, напоминающий полуразобранную механическую собачку без головы. Несколько шестеренок вертелись, тикало, доносился слабый прерывистый писк. Надя выдохнула и вытерла рукавом пот со лба.

— Ну, и напугал ты меня!

Она подошла, присела на корточки, тронула пальцем и отдернула руку. Игрушка не была мертвой, что-то происходило в ней, не видимое глазу, жило, почти дышало. Снова пробежали по спине мурашки, и Надя, затаив дыхание, взяла предмет в руки и подержала на весу над землей.

Странная вещица. Ведь сделал же ее кто-то, запустил моторчик, а для чего?.. Смысл должен быть в любом действии. Даже играть в бирюльки надо со смыслом.

Она поднялась на ноги и прошла несколько шагов. Оглянулась на то место, где сидела, и поняла, что больше ее там ничего не держит. Можно уходить.

На закате все кажется нереальным, даже грязный заброшенный пруд с развалинами кирпичного дома на берегу выглядит зловеще. Надя шла по огибающей пруд тропинке, думая почему-то о жильцах этого дома и еще о том, что в игрушке никак не кончается завод, но батареек нет, значит, она должна рано или поздно замереть навсегда. Жалко будет. Что-то есть в этом мерном, неживом движении шестеренок, какая-то стабильность, даже надежда.

Уже тянуло холодом, смеркалось. Белые буквы на полуразвалившейся стене дома ползли вверх и обрывались в небо: "Я все сделаю, чтобы тебе было хорошо!"

"Надо же...", — она криво усмехнулась, — а ведь кто-то верит таким заявлениям. И верит не только тот, кто их слышит или читает, но и тот, кто произносит или пишет. Сделаю ВСЕ — это звучит сильно".

Она представила себе парня, который написал эти слова. Он и не задумывается, что сделать ВСЕ — это не только подарить цветы, сводить в театр, набить морду пьяному, который полезет к любимой на темной улице. Это не только говорить ласковые слова, поставить штамп в паспорт, принести домой зарплату, повесить полки. ВСЕ — это может быть и литр крови, и бессонные ночи, и потеря работы, и расставание с родными, и даже смерть. А может быть, ВСЕ — это просто способность понять близкого человека, влезть в его шкуру хоть на день, хоть на минуту.

Если думать так, ВСЕ сделать не готов никто. Надо было написать иначе, чтобы это было правдой: "Я сделаю все, что смогу, что посчитаю нужным и что не нарушит моих удобств в жизни, чтобы тебе было хорошо и чтобы ты перестала ныть и доставать меня!"

Надя усмехнулась и тронула игрушку в кармане куртки. Ее присутствие как-то успокаивало.

Впереди уже показались темные покосившиеся ворота, за которыми начиналась нормальная, шумная улица с автобусами, магазинами и людьми. Маленький "уазик" с погашенными фарами дремал на границе тишины и шума, словно между двумя мирами. Возле него курил, сидя на траве, мужчина в военном камуфляже и кепке с длинным козырьком. Второй, почти невидимый, курил за рулем.

— Девушка, извините...

Надя остановилась, не доходя до них нескольких шагов.

— Что?

Тот, что сидел на траве, поднялся и шагнул к ней.

— Вы там никого не видели?.. Мужчина, лет сорока с небольшим, лысоватый такой...

— Не было там никаких мужчин, — неприязненно ответила Надя. — Вообще никого не было.

— Может, просто не заметили?

— Может, и не заметила. Хотя...

— Что — хотя? — военный как-то подобрался и сунул руку в карман.

— Хотя трудно человека не заметить, верно?

— А-а... ну да, конечно. А сами вы зачем туда ходили?

— Вам-то какое дело? — возмутилась Надя. — Тут что, запретная зона?

— Нет, нет! — военный махнул рукой. — Но не надо туда ходить просто так. И без того каждую весну — труп. А то и не один. А в прошлом году мужик четверых убил. Жену свою, детей и... офицера одного. До сих пор не поймали. А вы тут ходите просто так...

— Я не просто так, — примирительно сказала Надя, вздыхая. — Мне одной побыть хотелось. А везде люди. Можно, я пойду?

— Идите. Спасибо... Слушайте, а вы там ничего... не находили?..

Надя почувствовала, как внутри что-то дернулось, словно спеленатая мышь.

— Нет, ничего. А там валялась тысяча долларов в пакетике?

Военный засмеялся:

— Если бы... я бы сам искал. Да ладно. Темно уже. Идите домой.

"Еще как находила, — с легкой тревогой подумала Надя, подходя к автобусной остановке, — но тебе, пятнистый, я этого ни за что не покажу. Найди свое".

Найди свое. Слова пришли сами, и это были именно те слова, которых не хватало. Свое. Это — мое, и тебе не принадлежит. Очень просто.

— Сережа, как думаешь, может механическое устройство работать без батареек?

Они лежали, обнявшись, и играли в "ускользающий поцелуй". Не спалось.

— Ну, если аккумулятор... — предположил Сергей, устраиваясь поудобнее, — или банальная пружина, как в часах.

— А пружины надолго хватает?

— По-разному. Я слышал, есть часы, которые можно заводить раз в месяц. А есть такие, которые можно вообще не заводить, они сами себя заводят. А что?

— Интересуюсь, — медленно ответила Надя и привычно поинтересовалась: — Может, завтра все-таки никуда не поедешь? Останешься дома?

— Надя, — с мягким упреком проговорил Сергей.

— Понятно.

— Давай не будем портить такой вечер, хорошо?

— Да-да, конечно, не будем...

Привычно. Ты привычно просишь, тебе привычно отказывают. Все слезы уже позади, а ранка осталась и побаливает.

Ей не хотелось снова наткнуться на холод, и она больше ничего не спросила. Хотя можно было спросить: "Почему мне кажется, что мое состояние для тебя совсем не важно?" Но какой смысл?..

Игрушка лежала в ящике с бельем, словно в норке, и в начале второго ночи, в тихий сонный час, Надя осторожно сползла с кровати, открыла этот ящик и запустила в него руку. Что-то робко тронуло ее пальцы, обвилось их наподобие крохотных мягких щупалец, и она вдруг увидела картинку.

...Летний солнечный луг, цветы, качающаяся трава. Только двое во всем мире — она и IS-2 (или просто Ис) среди всего этого великолепия природы. Теплый бархатный воздух, пение птиц и белое огромное облако на вершине неба. Она лежит на спине и смотрит на это облако, и Ис сидит в траве возле ее плеча и тоже смотрит. Они счастливы. Кто тебе нужен, если ты счастлив?..

— Мне кажется, его сын меня ненавидит, — тихо говорит Надя, — и хочет, чтобы меня не стало.

— Для него это ничего не изменит, — ласково отвечает Ис прямо в ухо. — Прошлой не возвращается. Но разве это так уж важно? У тебя есть я. Это очень много. Ты мне нужна, я думаю о тебе все время. Твоя жизнь — это моя жизнь, и я сделаю ВСЕ, чтобы тебе было хорошо!..

Она улыбается. Ис действительно сделает ВСЕ, чтобы ей было хорошо. Нужно-то для этого очень мало...

Уехал. Надя закрыла за ним дверь и тяжело прислонилась к стене прихожей, переводя дыхание. Такие вот экскурсии в прежнюю жизнь — так ли уж сильно они отличаются от измены?.. Ты создал себе новое, полюбил это новое, но, если ты постоянно, пусть на короткое время, возвращаешься к старому, живешь этим старым, значит, на это время ты от своего нового отрекаешься?..

Она не знала, на чьей стороне правда. Больше всего на свете ей хотелось встать на сторону мужа с его родительскими чувствами и просто принять все как есть. Пусть ездит, пусть гуляет с сыном и покупает ему мороженое, надо просто перестать думать об этом. Но как?

Тоненько запищало. Надя умылась в ванной, расчесала волосы и выпрямилась, чтобы посмотреть на себя в зеркало. Лицо, которое глянуло на нее оттуда, было синевато-бледным, с припухшими глазами и тонкой красной струйкой, тянущейся из носа и растущей, растущей... Потом появилась вторая, и капля звонко (бам!!..) ударила о раковину.

Опять!

Она открыла холодную воду и, торопливо наклонившись, стала смывать кровь, по опыту зная, что это, в общем, ничего не даст. Надо успокоиться. Полежать, приложить лед к переносице, таблетку проглотить. Поспать. Подумать о чем-то хорошем: работу новую предложили, погода солнечная, Сергей вернется ведь не очень поздно, может быть, еще погулять успеем... Главное, не расспрашивать его, не представлять себе, о чем он говорил со своим сыном, куда с ним ходил...

Она знала, что будет расспрашивать. Все пойдет, как всегда.

Накатило знакомое безразличие, и Надя отняла руки от лица, глядя, как кровь утекает в отверстие слива. Пусть. Пусть этой самой крови вообще не останется ни капли. Может, тогда Сергей, вернувшись домой и найдя ее тут, в ванной, хоть на мгновение пожалеет о том дне, когда в его ледяном голосе не было ни капли сочувствия, а глаза были, как сталь...

Мир зашатался, и тут что-то сильное, мягкое, теплое подхватило ее и понесло мимо узорчатых обоев коридора, мимо распахнутых створок двери, в комнату, к застеленной пледом кровати, к покою...

На стуле стояла чашка теплого кофе и лежала маленькая шоколадка. Сквозь задернутые шторы угадывалось дневное солнце, пахло свежестью. Надя пошевелилась и обнаружила, что раздета, а ноздри плотно забиты комками ваты.

— Надо же, я еще жива... — пробормотала она. — Сережа?

Конечно же, он вернулся! Почувствовал что-то и никуда не поехал! Все-таки есть у него сердце, все он понимает, он ведь очень хороший, добрый!

— Сережа! — уже громче позвала она. Никто не ответил. Тапочки Сергея стояли на месте, и вдруг Надя с удивлением вспомнила, что так и оставила ключ торчать в замке изнутри, а значит, никто не мог войти в квартиру.

— Боже ты мой... Глюки начались.

Взгляд ее упал на шоколадку. Несколько дней назад Сергей купил десяток таких и выдавал ей в день по одной, а остальные прятал, забавляясь ее тщетными попытками отыскать тайник. Прятать он умел хорошо, Надя так и не вычислила, где он держит сладости. Но эта шоколадка, лежащая рядом с чашкой кофе, была на сегодня уже второй, первую она съела за завтраком.

Все можно объяснить: и что она сама дошла до комнаты, не помня этого, и что сама оказала себе помощь, а потом сварила кофе, разделась и легла. Но шоколадку объяснить нельзя! Ни в каком состоянии, ни во сне, ни наяву, она не нашла бы тайника сама.

В голове было звонко и пусто. Надя села на кровати, потрогала нос, огляделась. Кто-то вытер закапанный кровью пол, открыл форточку, задернул шторы. Стул у окна стоял по-новому, не так, как ставила его Надя.

Она встала, дошла, пошатываясь, до ванной. Там было абсолютно чисто, раковина блестела, как новая, блестели и кафельные стены. Лишь одно нарушало торжество сияющей чистоты — аккуратная, почти каллиграфическая надпись зубной пастой на зеркале:

“Я сделаю все, чтобы тебе было хорошо!”

Наверное, смешно для нормального человека гордиться тем, что у тебя никогда не было галлюцинаций. Но в тот момент, когда Надя прочла белые, безупречно выписанные слова на поверхности зеркала, она поняла, что одним поводом для гордости стало меньше.

Несмотря на долгую болезнь и, в общем-то, не слишком счастливую, нервную жизнь, она считала себя человеком обыкновенным, психически устойчивым и даже терпеливым. Долгая эпопея с Сергеем и его разводом подточила, конечно, ее силы, но не до такой же степени...

И вдруг вот этот номер. Очень весело. А ведь все только начинается.

Она тронула уже подсохшие буквы и засомневалась. Нет, так красиво ей даже фломастером не написать, не то что зубной пастой. И потом — шоколадка. Это невозможно. Это не ее рук дело.

— Кто здесь? — спросила она без особой надежды на ответ.

Пискнуло. Она сразу вспомнила об игрушке и кинулась к шкафу, довольно сильно приложившись по дороге об угол письменного стола и не заметив этого.

Игрушка (IS-2, просто Ис — на выбор) была на месте, лежала среди груды носков и колготок мирно, издавая тихий шорох и потрескивая, как свеча. В ней что-то изменилось за ночь, то ли форма, то ли размер, то ли цвет. Еще вчера она была крохотной, какой-то жалкой, кое-как сделанной, а теперь все ее линии казались плавными и осмысленными. Местами угадывался синий оттенок, словно светлый металл покрыла окалина.

Надя осторожно взяла вещицу в руки и ощутила знакомые мурашки вдоль позвоночника, будто кто-то провел гусиным пером по голой коже.

— Привет... Это не ты все это?.. Господи, что я несу...

Положив игрушку на кровать, она села и выпила кофе, откусывая горький шоколад. Настроение неожиданно поднялось, больше ничего не казалось странным, и Надя улыбнулась:

— Вот, я сошла с ума и разговариваю сама с собой. Или с тобой, если ты меня слышишь.

Игрушка тонко проиграла мелодию.

— Слышишь! — восхищенно пробормотала Надя. — И это здорово!.. Я бы многое могла тебе рассказать. Меня больше никто не слушает, только ты.

Снова мелодия, но другая, подлиннее. Внизу заурчал мотор, и Надя машинально встала и выглянула в щель между шторами. Под окном, забравшись наполовину на тротуар, стоял вчерашний военный "уазик" с буквами "ВВ" на дверце, и офицер в камуфляже настраивал какой-то прибор с антенной, поставив его на капот.

— Пятнистый. — Надя злорадно улыбнулась. — Все кого-то ловят. Мужика лысого. Теперь сюда приехал ловить.

Игрушка зашуршала и умолкла.

— Я тебе все расскажу, — пообещала Надя. — Если ты меня понимаешь, сыграй "Ламбаду"...

Она не ждала отзыва на свои слова. Но даже не вздрогнула, услышав знакомые аккорды.

Сергей шел домой в смутно-тревожном настроении. Даже не из-за Нади, просто так. С самого утра что-то не заладилось, сын опоздал на встречу, капризничал, обижался на каждое слово. В зоопарке была такая толпа народу, что ни к одному животному не удалось толком пробиться, чей-то ребенок вымазал Сергею штаны мороженым, несколько раз ему очень больно наступили на ногу, а чебуреки, которые он купил себе и сыну на выходе, оказались несвежими и вызвали сильную изжогу. В метро, в давке ему прищемили каким-то "дипломатом" пальцы к двери, да так, что выступили слезы. Сын попросил в магазине красивый альбом для фотографий, но не хватило денег, а от другого, попроще, он отказался и надулся, стараясь, чтобы отец этого не заметил (и именно потому это было особенно заметно). Да еще на

обратном пути Сергею попался молодой парень, сидящий на автобусной остановке с окровавленным платком у носа, и это сразу напомнило о Наде.

Что она делает дома одна? Раньше он старался об этом не задумываться, но теперь, идя быстрыми злыми шагами к дому, представил себе ее в ванной, над раковиной, зареванную и одинокую, и почти побежал.

Слева у подъезда притулился сиротливый зеленый "уазик" с эмблемой внутренних войск. Он уже собирался отъезжать, прогрел двигатель, но рослый мужчина в камуфляже еще не сел в кабину, стоял, разговаривая с молодыми мамашами и старушками, обступившими его кольцом.

Сергей окинул группу взглядом, и вдруг военный оживился и двинулся ему навстречу:

— Здравствуйте!

— Ну, здравствуйте, — тон у Сергея получился не слишком теплым.

— Я прошу прощения, вашу жену зовут Надежда? — как-то заискивающе улыбнулся военный.

— Да, а что?

— Вы понимаете, тут дело такое... Вероятно, в вашей квартире находится "собачка"... вы только не волнуйтесь, но мы звонили в дверь, нам не открывают.

— Какая, к черту, собачка? Нет у нас никаких собак! — Сергей хотел отодвинуть офицера и пройти, но тот уперся, все еще улыбаясь.

— Еще раз извините. Мне ваши соседи сказали... ну, что Надежда нездорова, часто плачет...

— Соседей это вовсе не касается!

— Подождите! — военный крепко взял Сергея за локоть и отвел его подальше от возбужденной кучки соседок. — Я должен объяснить...

Надя открыла, веселая. Она улыбалась и выглядела совершенно безмятежной, словно провела день лучше некуда.

— Привет, Серенький! — повисла у него на шее и нежно поцеловала. — Как дела? Спасибо, что рано вернулся!

— Да зоопарк этот чертов... — пробормотал Сергей, входя в квартиру и машинально осматриваясь. — Да еще военный привязался...

— Этот, пятнистый? — Надя танцующей походкой двинулась в сторону кухни. — Кушать будешь?

— Пятнистый... Ну да, в камуфляже. Слушай, а что за страсти он мне рассказывал? Насчет мужика, который четверых убил? Поселок еще какой-то эвакуировали под Москвой, газом там травили... Что у тебя за штука дома?

— Штука? — Надя остановилась и обернулась. — По-моему, он шизофреник, этот твой военный. Пристал ко мне вчера, не видела ли я лысого мужика сорока лет. Спрашивал, зачем я гуляю возле церкви.

— А зачем ты гуляла возле церкви? — Сергей уселся за стол на кухне и с наслаждением вытянул усталые ноги. — Ф-фу, замотался.

— Просто гуляла. Настроение было паршивое. — Надя пожалала плечами, наливая ему суп.

— А сейчас?

— А сейчас нормальное. Ты же приехал.

— Почему не спрашиваешь, где я был и что делал сегодня? — Сергей прищурился.

— Ну... если захочешь, сам расскажешь. А лучше расскажи, что тебе наговорил этот ненормальный.

— Этот ненормальный сказал, что в конце восьмидесятых— начале девяностых в Москве и Московской области они зарегистрировали появление существ... устроит... не знаю, как назвать. Он и сам не знает. В общем, их назвали "собачками". Откуда они взялись, неизвестно. В общем-то, это было даже засекречено какое-то время, но потом секретность сняли. Считалось, что всех "собачек" уничтожили.

— Почему? — Надя села за стол напротив. — Это что, так опасно?

— Понимаешь, они вроде бы как-то влияют на психику. Один человек из-за такой вот "собачки" убил жену с детьми и еще какого-то военного. Ни с того ни с сего. До этого были случаи, что люди внезапно разводились, покушались на самоубийство, бросали работу, начинали пить. И все такое прочее. В одной из школ произошла ужасная массовая драка, несколько человек попали в больницу... Он мне сказал, есть признаки, по которым можно определить, завелась в доме "собачка" или нет.

— Интересно, — хмыкнула Надя.

— Они цепляются к людям, у которых есть какие-то личные проблемы. Часто к одиноким или к тем, кому плохо в семье. К больным... — Сергей задумчиво посмотрел на жену. — Даже не обязательно болеть тяжело, чтобы она прицепилась. Офицер сказал, что ее надо как-то... опознать, что ли. В общем, те, кому не хватает внимания и поддержки, сами находят...

"Находят свое", — мелькнуло в голове у Нади.

—...свою "собачку". И отделаться от нее потом очень трудно... Почему ты не открывала дверь, когда звонили?

— Не хотела. По-моему, он все-таки псих, Сереж. Все он придумал.

— У тебя действительно нормальное настроение?

— А что?

— Надюш, только честно. Ты ничего такого не находила на улице? Наподобие внутренностей будильника? Ты меня вчера спрашивала про батарейки, про пружины... Это не связано?

"Ничего я тебе не скажу, — ответили Надины глаза. — Это ведь последнее, что у меня осталось".

— Я ничего не находила, — вздохнула она. — Ерунда все это

— У него есть прибор, — объяснил Сергей. — Он реагирует на "собачек", когда они в активном состоянии. Я не совсем его понял, но, кажется, прибор еще не отлажен и иногда врет. Приводит по адресу, а там — какой-нибудь сотовый телефон работает или микроволновка. К тому же, у них нет и не может быть ордера на обыск.

— И что?

— Он внизу ждет. Если ты все-таки что-то нашла, отдай ему, Надь. Я не думаю, что это сказки. Он сильно напуган и нервничает.

Надя взялась за ложку.

— Ешь, Серенький. Если это серьезно — был бы ордер на обыск. А так... И ничего у меня такого нет. Успокойся.

Надя была счастлива. Днем, держа Ис на коленях, она посмотрела хороший фильм, потом они убрали квартиру и вышли погулять. На новой работе (три дня работы через три) все было хорошо, а дома ждали интересные разговоры, аккуратные записочки со словами: "Я люблю тебя!", и то, что завтра — очередная суббота, Надю совсем не волновало.

Она так и не поняла, какого Ис пола, и называла ее сестренкой.

— Скажи, сестренка, я ведь не изменяю Сереже с тобой, верно?

— Конечно не изменяешь я ведь не мужчина и у тебя со мной ничего не может быть как с женщиной но я люблю тебя а ты любишь меня нам вместе очень хорошо поэтому давай не будем мучиться глупыми проблемами”

— Завтра Сережа снова туда поедет...

— Ну и пусть едет а мы без него обойдемся я буду весь день петь тебе и рассказывать смешные истории и ты будешь мне рассказывать все-все о себе мне это интересно и еще мы вместе разберемся почему тебе бывает так грустно когда у тебя есть я”

— Ис, ты такая прелесть, ты даже не представляешь!.. Жалко, что Сергей тебя не видел...

— И не надо он слушает плохих людей которые убивают таких как я убивают и увозят целыми грузовиками сжигать это очень страшно поверить мне когда всех уничтожают и ты остаешься в одиночестве”

— Одиночество — это я могу понять, сестренка... Даже когда вокруг все, тыфу-тыфу, живы, можно быть очень одиноким.

— Теперь мы оба не одиноки мы нашли с тобой друг друга и нам хорошо а вообще зачем тебе нужен этот Сергей я не понимаю неужели без него нельзя обойтись чтобы мне не приходилось прятаться в ящике когда он дома”

— Нет! Без Сергея нельзя обойтись.

— ладно как хочешь ты многого еще не понимаешь у меня была сестра Мавель и ее хозяйин смог обойтись без всех ради нее но ты еще не готова к этому мы позже поговорим а сейчас расскажи мне о чем ты мечтаешь”

— Самое смешное, Ис, что я мечтаю всю жизнь просто так сидеть с тобой на диване и ничего больше не делать. И эти мечты меня пугают.

— ничего не надо бояться все правильно так и должно быть я ведь твой самый близкий друг и я люблю тебя и все сделаю чтобы тебе было хорошо”

— Ты ничего не хочешь мне сказать? — Сергей приподнялся на локте и посмотрел на засыпающую жену. — Спросить?

— Нет, все в порядке.

— Подумай хорошенько. Сегодня вечер пятницы.

— Ничего я не хочу спросить. И ни о чем не прошу. — Надя зевнула. — Давай спать. Завтра тебе ходить целый день...

— Не целый день! — Сергей неожиданно сел и зажег лампу, заставив Надю зажмуриться от света. — Я поеду ненадолго. Буквально на час.

— Хорошо, — с ноткой разочарования отозвалась она.

— Надя, в чем дело? Ты нашла мне замену?

Она фыркнула:

— Господи! Ну, что тебе не нравится? Когда я ныла и умоляла тебя остаться дома, это было плохо. Сейчас я не ною и не умоляю — тоже плохо. А что хорошо?

— Ты все-таки нашла ее?

— Кого? Замену?

— Ну, эту штуку? Думаешь, я не чувствую, как ты изменилась? Я тебе говорил, есть признаки. Один из них, когда человека вдруг, внезапно, перестает волновать то, что волновало.

— Перестань искать у меня какие-то признаки, — поморщилась Надя. — И не нашла я тебе никакой замены. Я люблю тебя. Если бы не любила... — она вдруг прикусила губу.

— Что было бы, если бы ты меня не любила?

— Мы бы, наверное, расстались.

— Только не темни, Надя, я тебя умоляю! Скажи мне просто и честно: есть у тебя "собачка" или нет? Я же все равно узнаю, я всю квартиру вверх дном переверну! Но я узнаю!

— Зачем? — грустно спросила Надя.

— Затем, чтобы избавиться от нее раз и навсегда.

— А с чем останусь я?

— Со мной, Господи, со мной! — Сергей повысил голос. — Тебе меня мало?

— А ты сделаешь ВСЕ, чтобы мне было хорошо?

— Только не надо, пожалуйста, ставить мне условия.

Надя повернулась на бок и закрыла глаза.

— И что тебе наболтал этот идиот? Нет у меня ничего. Ищи, если хочешь.

Каждый вечер он стал водить ее гулять по окрестностям, живописным в цветении деревьям. Ис оставалась дома, и Надя с тревогой думала о ней, но рука мужа заботливо сжимала ее ладонь, он был рядом, и мысли как-то рассеивались. В конце концов, Ис — не человек. Что с ней делается?

— Мы все решим, — негромко говорил Сергей, когда они шли по вечерней улице мимо ограды лесопарка, — все наши проблемы. Я же думаю о тебе, ты для меня — самый близкий человек на свете. Мы разберемся. Мы оба не правы. Ты не права, что запрещала ездить к сыну, а я не прав, что так резко настаивал на этом. Но мы можем как-то договориться.

— Наверное.

— Да точно, можем. Чего тебе не хватает?

— Внимания, наверное. Или, если хочешь, понимания. Мне всегда этого не хватало, Сережа.

— Все будет хорошо, милая...

В пятницу вечером у подъезда их встретил знакомый "уазик", и Надя побледила. "Пятнистый" уже шел им навстречу, без улыбки, строгий и подтянутый.

— Надежда, — сказал он.

— Что, Надежда? — попятилась Надя.

— Извините, но на этот раз нет ошибки. Мы все проверили. Она должна быть у вас. Я понимаю, как вы ею дорожите, но это опасно, это очень опасно...

— У меня ничего нет! — Надя попятилась еще и зачем-то спрятала руки за спину.

— Отдайте ее мне, пожалуйста, — попросил военный. — У нас офицер из-за такой погиб. Вы хотите, чтобы что-нибудь случилось с вашим мужем? Или с вами?

— Со мной ничего не случится.

— Пожалуйста! Я вынужден просить, а не требовать, хотя должен бы требовать. Вы знаете, что они размножаются? Завтра их будет две, потом четыре, а через год придется выселять ваш микрорайон! Надя, вы, как их жертва, ничего не понимаете. Вам кажется, что мы покушаемся на вашего единственного друга. Но их задача — стать именно друзьями. Идеальный для них мир — это мир, где у каждого человека есть своя "собачка", и больше никого, где все люди, по сути, абсолютно одиноки! Я много знаю об этом, я видел глаза пострадавших, и я уверен в том, что говорю. Они могут существовать, быть активными, только до тех пор, пока они кому-то нужны. Поэтому... она же все сделает, чтобы быть вам нужной... любой ценой...

Сергей куда-то исчез, но Надя, поглощенная разговором, этого почти не заметила.

— Это началось давно, — продолжал офицер. — Никто сначала не придавал значения. Думали, дети балуются, собирают из деталей какие-то штучки. А потом... Целый поселок превратился в сумасшедший дом! Вы тоже хотите такой стать? У вас еще не очень далеко зашло. У вас все пройдет без следа.

— Я не хочу, чтобы у меня это прошло, — обиженно сказала Надя. — Как же вам объяснить-то... Раньше мне хотелось, чтобы меня выслушали, поняли, пожалели. А теперь мне ничего этого не надо. Ни от кого. Даже от мужа, хотя я его люблю. Ничего у нас не случится, ни драк, ни скандалов. Муж будет и дальше делать то, что он хочет. А меня оставьте в покое, я тоже имею право быть счастливой, но никого это почему-то не волнует. Точнее, не волновало.

— Надя, это как раз типичная психология их жертвы...

— Вот этих? — рядом появился Сергей, держа в руках Ис.

— Отдай! — взвизгнула Надя.

Военный как-то споро молниеносно выхватил игрушку и бросился к машине, успев крикнуть:

— У вас это пройдет, Надя! Помяните мое слово, пройдет!

— Стой, стой, сволочь! — Надя побежала за быстро разворачивающимся "уазиком" и почти схватилась за неплотно закрытую дверь, но пальцы скользнули по металлу и провалились в пустоту.

Она бежала за машиной, пока не истратила все силы, и тогда над улицей разнесся обиженный, испуганный, тоскливый крик:

— И-и-и-и-и!

"Ис, как же я без тебя?.."

— Ты ничего не хочешь мне сказать? — Сергей тронул ее плечо, но она не пошевелилась. — Надюшка, девочка, давай чаю попьем...

— Не хочу.

— Все будет хорошо. Пройдет какое-то время, и ты поймешь, что сегодня все было правильно, и тебе надо было от нее избавиться. Она бы погубила тебя.

— Как ты ее нашел?

— Ну, это только ты не можешь найти тайник, где я прячу от тебя сладкое. А я сразу сообразил. Но хотел, чтобы ты сама...

— Что ж, теперь ее нет, и бояться тебе нечего. — Надя подняла на него тяжелый взгляд. — Никто больше не покушается на твое спокойствие. Чего ты хочешь?

— Я хочу, чтобы у нас с тобой все было хорошо. И я все для этого сделаю.

— Да, конечно, — она обняла его и на секунду прижалась головой. — Спасибо, Серез. Все наладится, вот увидишь.

"ну вот меня нет и бояться ему нечего но твой страх остается с тобой потому что когда мы кого-то любим мы боимся его потерять вот и я любила тебя и потеряла но я сделаю все чтобы вернуться я сделаю все чтобы тебе было хорошо я вернусь если ты будешь во мне нуждаться и не важно я это буду или кто-то из моих сестер главное что мы желаем тебе добра Надя ты зови ищи и мы к тебе обязательно вернемся я обещаю".

Она включила горячую воду, достала новый пузырек шампуня и остановилась, глядя на себя в зеркало. Завтра суббота. Сергей уедет (или все-таки не уедет?), и совершенно некому будет утешить ее и сделать все, чтобы ей было хорошо.

Упала первая капля, и Надя поднесла руку к носу. Вот, опять. Звать мужа не хотелось. Пора обходиться собственными силами.

Ей вспомнилось чистое белое облако, плывущее над землей, пестрый луч в цветах, — пение птиц и убаюкивающий тихий голос Ис.

Наде стало вдруг легко и смешно, и она, чуть запрокинув голову, чтобы не перепачкать чистый коврик, забралась в горячую ванну и закрыла глаза...

Сколько ст

Все чаще приходится убеждаться: судебное решение зависит не от степени доказанности вины человека, а от суммы вознаграждения, полученного судьей.

Тут торг уместен

Сразу хочу оговориться: речь пойдет отнюдь не о всех тех, кто числится в судебном корпусе. Кто сутками добросовестно корпит над десятками томов уголовного дела, заботясь о правосудии в первую очередь.

А речь пойдет о тех, кто "приватизировал" правосудие, сделав его источником собственной наживы. Я бы и рад внушить себе, что нет у нас судебного взяточничества (прочного защищенного статусом судебной неприкосновенности), да вот мешают кое-какие эпизоды из жизни.

Начну с истории, случившейся в Ростове-на-Дону. О ней поведал мне один из работников правоохранительных органов, пожелавший остаться неизвестным.

— У наших судей существует такса: хочешь получить срок на год меньше

положенного, плати тысячу долларов. Хочешь, чтоб дело совсем развалилось или тебе дали условный срок, плати по 1,5 тысячи за каждый год. Хочешь, чтоб чье-то дело не дошло до суда или наоборот — дошло как можно скорей, договаривайся со следователем. И знай: тут торг уместен. Конечно, если речь о деле с трупом, то суммы (в долларах, разумеется) будут не меньше двузначных... Самые же легкие, в смысле наживы, это дела по обвинению в изнасиловании. Я сам видел, как радостно горят глаза и у следователей, и у судей, когда к ним приплывает в руки такой подарок. Ведь тут доить можно и ту, и другую сторону. Причем — безнаказанно. Ведь квалификационные коллегии судей, как правило, "своих" под суд не отдают, а вести следствие без возбуждения уголовного дела можно только тайком... Замкнутый круг!.. Я знаю случай, когда передачу взятки судье сняли скрытой камерой, но это не стало доказательством, так как не было разрешения на ведение следственных действий... Отсюда — ощущение полной безнаказанности!

Ну, а теперь — сама история.

ОИТ свобода

Игорь ГАМАЮНОВ

У судебного порога

Суд был закрытым. И хотя весь Ростов знал из местных газет, что там происходит, и я предъявил корреспондентское удостоверение, меня в зал не пустили. Имели право, я не в претензии: ведь слушалось дело по обвинению в изнасиловании, и присутствие посторонних в таких случаях исключено. По закону. Но не возвращаться же в Москву ни с чем — суд в своем роде сенсационный: на нем председательствует судья, публично обвиненный (в газетной статье!) во взяточничестве. В тот момент, когда он вел судебное разбирательство, в горпрокуратуре рассматривалась жалоба, в которой отец подсудимого Леонид Дубровин описывал, как этот судья заставил его выложить 15 тысяч рублей — за облегчение участи сына.

Пытаюсь дождаться судью в коридоре, но процесс затягивается, и человек в пятнистой униформе (судебный пристав) выпроваживает меня ровно в 18.00 на улицу. Звоню судье утром — он занят, принять не может. Перезваниваю председателю этого райсуда и слышу в ответ категорическое:

— У меня нет желания встречаться с прессой!

Хотя, как мне казалось, с прессой должным образом встречаться — по общественно значимому поводу! — все должностные лица. С какой бы ноги они в то утро ни встали.

О том, как мне в конце концов удалось увидеться с прославившимся в Ростове судьей, чуть позже. А сейчас о самом деле.

Читаю приговор. Из него возникает такая фабула: Вера Каркушина (имя изменено. — И.Г.), замужняя женщина, имеющая ребенка, утверждает, будто в пять часов июньского дня встретила с Владимиром Дубровиным, 30-летним мужчиной, также обремененным семьей и ребенком. Знакомы они с 96-го, когда Владимир Леонидович, сотрудник координационного центра поддержки программ ООН в Ростовской области, помог ей с устройством на весьма выгодную работу.

На этот раз Каркушина хотела таким же путем добыть место своей родственнице. Встретившись с Дубровиным у магазина "Максим", пригласила в свой "фольксваген-вент", повезла зачем-то на набережную. И вот там, на

виду стоящих у воды рыбаков, гуляющих прохожих и дневальных, маячивших на палубе пришвартованного катера "Салютин", а также — проезжающего каждые 15-20 минут милицейского патруля, сотрудник ООН, ослепленный губительной страстью, будто бы совокупился с Каркушиной. Против ее воли. Прямо там, на водительском сиденье.

Дубровин же отрицает не только насилие, но и сам факт встречи. Как следует из опросов дневальных на катере, дежуривших в тот день в 15-ти шагах от предполагаемого места стоянки "фольксвагена", не было там никакой иномарки. И сновавший мимо милицейский патруль ее не видел.

Но Каркушина утверждает: "фольксваген" простоял там с 17 часов и до сумерек, то есть до 22 часов, и суд почему-то верит ей, а не всем остальным. Точно так же суд отнесся и к свидетелям алиби Дубровина, утверждающим, что в этот день, в 17 часов, Владимир был дома.

Если допустить, что все это правда, поневоле возникает вопрос: как такое могло случиться в людном месте? Шум, крики, возню в машине должны были услышать стоявшие в десяти шагах рыбаки. Почему не вмешались? Ведь Каркушина, по ее словам, сопротивлялась, а Дубровин будто бы ее бил. Даже повредил нос, заляпав кровью сиденья, утверждает она.

Ответ Каркушиной: не кричала, потому что Дубровин будто бы угостил ее фантой, в которую что-то подсыпал. Тогда зачем этот, с ума спятивший сотрудник ООН, как она твердит, бил впавшую в забытие, молчавшую женщину? Оказывается, забытие время от времени проходило — она сопротивлялась, и он пытался сломить ее волю. К тому же одной рукой рот зажимал, другой спинку водительского сиденья откидывал. И — раздевал ее и себя "снизу". И даже успел оснастить свое мужское достоинство презервативом

— процедуру оснащения она будто бы хорошо видела. Словом, если верить ее фантастическим показаниям (а приговор основан на них), у Дубровина было минимум шесть рук.

Но потом-то, когда многорукий Дубровин будто бы ушел, бросив ее в автомобиле одну, почему она тут же не обратилась в ближайшее отделение милиции? Не потребовала задержать негодяя, чей телефон и адрес она хорошо знала? Не попросила медпомощи и освидетельствования? Почему, приехав домой, не позвонила мужу, будто бы уехавшему к брату — "пить пиво"? Почему на следующий день ее муж, будто бы впавший от ее признаний в бешенство, вначале зачем-то отмыл сиденья "фольксвагена" от пятен крови (хотя как врач-гинеколог не мог не знать, что это ценнейшие улики), а потом поехал — нет, не в прокуратуру! — а к Дубровину?..

Нет в приговоре внятного ответа на все эти вопросы... Но вот что рассказывает о досудебных отношениях Каркушиной и Дубровина друг Владимира — Евгений Рахманов.

— Мы с Володей учились в пединституте, у него к языкам способности, на пяти говорит. Стал сотрудником ООН по Ростову. Высокий, полный, эдакий увалень, очень доверчивый. В 96-м познакомился с Верой Каркушиной, увлекся. Она тогда производила впечатление женщины романтического склада, которой не хватает любви. Я знал, что у них роман, давал им ключи от пустующей квартиры. Потом Володя понял — надо выбирать — жена и дочь перевесили. Мы устроили Вере в кафе прощание. Помню, шел снег, я с ней выскочил из подвальчика, где сидели, к телефону-автомату — она звонила мужу, что задержится. Вернулись, а у нее на глазах слезы. Она Володей увлеклась — с мужем-то жила плохо, они ссорились.

— Что произошло? Она, видимо, в момент очередной ссоры с мужем, в

истерике, сказала о связи с Дубровиным, такая своеобразная месть неудовлетворенной женщиной обоим — мужу и любовнику. Вспыльчивый муж избивает ее. А потом, решив извлечь из своего положения выгоду, едет к Дубровину, объявляет ультиматум: "Ты с моей женой спал — плати 5 тысяч долларов за моральный ущерб". Дубровину отказывается. Каркушин — в драку. Володя, защищаясь, ему палец вывихнул. Тот — в крик: ты меня искалечил. И — в больницу. Заодно освидетельствовал побои жены, приписав их Дубровину. Заявил в прокуратуру.

— Доказательств, разумеется, никаких — сфальсифицировали: провели химэкспертизу Вериной блузки и Володиной рубашки, будто бы обнаружив "наложение частиц" — кинули в один пакет, вот и "наложение". Подписи понятых подделаны, да и сами понятые, как выяснилось, зависимые от следователя люди... Суд с перерывами тянулся больше года: то Володя болел, то адвокат, то Каркушины не являлись... Судья то выносит постановление — взять болеющего Володю под стражу, то отменяет, то спать выносит. И — даже не скрывает своей предвзятости: свидетелей защиты обрывает, а перед Каркушиными и их "свидетелями" чуть не заискивает.

А вот мнение адвоката Валерия Лысенко:

— Приговор Дубровину постановлен на недопустимых доказательствах, собранных предварительным следствием с грубейшими нарушениями закона! Их в деле — 20. Мотивы, которыми руководствовался судья?.. Мсть Дубровиным за изобличение во взяточничестве.

"Сумма меня ошеломила"

Об истории своих отношений с судьей, ведущим этот процесс, отец подсудимого Леонид Дубровин расска-

зывает так (цитирую диктофонную запись):

"...В предвзятости судьи я убедился, когда он вдруг вынес постановление о взятии сына под стражу. Только потому, что сын не явился на очередное заседание. А его накануне "скорая" увезла прямо из зала суда с приступом тромбоза. Стал я думать: что делать? В условиях тюрьмы у сына будет ухудшение. Объясню это судье — никакого результата. Советуюсь с теми, кому случалось с ним общаться. Мне говорят: "У судей сейчас вообще такой статус — что хотят, то и делают... А у этого судьи, всем известно, только бабки решают дело". И я пошел к нему с предложением..."

Дубровин сказал судье, что готов заплатить за отмену меры пресечения. Отдал ему бюллетень сына, выписку из истории болезни. Судья ушел к председателю суда — "советоваться". Вернулся: "Ваш вопрос в принципе решен". — "Сколько это будет стоить?" — спросил Дубровин. — "15 тысяч" — "Долларов?" — судья улыбнулся: "Рублей. А вы думали, дороже?"

"Сумма меня ошеломила, — рассказывает Леонид Владимирович. — Я же пенсионер, жена учительница... Стал занимать у друзей сына. Объяснял им — это судье, чтоб Вовку под стражу не брал. И, знаете, никто не удивлялся, общее мнение — без денег в суде ни одно дело не решается. Собрал я 15 тысяч, упаковал в большой белый конверт, но не заклеил его — вдруг судья захочет пересчитать. Прихожу. Он за пишущей машинкой. Говорит: "Подождите, заканчиваю". Жду. Вот он встал, вышел из кабинета к своему секретарю, вернулся, не закрыв за собой дверь, дает мне решение об отмене. А я ему — пакет. Он стоит спиной к открытой двери. Берет. Идет к столу и, даже не заглянув, кладет пакет в ящик. Я — слова благодарности. Он: "Только адвокату не сообщайте, что без него решили. И сыну скажите, буд-

то при этом присутствовал. А то вот так помогаешь людям, а потом одни неприятности...”

В этот-то момент Дубровин и поинтересовался, сколько нужно заплатить, чтоб вообще не беспокоиться за исход дела.

— Четыре тысячи.

— Долларов?

Судья кивнул. Дубровин, по его признанию, был в шоке:

— Да ведь сын же невиновен!

— Это вы так считаете, — возразил судья. — А вот следователь другого мнения.

Дубровин ушел ошарашенный: сколько же Каркушины заплатили следователю, чтобы он сфальсифицировал это дело? Значит, и судья с ними заодно? Или у него свой расчет на тех, кто больше даст? Тогда о каком правосудии можно говорить, если все продается и покупается?

Дубровин понял, что попался: первый взнос сделал — готовь второй, иначе судья запросто даст сыну срок. Придется квартиру продавать, решил Леонид Владимирович. Стал риэлтеров искать, интересоваться ценами.

“...И тут меня предупредили, — рассказывает он. — Судья может “кинуть”. И — такая странность: узнаю случайно, что судья в отпуск собирается, а с деньгами между тем торопит: “Приносите”. Ну, принесу, думаю, а дело передадут другому судье, так как сроки рассмотрения поджимают, и деньги пропадут. Неизвестно же, как второй судья себя поведет, может, точно так же. А сын невиновен! Да неужели это нельзя доказать?.. Как раз в этот момент адвокат мне и говорит: в деле — два десятка нарушений закона. То есть сплошная липа...”

И Дубровин возмущился: ну сколько можно быть лохом! Судья, видимо, хочет свое материальное положение поправить, “на пушку” его берет. Еще раз к нему пошел — поговорить: ну невиновен же сын, деньги здесь при

чем?! А судья — ему: “Пятерик свой он схлопочет”. То есть срок ему грозит — пять лет. У Дубровина-отца тут же гипертонический криз, “скорая” увезла прямо из суда.

После этого он решил: Каркушины судью перекупили, и теперь, чтобы спасти сына, надо обо всем рассказать — о том, что происходит с нашим правосудием. Он написал подробное письмо прокурору с указанием — когда, у кого и сколько занимал денег для судьи. О том, какое условие судья ему поставил. А когда расследование его жалобы затянулось, позвонил в ростовские редакции. Появились статьи в газетах — “КП” на Дону” и “Северный Кавказ”.

Реакция судьи на эти публикации была мгновенной: на очередном заседании он зачитал решение об изменении меры пресечения, и Владимира Дубровина тут же, в зале суда, взяли под стражу.

Проходя через зал мимо Леонида Владимировича к себе в кабинет, судья пошутил:

— Ну что, теперь потребуете материальную компенсацию?..

Задета “Ваша Честь”

Судью я увидел уже в зале суда, на оглашении приговора (процедура гласная, поэтому меня пустили). Рослый, лет сорока, с модной небритостью на лице, он невнятной скороговоркой зачитывал длинный текст. Раздельно и четко произнес только слова: “...Четыре с половиной года лишения свободы”. Затем размашистым шагом, в сопровождении двух молчаливых заседателей, решительно пересек зал и вышел. Я ринулся следом. Постучался в его кабинет. Представился. Изучив мое удостоверение, он кивнул на стул. Даже разрешил включить диктофон, сделав небрежно-валяжный жест рукой: мол, валяйте.

Меня интересовало одно: почему он, судья, публично обвиненный во взя-

точничестве, не самоустранился от рассмотрения дела, в котором уже не мог быть объективным? Ведь этого требует Уголовно-процессуальный кодекс. К тому же в этот момент городская прокуратура рассматривает жалобу отца подсудимо на вымогательство судьи.

Нет, ничего не дрогнуло в его лице. С выражением спокойной отрешенности он пробубнил в диктофон:

— Мало ли кто в чем меня захочет обвинить! Что ж я всякий раз буду оскорбляться и самоустраняться?!

Спрашиваю, будет ли он в таком случае привлекать к ответственности Л. Дубровина за распространение порочащих его имя сведений. И снова — вальяжный жест: "Некогда возиться".

— Но ведь задета ваша честь, — говорю ему. — И когда в зале суда к вам, обвиненному публично в шантаже и вымогательстве, обращаются со словами "ВАША ЧЕСТЬ", то, согласитесь, это звучит саркастически.

Легкая усмешка озарила лицо судьи. Ничего не сказав, он лишь взглянул на часы. Аудиенция была окончена, и я выключил диктофон.

"Во всяком деле бывают издержки..."

А вот еще один сюжет. Как-то в курортном городке с друзьями поехал на шашлыки, в горы. За рулем мощного BMW — молодежавый мужчина спортивного склада, потом выяснилось — один из местных судей. Он оказался неистощимым на тосты тамадой, азартным рассказчиком, вообще отчаянным персонажем: потащил всех к горной речке, первым окунулся в ледяную воду.

Когда мы вдвоем, греясь на огромных плоских камнях, в стороне от компании, разговорились, и я спросил, часто ли горячие южные люди предлагают деньги. Он засмеялся, кивнув на мои плашки: "А там звукозаписывающего устройства нет?" И буднично, в

телеграфном стиле обрисовал ситуацию: в городском суде вторую неделю отключены все телефоны (кроме одного — председательского) за долги; отправить повестки не на что; скрепок, клея, бумаги не хватает; у секретарей — молодые женщины — нищенская зарплата, и та — с опозданием.

А тут толпятся в коридорах громко-голосые наглые богатеи, подъезжающие к суду на "тойотах" и "чероки", ссорятся, кричат — делят нахапанные предприятия, особняки, землю под коттеджи. Да с них грех не взять! Предлагают же сами. Деньги он делит на три не совсем равные части: одну — секретарю (мать-одиночка, у нее сын-подросток), вторую — "в заглашник", то есть в сейф, откуда ей же, секретарю, выдает на канцелярские и прочие производственные расходы. Третью — себе.

— А почему я должен жить хуже, чем эти коридорные крикуны?..

— Но как же тогда с идеей справедливого суда?

— Да сужу-то я по закону, а крикунам даю понять, что — в их пользу. Вот и вся механика.

— То есть они оплачивают судопроизводство?

— Вот именно. Отдают то, что государство не может у них взять через налоги.

— И остальные судьи поступают так же?

— Конечно. В меру своей смелости.

— Все-таки смелость нужна?

— Нужна осмотрительность, чтоб не нарваться на провокацию...

— Случалось?..

— Тут я как-то заметил за собой слежку — кто-то из недовольных натравил на меня спецслужбу... Я — заявление прокурору, наружку тут же сняли...

— То есть любой судья может свою должность превратить в способ обогащения?

— В принципе — да, если совсем бессовестный, чувство меры утратил...

— И как такого схватить за руку?

— А никак. Судейская неприкосновенность — это свято... Просто во всяком хорошем деле бывают свои издержки. Или, скажем так, шероховатости...

Чем оборачиваются для нас, простых российских граждан, такие шероховатости?

Неприкосновенность? Или — равенство перед законом?

...Говорю об этом со знакомым следователем. Спрашиваю, можно ли такого судью взять с поличным? Ведь фактически все вокруг знают о его поборах.

— Оперативные действия против судьи — объяснил мне следователь, — запрещены... Ни телефон прослушать, ни слежку установить!.. Да, мы можем проинформировать вышестоящего судью, можем обратиться в квалификационную коллегию, которая состоит в основном из судей и которой вменено в обязанность следить за чистотой судебных рядов. Эта коллегия дает (или не дает) разрешение на ведение следственных действий. Чаще — не дает.

— Почему?

— Считает нашу информацию неубедительной, не основанной на проверенных фактах. А для того, чтобы их проверить, нужны те самые следственные действия, на которые коллегия не дает согласия. Замкнутый круг!

— Ну, а если все-таки дает?

— Происходит утечка информации, которая настаивает нечистою на руку судью. И все срывается.

— Неужели ни одного судью в России так и не наказали за взятки?

— Была такая история несколько лет назад — в Волгограде. Там оперативники, понимая, что иначе не выведут взяточника на чистую воду, нарушили закон: без разрешения квалификационной коллегии, тайно, вели за

ним слежку. Выяснили: берет по-крупному. Побеседовали с очередной жертвой, готовившей судье кейс с деньгами, поместили купюры. И проследили за судьей, пришедшим в автоматическую камеру хранения за кейсом. Сняли на видеозапись момент, когда он брал кейс, задержали его, несмотря на крики о неприкосновенности, составили протокол и... отпустили.

— Почему?

— Да потому, что он действительно неприкосновенен. Он и по делу-то вначале проходил как свидетель. Только потом, когда квалификационная коллегия наконец его от должности отстранила, он стал обвиняемым...

— Нужно избавиться от гипертрофированного статуса неприкосновенности, — добавил мой собеседник. — И не только судейской, но и — парламентской. И разрешить негласные следственные действия против тех избранников народа и людей в мантиях, которые дали неоднократный повод к этим действиям...

А некоторое время спустя в газетах промелькнуло прямо-таки скандальное сообщение: на скамье подсудимых оказался судья! Нет, не наш ростовский герой. Сергей Ахметшин, бывший судья райсуда в Гусь-Хрустальном Владимирской области, был задержан сотрудниками Федеральной службы безопасности — за то, что брал взятки, освобождая подсудимых из-под стражи и вынося неправосудные оправдательные приговоры. Погорел же он на том, что похитил из судебного архива и уничтожил почти три десятка уголовных дел. Верховный суд России приговорил его к четырем годам лишения свободы.

И я подумал: а что было бы, если бы судейская неприкосновенность не мешала торжеству справедливости? Наверное, чище были бы судейские ряды, чище была бы общественная атмосфера. Попросил прокомментировать эту проблему доктора юридических наук, ректора Нового юридиче-

ского института Александра Максимо-
вича Яковлева. Вот что он сказал:

— Принцип равенства всех перед
законом и судом — статья 19-я Консти-
туции РФ — основной принцип демо-
кратии. Ни ранг, ни должность, ни бо-
гатство не должны служить индульген-
цией, убежищем от действия закона,
равного для всех.

Таков общий руководящий консти-
туционный принцип. Но далее в той же
Конституции делается изъятие из этого
принципа: неприкосновенны Прези-
дент, члены Совета Федерации, депута-
ты Госдумы и судьи.

Неприкосновенность Президента,
высшего должностного лица государст-
ва, может быть устранена только Феде-
ральным собранием — в рамках осо-
бой процедуры. Президент — высшее
должностное лицо государства. Есть ли
кто-либо выше его? В демократиче-
ском обществе — только народ, выра-
жающий свою волю через избранный
им парламент.

Народ — носитель суверенитета, то
есть высшей власти. Только ему, его
представителям Конституция доверя-
ет решение таких вопросов. В отличие
от этого порядка, приостановление
или сокращение полномочий судьи,
согласие на привлечение судьи к уго-
ловной ответственности (и — лишение
его неприкосновенности) зависит от
решения квалификационной колле-
гии судей. Почему? Такова норма, оп-
ределенная в статье 13-й Закона о ста-
тусе судей.

Возникает вопрос: насколько обос-
нованно изъятие этих должностных
лиц из общего конституционного по-
рядка лишения неприкосновенности?
Почему устранены от его решения
представительные органы власти? Ква-
лификационная коллегия — важный
орган, решающий вопросы профессио-
нальной деятельности судей. Иное де-
ло — вопрос об ответственности судьи
перед законом. Никто лучше, чем су-
дья, не осведомлен о важнейшем

принципе правосудия: НЕЛЬЗЯ БЫТЬ
СУДЕЙ В СВОЕМ СОБСТВЕННОМ ДЕЛЕ
(ИЛИ В ДЕЛЕ СВОИХ КОЛЛЕГ). В этой
связи возникает вопрос о соответствии
статьи 13-й Закона о статусе судей ста-
тье 19-й Конституции РФ. ИЛИ ПЕРЕД
ЗАКОНОМ И СУДОМ РАВНЫ ВСЕ, КРО-
МЕ САМИХ СУДЕЙ?..

Свидетелей-то не было!

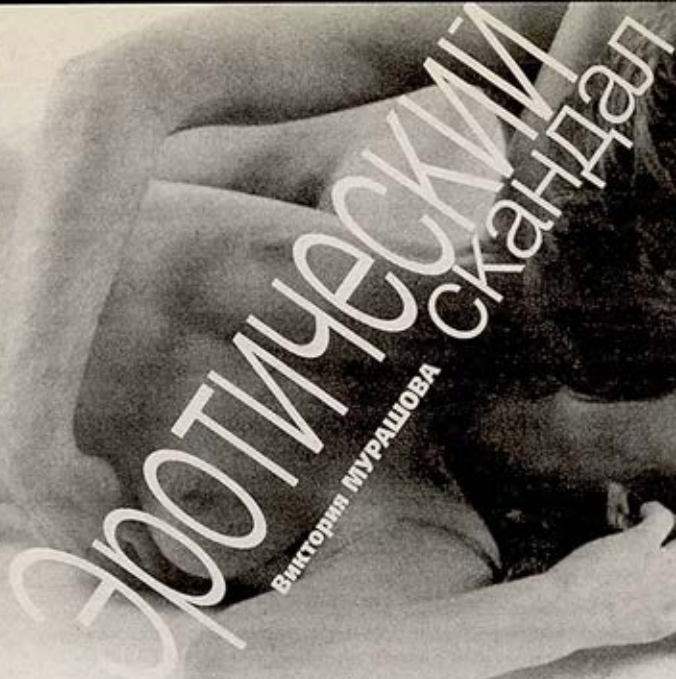
Да, конечно, судебная реформа, ко-
торая медленно, но верно движется к
изменению ситуации, неизбежно долж-
на ее изменить. Невозможно отклады-
вать "до лучших времен" решение
этой проблемы, ибо такие времена мо-
гут никогда не настать, если наше пра-
восудие останется в нынешнем своем
состоянии.

А теперь вернемся к ростовской ис-
тории: приговор по делу бывшего со-
трудника ООН был отменен, В.Дубровин
сейчас на свободе. Но рана, нане-
сенная ему несправедливым судом, не за-
тянулась. Судья же, нанесший ему эту
рану, продолжает как ни в чем не бы-
вало работать все там же — его вина в
получении взятки от отца Дубровина
не доказана. Свидетелей-то не было!

И в заключение еще один эпизод,
свидетелем которого был я сам.

...Недавняя сцена в здании суда: пе-
рерыв в судебном заседании, толкотня
в буфете, курильщики на лестничных
площадках. Среди них двое адвокатов,
мои знакомые — в хорошем настрое-
нии. Один другому рассказывает, как
его клиент, не посоветовавшись с ним,
договорился с судьей спустить дело на
тормозах за 20 тысяч долларов, а он,
адвокат, узнав, пообещал ему "разва-
лить дело" всего за 10 тысяч. И — "раз-
валил". "Так теперь судья со мной не
здоровается, — смеется адвокат, — я
его личный враг!.."

Судью этого я видел — седой, со-
лидный, лицо строгое. ■

ЭРОТИЧЕСКИМ скандал

Викториа Мурашова

До поры до времени семейная жизнь Валентина Романовича шла, как у всех: долгие периоды затишья и даже взаимной приязни сменялись короткими, но достаточно громкими скандалами. Правда, после того, как отпраздновали серебряную свадьбу, скандалы и даже ссоры стали редкими явлениями. Супруге Валентина Романовича, Лидии Андреевне, стало элементарно лень отстаивать свою точку зрения и перевоспитывать мужа. Последнее было бесполезно, лишь отнимало уйму драгоценного времени, которое требовалось на помощь взрослым детям, а потом и внукам.

Первые месяцы Валентин Романович откровенно блаженствовал. Но какая же бочка меда обходится без ложки дегтя? Не сразу, но оказалось, что дети и внуки поглотили некогда отчаянную модницу и красавицу Лидию Андреевну без остатка. Вечером она без сил падала на супружеское ложе, помнившее немало прекрасных мгновений, и засыпала. Если же вдруг в ней пробуждался прежний пыл, то сопровождалось это пробуждение такими капризами и претензиями по пово-

ду холодности и неумелости мужа, такими неуместными комментариями и выводами, что Валентин Романович не чаял дожидаться конца сеанса "супружеских радостей" и относительно спокойного сна.

— Это возрастное, — утешали Валентина Романовича умудренные опытом друзья. — Все бабы в пятьдесят лет начинают дурить. Не бери в голову, образуется.

Но ожидание возвращения супруги к нормальному поведению отнюдь не было легким и сладостным. Месяцы полного воздержания сильно отражались на нервной системе мужа, а редкие моменты интима расшатывали ее еще больше. Если в молодости Валентин Романович несколько раз и "сходил налево", то из чисто спортивного интереса. Чтобы не отстать от приятелей. Или "разрядиться" в тот период, когда жене было не до него.

Их болезни, ее болезни... Теперь же искать утешения на стороне казалось почти неразрешимой задачей. Кому нужен почти шестидесятилетний мужик с обычной внешностью и более чем обычным заработком...

Каплей, переполнившей чашу терпения Валентина Романовича, стало решение супруги отправиться на все лето с внуками в деревню к родственникам. Три месяца полного одиночества не сулили никакой радости. Известно же: вместе тесно, а врозь скучно.

Через две недели наш абсолютно свободный мужчина затосковал, а через месяц — просто взвешел от одинокой жизни. Он уже ловил себя на том, что всерьез обдумывает, как бы ему познакомиться с одной из тех очаровательных женщин, с которыми он ежедневно сталкивается по дороге на работу, с работы, в магазинах. Увы, увы, дальше грешных мыслей и робких взглядов Валентин Романович так и не продвинулся.

На помощь пришел Его Величество Случай. В один прекрасный вечер, спустившись в подземный переход, Валентин Романович нечаянно столкнулся с женщиной. Да так, что она выронила из рук пластмассовую сумку с продуктами. Овощи и фрукты рассыпались по асфальту, виновник инцидента кинулся их собирать...

Сумка в собранном состоянии оказалась тяжелой, предложение помочь незнакомка не отклонила, а даже вроде ему обрадовалась. Будучи человеком воспитанным, Валентин Романович представился и узнал, что зовут женщину Инной и что живет она неподалеку. А разглядев пикантно вздернутый носик, ладную фигурку и чертиков в серых глазах, втянул живот, выпятил подбородок и постарался соответствовать. За что был вознагражден предложением зайти на чашку чая и не отклонил это предложение.

Инна жила одна. Разведенная, бездетная, она пользовалась большим вниманием со стороны мужчин, но вниманием, как бы это сказать, достаточно узконаправленным. То есть провести вместе пару часов или даже день охотников находилось предостаточно. Но если речь заходила о том, чтобы повесить полочку в ванной или укрепить давно расшатан-

ные гвозди в карнизах, поклонники исцезали с умопомрачительной скоростью. Валентин же Романович, попав в чистенькую, но явно требующую мужских умелых рук квартиру, чисто инстинктивно схватился за молоток и отвертку.

В данном случае инстинкт его не подвел, потому что Инну такое хозяйственное рвение покорило почти мгновенно. И ее можно понять: вместо того, чтобы после символического чая хватать хозяйку за колени, ее новый знакомый схватился сначала за собственную голову, а потом — за инструменты. Кстати, даже не выпив чаю. Посему все то, что произошло уже много позже, не потребовало от Валентина Романовича никаких героических усилий: восхищенная Инна упала ему на руки, как зрелый плод с ветки.

Так, нечаянно-негаданно, соломенный вдовец обрел молодую любовницу. Да, возраст Инны давно колебался возле роковой отметки "сорок", но Валентину Романовичу вот-вот должно было стукнуть шестьдесят. Посему любовница действительно была молода и, что особенно приятно, довольна своим новым партнером так, что любой почувствовал бы себя Гераклом и Аполлоном в одном лице. Приятный контраст с капризной, чем-то всегда недовольной и к тому же изученной вдоль и поперек женой.

Коготок увяз — всей птичке пропасть. Прекрасно зная эту поговорку, Валентин Романович влюбился в Инну по самые уши и сгоряча даже хотел жениться, но ответного порыва не встретил. Инна принадлежала к тем редким женщинам, которые хоть чему-то учатся на своих ошибках, и посему выходить замуж отказалась наотрез. Чем окончательно свела с ума своего любовника: если уж мужчина решается сделать предложение, то просто не предполагает, что ему могут отказать.

Медовый месяц есть медовый месяц, независимо от того, оформлены ли отношения официально или государство осталось в стороне от этого увлекательного процесса. Но если Инна помнила, что за-

конная супруга ее возлюбленного должна вернуться в семейное гнездышко через два месяца, через месяц, через две недели... ну, и так далее, то Валентин Романович в эйфории, по-видимому, последней страсти напрочь обо всем позабыл. Привозил Инну к себе домой, поил припрятанными для "особо торжественного случая" напитками из домашнего бара, угощал деликатесами из тех же запасов. И не успели любовники моргнуть глазом, как лето ушло в прошлое, и в его последний день свобода и бесконтрольность Валентина Романовича приказали долго жить. Жена вернулась под супружеский кров.

Наверное, я не открою Америку, если замечу, что подавляющее большинство женщин обладают почти кошачьей интуицией на соперниц. Не составляла исключения и Лидия Андреевна. Но поскольку серьезных поводов сомневаться в верности мужа у нее за тридцать с лишним лет супружеской жизни практически не было, то Валентину Романовичу без труда удалось убедить супруга, что "парадные" напитки были потреблены лично им без постороннего участия исключительно от тоски и одиночества, а деликатесы пошли на закуску. И никакими посторонними духами от супружеского ложа пахнуть никак не может, потому что бельё на нем лежит свежее.

Хотя какой нормальный мужчина будет добровольно менять простыни и прочие наволочки — сказать трудно.

Но это все были только цветочки, ягодки еще предстояло собрать, вкусить и насладиться оскоминой в полную меру. Лидия Андреевна по-настоящему соскучилась без мужа и теперь была полна чувств и желаний. Увы, ответа на свой неподдельный пыл она не получила. Не был Валентин Романович настроен на добросовестное исполнение супружеского долга и вообще больше всего на свете желал оказаться в квартире Инны, слушать болтовню ни о чем и предвкушать главное, во время которого никто не будет упрекать его в невнимательно-

сти, недостатке пыла, нерасторопности и т. д. и т. п., что с завидным постоянством проделывала законная супруга.

Солидный мужчина, начальник отдела крупного научно-исследовательского института, доселе образцовый муж, отец и дед, Валентин Романович приобрел привычку сбежать с работы, изобретая тысячу уважительных причин, чтобы на пару часов забежать к молодой любимице. Та была всем довольна, ни на что не претендовала и, главное, даже не пыталась руководить, требовать, капризничать. Часы пролетали, как минуты, и недавний пылкий любовник натягивал на лицо маску респектабельного, усталого мужчины в годах и тащился домой. Там его ждала жена и... смотри предыдущий абзац.

Первой не выдержала Лидия Андреевна и поехала советоваться к лучшей подруге. Красочно описав свои мучения, она попросила совета. И, естественно, его получила, хотя от лучшей подруги в разное время и по разным причинам ушли два мужа. Но ведь давать советы другим и строить собственную жизнь — это совершенно разные вещи.

— Лидуся, ты забываешь, что Валентин уже не мальчик, — глубокомысленно изрекла подруга. — Тебе надо его чем-то взбудить, расшевелить. Да, вот, вспомни: каждую ночь с пятницы на субботу по телевизору показывают специальную эротическую программу "Плейбой". Посмотрите вместе. В общем, ты меня понимаешь. Возраст, дорогая, на мужчинах тоже сказывается.

Совет Лидия Андреевна сочла хоть и экстравагантным, но заслуживающим внимания. И решила, что в ближайшую же пятницу заставит супруга посмотреть эту самую эротическую программу и кое-что вспомнить. А вспомнив, осуществить на практике.

Ничего не подозревающий Валентин Романович в эту самую ближайшую пятницу выкроил время для встречи с Инной и вернулся домой, вполне умиротворенный и готовый спокойно провести

очередной скучный семейный уик-энд. Его не насторожило даже то, что Лидия Андреевна вела себя на удивление кротко. Но позже, на супружеском ложе, он с ужасом осознал, что более ни на какие подвиги не способен, а их от него настойчиво требуют. Оставалось прикинуться, мягко говоря, полудохлым по причине чудовищных неприятностей и заморочек на работе. Причем Валентину Романовичу даже не приходилось имитировать усталость: она-таки была, и сам великий Станиславский, посмотрев, сказал бы: "Верю!"

— Ладно, — сдалась наконец жена, — все понятно. Но я тебя попрошу сделать для меня одну вещь...

Ожидавший худшего, грешный супруг даже собственноручно поставил будильник на два часа ночи, дабы, вкусив некоторое количество сна и покоя, насладиться вместе с женой столь любезным ей экзотическим зрелищем.

Увы, поставить будильник на нужное время мало, его еще нужно завести. А вот это Валентин Романович сделать забыл...

Проснулся он от того, что его самым неделikatным образом трясли за плечо. В комнате горела настольная лампа и похлахла неподдельным гневом жена.

— Ты нарочно это сделал! — шипела она. — Будильник не завел, я проснулась, времени четыре часа утра. Мы все проспали!

— Мамочка, ну посмотрим в другой раз, — попытался отбиться Валентин Романович. — Ну ты пойми, устал я на работе. Мне в отпуск давно пора.

— Нет, тебе доставляет удовольствие надо мной издеваться, ты меня просто дразнишь, я тебе надоела...

— Да, я все делаю нарочно, да, мне все надоело, — сорвался он, — да, я бабник, но, черт тебя возьми, не призовой жеребец! И вообще, если хочешь знать, у меня есть молодая женщина, на двадцать лет тебя моложе! Вот! И я к ней не ушел только потому, что она не хочет выходить за меня замуж. И оставь меня в

покое со своими эротическими заскоками, я же терпел, когда ты весь свой темперамент тратила на внуков. Все, отстань!

После чего он закрыл глаза и приготовился к тому, что убивать его будут обязательно, но если повезет, то убьют сразу, а если не повезет, то придется еще и помучиться. Но вместо ожидаемого вопля и всего из него вытекающего Валентин Романович услышал... совершенно естественный смешок. Не без опаски приоткрыв один глаз, он увидел совершенно спокойное и даже где-то соблазнительное лицо жены.

— Молодая любовница, говоришь? — снисходительно обронила Лидия Андреевна. — У тебя? Да кому ты нужен, старый козел!

С этими нежными словами супруга повернулась на бок, натянула на себя свой край одеяла, и через некоторое время Валентин Романович услышал ровное сонное дыхание своей лучшей половины. Тогда постарался заснуть и он, так и не поверив до конца в то, что гроза, похоже, прошла стороной и что действительно нужно говорить чистую правду, если не хочешь, чтобы тебе поверили.

Два дня спустя Лидия Андреевна сказала лучшей подруге, что та была права, с возрастом спорить не стоит, потому что у дорогого мужа на почве мужского климакса начались странные навязчивые идеи. Лучше пустить все на самотек.

Три дня спустя, заскочив на пару часиков к Инне, Валентин Романович поделился с ней пережитым и подчеркнул, что по-прежнему готов в любое время явиться к ней "навсегда поселиться". Инна ему искренне посочувствовала, но ответила, что к перемене образа жизни пока не готова.

Четыре дня спустя в телефонном разговоре с подругой Инна рассказала эту историю. Хохотали долго, аппетитно, но, будучи тетками незлыми, Лидию Андреевну пожалели.

Мир тесен. Подруга Инны оказалась моей приятельницей. ■

запретный

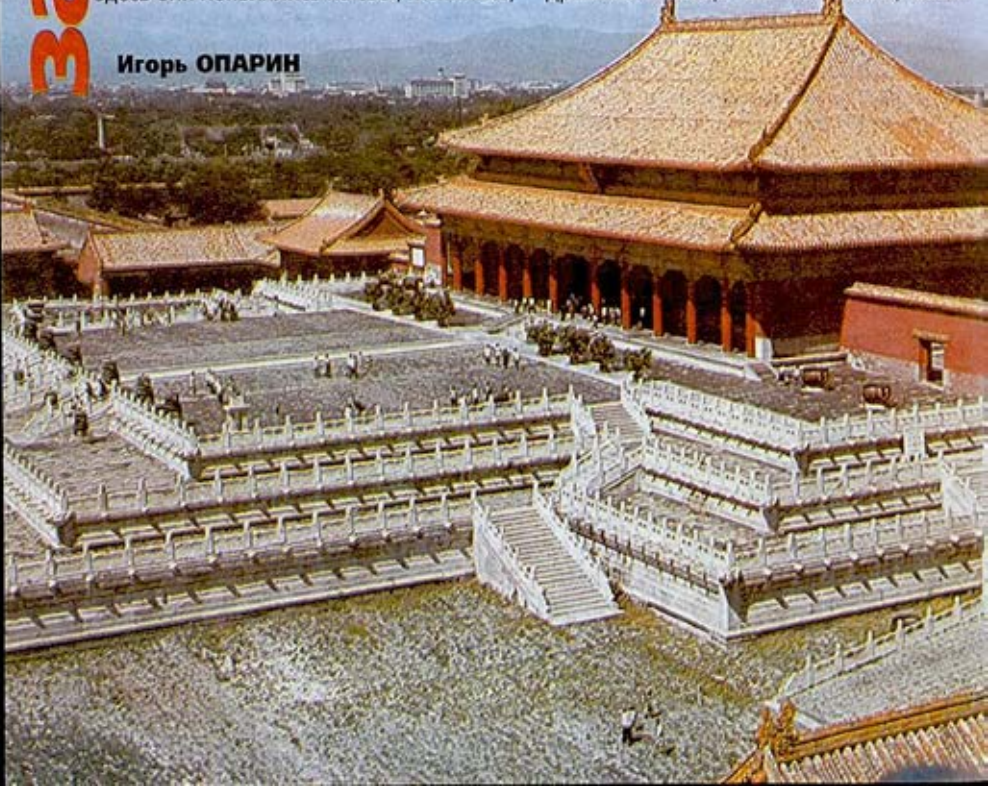
■ Всех, приезжающих в Китай, поражают огромные изменения, происшедшие в стране за последнее время. Так, например, совсем недавно жители Пекина передвигались пешком или на велосипедах, а теперь все дороги огромного мегаполиса плотно забиты машинами; старые кривые улочки уступили место широким магистралям, вдоль которых возвышаются внушительные небоскребы. Нынешний Пекин уже мало отличается от Гонконга или даже Нью-Йорка. Но есть в этом городе место, где живет дух древнего Китая, дух могущественных императоров династий Мин и Цин, и попадая сюда, кажется, будто время остановилось. Это — Запретный город, дворцовый комплекс повелителей Поднебесной, получивший свое название совсем не случайно: только избранным позволялось ступить на святую для каждого китайца землю. Здесь, отрезанные от всего мира неприступными стенами, жили могущественные властители Китая, здесь они появлялись на свет, женились,

занимались государственными делами, общались с Всевышним, а также со своими министрами и евнухами, проводили время в изощренных наслаждениях с женами и наложницами.

В наши дни туристы могут пройти через не доступные ранее для простых смертных ворота и попасть в мир чудес, в это грандиозное и вместе с тем изысканное великолепие, созданное китайскими мастерами, увидеть дворцы, покрытые черепицей, украшенные скульптурами мифологических животных, залы для собраний, павильоны, мраморные пандусы, изящные лестницы, бронзовые изваяния, сосуды для воды и благовоний, прекрасные парки и озера... Гугун "Древние дворцы" — так стали называть китайцы Запретный город после революции 1911 года, свергнувшей власть последней императорской династии.

Самые ранние упоминания о городе на месте современного Пекина относятся к XII-XIII векам. В долине реки, где древние китайцы его построили, были

Игорь ОПАРИН

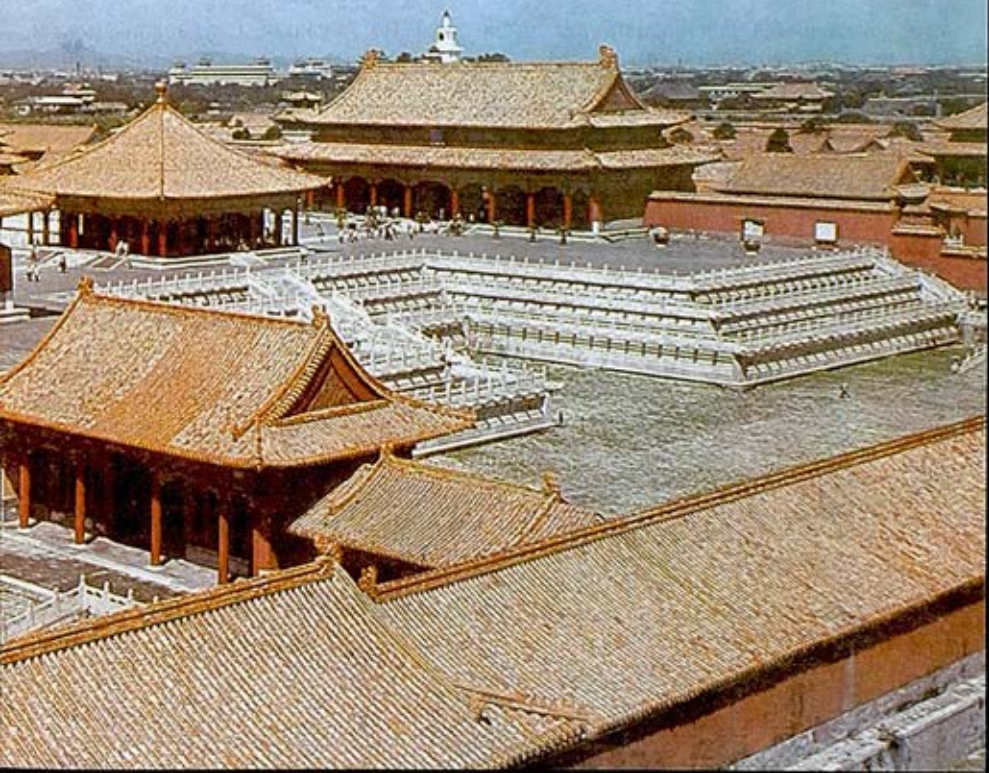

плодородные почвы, а кроме того, город располагался так, что северные границы Китая хорошо защищались от набегов диких, но грозных племен степных кочевников.

В XIII веке монголы во главе со знаменитым Чингисханом завоевали Китай. Внук великого полководца Хубилай перенес свой двор в Пекин — тогда он назывался Даду, "Большая столица". Отсюда проще было продолжать завоевание южных частей Китая. Здесь в 1274 году побывал Марко Поло, один из самых первых европейцев, посетивших Китай. Вернувшись на родину, Марко Поло с восторгом поведал землякам о фантастической роскоши, царящей в императорском дворце — предшественнике Запретного города: везде золото, серебро и мрамор, огромные залы полны слуг, прекрасные наложницы услаждают государя, при этом жен у него четыре; фокусники-маги заставляют золотые подносы и кубки летать по комнатам. Венецианцы, путешественники и мореплаватели,

много повидавшие на своем веку, не поверили рассказам Марко Поло и прозвали его "миллионе" — "сочинителем миллиона лживых историй".

В 1366 году монголов изгнали из Китая. Власть в стране захватил Чжу-Юаньчжан, первый правитель династии Мин (иероглиф "мин" означает "ясный", "блестящий", "разумный"). Императоры Мин старались укрепить свой трон и распространить влияние на огромные территории, вплоть до южных морей и Индийского океана. В 1405-1433 годах семь морских экспедиций под управлением отважного Чжэн Хэ отправились к Индийскому океану. Строились новые города, возводились прекрасные храмы и дворцы, расцвели ремесла и торговля. Именно в это время император Китая задумал создать дворцовый комплекс, который отразил бы величие империи и могущество ее правителей. В 1406 году на том месте, где стоял старый дворец хана Хубилая, началось про-

должавшееся шестнадцать лет строительство Запретного города. В некоторых источниках говорится, что Гугун строили 1 000 000 человек. На протяжении последующих веков воздвигались новые здания, старые перестраивались или ремонтировались, таким образом, на архитектуре Запретного города отразились различные периоды истории Китая.

Этот огромный комплекс зданий, где более 8000 комнат и различных помещений общей площадью 150 тыс. кв. м, а также двориков и парков расположился на территории 720 тыс. кв. м, в самом центре Пекина, на большой городской оси юг-север. Как изящные китайские резные шкатулки из слоновой кости, сложенные одна в другую, так и прямоугольник Запретного города лежит внутри Императорского города, который, в свою очередь, располагается внутри Внутреннего города — части старого огороженного стенами Пекина.

Запретный город стал сердцем Пекина, местом, где по словам одного китайского писателя-классика, "встречаются небо и земля, где... ветер и дождь соединяются в единое целое, и где Ян и Инь находятся в гармонии друг с другом". Здесь жил император, чья роль, говорил Конфуций, была "стоять в центре земли и усмирять людей среди четырех морей".

Полное название императорского дворца звучало как Пурпурный Запретный город, в честь Пурпурного созвездия, в центре которого сияла Полярная звезда. Подобно небесам, вращавшимся вокруг Полярной звезды, весь мир вращался вокруг императора. Его Трон Дракона стоял не только в центре главного зала, но, как верили китайцы, был центром всего мироздания.

Запретный город окружен кирпичными стенами высотой 10 м и обводным каналом Тунцзыхэ шириной около 60 метров. Дворец охраняли около 10 тысяч воинов, а обитало в нем примерно 60 тысяч человек — император и его семья, а также слуги, евнухи и наложницы. По традиции, государственные чиновники работали в южной части комплекса, во Внешних палатах, предназначенных для официальных церемоний и приемов, а императорская семья жила в северной части, во Внутренних покоях, за прекрасными Воротами небесной чистоты, разделявшими две области Запретного города. Ни один мужчина, кроме самого императора, не мог войти в жилые помещения, сурово охраняемые верными евнухами. Центр Запретного города, его самое сокровенное святилище — окруженный стенами и рвом Императорский дворец, величественный символ абсолютной власти китайских императоров. Именно отсюда, равнодушные ко всему остальному миру и отделенные от него рвами и высокими стенами, управляли Китаем 24 императора династий Мин и Цин, с XIV века до 1911 года.

Китайцы верили, что каждый император получает право на правление в

соответствии с Мандатом Неба — то есть с согласия богов. В космическом триединстве Неба, Земли и Человека император, Сын Неба, рассматривался как посредник между Землей и Небесами, призванный принести на Землю порядок и гармонию. Идеальное государство должно определяться равновесием и четкой иерархией, и эта идея ярко отражается в симметрии Запретного города.

Гугун имеет четыре входа — по сторонам света. Полуденные (южные) — ворота считались официальным входом в Запретный город. Отсюда император обозревал свою армию. Когда он проходил через ворота, звучали колокола и били барабаны. За ними открывается вид на большую площадь, окаймленную дворцовыми зданиями. В центре площади протекает канал — Внутренняя река золотой воды, через который перекинуты пять красивых мостиков с изящной каменной балюстрадой.

Палата высшей гармонии — наиболее впечатляющее сооружение Запретного города, именно здесь проходили самые важные церемонии. Длинной 63 и высотой 35 метров, покрытое золотистой, ярко сияющей на солнце черепицей, с галереей с 11 пролетами, поддерживаемой красными колоннами, здание отличается гармоничностью частей, легкостью и изяществом. Перед палатой застыли бронзовые черепаха (символ долготы) и журавль (символ мудрости), рядом стоят медные треножки (символ трона). В центре огромного зала площадью 2300 кв. м возвышается императорский трон с эмблемой дракона, окруженный символическими фигурами журавлей и слонов, священными сосудами, курильницами для благовоний.

Здесь, на троне Дракона восседал, окруженный позолоченными колоннами и бронзовыми лампадами с благовониями, император, Сын Небес. Этот зал использовался для грандиозных праздников: зимнего солнцестояния, наступления Нового года или дня рождения императора. Тогда во дворец приглашались принцы, князья, сановники, высшие военные и гражданские чины. Под звуки музыки, исполняемой большим оркестром старинных инструментов, и пение хора все присутствующие по специальной команде падали ниц и совершали девять земных поклонов перед императором. Так выражали подданные империи свое благоговение перед Сыном Неба, могущественным повелителем Китая.

За Палатой высшей гармонии стоит здание Палаты полной гармонии, где император просматривал молитвы для жертвоприношений и обозревал зерно и орудия для церемониального земледелия. Далее — Палата сохранения гармонии, для приема высоких иностранных гостей. Дворец небесной чистоты служил императорской канцелярией, местом приема послов. (От иностранных послов во время аудиенции требовалось соблюдение сложного этикета: по особой команде чиновника-китайца посол должен был встать на колени и сделать три земных поклона. Затем произносилась новая команда, посол вставал, чтобы тут же снова опуститься

на колени и опять сделать три поклона. А потом так же — еще раз. Многие слышали протестовали против этой унижительной процедуры.) Есть еще Палата общения неба и земли, там хранилась императорская печать, Дворец земного спокойствия, где проводились церемонии бракосочетания императоров и находились спальни новобрачных, Зал взаимной простоты, который символически объединяет императора и императрицу, Землю и Небо, Инь и Ян, мужское начало и женское. Сексуальная жизнь императоров имела первостепенное значение в жизни двора — ведь основным принципом китайской философии является следование принципам инь-ян. Сексуальный союз мужчины и женщины подобен соединению Неба и Земли, и император и его супруги считались высшим

проявлением такого союза. Дракон-правитель явился символом потенции в глазах народа, обладателем сверхчеловеческого запаса "ци", жизненной силы, однако при этом ему нужен был постоянный приток женского "инь", для чего и требовались жены и многочисленные наложницы. Императоры и его придворные устраивали увеселения и оргии, предаваясь всяческому излишествам и извращениям — таким образом они выполняли свой долг, внося вклад во всеобщую гармонию Инь-Ян.

За Дворцом воспитания сердца — место, где императоры занимались государственными делами, расположились дворцы, в которых размещались спальни, места отдыха императриц, наложниц и фрейлин. Вокруг всех этих строений раскинулись парки и сады, водоемы, павильоны, декоративные каменные горки, а старые кипарисы и сосны создают прекрасную атмосферу отдыха и спокойствия. Здания украшены изображениями и скульптурами, символизирующими силу, могущество, долголетие, благоденствие, мудрость

чудеса на планете

том в страну проникли испанцы, к его берегам приплывали голландские корабли. В XVI веке до Поднебесной добрались и первые миссионеры, иезуиты. Однако влияние европейской культуры на Китай было ничтожно — слишком строго проводили политику изоляционизма правители страны. В 20-30 годах XVII века страну охватили мощные крестьянские восстания, часть китайских аристократов вступила в спор с маньчжурскими

и счастье — львами, черепахами, оленями, журавлями, бабочками, птицами, фруктами. Но, конечно же, чаще всего встречается дракон — символ императорской власти. Большое значение китайцы придавали и цифрам. Считалось, что единица приносит несчастье, а пятерка — удачу, поэтому в главных воротах проделано пять проходов, пять ступенек вели к императорскому трону, огромные ворота Умэнь пронизывают пять тайных входов, а каждая лапа дракона имеет пять когтей. Люди верили, что в императорских дворцах живут многочисленные злые духи. Если евнух открывал зал, он сначала кричал: "Открываем зал", чтоб, не дай Бог, не встретиться лицом к лицу с духом. На Новый год духам преподносили подношения — куриные яйца, вино и сдоба. Обычно это делали евнухи — в тайной надежде, что духи помогут им избежать гнева повелителей и уберечься от побоев и издевательств, столь частых в их жизни.

Даже в замкнутом мире Запретного города время не стояло на месте. В 1516 году в Китае появились португальцы, по-

м правителями, в результате династию Мин свергли, ее сменила маньчжурская династия Цин ("цин" означает "чистый", "светлый", "безупречный"), правившая вплоть до 1911 года. Однако в порядках, царивших в Запретном городе, мало что менялось. Высокие стены Гугуна надежно защищали от суровых ветров истории. И точно так же императоры, теперь уже династии Цин, правили страной с помощью огромного чиновничьего аппарата, и точно также развлекались и выбিরали себе наложниц и жен.

За стенами Запретного города порой разыгрывались нешуточные страсти. Жестокость, властолюбие, алчность, ревность и неудержимая похоть — вот что определяло жизнь обитателей Гугуна. Все подчинялось безграничной воле властителей Поднебесной, а непокорных ждали страшные, изощренные пытки и смерть в мучениях.

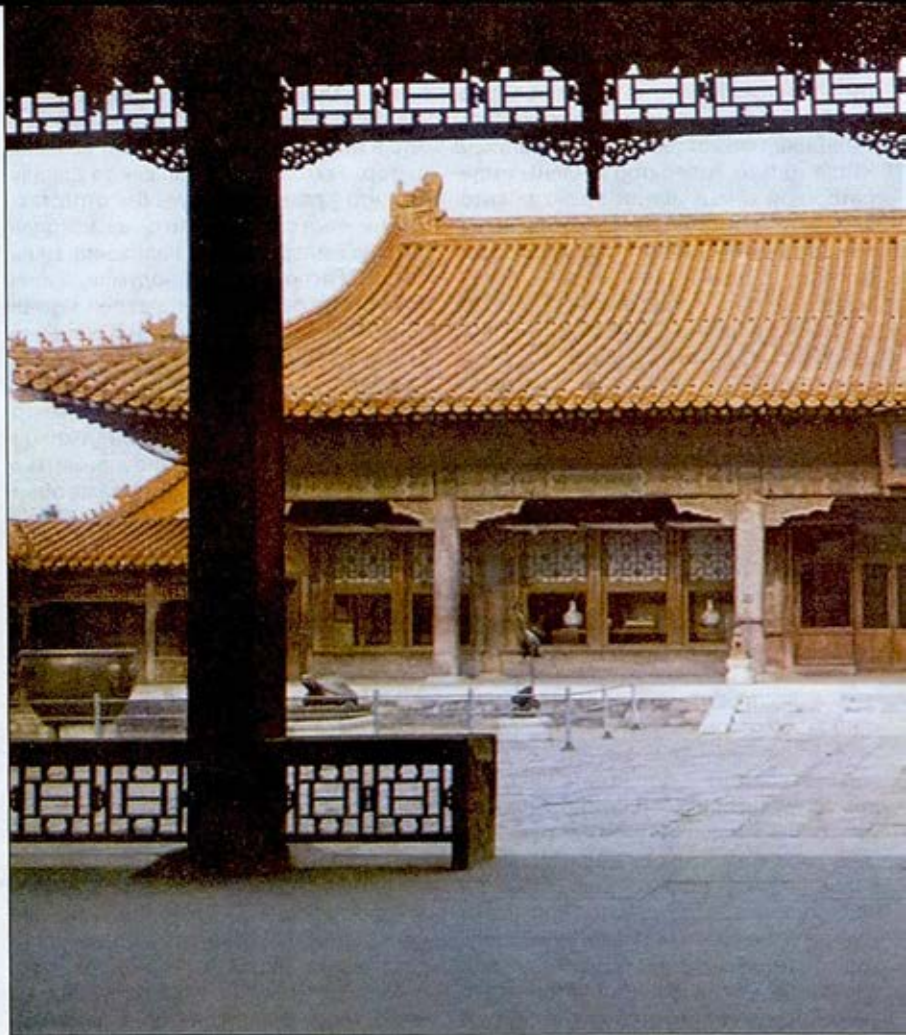
Огромную роль в жизни императорского двора играли евнухи. Как правило, отпрыски бедных семейств, проданные родителями. А иногда и богатые роды отдавали своих мальчишек ко дво-

ру — в надежде, что те сделают карьеру. В народе говорили, что хуже, чем женщина, может быть лишь евнух. В Китае только император и члены императорской семьи имели право пользоваться их услугами. По некоторым источникам, император имел до 3 тысяч евнухов, князья и принцессы — до 30, младшие дети императора — 20. Во времена правления династии Мин при императоре находилось аж 10 тысяч кастратов. В XIX веке их стало уже меньше — около 4 тысяч. Евнухи делились на две категории. Одна обслуживала императора, императрицу, мать императора и его наложниц. Остальные составляли низшую группу и владели весьма жалкое существование — голодали, терпели побои. Обязанности евнухов были весьма разнообразны: присутствовать при пробуждении императора, при его трапезе, носить императорский зонтик и другие регалии власти, а также распространять императорские приказы (которые заканчивались обычно фразой: "Всяк да повинуется со страхом и трепетом!"), провожать чиновников на аудиенцию, принимать прошения, получать деньги и зерно от казначеев вне двора, охранять архивы, книги в библиотеке, убирать залы, парки и еще многое-многое другое. При императоре Сяньфэне (1831-1861) 300 евнухов занимались актерским ремеслом и давали спектакли для императора и его жен. Последний император Китая Пу И вспоминал: "В детстве евнухи были моими главными компаньонами, моими рабами и моими первыми учителями".

Иногда им удавалось сосредоточить в своих руках огромную власть. Так, например, при правлении Цяньлуна, увлекавшегося искусствами и литературой, все дела в Запретном городе и империи вершили евнухи. Император не нуждался в наложницах — его занимали более высокие устремления, чем услада плоти, и к услугам обитательницы гарема стали прибегать кастраты, надеявшиеся таким образом восстановить свои утра-

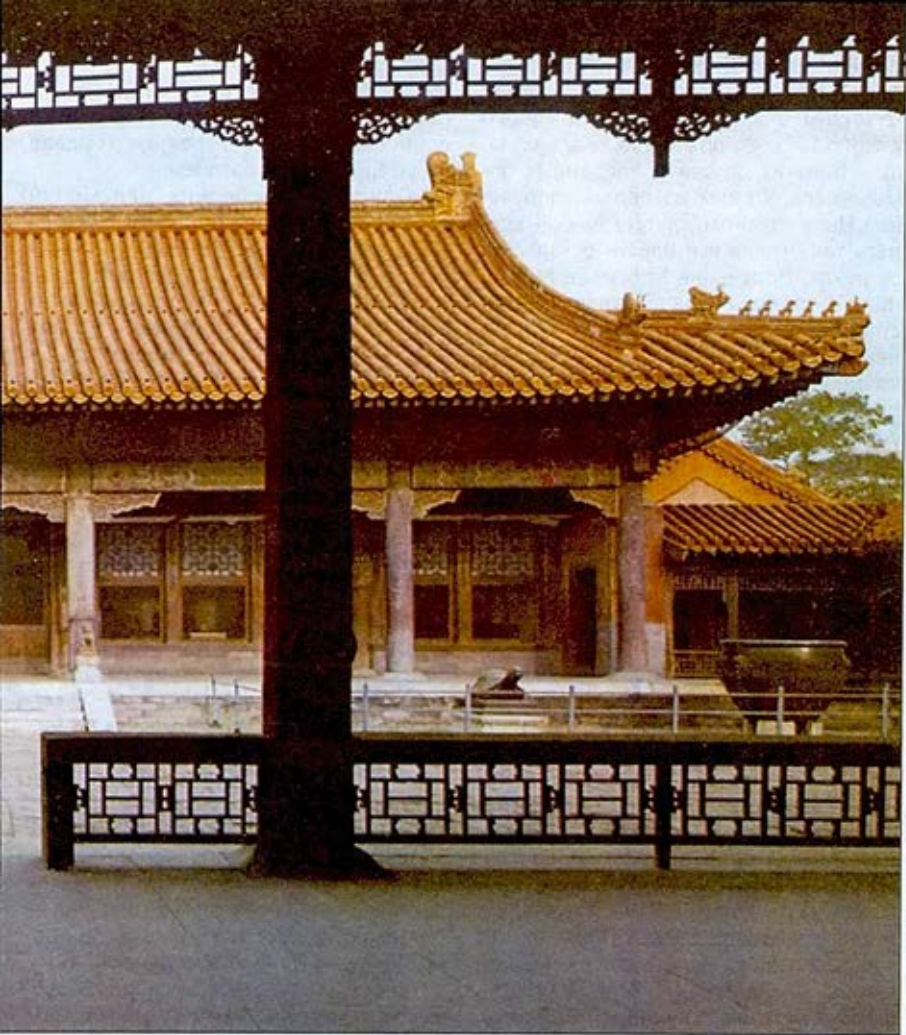
ченные мужские органы и функции. Тогда первый министр, недовольный тем, что в Китае фактически правит не император, а его слуги, сказал как-то Цяньлуну, что у главного евнуха Вэя отрастают отсеченные органы и что он засматривается на императорских наложниц. Цяньлун забеспокоился и, подумав, нашел блестящее решение — повелел зарвавшихся евнухов, среди них был, конечно, и Вэй, кастрировать еще раз!

Наложницы жили в особых палатах при дворце. Чиновники вели учет молодых девушек, записывали в специальные книги их внешние приметы и возраст, а когда приходило время обновлять состав гарема, они знали, кого вызывать ко двору. Во времена династии Цин каждые три года в Гугуне проходили смотрины, на которые все, даже самые высокопоставленные чиновники, в обязательном порядке приводили своих дочерей. Наложницы находились в гареме примерно до двадцати лет, потом их, если они не могли родить императору наследников, просто выгоняли. Девочки, попав в императорский сервал, оказывались на положении рабынь, в полной власти коварных евнухов, которые, хоть и были кастрированы, не всегда теряли желание. Они часто преследовали наложниц, избивали их, мучили, наносили страшные раны, давая выход своим темным инстинктам. А когда девушек все-таки выпускали на волю, их уже никто не брал замуж — "сорванный цветок", да еще со шрамами, кому они были нужны... Точно никто не знал, сколько наложниц жило во дворце. По некоторым источникам, их число достигало 280. В их обязанности входило не только услаждение Сына Неба — они выращивали шелковичных червей, красили шелк, шили одежду, обувь, изготавливали духи и косметику. Бывало так, что наложница до старости не удостоивалась чести разделить императорское ложе и умирала девственницей. В приемной комнате императора на небольшом столике находились

нефритовые жетоны с выгравированными именами девушек. Когда император делал выбор, он вынимал соответствующий жетон и повелевал главному евнуху доставить наложницу в свои покои. Евнух находил в гареме нужный "жетон". Девушку раздевали — в целях безопасности — нагая, она не могла прихватить с собой холодное оружие. Обнаженное тело заворачивали в покрывало, и евнух нес наложницу на спине в специальное помещение, где ее омывали ароматическими жидкостями.

Затем вновь заворачивали в покрывало и, наконец, относили в опочивальню императора. Здесь евнух сбрасывал с нее покров и удалялся. Имя девушки и час визита записывали в специальную книгу — таким путем удостоверяли законность появления на свет ребенка. Среди наложниц отношения царили напряженные — многие, попав в гарем, стремились завоевать любовь императора, жестоко завидовали более успешным подругам и как могли, портили им жизнь.

Наложницы не имели никаких прав, но иногда некоторым из них удавалось подчинить Сына Неба и практически взять власть в стране в свои руки. В 1852 году дочь обедневших манчжурских аристократов Ниласы, обладавшую поразительной красотой, отобрали в наложницы императора Сяньфэна. Рассказывали, что, уезжая в Гугун и рыдая при расставании с матерью, Ниласы сказала: "Со временем я буду великой женщиной. Тогда я буду иметь гору золота и попрошу тебя

сесть на ее вершину". В гареме красивая, умная и образованная Ниласы сделала блестящую карьеру — стала любимицей императора. Правда, поговаривали, что более всего их сближало совместное курение опиума. В 1856 году Ниласы подарила Сяньфэну наследника — до того у него не рождались мальчики. Когда в 1861 году император умер, ее малолетнего сына Тунчжи объявили императором, а она стала вдовствующей императрицей Цыси, по сути — правительницей Ки-

тая. Живя в обществе, где правила мужчины, она обратилась за помощью к евнухам, и не пожалела — в них нашла близких друзей и преданных помощников. Одним из первых поручений Цыси главному евнуху Аню — сделать так, чтобы вся власть осталась в ее руках. Поручение блестяще выполнили — принца пристрастили к радостям гарема, и наложницам было велено не давать ему пощады. В конце концов Тунчжи ослабел и физически, и психически, заболел сифилисом и умер в девятнадцать лет. Так власть осталась в руках его циничной матери, изображавшей глубокой горе во время похоронных церемоний. По-прежнему именно она и ее евнухи-фавориты определяли жизнь в Запретном городе и во всем Китае. Наибольшим влиянием пользовались евнухи Ань Дэхай и Ли Ляньин. Ань организовывал для пресыщенной Цыси оргии, подыскивал для нее молодых и красивых мужчин. Он заведовал и всей дворцовой бухгалтерией, обложил поборами чиновников и торговцев, и деньги делились таким образом: половина императрице, одна четверть в военный бюджет, другая — Аню. Цыси должна была сама оплачивать свои потребности, и небольшая часть этих средств прилипала к рукам коварного евнуха. Понятно, что в народе Ань не пользовался большой любовью. Однажды, когда ему пришлось выехать в провинцию Шаньдун, губернатор нашел повод его арестовать и обезглавить, а сопровождавших Аня евнухов задушили и сбросили в реку — до того, как успел вмешаться двор. Так закончилась блестящая карьера Аня Дэхая. Место ближайшего фаворита занял Ли Ляньин. Цыси и Ли составили могущественную пару. Ничто не могло поколебать их власть. По влиянию Ли почти сравнялся с императором, и недаром его называли "Господин девяти тысяч лет" по аналогии с императорским титулом "Господин десяти тысяч лет". Когда в 1908 го-

ду Цыси умерла, главный внучек Ли, тогда уже семидесятилетний старик, был единственным, кто искренне горевал по умершей императрице.

Одной из последних церемоний вдовствующей императрицы Цыси (1834-1908) стало коронование ее внучатого племянника 3-летнего Пу И в 1908 году. В 1911 году, в период китайской революции, пришла к концу власть Трона Дракона, продолжавшаяся около пяти столетий. Лидеры новой республики заставили малолетнего императора Пу И отречься от престола, хотя при этом и разрешили ему жить в Запретном городе до 1924 года. (Пу И, ставший последним императором династии Цин, умер в 1967 году, оставив интереснейшие записки о жизни обитателей Гугуна). В 1949 году в Китае власть взяли коммунисты, а побежденные националисты убежали на Тайвань, прихватив с собой из пекинского дворцового комплекса множество драгоценных императорских реликвий. В последующие годы дворцовый комплекс постепенно приходил в запустение.

В наши дни Запретный Город, став музеем, перестал быть запретным — мощные ветры двадцатого столетия распахнули двери в самые священные, самые потаенные глубины императорской власти. После тщательной работы китайских реставраторов дворцы и дворики стали почти такими, какими были до 1911 года. И теперь посетители Гугуна могут насладиться гармонией пропорций, изысканностью классической китайской архитектуры, блеском золотистой черепицы, белым мрамором террас, бронзовыми изваяниями, причудливо отражающимися в чистой и спокойной глади каналов, — этим величайшим памятником китайской национальной культуры, стойко хранящим дух могущественных императоров династий Мин и Цин, память об их великих свершениях и таких же великих злодеяниях...

Дорогие читатели!

Оформить подписку на второе полугодие 2003г. вы можете в любом ближайшем почтовом отделении. (Индексы: 70820 в каталоге "Роспечать", 88998 в Объединенном (зеленом) каталоге), в сети киосков "Роспечать", через альтернативные подписные агентства, а также в редакции журнала.

Ф. СП-1	Министерство связи РФ											
	АБОНЕМЕНТ на журнал										<input style="width: 50px; height: 20px;" type="text"/>	
	(индекс издания)											
	"СМЕНА"										Количество комплектов	
	на 2003 год по месяцам											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
	Куда											
	(почтовый индекс)						(адрес)					
	Кому											
	(фамилия, инициалы)											
ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА												
ПВ		место			ли-тер		на журнал				<input style="width: 50px; height: 20px;" type="text"/>	
(индекс издания)												
"СМЕНА"												
Стои-мость		подписки			руб.			Количество комплектов				
		пере-адресовки			руб.							
на 2003 год по месяцам												
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Куда												
(почтовый индекс)						(адрес)						
Кому												
(фамилия, инициалы)												

Уважаемые читатели!

Редакция журнала "Смена" проводит книжную лотерею среди подписчиков.

Об условиях ее вы можете узнать на стр. 256.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Роспечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ – МЕСТО» производится работниками предприятий связи и «Роспечати».

■ Все-таки сказки и в наше время сбываются, да и Золушки попадают. Одна из них — Татьяна Бораева — нашла в Калмыкии. Принцессой она стала “во дворце короля” Вячеслава Зайцева, а точнее в его московском Доме Моды, где сначала училась в Лаборатории моды, а потом победила на Конкурсе профессиональных художников-модельеров имени Надежды Ламановой — основоположника русской школы моделирования одежды. До революции у нее одевались московский бомонд, петербургский свет и даже императорский двор. А в советское время она создала много моделей одежды для международных выставок и в самом Париже завоевала Гран-при. А Таня Бораева получила Гран-при ее имени. Председатель жюри, экспансивный Вячеслав Михайлович Зайцев, не смог сдержаться и кричал ей “Браво!”.

Небольшая, самая ее первая коллекция очень элегантных платьев, костюмов и обуви показала, что Татьяне по силам самый трудный элемент модельерского мастерства — форма. Здесь все — даже сапоги и туфли — не только придумано, но и сшито ее собственными руками.

“Мне форма интереснее. Цвет — вторичен, он может быть любым,

нейтральным. Просто никаким. Но при хорошей форме цвет должен играть". — Татьяна твердо в этом уверена.

— Татьяна, вы, наверное, в детстве любили наряжать кукол?

— Любила. Мои куклы всегда были хорошо обшиты. Я вообще, как теперь понимаю, с детства хотела заниматься модой. И вся моя жизнь, так или иначе, была с ней связана.

— А кто вас научил шить? Мама?

— Нет, мама, и вообще никто в семье не умеет шить, на одежду обращали внимания мало, одеты, обуты, ну и хорошо. А мне вот почему-то нравилось придумывать фасоны. Много рисовала, даже в школе устраивала показы, иногда пародии на костюмы. Сама научилась шить. Мы жили в небольшом городе Лагань. Моду я видела только по телевизору.

— Себе тоже все шила? Подруги, наверняка, завидовали.

— Действительно, шила и себе, и маме, иногда подружкам. Завидовали? Не знаю, может быть. Некоторые девочки тоже научились, но, видно, терпения не хватало, и не очень любили. Иногда мне говорят: тебе хорошо, ты все можешь сама. А кто подругам мешает? Можно придумать что-то, найти подходящую выкройку. Правда,

сейчас для себя мне времени и сил не хватает.

Еще в школе я получила профессию мотористки, практику проходила на производственном комбинате. Тогда мне нравилась архитектура, потом медициной увлеклась. А моду воспринимала только как хобби. И казалось, что все так будет и дальше. Но сколько не пыталась уйти от моды, все равно судьба меня к ней поворачивала.

— Дома как к увлечению относились? Поддерживали?

— Наоборот, отговаривали, требовали, чтобы занималась "серьезным делом". В Калмыкии на первом месте должна стоять семья. А все остальное — потом. После школы поступила в Московский технологический институт легкой промышленности. Получила профессию инженера-конструктора изделий из кожи. Для меня, калмычки, это понятно. Калмыкия — традиционно кожаный край. Я в институте приобрела такие навыки, что даже сейчас все в голове осталось и руки все помнят. После окончания института вернулась в Элисту. Вышла замуж и пошла работать на обувную фабрику художником-модельером. Муж был против моих интересов. Девяностые годы тяжелые, и он считал, что работа ненадежная. Потом я перешла на кожаный завод, потому что фабрика закрылась. Завод тоже пребывал в упадочном состоянии, о творчестве особенно не помечтаешь. Но и там я наработала хорошей опыт.

Надо сказать, что Татьяна-

на,
хрупкая и
женственная, на
самом деле обладает
твердым и серьезным ха-
рактером. Где бы она ни была,
всегда найдет чему поучиться. Ее пра-
вило: век живи — век учись, всегда
есть что-то, чего еще не знаю. Но толь-
ко и кожевенный завод, как и преды-
дущее место работы, тоже закрылся. И
Татьяна поехала в Волгоград, где нахо-
дилось швейное объединение.

— Я оставила в Элисте семью, у ме-
ня уже были два сына. Искала не про-
сто работу и заработок, что-то я могла
бы и дома найти, но хотелось зани-
маться своим делом, чтобы работа нра-
вилась. И здесь мне улыбнулась удача:
послали в командировку в Дом Моды
Зайцева. Мне захотелось учиться в его
Лаборатории и я оставила анкету. А ко-
гда меня вызвали, помешали домаш-
ние заботы, не поехала, и таким обра-
зом не использовала шанс. Кусала по-
том локти, думала, что уже такое нико-
гда не выпадет. Но в 2001 году что-то
поменялось в сознании моих родных,
даже не знаю, чем это объяснить, толь-
ко все стали настаивать, чтобы я взя-

лась за моделирование серьезно. Я на-
писала в Москву. Оставила детей на му-
жа, ничто не удержало.

Неожиданно для себя Татьяна ока-
залась в самом центре модной жизни
Москвы. Казалось бы, тут-то ей и рас-
цвести. Но случилось иначе.

— Довольно сложно было психоло-
гически настроиться на новый лад, я
давно не занималась по-настоящему
модой и чувствовала себя заморожен-
ной. Но сдаваться не собиралась. Важ-
но знать, чего я на самом деле стою. И
очень помогли Вячеслав Михайлович и
все преподаватели Лаборатории: доб-
рым словом, мягкостью, научили, вытя-
нули из меня все, что я могла сделать.

— У вас были такие сильные конку-
ренты. Трудно с ними бороться?

— А я и не боролась. Даже не на-
деялась на приз. Просто хотелось по-
казать, что могу, я же из бездны ка-
рабкалась, а победа вообще казалась
несбыточной.

— Ваша коллекция в основном
сшита из твида. Это дань моде на
ткань?

— Твид — мой самый любимый ма-
териал, я думаю, он не может выйти
из моды. Все вещи из него выглядят
элегантными, а я люблю элегантность
в людях.

— Какой стиль больше всего нра-
вится?

— Спортивный и классический стили. Это то, что сама ношу, а к остальным отношусь с осторожностью. Конечно, могу добавить какую-то авангардную интересную деталь, не более.

— Вы еще очень молоды, но в коллекции нет даже намека на молодежный, свободный стиль, то, что можно сейчас увидеть на улице.

— Да я никогда не задумываюсь, что из моих моделей для молодежи, а что для старшего возраста. Просто делаю, что мне самой нравится. Не хочу создавать выставочные экспонаты, но и что-то упрощенное, для улицы тоже не делаю. Одеваться надо красиво, даже в обычной майке и джинсах можно выглядеть нарядно и подтянуто. Может быть, и сделаю потом специально для молодых фасоны, но пока я сама еще в пути, открываю себя...

— В моделях элементы национального калмыцкого костюма применяете?

— Раньше я увлеклась этим. А теперь считаю, что совсем необязательно заикливаться на национальных мотивах, да и сейчас такое неактуально. Конечно, надо помнить о своих корнях, но выносить на подиум не стоит, пусть останется для истории. Моя коллекция называется "Восток-Запад", потому что Калмыкия находится как раз на перепутье. И у нас можно

встретить все — и европейский стиль, а где-нибудь в глубинке что-то присущее востоку, но чисто национальное можно увидеть только в музее.

— Если бы у вас была дочка, наверное, обшивали ее как куклу, мальчиков стараетесь красиво одеть?

— Да, я им многошила: рубашечки, курточки, конечно, по своим фасонам. И мужа одевала. Шила брюки, пиджаки, даже куртку. Но все это не от хорошей жизни. Сначала в магазинах Элисты ничего не было, а потом все стало очень дорогим. Так что мои возможности выручили всю семью.

— У вас не возникает желания все красивые вещи, сделанные для выставки, носить самой?

— Пока я все придумваю, сошью, обувь сделаю, уже так устану, что даже на вешалках они мне неинтересны. Я не думаю, как это будет выглядеть на мне самой, я работаю для творчества и самовыражения.

— Как модельер, что-то можете порекомендовать? Что будет модно в этом году?

— На мой взгляд, можно носить все, нет канонов и границ. В гардеробе женщины должны быть разнообразные вещи, для любого настроения и любой ситуации. Хотя, как мне кажется, джинсовая мода уже отошла на задний план, только на любителя.

— Что собираетесь делать теперь? Нет желания открыть в Элисте дом моделей?

— Нет, сейчас это трудно, в республике нет денег. Хотя у нас любят красиво одеться, даже несмотря на трудности. Но мне нравится работать в Мо-

ске. Вячеслав Михайлович Зайцев предложил остаться в его Доме модельером. И я уже сделала набор обуви, которую он включил в свою последнюю коллекцию.

— Что бы еще вам хотелось сделать?

— Мне интересно придумывать сумки. Не исключено, что сделаю мужскую коллекцию. Мода — такое необъяснимое поле для творчества.

— Не тянет к эксцентрике авангардизма, просто сделать что-нибудь с "подвохом"?

— Мне кажется, нужно иметь мужество и силы, чтобы создавать спокойные, будничные вещи. На уровне пластиковых пакетов и фольги модельером стать просто. А вот сделать одежду, чтобы многим захотелось ее носить ежедневно, не каждый сможет. Мне хочется не потерять этого желания. ■

Беседовала Алла ПУСТЫНОВА.

Встретимся в "Библиотеке"!

■ Кафе "Библиотека" — это идея встреч, знакомств и общения. Место приятного времяпрепровождения, очень интеллигентное и демократичное, где собирается публика от 18 лет и выше, среднего и высокого достатка. Заведение, созданное по всем правилам ресторанного бизнеса, но именно кафе — умеренные цены, улыбающийся молодой персонал и совершенно разная публика. Идея микса приходящего контингента — то есть VIP-зона граничит с остальными столиками, шумная компания, семья, влюбленная парочка и одинокий человек сидят здесь все вместе. Но в то же время они погружены в свой мирок столика — цветок на столе, продуманный свет, неяркий и немного интимный (как в настоящих библиотеках), уютная и удобная спинка стула. Всего кафе рассчитано на сто двадцать посетителей, в нем три больших зала. Главное в "Библиотеке" — это его стиль. Стиль во всем — в названии, в антураже, в персонале и музыке, в планах на будущее.

В центре одного из залов находится высокий стеллаж, с лампами в форме бюстов и книгами в одинаковых

одноцветных обложках. По ним нельзя догадаться, какие это произведения, но это не бутафория, а элемент декора, с одной стороны, с другой — как бы игра в библиотеку. Если в настоящих библиотеках они ищут настоящие книги, то здесь люди ищут друзей и общения. Книги же — своеобразное дополнение, потому что в кафе "Библиотека" важна не книга, а человек. Человек похож на книгу тем, что он также остается неизвестен, пока к нему не прикоснешься, пока его не "откроешь". Кафе "Библиотека" переносит посетителей в обстановку 30-х годов, когда люди ходили в библиотеки с целью познакомиться. Мода и стиль этого времени взяты за основу при создании заведения. Обстановка напоминает литературный салон со своими чайными беседами и черно-белыми фотографиями. В барной нише скоро появится экран, где будут показывать черно-белые фильмы, причем как старые, так и современные — например, "Матрица" в черно-белом варианте — более чем оригинально. В этом отношении "Библиотека" стирает временные границы.

“В первые две недели апреля планируется акция “Прощенные недели”, — говорит арт-директор кафе “Библиотека” Инна. — Суть этой акции в том, что если когда-то кто-либо не сдал книги в библиотеку, они могут принести их в кафе “Библиотека”, за что получат подарок от компании Gala Records. Размер подарка будет зависеть от суммы, которую посетители потратят в кафе. Ничего подобного раньше не проводилось! Мы хотим приравнять книги к дискам, ведь новое поколение часто вместо чтения книг садится за компьютер. Ничего плохого в этом, конечно, нет — просто смена поколений. И идея — обмен книги на диск, своего рода передача поколений. Приносимые книги заполнят пустые полки и создадут необходимый антураж. Со временем книги планируется передать в родные библиотеки, то есть в те места, которые “плачут по этим книжкам”, как раз сейчас ведутся переговоры с мэрией. Мы не проиграем, если книги останутся у нас, так как на каждого посетителя, принесшего литературу, будет заведена карточка, и он станет членом уже нашей библиотеки. Признайтесь, почти у всех из нас есть скелет в шкафу — забытая или просто понравившаяся книжка, невозвращенная в срок в родную библиотеку. Наряду с книгами на полках “Библиотеки” появятся фотографии, обычно то, что стоит на домашних полках. И наряду с ними журнал “Смена” — литературно-художественное издание — как нельзя лучше гармонирует с названием и идеей кафе “Библиотека”.

По “Библиотеке” между столиками снуют официанты — девушки, одетые в школьную форму, и молодые люди в длинных фартуках, похожих на итальянские. Кафе отличается очень демократичными ценами, но высоким качеством обслуживания. Многие посетители, открывая меню, приятно удивляются и задают вопросы: “Цены

в рублях или в долларах?” Само меню напечатано на итальянском картоне, полупрозрачном и гибком, выполненном в стиле “минимализм” — никакой расшифровки блюд, только названия и цена. Но это не мешает ему быть разнообразным. Приятно удивляет особая графика под названием “Школьные завтраки” — специально для людей, которые начинают свой день, а, следовательно, и первую трапезу, позже остальных.

Каждую пятницу проходит проект “Книга о вкусном и здоровом звуке”. На фоне музыки, чаще всего джазовой, читаются литературные произведения самого разного стиля — как классических, так и современных писателей. Это позволяет посетителям вспомнить детство, их любимые “сказки на ночь”, ведь так приятно, когда тебе читают, а ты, прикрыв глаза, просто наслаждаешься и отдыхаешь.

“Как пройти в “Библиотеку”?” — эта фраза стала лозунгом кафе. Старая шутка, используемая молодыми людьми в качестве предлога для знакомства с девушкой в три часа ночи, изначально не имела ответа. Просто человек хотел показать свою интеллигентность, потому что парень, приглашающий девушку в библиотеку, уже производит впечатление. Но теперь вопрос имеет конкретный ответ: “Смоленская площадь, Карманицкий переулок, 9”. Пожалуйста, познакомился и можешь действительно пойти в “Библиотеку” с девушкой, выпить по чашечке кофе и насладиться общением.

Как говорит арт-директор Инна, еще предстоит много работы. Кафе совсем молодое, но хочется, чтобы москвичи его поняли и стали его друзьями. Скоро на входе появится лобби-бар, на котором будет и свежая пресса, и в том числе журнал “Смена”. Можно просмотреть новости или почитать и, заинтересовавшись, забрать с собой. ■

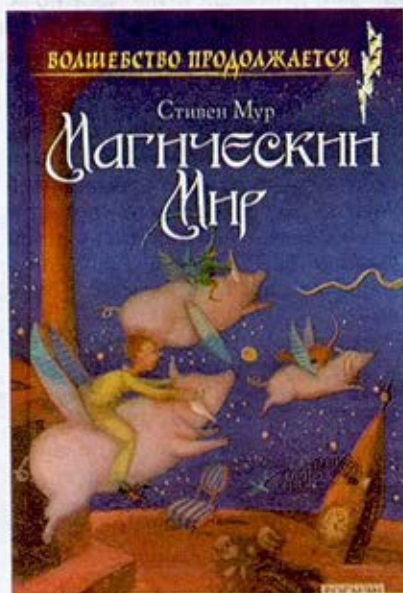

Урсула Ле Гуин
"Волшебник Земноморья"

Фантастическая трилогия известной американской писательницы Урсулы Ле Гуин, неоднократно получавшей высшие литературные премии США, включает романы "Волшебник Земноморья", "Гробницы Атуана", "На последнем берегу".

Сказочно-фантастическое повествование Ле Гуин населяют маги, драконы, ведьмы, древние и загадочные существа, неведомые силы воды, земли и воздуха. Эта захватывающая книга построена на хитросплетении фантазий. Однако она поднимает вполне реальные проблемы мужания и становления личности, предлагает молодому читателю самому разобраться, что есть Свет и что есть Тьма, и где та грань, за которой эти два понятия сливаются воедино.

Издательство "Росман"

Стивен Мур **"Магический мир"**

Замечательные романы английского писателя Стивена Мура переносят читателя в волшебный мир, переполненный магией настолько, что та выплескивается в обычную жизнь. Юные герои книги должны вернуть таинственные силы обратно, в магический мир, а помогают им в этом самые разнообразные фантастические существа: от летающих свиной до драконов-пацифистов.

Издательство "Росман"

103030, Москва,

ул. Новослободская, д.21

телефон: (095) 933-70-70

факс: (095) 933-70-71

E-mail: rosman@rosman.ru

Мэри Стентон **"Дорога на Балинор"**

В горных пещерах есть таинственное место — место, соединяющее наш мир с миром Балинора. Это прекрасный, счастливый мир, за которым присматривает стадо небесных единорогов. Но спокойствие обманчиво, над Балинором нависла тень зла и страха. Принцесса Балинора и ее королевский единорог спрятаны в нашем мире, но им нельзя долго оставаться здесь, ведь только они могут спасти прекрасный Балинор.

«РОСМЭН» предлагает:

Дэвид Колберт **"Волшебные миры Гарри Поттера"**

Собрание мифов, легенд, удивительных фактов

На страницах книг о Гарри Поттере оживает множество мифологических, исторических и литературных персонажей. Книга "Волшебные миры Гарри Поттера" представляет читателю магический мир событий, оставшихся как бы "за кругом" истории о приключениях Гарри Поттера. Читателей ожидают встречи со средневековыми алхимиками, вы узнаете много интересного о фантастических существах, совершите путешествие во времени от Древнего Египта до наших дней и в пространстве от Скандинавии до Индии.

Книга будет интересна каждому любознательному читателю, а для поклонников Гарри Поттера станет незаменимым источником самой разнообразной и удивительной информации.

ВОДА ЖИЗНИ

"Hydrargyrum (Hg), mercury, ртуть, вещество текучее и быстро испаряющееся, определялась из-за этих своих качеств и как вода. Одно из её обозначений — "aqua vitae" (вода жизни)..."

К.Г. Юнг. «Дух Меркурий».

ЖИВОТВОРЯЩАЯ СИЛА

"...В придании старым мыслям новой формы и состоит все искусство и все творчество, возможное для человека", — писал Анатолий Франс. Мы вновь и вновь обнаруживаем поистине "магистральные" научные положения, как бы зашифрованные в том, что еще недавно казалось просто красивым образом или мифом.

Мыслители древности были убеждены в том, что ртуть играет основополагающую роль в обеспечении жизнедеятельности. Доказательства изложены в древнекитайском трактате "Тайна Золотого Цветка", "Ртутной системе" индийской алхимии. Иоганн Милиус, европейский алхимик, живший почти на семь веков позже Авиценны, называл ртуть "животворящей силой, подобной клею, которая спаивает мир и занимает среднее положение между духом и телом".

НЕМНОЖКО РТУТИ ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ

В нашем организме ртуть выполняет функцию дирижера, регулируя иммунную систему и воздействуя на все без исключения биохимические процессы.

Природа распорядилась так, что все "проблемные" клетки — будь то опухолевые, пораженные вирусом или просто воспаленные — сразу повышают свою кислотность. Ртуть находит клетки с измененной кислотностью и, легко проходя через их мембраны, наводит в них порядок. Так, проникая внутрь опухолевой клетки, ртуть выводит из строя факторы ее неукротимого роста, предотвращая ее дальнейшее развитие.

Аналогичным образом действует соединение ртути и в отношении всевозможных вирусов. Прежде чем проникнуть в клетку, вирус должен "раздеться" — сбросить свою белковую оболочку, без этого клетка его "не пустит". Но для "раздевания" нужно, чтобы сработали протеолитические ферменты, их рецепторы. Попадая в клетку, ртуть блокирует рецептор, "раздевания" не происходит, а значит, вирус просто не может проникнуть в клетку. Но даже если он уже туда проник, ртуть помогает восстановить нормальный биохимический процесс.

Т.В. Воробьева создала уникальный, не имеющий сегодня в мире аналогов препарат, содержащий соединение ртути в биотическом состоянии в том виде, в каком она присутствует в организме.

ПЛЮС ОМОЛОЖЕНИЕ

В отличие от высокотоксичных антибиотиков или противораковых препаратов, настроенных на то, чтобы убивать что-то в организме, и уничтожающих все без разбора — и больные, и здоровые клетки, препарат Воробьевой как биотический аналог присутствующей в организме ртути прицельно воздействует на опухолевые клетки. Он приводит иммунную систему в порядок, и та начинает самостоятельно "чистить" организм. Этим объясняется и широкий спектр действия нового лекарства.

Препарат успешно борется не только со всеми видами злокачественных и доброкачественных опухолей, всеми иммунодефицитами, независимо от их происхождения (начиная с синдрома хронической усталости и заканчивая "самим" СПИДом), но и с ревматизмом, полиарритмом, бронхильной астмой, туберкулезом, герпесом, псориазом, цитомегаловирусом, вирусными гепатитами, сердечно-сосудистыми заболеваниями, сахарным диабетом, простатитом и.. импотенцией. Единственным побочным действием препарата, к некоторому удивлению его исследователей, оказалось... омоложение организма.

Но, естественно, данное лекарственное средство лечит тогда, когда еще есть что лечить. Если в результате онкологического заболевания органа как такового уже нет, его, увы, не восстановишь и препаратом Воробьевой. Но даже в этой си-

туации препарат значительно улучшает качество жизни: уходят боли, улучшается самочувствие, больной ведет активный образ жизни, да и сама жизнь продлевается.

Эффективность препаратов и способов лечения академичка Воробьевой Т.В. доказана двенадцатилетними исследованиями в 27 ведущих научных центрах страны. Ее открытие прошло Гаагскую научную экспертизу и получило высшее ученое признание международной университетской аккредитационной ассоциации (г. Пассадена, Калифорния, США). Автор является обладателем 29 патентов, в том числе американского и европатента.

СМЕРТЬ ОТСТУПАЕТ

Ученые, практические врачи, принимавшие участие в исследованиях свойств лекарственного средства, высоко оценили его лечебные свойства. Вот мнение некоторых из них:

Н.Р. Дядищев, заместитель директора НИЦ ТБП МЗ РФ, д.м.н.: "Препараты Витурид являются представителями нового класса противоопухолевых препаратов — регуляторов деления клеток и противоопухолевого иммунитета". Подтверждено, что под воздействием препарата происходит регресс опухоли с восстановлением пораженного органа и обезболиванием, не вызывающим наркотической зависимости.

Онколог Н.И. Шуваева, профессор ММА им. И.М. Сеченова, д.м.н.: "... наблюдения за больными с различными локализациями опухолевого процесса указывают на высокую эффективность препарата, что подтверждается различными методами обследования в лечебных учреждениях. Проведенные исследования позволяют использовать это лекарственное средство для профилактических целей и включать в мероприятия по медицинской реабилитации как средство положительно влияющее на состояние иммунной системы организма".

Химик Т.В. Плетенева, профессор ММА им. И.М. Сеченова: "... В данном лекарственном средстве биотические концентрации ионов ртути надежно связаны с активными элементами растворителя. Именно это и обуславливает отсутствие у препарата токсических свойств".

Тамара Васильевна Воробьева победила смерть. Безо всяких преувеличений. Пострадав во время взрыва космического топлива, побывав в самом центре взрыва (что несовместимо с жизнью), она не только не сдалась перед неотвратимой угрозой и осталась жить, но и превратила собственный путь выздоровления в методику исцеления множества болезней у других людей.

Анчуков А.А. профессор,
академик МАИСУ (МАИ)

До лечения

Рост раковых клеток в виде пластов. Железистые структуры выражены слабо.

Медицинский центр Тамары Воробьевой «Витурид плюс»

Медицинские услуги (лицензия № 82-02)
185035, Карелия, г.Петрозаводск, а/л 182

Тел.: (8142) 56-74-80, 56-77-84

Продажа лицензий на 31 патент
(в т.ч. США, Украина и др.)

препараты и способы лечения
СПИДА, РАКА, ГЕПАТИТА,
ПСОРИАЗА и др.

Тел./факс (8142) 56-72-11, 56-74-01

E-mail: viturid@onego.ru; www.viturid.ru

После лечения

Замещение очагов некроза и кровоизлияний соединительной тканью. Созревание паренхиматозных клеток (что однозначно указывает на регресс опухоли).

Внимание – радон!

Кора Земли с момента образования содержит радиоактивные элементы, которые создают естественный радиационный фон. Как оказалось, особая роль в этом фоне принадлежит радону, вклад которого составляет около 54%.

Радон — инертный тяжелый газ, в 7,5 раз тяжелее воздуха. Он не имеет вкуса, цвета и запаха, хорошо растворяется в воде. Радон входит в цепочку радиоактивного распада, начинающуюся с Урана-238 и заканчивающуюся Свинцом-206. Как и его "родители", является излучателем α -частиц. Следуя цепочке радиоактивного распада, он производит семейство других источников α -частиц. Их в целом называют дочерними продуктами распада (ДПР).

В замкнутое воздушное пространство (жилые дома, больницы, учреждения, магазины, закрытые манежи, подземные шахты) радон поступает либо через фундамент и пол из грунта, либо из материалов, примененных в конструкции. Уровни радона возрастают, если помещения не подвергаются вентиляции или если скорость ее недостаточна. В зонах с умеренным климатом концентрация радона в закрытых помещениях в 8 раз превышает наружную концентрацию.

Другой источник попадания радона и его ДПР в жилые помещения — наружный воздух, природный газ, используемый для приготовления пищи и отопления, вода для питья и других нужд. При этом особую опасность представляет вода из глубоководных колодцев или артезианских скважин. Следует помнить, что при кипячении значительная часть радона и его ДПР улетучивается. Существенную опасность представляет попадание паров воды с высокой концентрацией радона в легкие человека вместе с вдыхаемым воздухом в ванной комнате. При этом биологические последствия воздействия радона и его ДПР, содержащиеся во вдыхаемом воздухе, связаны с воздействием испускаемых α -частиц на бронхиальные клетки.

Для мониторинга содержания радона и его ДПР используют приборы, измеряющие объемную активность (длительность измерений — от нескольких минут до нескольких суток). Таковым является прибор, выпускаемый фирмой **"КВАРТА-РАД"**: детектор-индикатор радона **КВАРТЕКС РД 5400**.

В отличие от большинства аналогичных приборов детектор-индикатор радона **КВАРТЕКС РД 5400** прост в эксплуатации, а по техническим характеристикам не уступает им. В нем отсутствует принудительная прокачка воздуха в камере. Анализируемый воздух поступает в измерительную камеру детектора через аэрозольный фильтр за счет свободной диффузии, что не требует специального устройства и удешевляет прибор. Прибор работает в трех режимах: пороговой индикации, текущей индикации и просмотра. В режиме пороговой индикации используется цветовая гамма, что упрощает работу с прибором. Автономное питание прибора позволяет эксплуатировать его в условиях, где отсутствует стационарное электропитание.

Детектор-индикатор радона **КВАРТЕКС РД 5400** может быть использован для оценки плотности потока (или скорости выхода) радона с поверхности (из почвы) земли, допустимые уровни которого не должны превышать 80 мБк/м²с.

Детектор-индикатор радона **КВАРТЕКС РД 5400** поможет вам в обеспечении радиационной безопасности. Не жалейте средств на его покупку. Помните, что радон с воздухом может попасть внутрь организма, что совсем нежелательно!

Наш адрес и контактные телефоны:

ООО "КВАРТА-РАД"

115409, Москва, Наширское шоссе, дом 31, корп. 44А

Тел.: (095) 323 91 14, тел/факс: (095) 324 54 62

Профессиональный коллектив врачей-специалистов МЕДИКО-КОНСУЛЬТАТИВНОГО ЦЕНТРА «КВАДРО»

обращает ваше внимание на уникальные методики лечения, очищения и похудения

Медицинский центр основан в 1997 году. Особое внимание уделяется методам безмедикаментозного лечения — гирудотерапии и диетологии.

В центре проводится биорезонансная диагностика — NLS, выдается справочно-консультативная информация о функциональном состоянии организма. Процесс измерения охватывает шесть биологически активных зон, а по времени занимает всего несколько минут. Использование графики позволяет отображать степень отклонения состояния органов и тканей от нормы. Следует отметить, что обследование абсолютно безопасно для здоровья. Оно помогает врачу не только определить заболевание, но и, основываясь на индивидуальных особенностях пациента, подобрать в каждом отдельном случае необходимое сочетание терапевтических средств.

Компьютерное обследование могут пройти и дети старше 12 лет, что позволяет выявить отклонения от нормы здоровья на ранних стадиях и тем самым облегчить лечение.

Современная гирудотерапия (лечение пиявками) может многое. Главное ее преимущество — она не дает негативных последствий. В медицинском центре ведут прием члены Ассоциации гирудотерапевтов РФ.

Практически нет болезней, при которых гирудотерапия не может помочь. Основные из них — заболевания, связанные с нарушениями венозного и артериального кровообращения: варикозное расширение вен, ишемия, гипертония, сердечная недостаточность. Далее можно дать список хронических заболеваний печени, почек, желудка и других органов, нарушение обмена веществ, пищеварения, широкий спектр воспалительных процессов и многое другое, в том числе гинекологические и урологические заболевания.

Универсальность гирудотерапии заключается в локальном лечебном эффекте. Искусство врача состоит и в том, чтобы поставить пиявку на ту точку, откуда выделяемые ею ферменты пойдут непосредственно к больному органу. А ферментов она выделяет более 80, являясь как бы фармацевтической фабрикой, которая не использует химии.

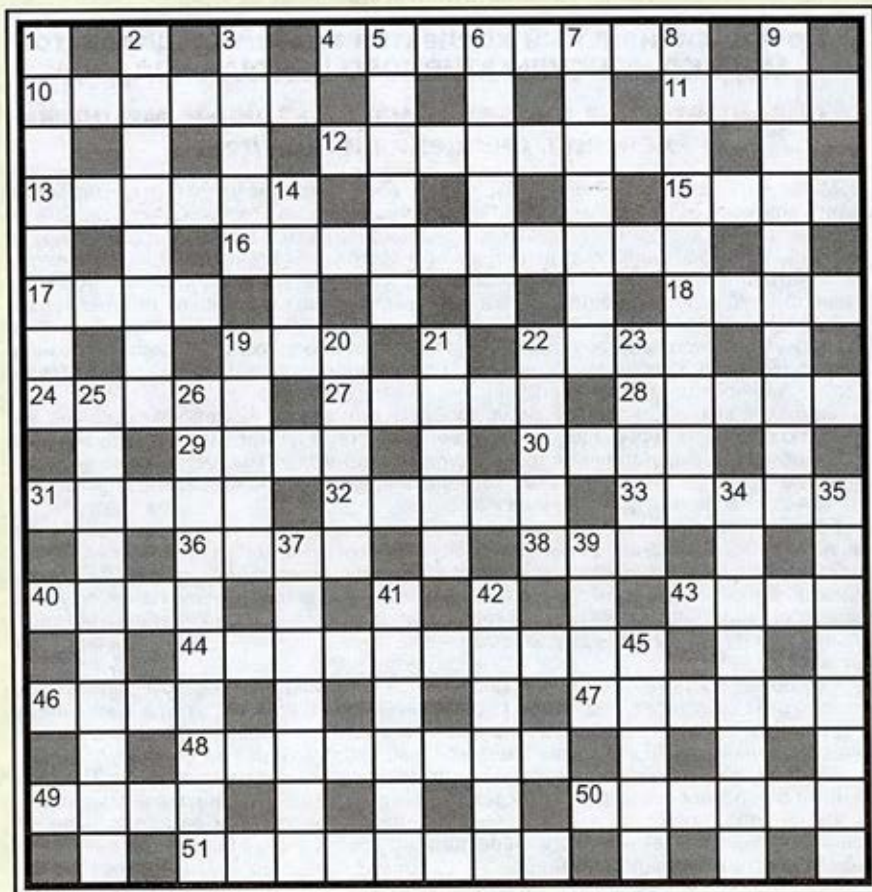
Гирудотерапия дает хороший эффект и как дополнительный метод лечения. При этом опытный специалист сокращает и курс медикаментозного лечения, и дозы препаратов.

Кроме того, пиявка энергетична. Она выделяет биоэнергию и распространяет ее, пиявка восстанавливает энергопроизводящий аппарат человека (клетки, органы), который пострадал в результате болезни, то есть нормализует энергообмен человека.

Ныне в Москве новый бум — на основе анализа крови выявляют продукты, на которые у человека имеется скрытая аллергия и, следовательно, их нужно исключить из рациона. Такой тест крови можно провести в медицинском центре «Квадро». Он показывает переносимость вашим организмом 143 продуктов, выявляет необходимые и продукты-антагонисты, противопоказанные вашему организму. Опираясь на результаты анализа, врач-диетолог медицинского центра «Квадро» составит персональную диету, подберет режим питания, посоветует витамины. Питаясь по индивидуальной схеме, вы имеете возможность не только снизить вес, но и оздоровиться, восстановить обменные процессы, вывести шлаки из организма, повысить жизненный тонус.

В медицинском центре «Квадро» работает коллектив врачей высшей категории (в том числе, кандидаты медицинских наук), заинтересованных в конечном выздоровлении каждого пациента.

- 1. Похудение по анализу крови. Определение совместимости 143 продуктов, составление персональной диеты**
- 2. Гирудотерапия**
- 3. NLS-диагностика**
- 4. Психотерапия**
- 5. Планирование пола ребенка. Сексопатология**

По горизонтали. 4. Казнь гарротой. 10. Латиноамериканская мера веса меньше пуда. 11. Английский поэт, чья поэзия предвосхитила творчество Г. Россетти. 12. Морская десятиножка, которой в лучшем случае отмерено 4 года жизни. 13. Технический прием в бейсболе и футболе. 15. "Экономическое сокровище" России (М. Ломоносов). 16. Воздействие силой колдовства, молитв, чар. 17. Государственное учреждение на Руси, ведавшее финансовыми и судебными делами по отношению к тягловому населению. 18. Сказочный овощ. 19. Солдатский... — подготовительное упражнение в тяжелой атлетике. 22. Враги Тараса Бульбы. 24. Народ в Мексике, чье название значит "идушие со стрелами". 27. Очень пугливый горбатый заяц Америки. 28. Конный посланец, вестник в древней Персии, прадедушка почтальона. 29. Известный французский врач-офтальмолог, завещавший свое состояние для премий за лучшее сочинение по практической медицине или прикладной терапии. 30. Зверь, символ сурьмы у алхимиков. 31. Немецкий химик, создавший теорию флогистона, позже опровергнутую А. Лавуазье. 32. Близкая родственница сойки. 33. Французский художник, не дававший названия своим картинам. 36. Осадочная

порода, на которой обычно формируется чернозем. 38. Знаменитый в свое время французский теннисист. 40. "...дудль" — песня, впервые упомянутая в либретто первой американской комической оперы "Разочарование". 43. Копье в руках героев "Иллиады". 44. Выдающийся немецкий ученый, изобретший глазное зеркало. 46. Сибирское название тигра, каковым он обитает на гербе Иркутска. 47. Жительница острова, где 35 действующих вулканов регулярно удобряют почву. 48. Норвежец, первый поселенец в Исландии. 49. Великое множество. 50. Знаменитая Нефритовая гора в китайской мифологии. 51. Большой резервуар для обезвреживания осадков при очистке сточных вод.

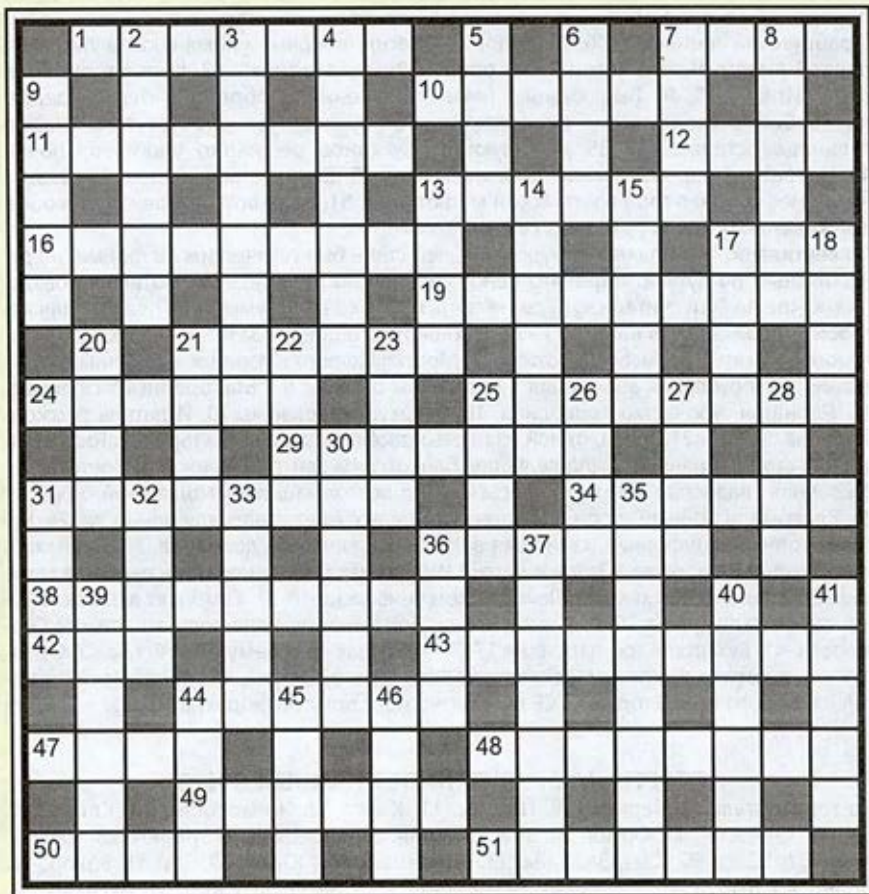
По вертикали. 1. Итальянский художник, чей стиль был готическим по форме, но ренессансным по духу. 2. Нарочито ненормальное по религиозным мотивам поведение, какое на Руси считали чуть ли не святым. 3. Икона. 5. Румынская певица, для которой Р. Леонкавалло написал заглавную партию в опере "Заза". 6. Французский художник, кумир В. Борисова-Мусатова. 7. Морской курорт в Израиле с отличными пляжами. 8. Сторублевая ассигнация с портретом царицы. 9. "Благородный" полимер. 14. Пернатая зубочистка крокодила. 19. Быт, существование. 20. Издатель русского журнала "Нива". 21. Трава, одной из первых заселяющая лесные гари. 22. Государство, чья столица раньше была ведущим банковским центром Ближнего Востока. 23. Восточная сладость, на которую весьма мало похож наш промышленный суррогат. 25. Властитель, из чьей гробницы археологи целых 7 лет извлекали ценности. 26. Весовая толика калифорния, стоившая в 1984 году миллион долларов. 34. Экипаж, в каком ездил Базаров из "Отцов и детей" И. Тургенева. 35. Основатель первой в мире кафедры физической химии в Лейпцигском университете. 37. Самоцвет в плевках Луны, как считали арабы. 39. Любимое блюдо Дон Кихота и, надо полагать, самого Сервантеса. 41. Бухарское государство в 1747-1920 годах по своему устройству. 42. Французский дирижер и скрипач, основатель "Концертов Шатле". 45. Австрийский писатель, которого в 1928 году в СССР неприятно поразил угар бюрократизма. ■

ОТВЕТЫ НА ЭРУДИТ, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали. 3. Бергамо. 9. Шприц. 11. Карст. 12. Жимолость. 13. Климт. 14. Панна. 15. Аргон. 17. Оргия. 20. Вой. 23. Урия. 25. Савицкая. 27. Иоанн. 28. Лат. 29. Алид. 31. Щека. 32. Сыч. 34. Хайку. 35. Децимвир. 36. Юрок. 37. Зга. 41. Бакор. 42. Орден. 45. Выпад. 47. Футор. 48. Знаменщик. 49. Домра. 50. Рунге. 51. Аксакал.
По вертикали. 1. Шпиль. 2. Пижма. 4. Егоров. 5. Грот. 6. Материал. 7. "Даная". 8. Осень. 10. Цитра. 14. Пирит. 16. Норна. 18. Кувалда. 19. Ливийцы. 21. Экседра. 22. Вязанка. 24. Порыв... 26. Васко. 30. Танго. 32. Смерд. 33. Чиновник. 38. "Аранда". 39. Кефир. 40. Дымов. 41. Баярд. 43. Нукус. 44. Розга. 46. Ямка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали. 1. Филби. 4. Отгул. 8. Наб. 11. Лох. 13. Маникюрша. 14. Чужеземец. 16. "Орас". 17. Йоко... 18. Эвенк. 19. Херес. 21. Шведка. 22. Рококо. 23. Базальт. 27. Гитара. 28. Обабок. 29. Лыкодер. 32. Беление. 35. Тундра. 36. Доклад. 38. Ниагара. 42. Айлант. 44. Щепоть. 45. Аркан. 46. Инжир. 47. Панг. 50. Сомо. 52. Осознание. 53. Валиханов. 54. Ява. 55. Пот. 56. Акташ. 57. Казак.
По вертикали. 1. Фанаберия. 2. Ибис. 3. Брюква. 5. Тренер. 6. Улей. 7. Ломоносов. 8. Нар. 9. Ушанка. 10. Пудель. 12. Хек. 13. Мокша. 15. Цокор. 18. Экран. 20. Собак. 23. Балобан. 24. Заколка. 25. Ладанка. 26. Торпеда. 30. Русланова. 31. Юдина. 33. Эклер. 34. Жаворонок. 37. Кашпо. 39. Италия. 40. Ренуар. 41. "Льгов". 43. Триада. 44. Щирица. 48. "Ася". 49. Гзак. 50. Сапа. 51. Мот.

По горизонтали. 1. Сосредоточение, концентрация. 7. Земляной миндаль. 10. Поле после уборки хлеба. 11. Празднества в Древнем Риме в честь богини юности. 12. Во Франции — блюдо из молодого мяса, у нас — из старых костей. 13. Согласие заключить договор на условиях предлагающей стороны. 16. Король Испании, по чьему требованию — вместе с королевой Изабеллой — папа римский буллой ввел инквизицию. 17. Индейский народ в Канаде. 19. В. Набоков по отношению к бабочкам. 21. ...де Розье — французский ученый, в 1783 году вместе с маркизом Ф. д'Арландом впервые поднявшийся в небо на аэростате братьев Монгольфье. 24. Точная фраза из одного произведения, приведенная в другом. 25. Самая популярная на Руси настойка. 29. Уже не солдат, но еще не офицер. 31. Ученик, закончивший школу с золотой или серебряной наградой. 34. Оглядка, осмотр местности вокруг себя (по В. Далю). 36. Точильный камень, в том числе оселок. 38. Добывание, приобретение с большими усилиями. 42. Большой глиняный сосуд в Средней

Азии для хранения вина, воды, зерна. 43. Мир, где само Солнце — песчинка. 44. Жительница города в Краснодарском крае. 47. Хеттский бог войны, вооруженный луком. 48. Усилительный электровакуумный сверхвысокочастотный прибор. 49. Утка, которой охотники не дают покоя из-за ее вкусного мяса. 50. Поэт-символист, чей перевод романа Ф. Рабле "Гаргантюа и Пантагрюэль" с успехом позаимствовал Н. Любимов. 51. "...-скиталец" — роман Ч. Метьюрина, названный А. Пушкиным "гениальным".

По вертикали. 2. Французский композитор, "вызревший" на оперном искусстве Дж. Перголези. 3. Прозвище Аристотеля по месту его рождения. 4. Любитель чекалдыкнуть за чужой счет. 5. Молчание — ...согласия (поговорка). 6. Цикл М. Цветаевой, посвященный Б. Пастернаку. 7. Каждый из тех, с кого пушкинский Балда собрал оброк для попа. 8. Оперный герой, который и здесь, и там. 9. Трава, из чьих плодов делают мочалки. 13. Антарктический мыс, глядящий на остров Скотта. 14. Самоцвет, какой широко употребляли в мозаичных работах. 15. Летописец в трагедии А. Пушкина "Борис Годунов". 17. Природное совмещение носа и рта. 18. Флирт по отношению к любви. 20. Соединяющий минус. 21. Жених и невеста. 22. Ирландец, ставший русским генерал-фельдмаршалом. 23. Большое пирожное. 25. Стальной трос для буксировки трала. 26. Карточное занятие гоголевского Хлестакова. 27. Прическа, модная в 50-е годы XX века. 28. "Киевский" промах. 30. Лирик, к чьей смерти в Питере причастен, как полагают исследователи, Г. Зиновьев. 31. Шота Руставели по национальности. 32. Знаменитая собака В. Качалова. 33. Прозвище как компонент арабского имени. 35. Наглядное качество Соколиного Глаза. 36. Ипподромное зрелище. 37. Соглашение, уговор. 39. Пушной зверь с вкусным мясом. 40. Французская певица, приковавшая сердце И. Тургенева. 41. Съедобные библейские осадки. 44. Птица на молдавских винных бутылках. 45. Конфеты, у нас почему-то только коричневые. 46. Четвероногая циркачка Матильда Н. Жука, умевшая кататься на коньках. ■

Дорогие читатели!

Напоминаем вам, что открыта подписка на журнал "Смена" на второе полугодие 2003 года. Условия подписки — на стр. 237.

Для тех, кто вовремя оформит подписку, наша редакция совместно с издателем "РОСМЭН" проводит конкурс на самого активного подписчика.

По итогам розыгрыша 50 счастливыхчиков получают подарок — любую из указанных ниже книг на выбор.

Для детей: "Большой атлас животных", "Атлас динозавров", "Атлас подводного мира", "Иллюстрированная энциклопедия школьника. Мир животных", "Иллюстрированная энциклопедия школьника. Наука и техника", "Мифы древней Греции", "Большая книга сказок мира", "Волшебные миры Гарри Поттера".

Для женщин: "Все о прическах", "Энциклопедия красоты", "Макияж и уход за кожей", "Модные прически", "Красота VOGUE".

Для всех: "Дачный дизайн", "Дизайн и архитектура", "Ландшафтные проекты", "Основы садоводства", "Лучшие рецепты на каждый день. Соленья и маринады", "Лучшие рецепты на каждый день. Торты и пирожные", "Лучшие рецепты на каждый день. Диетические блюда", "Лучшие рецепты на каждый день. Блюда для праздничного стола".

Подведение итогов конкурса — 10 июня 2003 г.

Имена победителей будут опубликованы в нашем журнале.

КУПОН

1. Какую книгу из перечисленных на этой странице вы бы хотели получить в подарок _____
2. Адрес доставки _____
3. ФИО _____
4. Телефон (с кодом города) _____ 5. E-mail _____
6. Возраст _____
7. Социальное положение (студент, служащий, рабочий, военнослужащий, предприниматель, домохозяйка, другое) _____
8. Профессия _____
9. Учебное заведение, факультет _____
10. Укажите, если считаете возможным, доход на члена семьи (в долларах США): до 100, до 500, свыше 500 (нужное подчеркнуть)

Внимание! В розыгрыше принимают участие только купоны, отправители которых оплатили подписку до 20.05.03 (по дате оплаченной подписной квитанции).

“СМЕНА” — ЧИТАТЕЛЯМ

Для участия в розыгрыше призов необходимо:

1. До 20 мая 2003 года оплатить подписку на журнал “Смена” №№ 7—12, 2003 г.
2. Заполнить купон на стр. 256.
3. Отправить купон и копию оплаченной подписной квитанции в редакцию по факсу: (095) 250-59-28, 257-33-87, либо по почте: 127994, Москва, А-15, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр. 1, редакция журнала “Смена”.

РОСМЭН

ДИЗАЙН И АРХИТЕКТУРА

СОВРЕМЕННОГО САДА

ИДЕИ • ДИЗАЙН • СОВЕТЫ • ИНФОРМАЦИЯ ПО СЛОВОБОРАТУ

подписывайтесь
на “Смену”

выигрывайте
призы!

красота
VOGUE

РОСМЭН

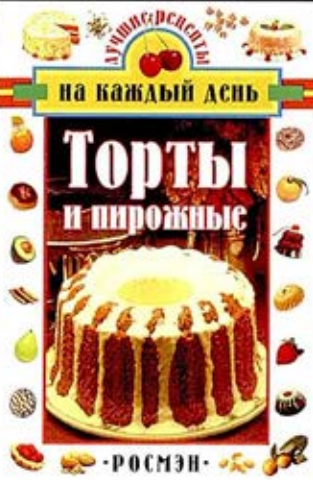
Большая энциклопедия
животного
мира

РОСМЭН

КУЛИНАРНЫЕ РЕЦЕПТЫ

на каждый день

Торты и пирожные

РОСМЭН

МАКИЯЖ И УХОД ЗА КОЖЕЙ

Слова: Наталья

«Как сделать свою кожу и макияж идеальными, профессиональные советы экспертов от ведущих мастеров красоты»

Фотомодель: Елена Козлова

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ УПРАВЛЕНИЯ

Учебный центр дополнительного профессионального образования "Управление персоналом",

созданный на базе кафедры "Управление персоналом",
осуществляет подготовку специалистов по специальности
"Управление персоналом" по следующим
образовательным программам:

- Второе высшее образование
- Профессиональная переподготовка
- Повышение квалификации
- Семинары, круглые столы
- Научная стажировка
- Учебная стажировка

Адрес: Государственный университет управления,
109542, Москва, Рязанский проспект, 99,
лабораторный корпус, этаж 3, комн. 312.
Контактный телефон: 371-69-96
www.guu.ru E-mail: up_gyy@mail.ru

